РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ

ГИПЕРИОН

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ

ГИПЕРИОН

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ

RUSSIAN JEWRY ABROAD
Vol. 21

RUSSIAN JEWS IN AMERICA

Book 5

Compiled and edited by
Ernst Zaltsberg

Jerusalem – Toronto – Saint-Petersburg
2011

РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ
Том 21

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ

Книга 5

Редактор-составитель
Эрнст Зальцберг

Иерусалим – Торонто – Санкт-Петербург
2011

Научно-исследовательский центр
РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ

Научный руководитель
Михаил Пархомовский

Том 21

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ. КНИГА 5

Редактор-составитель
Эрнст Зальцберг

Редакционный совет:
Ирина Обухова-Зелиньска,
Дан Харув

Иерусалим – Торонто – Санкт-Петербург, 2011

Research Center for RUSSIAN JEWRY ABROAD

Director for Scholarly Works
Mikhail Parkhomovsky

Vol. 21

RUSSIAN JEWS IN AMERICA. BOOK 5

Compiled and edited by
Ernst Zaltsberg

Editorial Board:
Irina Obukhova-Zelin'ska,
Dan Haruv
Jerusalem – Toronto – Saint-Petersburg, 2011

ISBN 978-5-89332-175-3

© Э. А. Зальцберг, редактор-составитель тома, 2011
© Авторы статей, 2011
© Издательство «Гиперион», оформление, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Серия книг «Русские евреи в Америке» началась с выхода в свет первого тома в 2005 г.[1], затем с интервалом в один-два года появились второй, третий и четвертый тома[2].

Пятый том продолжает эту необъятную тему. Принцип его составления остался тем же, что и четырех предшествующих. Это — собрание статей, эссе и документов об отдельных персоналиях или группах лиц.

Публикации сгруппированы по тому же тематическому принципу, что и в предыдущих томах. Часть из них посвящена нашим современникам, представителям третьей волны эмиграции. Так, в разделе «Наука» помещена статья о безвременно погибшей проф. Э. Фридман; в разделе «Литература и языкознание» — стихи А. Либермана и очерк о журналистке Б. Езерской; в разделе «Искусство» — автобиографический очерк пианиста Я. Гельфанда и эссе об архитекторе М. Раковском.

Фигуры прошлого представлены в различных разделах книги такими именами, как семейство Цетлиных, журналист Г. Свет, пианистка И. Венгерова и художники А. Прегель и М. Шагал. Поскольку американский период жизни последнего изучен недостаточно полно, мы сочли возможным поместить о нём две публикации, которые дополняют друг друга.

В разделе «История» продолжена тема о сельскохозяйственных колониях русских евреев в Америке, начатая во втором томе и развитая в последующих выпусках. В этом же разделе помещены статьи о рабочем движении в русско-еврейском Чикаго и истории нью-йоркской газеты *Форвертс*.

Сравнительно большое внимание уделено документам. Это — публикуемая впервые переписка Ю. Сазоновой (Слонимской) с Р. Якобсоном и О. Дымова с А. Румановым.

---

[1] Русские евреи в Америке. Кн. 1. Ред.-сост. *Э. Зальцберг и М. Пархомовский*. Иерусалим–Торонто–Москва, 2005.

[2] Русские евреи в Америке. Кн. 2. Ред.-сост. *Э. Зальцберг*. Иерусалим–Торонто–Санкт-Петербург, 2007.

Русские евреи в Америке. Кн. 3. Ред.-сост. *Э. Зальцберг*. Иерусалим–Торонто–Санкт-Петербург, 2009.

Русские евреи в Америке. Кн. 4. Ред.-сост. *Э. Зальцберг*. Иерусалим–Торонто–Санкт-Петербург, 2010.

Некоторые статьи сборника носят сугубо академический характер, тогда как другие принадлежат скорее к жанру беллетристики.

В 5-м томе приняли участие писатели, журналисты и исследователи из США, Канады, России, Польши и Израиля. Среди них — и «ветераны» нашего издания, и новые авторы, появление которых мы всегда приветствуем.

Считаю своей приятной обязанностью выразить глубокую признательность А. Пархомовскому за большую помощь в составлении и редактировании настоящего выпуска, а так же Р. Канивецкому — за финансовую проддержку и Е. Чабан — за помощь в форматировании иллюстраций.

Э. Зальцберг (*Торонто*)

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ

ИСТОРИЯ

Сельскохозяйственные колонии евреев из России в Канаде

Эрнст Зальцберг (Торонто)

Введение

После убийства императора Александра II первого марта 1881 г. волна еврейских погромов прокатилась по городам и местечкам южной России. Одновременно правительство ужесточило антиеврейскую политику. Были приняты «Временные правила», в соответствии с которыми евреям запрещалось вновь селиться в сельской местности, приобретать недвижимое имущество вне черты оседлости, арендовать земельные угодья, торговать в воскресенья и христианские праздники. Была введена процентная норма для приема евреев в высшие и средние учебные заведения. В 1891 г. правительство Александра III отменило закон 1865 г. о проживании евреев в столице, и из Москвы было выселено около 17 тысяч евреев.

Все это вызвало невиданную эмиграцию евреев из России. Основной поток эмигрантов устремился в США, и лишь небольшая его часть достигла берегов Канады.

В ответ на погромы и преследования евреев в России в Западной Европе и Северной Америке проходили митинги, осуждавшие политику российского правительства. Один из таких митингов, на котором присутствовали видные британские политические и религиозные деятели и еврейские лидеры, состоялся в январе 1882 г. в здании Mansion House, резиденции лондонского лорд-мэра. Участники митинга образовали фонд и комитет помощи беженцам из России. Членом этого комитета стал сэр Александр Галт, верховный комиссар Канады в Англии. Одной из его обязанностей было содействовать эмиграции в Канаду, которая бы способствовала экономическому развитию страны и, в частности, ее мало населенных западных территорий. Галт писал премьер-министру Канады Джону Макдональду, что русские евреи представляют большой интерес в качестве потенциальных эмигрантов и обладают необходимыми качествами для того, чтобы адаптироваться в Канаде. Несмотря на доводы Галта, позиция Макдональда была резко антиеврейской: он

полагал, что Канада должна заселяться выходцами из Англии и Северной Европы, а не евреями из России. Однако, принимая во внимание, что основной поток эмигрантов из Западной Европы направлялся в США, канадское правительство, скрепя сердце, согласилось принять ограниченное число русских беженцев. Галт сообщил комитету Mansion House, что Канада готова предоставить эмигрантам пустующие земли на западе страны, и комитет принял это предложение. 24 апреля 1882 г. 240 беженцев покинули Ливерпуль; целью их путешествия был канадский город Виннипег.

Сельскохозяйственные колонии в Саскачеване

Несмотря на усилия Галта, Канада не была готова к приему новых поселенцев, и лишь в 1883 г. было найдено место для создания первой еврейской сельскохозяйственной колонии в западной Канаде. Выбор пал на небольшой поселок Мусомин (Moosomin), в 220 милях западнее г. Виннипега. В мае 1884 г. 27 семей евреев из России прибыли из Виннипега в Мусомин и начали новую жизнь в качестве фермеров. Местные жители назвали поселение «Новым Иерусалимом».

Каждая семья получила земельный надел в 160 акров и ссуду в размере нескольких сот долларов от комитета Mansion House. Этих денег было недостаточно для создания жизнеспособных фермерских хозяйств. Земли в Мусомине были неплодородны, урожаи скудны из-за заморозков, засух, частого града, почти ни у кого из вновь прибывших не было опыта работы в сельском хозяйстве. Несмотря на испытываемые трудности и лишения, поселенцы пытались организовать общинную жизнь. В колонии были построены синагога и еврейская школа, однако они были закрыты в декабре 1889 г., когда местный учитель (он же по совместительству и раввин) отморозил обе ступни и после их ампутации покинул Мусомин.

Окончательный удар колонии нанес пожар в сентябре 1889 г., полностью уничтоживший все посевы (возможно, что это был не пожар, а поджог). К весне 1890 г. колония опустела, и часть колонистов вернулась в Виннипег.

Судьбу «Нового Иерусалима» разделили в это время многие другие нееврейские сельскохозяйственные поселения в канадских прериях. Отсутствие опыта, скудная финансовая поддержка, крайне неблагоприятные погодные условия в конце 1880-х годов оставляли поселенцам мало шансов на успех в освоении новых земель.

И все же, несмотря на неудачу «Нового Иерусалима», идея еврейской колонизации канадского Запада продолжала жить. В 1888

г. в 30 милях северо-западнее Мусомина была основана колония Вапелла (Wapella). Инициатором ее создания был лондонский финансист Герман Ландау[1]. Первыми поселенцами были несколько молодых людей, отобранных в Лондоне, часть из которых прошла специальную подготовку на фермах в Англии. На две тысячи долларов, выделенных Ландау, была приобретена земля, семена, скот и инвентарь. Вскоре в колонию стали прибывать эмигранты из России, среди них Абрахам Кленман и его зять Соломон Бараш, оба с изрядным опытом работы в сельском хозяйстве. Между 1889 и 1892 гг. 28 семей прибыли в Вапеллу, среди них Екиел Бронфман[2] и Соломон Якобсон. Последний говорил, что целью его приезда на канадский Запад было доказать, что евреи могут заниматься сельским хозяйством так же успешно, как и представители других этнических групп. Позднее он вспоминал: *«В Вапелле я реализовал все свои стремления. В одиночку, без опыта, я корчевал деревья, расчищал кустарники, вспахивал землю и превратил свои поля в одни из самых плодородных в округе. Все это было сделано еврейским торговцем-разносчиком, чьи родители никогда не могли владеть землей в России»*[3].

В течение 16 лет в колонии был свой раввин (он же фермер), Эдел Бротман, эмигрант из Галиции. У колонистов не было синагоги, службы проводились в частных домах.

Вапелла была одной из самых успешных и долголетних еврейских сельскохозяйственных колоний в Канаде, просуществававшей более полувека. Так, С. Якобсон фермерствовал до самой смерти в 1943 г., сын А. Клепмана жил здесь до 1960-х годов. Вапелла была своеобразным тренировочным центром — многие вновь прибывшие эмигранты приобретали здесь необходимый сельскохозяйственный опыт и становились впоследствии самостоятельными фермерами.

Г. Ландау удалось привлечь к делу еврейской колонизации канадских прерий известного филантропа барона М. де Гирша[4]. Когда в 1887 г. в возрасте 31 года скончался сын барона Люсьен, Ландау приехал в Париж для того, чтобы выразить соболезнование родителям усопшего. Во время встречи с бароном и его супругой Ландау сказал, что они могут «усыновить» многих евреев, финансируя колонии в Канаде, где поселенцы будут избавлены от преследований и лишений, испытываемых ими в России.

В 1891 г. барон де Гирш основал Еврейское колонизационное общество (ЕКО) с целью способствовать эмиграции евреев из России и других стран Восточной Европы в Северную и Южную Америку и создания здесь еврейских сельскохозяйственных колоний.

Хотя основная деятельность ЕКО была направлена на колонизацию Аргентины, известные суммы отпускались на создание поселений в Северной Америке и, в частности, в Канаде. Так, в 1892 г. ЕКО выделило своему агенту в Канаде, монреальскому обществу Yonge Men's Hebrew Benevolent Society, 35000 долларов для создания поселения на западе страны. Колония, названная в честь барона де Гирша, была основана на юго-востоке Саскачевана, вблизи населенного пункта Эстеван (Estevan), превратившегося впоследствии в город. Гирш — единственная канадская колония, полностью организованная и субсидированная ЕКО, в отличие от других сельскохозяйственных поселений в стране, пользовавшихся лишь частичной поддержкой этого общества. Колония состояла из 73 ферм с наделом земли в 160 акров для каждой из них. Весной 1892 г. в Гирш прибыли первые колонисты — около 150 мужчин, женщин и детей, отобранных среди тысяч беженцев из России, которые скопились в Монреале. Почти никто из них не имел опыта работы в сельском хозяйстве, природа как бы ополчилась против вновь прибывших — годы 1892–1895 были засушливыми, урожаи уничтожались саранчой. К концу 1895 г. многие из первых поселенцев покинули колонию. В последующие годы положение изменилось к лучшему — в течение нескольких лет не было засух, фермеры собирали хорошие урожаи и продавали пшеницу по высоким рыночным ценам. На место поселенцев, покинувших Гирш, стали прибывать новые. В 1900 г. в колонии жили 28 семей, успешно занимавшихся фермерством. Здесь были две школы, в которых преподавались светские и религиозные дисциплины, две синагоги, еврейское кладбище. В течение многих лет школы возглавлял Сим Альфред Голдстон, выпускник Королевского колледжа в Лондоне, прибывший в Гирш в 1899 г. (впоследствии он стал редактором издававшегося в Ванкувере журнала *Jewish Western Bulletin*).

Колония Гирш просуществовала несколько десятилетий. И хотя она исчезла к середине прошлого века, несколько фермеров-потомков эмигрантов из России продолжали хозяйствовать здесь еще в 1980–1990-е годы.

Сельскохозяйственные колонии создавались и выходцами из других восточно-европейских стран, однако зачастую беженцы из России играли существенную роль на разных этапах их развития. Одна из таких колоний была создана в 1901 г. в Кью Аппел (Липтон-Купар) (Qu' Appel, Lipton-Cupar), в 70 милях на северо-восток от г. Реджайна. Первая группа еврейских беженцев из Румынии в составе 49 семей прибыла в Кью Аппел весной 1901 г. Среди них

разразилась жестокая эпидемия дифтерии, которая свирепствовала несколько недель. Оправившись от болезней, колонисты прибыли в поселки Липтон и Купар, где им было выделено 8408 акров земли. Колония управлялась канадскими чиновниками, которые ничего не подготовили к приему вновь прибывших, не знали ни идиш, ни румынский, были недостаточно компетентны и, по-видимому, небескорыстны. Несмотря па значительную поддержку ЕКО, колонисты испытывали нехватку жилья, инвентаря и оборудования. В течение нескольких следующих лет более половины поселенцев покинули колонию, однако их место заняли эмигранты из России, которые дали колонии «второе дыхание». В 1903 г. она перешла под непосредственное управление ЕКО, и ее положение упрочилось. В 1904 г. в Липтон-Купар было 375 колонистов, обрабатывавших 19500 акров земли. В колонии была синагога, три школы, свое кладбище.

Липтон-Купар была последней колонией в Канаде, созданной на средства ЕКО. В последующие годы ЕКО отказалось от финансирования колоний и стало оказывать прямую финансовую поддержку индивидуальным фермерам, и такой подход доказал свою эффективность.

Пожалуй, одна из наиболее известных канадских колоний — Эдепбридж. Опа была основана в 1906 г. группой литовских евреев, которые сначала эмигрировали в Южную Африку и оттуда — в Канаду, привлеченные возможностью стать собственниками 160 акров земли за 10 долларов и свободно па пей трудиться.

Вскоре к первой группе эмигрантов присоединилась вторая, прибывшая из Англии. В ней были выходцы из России и стран Восточной Европы, работавшие в «потогонных» швейных мастерских лондонского Вайтчепеля. Они твердо верили в то, что, занимаясь сельскохозяйственным трудом в Канаде, обретут личную свободу и независимость, внесут свой вклад в решение «еврейского» вопроса и современных социальных проблем. Многие из них были убежденными социалистами и остались таковыми и в Канаде.

Поначалу колонистов хотели разместить в уже существовавших колониях Гирш и Липтоп, но они выразили желание жить па севере Саскачевана, богатом лесами и реками. В результате новая колония Эденбридж (Edenbridge) была основана па берегах Морковной реки, в 70 милях к востоку от г. Принц Альберт.

Откуда произошло название колонии? Сами поселенцы предложили назвать ее The Jew Town (Еврейский город) или The Israel Villa (Еврейская вилла), но канадские чиновники отвергли их, как слиш-

ком «этнические». Тогда был предложен Эденбридж (Еврейский мост), и чиновники, не знавшие идиш («эден», или «иден» на идиш — «еврейский»), охотно его приняли.

В числе первых поселенцев Эденбриджа были братья Усыскины, один из которых, Майкл, оставил интересные воспоминания[5]. Это — живой и полный юмора рассказ о жизни пионеров на дальнем канадском Западе, о ежедневных трудностях, которые им приходилось преодолевать. Это и непогода — жестокие холода и обильные снегопады зимой и непролазная грязь весной и осенью, тучи комаров летом, острая нехватка жилья, еды и одежды, чувство одиночества в бескрайних прериях, отдельные проявления антисемитизма. Прожив в Эденбридже три недели, М. Усыскин присоединился к бригаде лесорубов, расчищавших трассу для строящейся дороги. *«К сожалению, мой дед не был лесорубом»*, — замечает автор, который далеко не сразу освоил эту новую профессию. Однако вскоре он научился делать вещи, о которых ранее не имел никакого представления: рубить лес, пахать землю, разводить скот.

Жизнь становилась несколько легче зимой, когда прекращались почти все работы. Вспоминает М. Усыскин: *«Было тихое зимнее утро. Джо Пулман* (молодой колонист, живший вместе с Усыскиными. — *Э. З.) сидел, не отрывая глаз от романа Р. Ингерсолла "Мир без слез". Прошла уже вечность с тех пор, когда он в последний раз держал в руках книгу — в течение долгого времени его чтение ограничивалось лишь газетами. Роман так поглотил Джо, что он совершенно забыл о еде. Наш повар с головой ушел в перипетии пьесы И. Гордона. Мог ли он в это время думать о приготовлении завтрака? Мой брат писал поэму, а я подбирал материалы для еженедельных вечеров любителей литературы, которые колонисты посещали с большим усердием, чем прихожане — церковь. Наконец, после многократных переделок, мой брат закончил поэму, Джо дочитал роман, повар — последний акт пьесы Гордона, и я нашел все необходимое для проведения очередного литературного вечера. Каждый из нас был доволен и по-своему счастлив»*.

Эденбридж был ярким примером мужества, настойчивости и упорства колонистов, их умения приспосабливаться к необычным обстоятельствам. Они выкорчевывали деревья и густые заросли кустарников, возводили жилые дома, строили коровники и конюшни, поднимали целину. Все это делалось без всякой помощи со стороны правительственных или общественных организаций. Лишь через несколько лет после основания колонии ЕКО стало оказывать ей финансовую поддержку.

В 1931 г. в колонии проживало 90 семей. Здесь были синагога, шойхет (резник), еврейское кладбище, общинный центр, две государственные школы, еврейский учитель, преподававший идиш, иврит и иудаизм, библиотека, драматический кружок, молодежный клуб и даже нерегулярно выходившая еврейская газета. Это была еврейская община со всеми ее атрибутами, расположенная в самом центре все еще полудикого канадского Запада.

В общинном доме Эденбриджа можно было услышать выступление ортодоксального раввина, радикального социалиста, посмотреть спектакль бродячей труппы артистов. Неудивительно, что из среды колонистов вышли мэры, члены местных муниципальных советов, мировые судьи, учителя.

Колония оказалась долговечной — еще в 1960-е годы несколько еврейских фермеров продолжали вести свое хозяйство. Сейчас от неё осталась только синагога — она объявлена историческим памятником и охраняется государством, а также расположенное неподалеку еврейское кладбище.

Выше дано краткое описание лишь тех еврейских колоний, в которых в той или иной мере заметно «русское» присутствие. Помимо них, в Саскачеване были колонии, основанные евреями-выходцами и из других европейских стран, такие, как Сонненфелд (Sonnenfeld, 1906), Айр (Eyre, 1910), Монтефиоре (Montefiore, 1911), Роузтаун (Rosetown, 1911). Первая была расположена западнее г. Эстеван, две следующие — на границе с Альбертой, последняя — недалеко от г. Саскатун.

Колонии в Альберте

Первое сельскохозяйственное поселение евреев из России в Альберте, Пайн Лэйк (Pine Lake) находилось в 16 милях на юго-восток от г. Ред Дир и было основано в 1892 г. (по другим сведениям — годом позже). Колонисты организовали свою жизнь наподобие той, которая была в местечках черты оседлости. Они жили в одном поселке, при этом наделы некоторых оказались на значительном расстоянии от их домов. Это противоречило существующему законодательству, в соответствии с которым каждый фермер должен был жить на отведенной ему земле. Колонисты жили общиной, во главе которой был раввин Бланк. Община ведала их финансами, и каждый поселенец в отдельности отказывался вести какие-либо финансовые операции. Эти несоответствия установленным правилам создавали значительные трения в отношениях с властями и вызывали непонимание и неприязнь среди местных фермеров.

Колонисты не избежали и других трудностей, таких как удаленность от центров еврейской жизни, отсутствие необходимого опыта и суровый, непривычный климат. После жестоких морозов 1895-96 года, уничтоживших весь урожай, колония прекратила свое существование. Некоторые из поселенцев перебрались в колонию Гирш и преуспели на новом месте, другие уехали еще дальше — в Виннипег и Калифорнию. Единственным воспоминанием о колонии осталось небольшое озеро, которое местные фермеры до сих пор называют по имени бывшего раввина «бланковским».

Новая еврейская колония возникла в 1905-06 гг. в районе Рамсей-Троху (Ramsey-Trochu), примерно в 100 милях северо-восточнее г. Калгари. По существу, это были две колонии, расположенные на расстоянии 18 км друг от друга на разных берегах реки Ред Дир. По словам одного из первых поселенцев, *«трава здесь доходила до брюха лошади, озера кишели рыбой, болота — дичью, и кругом были полевые цветы»*. Как правило, колонисты не имели опыта работы в сельском хозяйстве и не представляли всех ожидавших их трудностей и невзгод; для многих было серьезной проблемой найти свой участок. Поначалу местные фермеры были настроены настороженно и даже враждебно к вновь прибывшим, но постепенно между ними установились отношения дружбы и взаимопомощи, и старожилы помогали вновь прибывшим осваивать сельскохозяйственную технику и приобретать необходимые навыки труда.

Один из первых колонистов, Жак Хакман, вспоминал, что в 1906 г. *«канадское правительство, будучи заинтересованным в привлечении иммигрантов и их расселении на пустующих землях, открыло офис в Одессе, где можно было получить брошюры с описанием замечательных возможностей, ожидающих нас в Канаде»*. Характерна его первая реакция на перспективу стать земледельцем: *«Мы — фермеры? Мы будем пахать землю? Я буду управлять повозкой лошадей или ездить на них верхом? Я, который всю жизнь держал в своих белых ненатруженных руках только карандаш и ручку — единственные орудия, которыми я пользовался, работая в банке»*.

Однако по прибытии в Рамсей Хакманом овладели совершенно иные настроения. *«Мы идем по нашему обширному участку и намечаем, где будет стоять жилой дом, амбар, курятник и другие постройки. Мы идем по своей земле... Это все — наше: заросли вокруг болот, холмы, долины, все, что можно охватить взглядом. О, какие это замечательные чувства — независимости, самоуважения, равенства с другими»*[6].

Большинство поселенцев были одинокие молодые люди, полные энтузиазма и желания трудиться на собственной земле. Сначала они жили в палатках и землянках, но постепенно возводили собственные дома. Уже к 1910 г. многие колонисты либо обзавелись семьями, либо выписали жен, оставленных в Калгари. В связи с хорошими урожаями и высокими ценами на зерно материальное положение колонистов упрочилось, и к 1920 г. здесь проживали 238 человек, а обрабатываемые площади превышали 10000 акров.

В 1917 г. с финансовой помощью ЕКО в Рамсей была построена синагога, просуществовавшая до 1949 г. В ней размещались также школа, библиотека и общинный центр. На праздник Песах привозили мацу из Калгари или Ванкувера.

Энтузиастом еврейского воспитания и образования был здесь Элиа-Лейб Сенгауз, который совмещал в одном лице учителя иврита и идиш, шойхета (резника) и мохела (человека, делающего обрезания). В 1930-е годы, будучи уже немолодым человеком, он обходил пешком или объезжал верхом самые отдаленные фермы, обучая детей колонистов ивриту. Вплоть до смерти в 1956 г., Сенгауз выписывал журналы и газеты на идиш и собрал довольно большую библиотеку еврейской литературы, которой охотно делился с соседями.

Во время депрессии 1930-х годов колонии Рамсей-Троху стали пустеть. Этот процесс продолжался во время и после Второй мировой войны. Последний еврейский фермер покинул Троху в 1960-е годы; в Рамсей в начале нового века оставались две еврейские фермерские семьи.

Колонии Рамсей-Троху являются примером успешной еврейской колонизации. Колонисты доказали, что могут быть такими же (если не лучшими) фермерами, как и представители других этнических групп населения. Отметим еще одну особенность этих колоний. Живя в течение десятилетий вдали от центров еврейской жизни, поселенцы, становясь канадскими фермерами, сумели сохранить свою еврейскую идентичность.

До Первой мировой войны еврейские сельскохозяйственные колонии возникли не только в Саскачеване и Альберте, но также в Манитобе и Квебеке. В частности, манитобские колонии Бендер (Нарцисс) (Bender Humlet или Narcisse) и Кэмпер (Новый Гирш) (Camper или New Hirsch) были основаны выходцами из России в 1903 и 1911 годах соответственно. Все колонии, основанные до 1906 г., пользовались в той или иной степени прямой поддержкой ЕКО. В ноябре 1906 г. был создан канадский комитет ЕКО, и с этого вре-

мени он стал финансировать и координировать деятельность еврейских сельскохозяйственных поселений в стране.

Заключение

Согласно статистическим данным за 1911 г., в Канаде было 828 еврейских семей (3482 человека)[7], занимавшихся фермерством, при этом в западной Канаде было 390 фермерских семей (1281 человек), пользовавшихся той или иной поддержкой комитета[8]. Обследование, проведенное ЕКО в 1921 г., показало, что в пяти колониях (Гирш, Липтон, Сонненфелд, Эденбридж и Рамсей) проживало 818 человек, владевших 60957 акрами земли[9].

Согласно правительственной переписи населения, проведенной в том же году, число евреев, занимавшихся сельским хозяйством, составило 2568 человек[10]. Перепись, проведенная десятью годами позже, показала, что эта цифра уменьшилась до 2188, при этом 69% сельского населения проживало в западной Канаде и каждый шестой еврей в Саскачеване занимался сельским хозяйством. Несмотря на то, что некоторые колонии просуществовали до середины прошлого века, начиная с 1920–1930-х годов происходило постепенное уменьшение числа евреев, занятых сельскохозяйственным трудом. Это было обусловлено несколькими причинами, в том числе засухами и депрессией в 1930-е годы; Второй мировой войной, во время которой молодые люди были оторваны от ферм и либо призваны в армию, либо мобилизованы на работу в оборонную промышленность; отсутствием притока еврейских эмигрантов из Европы, оккупированной нацистами; уменьшением роли семейных ферм в связи с возросшей механизацией сельскохозяйственного труда; резко возросшей стоимостью земель, необходимых для организации новых ферм; и общими демографическими изменениями, связанными с концентрацией населения в городах.

После Второй мировой войны канадский комитет ЕКО прекратил субсидирование сельскохозяйственных колоний, однако продолжал давать займы и покупал фермы в восточных провинциях (Онтарио и Квебеке) для передачи их поселенцам.

Согласно данным ЕКО, в 1968 г. в Канаде оставалось всего 163 еврейских фермера, в том числе 38 - в западной Канаде[11].

В целом еврейская сельскохозяйственная колонизация Канады способствовала росту и становлению еврейской общины в стране. Беднейшие эмигранты из Восточной Европы, получив в собственность землю, становились свободными фермерами в свободной стра-

не. Опыт колоний доказал, что евреи способны к сельскохозяйственному труду и могут добиваться на этом поприще впечатляющих успехов. Из среды первых колонистов вышли видные общественные и политические деятели, бизнесмены, деятели искусства и науки, внесшие существенный вклад в развитие канадского общества. Те немногие потомки колонистов, которые продолжают заниматься сельским хозяйством, являются живым напоминанием о мужестве, упорстве и целеустремленности, проявленных их предками - пионерами освоения канадского Запада.

Дополнительная использованная литература

Abella I. A Coat of Many Colors. Two Centuries of Jewish Life in Canada. Lester & Orpen Dennys Ltd. Toronto, 1990.

Arnold A. The Contribution of the Jews to the Opening and Development of the West. Manitoba Historical Society Transaction Series 3, Number 25, 1968–1969 Season.

The Jews of Alberta. Alberta Online Encyclopedia.

Leonoff C. Pioneers, Ploughs and Prayers: The Jewish Farmers of Western Canada. A Joint Publication of the Jewish Historical Society of British Columbia and the Jewish Western Bulletin. Vancouver, 1982.

Stein A. The Jewish Farm Colonies in Alberta. *Outlook.* Canada's Progressive Jewish Online Magazine. March/April, 2002.

Sanders R. Shores of Refuge. A Hundred Years of Jewish Emigration. Henry Holt and Company. New York, 1988.

[1] Герман Ландау (1844–1941), финансист, филантроп, родился в г. Константинов (Польша). В 1864 г. эмигрировал в Англию, где преподавал иврит и изучал юриспруденцию. Составил большое состояние, играя на лондонской бирже. В 1885 г. основал еврейский приют в Лондоне. Был вице-президентом Федерации синагог, основателем и президентом кредитного об-ва Talmud Torah Trust. Награжден орденом Британской империи за организацию помощи бельгийским беженцам во время Первой мировой войны. Был горячим поборником эмиграции евреев из России на канадский Запад и создания здесь евр. сельскохоз. коммун.

[2] Экиел Бронфман и его жена Миндел эмигрировали из г. Сороки (Бессарабия) в Канаду и были в числе первых поселенцев колонии Вапелла (Саскачеван). Вскоре они переехали в г. Брандон (Манитоба). Один из их восьмерых детей, Самуил Бронфман (1889–1971) стал основателем всемирно известной ликерно-водочной компании «Сиграм».

[3] *Arnold A. J.* Jewish Pioneer Settlements. *The Beaver*, Autumn, 1975. P. 26.

[4] Морис де Гирш (1831, Мюнхен, – 1896, Одьял, Венгрия), барон, финансист и филантроп. В 1874 г. пожертвовал Всемирн. евр. союзу (Alliance Israelite Universelle) миллион франков на строительство школ на территории Османской империи. Основанное Гиршем в 1891 г. Евр. колонизационное об-во (ЕКО, Jewish Colonization Association, JCA) финансировало создание евр. сельскохоз. поселений в Аргентине, США и Канаде. В том же году он учредил фонд помощи евр. эмигрантам в Америке, одной из целей которого было содействие евр. сельскохоз. колонизации в стране. Гирш считал нежелательным создание евр. государства в Палестине под властью Турции и не откликнулся на призыв Т. Герцля (1895) поддержать сионистское движение.

[5] *Usiskin, M.* Uncle Mike's Edenbridge: Memoirs of a Jewish Pioneer Farmer. Peguis Publishers Ltd. Winnipeg, 1983.

[6] *Armstrong A.* From Pogrom to Prairie: Early Jewish Farm Settlements in Central Alberta. Alberta Online Encyclopedia.

[7] Цифры, приведенные здесь и далее, включают выходцев не только из России, но и из других европейских стран.

[8] *Robinson L.* Agricultural Activities of the Jews in America. American Jewish Year Book. Vol. 14 (1912–1913).

[9] *Belkin S.* Through Narrow Gates. Canadian Jewish Congress and Jewish Colonization Association. Montreal, 1956. P. 85.

[10] Ibid.

[11] Ibid. P. 37.

Рабочее движение в русско-еврейском Чикаго

Илья Куксин (Чикаго)

Прежде чем перейти к основной теме статьи, необходимо вкратце сказать о еврейской эмиграции в США из Российской империи.

Примерно ко времени начала Гражданской войны в США относится появление первых еврейских эмигрантов из России в Чикаго. Ими были так называемые литваки — евреи, проживающие, преимущественно, в местечках Царства Польского, Литвы, Латвии и Беларуси, входивших тогда в состав Российской империи. Уже давно в этих местах ходили слухи, что где-то далеко за океаном находится «голден лэнд» («золотая земля») — страна, где нет черты оседлости, дискриминационных антиеврейских законов. Но очень немногие решались тогда на эмиграцию.

Прибыв в Америку и не зная английского языка, большинство этих «гринхорнов» (новичков) не могли найти подходящую работу и им доставался удел бродячих торговцев.

В начале 80-х годов XIX века началась и продолжалась около 40 лет массовая эмиграция евреев из Восточной Европы (преимущественно Российской империи). Современные историки называют её самой крупной после «Исхода из Египта» в древности и изгнания евреев из Испании и некоторых стран Европы в средние века. Об этом красноречиво свидетельствуют следующие цифры: с 1880 года до начала XX века в США из Восточной Европы эмигрировало 600 тысяч, с 1900 по 1914 год — полтора миллиона, а всего по 1924 год — около двух с половиной миллионов человек.

Преобладание в этой категории эмигрантов выходцев из России позволило ряду исследователей назвать эту волну эмиграции «русской». Началу этой эмиграции положила волна еврейских погромов в России после убийства народовольцами царя-освободителя Александра II. Почти 5-тимиллионное еврейское население России поняло, что у него нет никаких надежд на лучшее будущее, и единственным исходом является эмиграция. Кто же были эти новые эмигранты, которых в США назвали «русскими евреями»? В подавляющем большинстве это были выходцы из городов и местечек российской части Польши и западных губерний России, входивших в черту еврейской оседлости. После длительных мытарств, которые, зачастую, начинались с нелегального перехода границы России, довольно мучительного пароходного плавания, строгого медицинского отбора на знаменитом «острове слез» в преддверии Нью-Йор-

ка они попадали в этот гигантский город. Безуспешные, в ряде случаев, поиски работы заставляли многих двигаться во второй тогда по величине в США и бурно развивающийся Чикаго. Немногочисленные в то время еврейские общественные организации города сбивались с ног, пытаясь помочь все возраставшему потоку еврейских эмигрантов. Большинству приходилось устраиваться самим. Найти работу было трудно даже тем, кто имел специальности, пользующиеся спросом на американском рынке труда — портным, сапожникам, плотникам, кузнецам.

Большинство работодателей не нанимали людей, которые отказывались работать во второй половине дня в пятницу и весь день в субботу. Чикаго был тогда вторым по величине центром швейной промышленности в стране. Работавшие на фабриках эмигранты ирландского и немецкого происхождения, преимущественно женщины, отказывались быть в одном помещении с «этими смешными евреями», и им приходилось обращаться к владельцам так называемых «свитшопов» потогонных швейных мастерских. Условия труда в них были ужасными. В антисанитарных условиях, за мизерную плату приходилось трудиться по 10–12 часов в день. Широко применялся женский и детский труд. Малейший протест — и ты оказывался выброшенным на улицу.

Как утверждается в капитальных исследованиях еврейского Чикаго, громадная волна еврейской эмиграции открыла новую и весьма успешную страницу в истории рабочего движения в Америке, которое в Чикаго ведет свое начало с 1886 года.

В начале 80-х годов XIX столетия рабочий день в Америке продолжался обычно более 10 часов с одним выходным днем в воскресенье. Лозунг: «8 часов на работу, 8 часов на отдых и 8 часов на все, что хочешь!» постепенно получил широкое распространение по всей стране. Везде, в том числе и Чикаго, появлялись листовки, в которых говорилось: «Труженики Америки, поднимайтесь! Бросайте орудия труда, прекращайте работу, закрывайте фабрики, заводы и рудники 1 мая 1886 года. Один день протеста, только один!..»

Следует заметить, что руководство крупнейшего профсоюза Америки — Ордена Рыцарей Труда (ОРТ), не одобрило эту инициативу и вместо забастовки предложило действовать при помощи писем и петиций. Однако рядовые члены и ряд местных организаций ОРТ решили поддержать компанию за 8-часовый рабочий день, во главе которой стали анархисты. Как известно, еще в 1880 году группа анархистов создала новую организацию, которую назвали «Черный Интернационал». Во главе его стали известные чикагские анархис-

ты Альберт Парсонс и Август Шпис. Они выступали за соединение анархизма с синдикализмом и пользовались известным влиянием в Чикаго. Забастовка в Чикаго состоялась, но успеха не принесла. Власти испугались, и при разгоне демонстрации полиция открыла огонь по бастующим. Было убито несколько демонстрантов и около сотни ранено. В знак протеста против расстрела рабочие Чикаго во главе с анархистами 4-го мая 1886 года собрали большой митинг в районе площади Хеймаркет, на котором для поддержания порядка присутствовала полиция. До сих пор не совсем ясно, кто бросил бомбу в группу полицейских. Были убитые и раненые. Полицейские стали стрелять в толпу — появились новые жертвы. Были произведены многочисленные аресты анархистов, и по приговору суда четверых из них повесили, двоих осудили на пожизненное заключение, и один покончил жизнь самоубийством.

На следующий день около четырехсот часовщиков, большинство из которых были еврейскими эмигрантами из России, собрались на разрешенный властями митинг, а затем двинулись к центру Чикаго, чтобы организовать акцию протеста против тяжелых условий жизни и работы. Но, боясь повторения вчерашнего побоища, власти города не пропустили демонстрантов. На мосту через реку их встретили полицейские и предложили вернуться домой. Демонстранты отказались, тогда полицейские применили силу и дубинками рассеяли демонстрацию. Во второй половине этого же дня в одном из самых больших залов города был организован представительный митинг. В нем приняли участие известные общественные деятели города, профессора ряда университетов и даже сенатор от штата Иллинойс. На митинге большинство участников резко осуждали власти города за бесчинства полиции, и принятая резолюция была разослана руководству города и штата. Результаты не замедлили сказаться. Законодательное собрание штата приняло закон о запрете детского труда. Губернатор штата усилил права и состав рабочей инспекции. В нее включили несколько социалистов, известных своей принципиальностью и неподкупностью. Были введены законы, которые настолько ограничили деятельность «свитшопов», что большинство из них прекратили свое существование. Однако требование часовщиков создать собственный профсоюз было отклонено — не хватало ряда документов, необходимых для юридического оформления и регистрации. Для этого понадобилось определенное время. К концу 80-х профсоюз все же был создан и стал первым в Чикаго еврейским профсоюзом, большинство членов которого и его руководство были русскими евреями.

Сложнее обстояло дело в швейной промышленности. На многочисленных в городе фабриках и мастерских работали тысячи эмигрантов из России. Владельцами большинства этих предприятий были евреи, выходцы из Германии и Австро-Венгрии, которые эмигрировали в США примерно за 40 лет до появления русских евреев, полностью американизировались и стали типичными представителями американской промышленной буржуазии. Они вносили существенные пожертвования в фонды еврейских благотворительных и общественных организаций Чикаго, в том числе тех, которые помогали вновь прибывшим еврейским эмигрантам. Все это широко рекламировалось, поэтому рабочим было неловко выступать против своих хозяев-филантропов. Были неоднократные требования создать профсоюзы, но на них был один ответ — евреи всегда найдут общий язык друг с другом и с успехом обойдутся без помощи профсоюзных посредников.

Обстановка изменилась, когда после разгрома русской революции 1905–1906 годов многие ее участники эмигрировали в Чикаго. В их числе были члены социал-демократических партий, принимавшие активное участие в борьбе против российского самодержавия, члены боевых дружин, сражавшихся на баррикадах с царскими войсками, члены дружин еврейской самообороны, с оружием в руках защищавших евреев от озверевших погромщиков. Это были смелые люди, которые не бегали от погромщиков, а заставляли последних убегать от них. Они стали разъяснять трудящимся швейных фабрик, что вся филантропическая деятельность их хозяев осуществляется за счет безжалостной эксплуатации своих рабочих.

Особенно тяжелыми были условия труда работниц-женщин. Продолжительный рабочий день, тирания мастеров, частые снижения оплаты труда привели к тому, что в 1910 году 16 работниц одной швейной фабрики остановили свои машины, призвали к стачке и обратились ко всем швейникам Чикаго с воззванием, в котором было написано: «... Разве вы не видите, как нас, ваших жен и сестер, угнетают, как над нами измываются мастера. В каких ужасных условиях мы работаем, и как нам мало платят...» Женщины требовали сокращения рабочего дня, улучшения условий работы, права вступать в профсоюзы и заключать коллективные договоры с владельцами предприятий. Неожиданно для владельцев стачку поддержало сорок тысяч рабочих, 80% которых были русскими евреями. Против бастующих были брошены штрейхбрейкеры, в стычках с которыми погибло несколько стачечников. Полиция всячески придиралась к забастовочным пикетам, частенько арестовы-

вая их. Но бастующие не сдавались. Их поддерживала демократическая общественность города. Забастовка продолжалась 17 недель, и хозяева были вынуждены сдаться и начать рассматривать требования рабочих в городской арбитражной комиссии. Предприниматели пообещали удовлетворить требования бастующих, и они вернулись к свом рабочим местам. Однако выполнение этих обещаний затянулось до 1919 года и потребовало ряда дополнительных стачек. В конце концов работники швейной промышленности добились 44-часовой рабочей недели, права заключения коллективных договоров и многих социальных благ. Были устранены все препятствия для вступления в члены профсоюза. Основным достижением этой и последующих стачек стало установление узаконенных отношений между профсоюзами и работодателями и появление нового типа лидеров рабочего движения. Среди них следует упомянуть руководителей стачки 1910 года Сиднея Хилмана[1] и Бесси Абрамович[2], которые впоследствии стали мужем и женой. Сидней эмигрировал в США в первой декаде XX века и в Чикаго стал работать закройщиком на одной из больших фабрик. Впоследствии он был крупным профсоюзным деятелем и 30 лет руководил объединенным союзом рабочих легкой промышленности, а затем — одним из основателей и вице-президентом Конгресса промышленных организаций. При президенте Франклине Делано Рузвельте он занимал высокие посты в правительстве и играл ведущую роль в разработке трудового законодательства.

Бесси Абрамович в 21 год стала одним из активных руководителей забастовки, затем вице-президентом крупного профсоюза рабочих швейной промышленности и выдающимся активистом рабочего движения в Америке. Как супруги Хилманы, так и другие руководители еврейского профсоюзного движения в своей деятельности склонялись к социалистической идеологии. К 1930 году в Чикаго насчитывалось 28 профсоюзов и филиалов общеамерикапских профессиональных объединений, большинство членов и руководители которых были еврейскими эмигрантами из России. Они активно участвовали не только в еврейской профсоюзной деятельности. В качестве примера можно привести Лилиан Херсштейн[3]. Эта известная суфражистка, учительница, организатор первого в городе профсоюза учителей, была основателем американского Союза гражданских свобод. Президент Рузвельт назначил ее представителем США в международной Организации труда в Женеве.

Шло время, и еврейские эмигранты уходили со сцены и заменились другими, а после Второй мировой войны необходимость в еврейских профсоюзах уменьшилась и они один за другим исчезали.

Дети еврейских эмигрантов ныне не работают на фабриках и заводах. Многие из них занимаются бизнесом или становятся профессионалами в разных областях. Да и количество фабрик и заводов в Чикаго значительно уменьшилось. Предприниматели предпочитают размещать промышленные предприятия в развивающихся странах Центральной, Южной Америки и Азии. Давно уже в Чикаго ничего не шьют. Последняя швейная фабрика закрылась больше четверти века назад. Наследством еврейских рабочих профсоюзов является не только борьба за увеличение оплаты труда и улучшения его условий, но и морально-этические проблемы, сознание необходимости социальной защищенности. Чикагские еврейские рабочие профсоюзы во время борьбы эмигрантов за свои права воспитали мужество, стойкость и высокие идеалы. Однако радикализм и революционное рвение, которое привезли с собой из России еврейские эмигранты, оказались не полностью востребованными в Америке — стране, где они имели значительно больше свободы и возможностей улучшить свою жизнь. После того, как в ожесточенной борьбе основные экономические вопросы были решены, профсоюзы расширили диапазон своей деятельности и многие их них стали центрами социальной и культурной жизни. В этих центрах были различного вида образовательные программы, они организовывали строительство кооперативных домов, социальное страхование и многое другое. Еврейские эмигранты Чикаго стали принимать участие и в политической жизни, преимущественно, в рамках двух партий — социалистической и коммунистической.

Чикаго был не только центром рабочего, но и социалистического движения США. Именно в этом городе родилась социалистическая партия Америки. Первый ее съезд состоялся в 1887 году и называлась она тогда объединением «Социал-демократия Америки». Через год на втором съезде партия приняла название «Социал-демократическая партия Америки», а 9 июля 1898 года в Чикаго вышел в свет первый номер официального органа партии еженедельник *Social Democratic Herald*. В первые годы существования партии количество ее членов было 3–4 тысячи человек. В 1901 году социал-демократическая партия объединилась с небольшой группой членов социалистической рабочей партии Америки и получила название «Социалистической рабочей партии». По-прежнему ее количественный состав был невелик, порядка 7–8 тысяч, из которых более 70% были американцы. Резко возрос состав партии после первой русской революции 1905–1906 года за счет эмигрантов из России и не только евреев, а также поляков и финнов, однако ее ос-

новными участниками были американцы. Максимального состава немногим более 100 тысяч человек эта партия достигла к 1916 году. А после отделения ее левого крыла, создавшего компартию США, количество членов партии уменьшилось в дальнейшем до ее первоначального состава. Нельзя сказать, что еврейские эмигранты в Чикаго занимали значительные посты в руководстве партии. В основном они занимались предвыборной агитацией на выборах в законодательные органы штата и города. Единственным активным деятелем социалистической партии, получившим всеамериканскую известность, был Питер Зисман. Еврейский эмигрант из окрестностей Минска, он прибыл в Чикаго в конце 1886 года, стал работать в швейной промышленности. За участие в забастовке был уволен. Преодолевая неимоверные трудности, он получил юридическое образование и стал защищать в американских судах интересы рабочих профсоюзов. Вступил в социалистическую партию и впоследствии стал во главе ее еврейского отделения. Именно Зисман организовал движение в защиту российского революционера Рудовича, выдачи которого за уголовные преступления в период первой российской революции требовала Россия. Колебания правительственных чиновников Америки прекратились после широкой компании в его защиту и доказательств того, что Рудович не уголовник, а революционер.

Евреи — члены социалистической партии приняли активное участие в так называемой «паспортной войне». Российские власти не желали признавать американские паспорта евреев, некогда эмигрировавших в США, и не пускали их в Россию. Активный нажим на правительство Америки привел к отказу царской России в ряде важных для нее торговых преимуществ.

Коммунистическая партия США (КП США) в период с 1920 по конец 40-х годов играла значительную роль в рабочем движении Америки, движении за гражданские права, а также в организации и проведении разведывательной деятельности против США. Существовала КП США на деньги Советского Союза и практически прекратила свою деятельность после его развала.

КП США возникла в 1919 году путем слияния двух коммунистических групп левого крыла социалистической партии. Это произошло 2 сентября 1919 года в Чикаго.

Мы не собираемся освещать историю КП США, но на примере двух убежденных коммунистов, ставших антикоммунистами, покажем, как трансформировались их взгляды.

Десятилетним мальчиком в 1907 году сын раввина из маленького местечка черты оседлости Российской империи Яков Либштейн

оказался в Америке. Он, как и большинство детей его возраста, быстро адаптировался, успешно закончил среднюю школу, а затем и колледж. В колледже Яков увлекся социалистическими идеями и после его окончания поступил в юридическую школу. Его главной целью было стать адвокатом — защитником интересов трудящихся. Но бурные события того времени заставили его бросить школу и окунуться в политику. Яков Либштейн становится Джеем Ловстоном — одним из организаторов, а затем и функционером КП США, правой рукой Генерального секретаря партии Чарльза Рутенберга. Дважды Ловстон побывал в Москве, беседовал со Сталиным, произвел на него хорошее впечатление. Именно по рекомендации вождя советских коммунистов, после смерти Рутенберга, 29-летнего Ловстона избирают Генеральным секретарем КП США. Но не проходит и двух лет, как на одном из конгрессов Коминтерна Ловстон позволил себе не согласиться со Сталиным и поддержать его главного оппонента Бухарина. Разгневанный Сталин впервые вмешался в дела зарубежной компартии. По его настоянию Ловстона снимают с поста Генерального секретаря и вскоре исключают из партии. Вместе с ним из КП США исключают и его сторонников, которых, по аналогии с троцкистами, называли ловстонистами. Ловстон создает свою компартию, оппозиционную промосковской КП США. Но за 11 лет существования ловстонисты ничего путного сделать не смогли. Деньги Коминтерн, т. е. Советский Союз, давал только правоверной и послушной КП США. К началу Второй мировой войны Ловстон становится на прочную антикоммунистическую позицию. После беседы с одним из руководителей самой мощной в Америке профсоюзной организации АФТ (Американской федерации труда) Джоржем Мини, Ловстону предлагают пост своего рода министра иностранных дел АФТ. На Мини произвело сильное впечатление энциклопедичность знаний Ловстона, его аналитический ум, блестящие организаторские способности. В задачи Ловстона входило создание по всему миру сети эмиссаров, основной целью которых было не допустить коммунистического проникновения в организованное рабочее движение. С этих пор деятельность Ловстона была окружена такой тайной, что ее детали знали всего несколько человек в США. В первую очередь он стал успешно сотрудничать с Госдепартаментом. Именно с его подачи в посольствах США за рубежом появились должности атташе по труду и на них попали, как тогда говорили, «ребята Джея». Сотрудничал Ловстон и с тем отделом в Госдепе, который занимался подпольной коммунистической деятельностью. Почти десять лет Ловстон отдал ком-

мунистическому движению. Никто лучше его не знал теорию и практику советского коммунизма, и не было у последнего более изощренного, умного и проницательного врага, чем Ловстон. Однако Госдеп не располагал достаточными средствами для расширения деятельности эмиссаров Ловстона, а деньги им требовались немалые. Руководство АФТ, как на вынужденную меру, решило обратиться за помощью в ЦРУ. Оно согласилось дать деньги, но потребовало делиться данными, которые собирали агенты Джея и, в особенности, результатами обобщений информации, составляемых Ловстоном. Особенно тесным стало сотрудничество с ЦРУ, когда отдел контрразведки этого ведомства возглавил Джеймс Энглтон. Он стал не только коллегой, но и близким другом Ловстона. Интересно отметить, что с самого начала коммунистической деятельности Джей Ловстон находился под пристальным вниманием ФБР. Долгие годы оно считало его коммунистом номер 1 в Америке и тайным агентом советских спецслужб. И даже когда они узнали, что Ловстон человек ЦРУ, то не спускали с него глаз. Только приход в ЦРУ нового директора Даллеса избавил Ловстона от слежки. В письме директору ФБР Гуверу, Даллес потребовал оставить Ловстона в покое. Он скончался на 93-м году жизни, и все ведущие американские газеты поместили некрологи об этом убежденном и активном антикоммунисте. В них отмечалось, что Джей Ловстон всю свою кипучую энергию, свой интеллект и талант отдал борьбе с мировым коммунизмом. Даже советская профсоюзная газета *Труд* не обошла его кончину, заметив: «*Ловстон любил секреты и всю свою сознательную жизнь руководил грязной войной против СССР. Он работал без отдыха, собирая и анализируя антисоветскую информацию*». Разумеется, о том, что Джей Ловстон был одним из основателей КП США и ее Генеральным секретарем, *Труд* упомянуть не решился.

Более 30 лет второй человек в руководстве компартии США, член ее ЦК, доверенное лицо не только советских руководителей от Хрущева до Андропова, но и ряда руководителей коммунистических стран, был агентом ФБР. Его настоящее имя — Мойше Чаловский. Он родился в небольшом еврейском местечке недалеко от Киева. Его отец принимал участие в революционном движении в России, был арестован, сослан в Сибирь, оттуда бежал и в 1910 году оказался в США. Золотые руки Иосифа Чаловского нашли применение в Америке, и через год их семья воссоединилась в Чикаго. Здесь Мойше стал Моррисом, брат Янкель — Джеком, а все Чаловские — Чайлдсами. Дети учились и помогали отцу в его небольшой мастерской. Моррис окончил начальную школу и увлекся литературой и искус-

ством. Он рано начал работать, а в свободное время посещал курсы при Институте искусств, много читал. Американская классика перемежалась с русской и, несмотря на полученное только начальное образование, Моррис был очень начитанным и интеллектуально развитым человеком. В Институте он знакомится с левыми радикалами и, как только организационно оформилась компартия США, становится ее членом, а вскоре активным функционером. Лучше всего об этом периоде его жизни говорит справка о Моррисе Чайлдсе из рассекреченного ныне архива Коминтерна. Составил ее некто Белов 31 января 1938 года: *«Чайлдс, Моррис. КП США, член Центрального комитета, секретарь партийной организации Чикаго (штат Иллинойс). Родился в 1902 году в США* (здесь автор справки ошибается, родился Моррис в России. — *И. К.*). *Еврей. Отец — сапожник. Сам Чайлдс тоже работал в обувной промышленности. Образование начальное. Был членом КП США в 1919–1929 гг., член ВКП(б) в 1929–1931 гг., затем он снова член КП США, а с 1934 года член ее ЦК. Начал работать с 1915 года. С 1929 по 1931 учился в школе марксизма-ленинизма. Партийный работник с 1932 года. Чайлдс арестовывался в 1928 и 1929 годах за участие в митингах и демонстрациях. Жена Чайлдса — член компартии США с 1919 года. Работает в швейной промышленности и имеет родственников в Киеве — М. и Ю. Лернер. Оба рабочие. Характеристика Чайлдса в школе марксизма-ленинизма положительная. 17 января 1938 года товарищи Браудер, Фостер и Райан* (тогдашние руководители КП США — *И. К.*) *дали следующую характеристику товарища Чайлдса: политически устойчив, делу партии предан. Политически развит. Хороший партийный и массовый организатор. Способен к самостоятельному руководству»*. Постараемся несколько расширить эту официальную справку. С самого начала своей деятельности в КП США Моррис, как тогда говорили, был истинным солдатом партии. Он свято верил в ее идеи и отдавал партийной работе все свои силы и талант. Уже позднее, в конце 30-х годов его первая жена, разочаровавшись в коммунизме, спросила, что ему дороже — жена или партия. Моррис ответил, что партия, и жена ушла от него, захватив с собой их единственного ребенка.

В школе марксизма-ленинизма в Москве Моррис оказался одним из лучших слушателей. Развитый, контактный, хорошо знающий русский язык, американец пользовался авторитетом как у слушателей, так и преподавателей. Особенно близко он сошелся с Михаилом Сусловым и Отто Куусиненом, которые были его ближайшими наставниками. Суслов, впоследствии «черный кардинал» КПСС,

был благодарен Моррису за то, что он единственный в школе не бросил его в беде. Случилось так, что в результате обычных партийных интриг Суслов попал в опалу и был изгнан из школы. В Москве тогда была карточная система на продовольствие, и Суслова лишили не только работы, но и продовольственных карточек. Все дружно от него отвернулись и только Моррис, в буквальном смысле слова, похищал хлеб в столовой школы и на свои весьма скромные средства кормил Суслова. Уважал Морриса и Куусинен, один из руководящих деятелей Коминтерна, и это уважение от него перешло и к его протеже Юрию Андропову, который много лет был главой КГБ и недолго возглавлял СССР. По рекомендации Коминтерна по возвращении в США Моррис стал секретарем компартии в Чикаго и штате Иллинойс. На этом посту он становится своим человеком генерального секретаря КП США Эрла Браудера. Моррис считал, что за время пребывания в Москве он хорошо познакомился с советской действительностью, но после известных московских процессов второй половины 30-х годов сомнения об истинных целях ВКП(б) все больше и больше одолевали его. Он никак не хотел поверить, что Лев Каменев, Григорий Зиновьев, и особенно Николай Бухарин, чьи блестящие лекции он неоднократно слушал, в одночасье оказались изменниками, шпионами, врагами народа и партии. Он пытался получить ответ на мучившие его вопросы у Браудера, но тот был краток: «Так надо». По линии ЦК КП США Моррису поручили развернуть антифашистскую пропаганду. Он с присущим ему рвением возглавил эту работу. И вдруг, как гром с ясного неба — КП США получает категорическое указание Коминтерна свернуть эту деятельность. Союз Сталина с Гитлером, раздел Польши привели к тому, что компартию США стали покидать многие активные ее члены и сторонники. Численный состав партии уменьшился чуть ли не на половину. После нападение Германии на СССР Коминтерн призвал к возрождению антифашистской деятельности КП США. Но ее позиции в американском обществе были настолько подорваны слепыми следованиями указаний Москвы, что о восполнении состава не могло быть и речи.

Все эти колебания линии партии настолько огорчили Морриса, что тяжелая сердечная болезнь надолго уложила его в постель.

В КП США возник кризис. В 1944 году ее Генсек Эрл Браудер решил, что Америке вообще не нужна компартия. На очередном ее съезде получило одобрение большинства предложение Браудера о роспуске компартии и создании вместо нее политической ассоциации коммунистического толка. В Москве такое решение произвело

шок. Но Коминтерн за год до этого был распущен Сталиным, и с трудом собранная группа ортодоксальных американских коммунистов решила компартию восстановить, а Браудера из нее исключить. Эти ортодоксы и не ведали, что их бывший Генсек долгие годы руководил советской разведывательной сетью в Америке. Ослушаться советов Москвы новое руководство КП США не посмело. Браудера в партии восстановили, но к руководству не допускали. На праздновании своего 65-тилетнего юбилея, Браудер в присутствии многочисленных корреспондентов дал резко отрицательную характеристику компартии США, как секты, не имеющей связи с народом, и попросил больше не считать его коммунистом.

Новое руководство партии предложило Моррису, почти оправившемуся от болезни, пост главного редактора центрального органа партии газеты *Дейли Уоркер*, а в 1947 году послало его в качестве официального корреспондента на Московское совещание министров иностранных дел. В этот период СМИ США и ряда других стран Европы были переполнены сообщениями о развернувшейся в СССР антисемитской компании. Моррис считал все это антисоветской пропагандой и верил, что после посещения Москвы сумеет опровергнуть эти инсинуации. Кроме официальной миссии корреспондента, КП США поручила Моррису восстановить связи с руководством КПСС. Разумеется, первым делом после прибытия в Москву Моррис встретился с руководством зарубежного отдела КПСС. Его продолжительные беседы были сведены в специальный меморандум, который сразу же был направлен Сталину, Жданову и Берии (ныне этот некогда совершенно секретный документ опубликован). Одновременно Моррис стал искать встреч со своими старыми знакомыми времен его учебы в школе марксизма-ленинизма. Поскольку он был официально аккредитованным корреспондентом, то обратился за поиском к властям. И стал получать ответы: имярек, которого вы ищете, в настоящее время на отдыхе, в командировке, на даче и с ним нет связи.

Тогда он сам нашел несколько старых знакомых, которые в откровенных беседах поведали Моррису, в каких командировках и на каких дачах находятся люди, с которыми он желал встретиться. Рассказали ему о кровавых репрессиях, об организованном Сталиным голоде на его родной Украине, о трагедии российского крестьянства, о том, что растущая волна государственного антисемитизма — не слухи, а горькая правда. Уехал Моррис из Москвы потрясенный. Но он и предположить не мог, что несмотря на его официальный статус и встречи с ответственными работниками КПСС, соответствующие органы не спускали с него глаз. Не успел

он еще вернуться в Америку, как руководство КП США получило донос из Москвы, что за время пребывания в СССР Моррис Чайлдс встречался и беседовал с явными антисоветчиками и еврейскими буржуазными националистами. То ли этот донос, то ли то обстоятельство, что Морриса все еще считали человеком Браудера, но вскоре после московского вояжа его снимают с поста главного редактора газеты и выбрасывают в буквальном смысле на улицу. Он остается без работы, без каких-либо средств и не представляет даже, чем бы можно было заняться. Ведь последние 15 лет он целиком посвятил партийной работе. Новый тяжелый сердечный приступ надолго укладывает его в постель. И только стараниями своего младшего брата Джека Моррис остается в живых.

Здесь уместно сказать несколько слов о Джеке Чайлдсе. С ранних лет он пошел по стопам Морриса и стал активным деятелем американского молодежного коммунистического движения. Джек по рекомендации Коминтерна был приглашен в Москву и определен в специальную школу, где его учили радиоделу, тайнописи, методам конспирации и всему такому, чему учат оперативных разведчиков. Джек, в характере которого были определенные авантюристические наклонности, с удовольствием овладел этими премудростями. Затем несколько раз его посылали в европейские страны в качестве курьера для передачи денег Коминтерна тамошним коммунистическим партиям. Но вскоре ему разонравилась такая деятельность. Джек возвращается в Америку и становится владельцам небольшого торгового бизнеса.

В период холодной войны правительство Трумена внесло в список подрывных организаций компартию США. Ее руководство было арестовано, документы конфискованы и внимательно изучены агентами ФБР. Не обошли они вниманием и деятельность братьев Чайлдсов. Моррис в то время жил в Чикаго под неусыпной заботой его старой почитательницы Сони Шлосберг. Над Чайлдсами установили наблюдение. Но вскоре агенты сообщили начальству, что Моррис настолько болен, что не в состоянии пройти и ста футов, и слежка за ним бесполезна, так как уже 4 года, как он отошел от активной деятельности. Джек сразу обнаружил, что за ним следят. Уроки спецшколы в Москве не прошли даром. Он остановил агента и спросил, что ему надо. В разговоре выяснилось, что после того, как коммунисты так поступили с его братом, Джек полностью порвал с ними. Он не ответил резким отказом на предложение сотрудничать с ФБР и сказал, что толку от него будет мало. Но вот если им удастся уговорить брата...

Для бесед с Моррисом был направлен опытный сотрудник ФБР. Он внимательно изучил материалы о нем и понял, что предстоит поединок с равным, а может быть, даже превосходящим его интеллектуалом. В первой же беседе Марк Фрейман, так звали сотрудника ФБР, не стал скрывать, кто он такой. Моррис же заявил, что давно отошел от коммунизма и вряд ли будет чем-либо полезен. Фрейман прежде всего решил поставить Морриса на ноги. Нашел хороших врачей. Уговоры начал с Сони, а потом они вместе уговорили Морриса. В 1956 году было снято запрещение на легальную деятельность КП США. Власти страны убедились, что никакой реальной политической силы компартия уже не представляет. Через два года был созван съезд партии, и освобожденный из тюрьмы ее Генсек Юджин Деннис пригласил Морриса стать его заместителем и ответственным за связи с КПСС. В апреле1958 года состоялся визит Морриса в Москву. Встретили его с необычайным почетом. Черный правительственный лимузин был подан прямо к трапу самолета. Морриса и Соню поселили в роскошной гостинице и вручили специальную карточку, которая давала им право заказывать любую еду и напитки. Сразу же состоялась беседа Морриса с руководителем иностранного отдела КПСС Пономаревым и, наконец, его радостно встретил Михаил Суслов. Дважды затем приглашал Суслов Морриса на частные завтраки. Они много и долго беседовали. В этот приезд был решен вопрос, как переправлять в Америку деньги для КП США. Моррис предложил переправлять деньги в Канаду, а уж затем в Америку. Предложение было принято, и Моррис из Москвы полетел в Китай. Там он беседовал с Мао Цзэдуном и другими руководителями компартии Китая. Вернулся он в Америку с таким ворохом важнейшей политической информации, что даже видавшие многое сотрудники ФБР ахнули. Самыми важными были сведения о намечающихся разногласиях в советско-китайских отношениях. Это стало бальзамом на сердце ведущих американских политиков. Ведь больше всего на свете они боялись прочного альянса этих двух коммунистических гигантов.

С этого времени начались систематические вояжи Морриса, а затем Джека в Москву и другие коммунистические страны. С 1958 по 1980 год Моррис совершил 52 зарубежные поездки, Джек — 5. Бывали они не только в Москве, но и в Пекине, Берлине, Праге, Будапеште и других столицах коммунистических стран. В Москве Морриса всегда приветствовали Хрущев и Суслов. Брежнев считал его единственным настоящим зарубежным большевиком и устроил для него торжественную церемонию по случаю 75-летия. Он на-

градил Морриса Чайлдса орденом Красного Знамени — редкой наградой для зарубежных коммунистов.

Как ни пыталось ФБР скрыть деятельность Чайлдсов, возникло опасение, что данные о них могут проникнуть в СССР. В августе 1980 года на 73-м году жизни умирает Джек Чайлдс, и ФБР решило завершить эту операцию. Моррис по закону о защите свидетелей поселился в Чикаго, в месте, о котором знали немногие. На неоднократные предложения сотрудников ФБР написать воспоминания отвечал решительным отказом. Ни за что не пожелал встретиться даже на нейтральной почве с писателями или корреспондентами ведущих американских газет.

Моррис Чайлдс тихо скончался 2 июня 1991 года за 8 дней до своего 89-летия. В том же году рухнула и мощнейшая коммунистическая держава, против которой он самоотверженно сражался.

Литература

1. *Meites H. I.* History of the Jews of Chicago. Jewish Historical Society of Illinois, Chicago, 1924.

2. *Cutler Irving.* The Jews of Chicago. From Shtetl to Suburb. U of I Press, Chicago, 1988.

3. *Sanders Ronald.* Shores of Refuge. Holt, New York, 1988.

4. *Morgan Ted.* A Covert Life: Jay Lovestone: Communist, Anti-Communist and Spymaster. Random House, New York, 1995.

5. *Klehr H., Haynes J., Firsov F.* The Secret World of American Communism. YU Press, New Haven, 1995.

[1] Сидней Хилман (1887–1946) родился в небольшом местечке в Шавелийском уезде Ковенской губернии (ныне территория Литвы). Прибыл в Чикаго в 1907 г.

[2] Бесси Абрамович (1889–1970) родилась в местечке недалеко от г. Гродно (ныне территория Республики Беларусь) в зажиточной еврейской семье. В возрасте 16 лет, узнав, что родители собираются выдать ее замуж за человека, которого она не только не любила, но даже не знала, ушла из дома и самостоятельно добралась до Чикаго.

[3] Родители Лилиан эмигрировали в США в 1860-е годы из г. Волковыск (ныне территория Республики Беларусь).

От любви до ненависти: отношение нью-йоркского *Форвертса* к большевистской революции и советской власти

Геннадий Эйстрайх (Нью-Йорк)

В истории прессы на языке идиш нет периодического издания успешней нью-йоркской газеты *Форвертс* (*Вперед*), основанной в апреле 1897 года в качестве трибуны для еврейских социалистов. У новой газеты, боровшейся с капитализмом, не было владельца. В качестве ее издателя была сформирована Ассоциация Форвертс с правлением из представителей профсоюзов и других социалистических организаций. Ассоциация решала финансовые, организационные и кадровые вопросы, а также определяла идеологические векторы редакционной политики.

О политическом направлении газеты говорило уже ее название, выбранное по образцу органа немецких социал-демократов *Vorwarts*, хотя в идише слово *форвертс* было (и осталось) довольно чужеродным, «партийным». В первые годы своего существования *Форвертс* с трудом сводил концы с концами. В октябре 1903 года газета подчинилась редакторской политике одного из ее основателей, Абрама Кагана (1860, Подберезино, Беларусь – 1951, Нью-Йорк), до этого дважды хлопавшего дверью редакции. Кагановская модель газеты исключала доктринерскую сухость. Он продавал социализм в доступной, а порой и просто бульварной упаковке. В *Форвертсе* Кагана марксистские статьи печатались в том же газетном пространстве, в котором читателей ожидала встреча с очередной главой сенсационного романа, насыщенного разнообразными приключениями, в том числе и сексуального характера[1].

В 1912 году в американском рабочем движении появилась субструктура Социалистической партии — Еврейская социалистическая федерация, в которой *Форвертс*, с его 120-тысячным тиражом в тот период, играл ведущую роль. В том же году в Лоу Ист-Сайде Манхэттена выросло десятиэтажное здание газеты. Представительства газеты работали во многих городах США. С конца 1918 года у газеты уже была своя полиграфическая база не только в Нью-Йорке, но и в Чикаго. В начале 1920-х годов тираж газеты составлял около 150 тысяч экземпляров, что достигало 40% всей продукции нью-йоркской ежедневной прессы на языке идиш[2]. Влияние *Форвертса* на формирование американского еврейского общественного мнения было огромным, тем более что редакция не ограничива-

лась выпуском газеты. Литературные вечера, концерты, лекции, диспуты и балы с участием редакторов и авторов газеты собирали многотысячные аудитории.

На протяжении полувека Абрам (или, па американский лад, Эйб) Каган оставался в центре многофункционального организма *Форвертса*. Выпускник Виленского еврейского учительского института, ставший заметной фигурой в американском социалистическом движении и в американской литературе[3], Каган был почитателем русской культуры. Степень интеллигентности еврейского выходца из России он зачастую оценивал по степени владения этим человеком русским языком[4]. В то же время он ненавидел политический строй царской России. Двоякость отношения к этой стране слышится в словах героя его романа «Террор белый и красный» (1905): *«...моя любовь к русскому народу так же сильна, как и прежде. [...] Мне кажется, что русские сами не могут так любить свой народ, как я его люблю. Но ничего не поделаешь. Нас разделяет непреодолимая пропасть»*[5].

Глядя в эту пропасть, Каган и многие другие еврейские социалисты Америки прочно заняли про-германские позиции в годы Первой мировой войны, тем более, что пропасть стала еще шире и глубже после массовых выселений евреев, а также зверских расправ, насилий и грабежей в местечках, оказавшихся в зоне боевых действий русской армии[6]. Германия же для социалистов круга Кагана была центром прогрессивной мысли и жизни. В январе 1912 года *Форвертс* с радостью — большими буквами и па первой полосе — сообщал о победе германских социал-демократов, набравших более четырех миллионов голосов на выборах в Рейхстаг и получивших в его новом составе 110 депутатских мест[7]. Берлин тогда представлялся Кагану «Иерусалимом нашего идеализма» или «примерно тем же, что Рим для католиков»[8].

Весной 1915 года Каган совершил поездку в Польшу для получения информации из первых рук о состоянии дел в Восточной Европе. Германская служба военной прессы (Kriegspresseamt) помогла ему реализовать эту задачу[9]. До конца апреля *Форвертс* печатал телеграммы Кагана со списками еврейских женщин, замученных «жестокими, полудикими казаками» (9-го марта) и его статьи с леденящими душу заголовками, например, «Казаки вешают евреев, чтобы скоротать время» (16-го марта), «Раввинов вели с завязанными глазами к висилице в Радоме» (13-го апреля), «Евреи привязаны к столбу и похоронены заживо» (14-го апреля), «Женщин заставляли приносить веревку для повешенья их мужей» (17-го

апреля). Успех поездки был несомненным и имел численное измерение: ежедневный тираж газеты вырос с 176124 в начале 1915 года до 200267 к началу апреля (информация о тираже печаталась на первой странице).

Ситуация резко изменилась в 1917 году. 6-го апреля США вступили в войну, став союзником России и противником Германии. Только вмешательство влиятельных фигур американского истеблишмента спасло *Форвертс* от закрытия, так как про-германизм газеты стал оцениваться как действия в поддержку вражеской стороны. До конца войны *Форвертс* оставался в числе неблагонадежных изданий, вынужденных предоставлять цензуре английский перевод каждого номера[10]. На самом деле, *Форвертс* не был антиамериканском изданием. Наоборот, газета призывала социалистов бороться за мир, но, в случае угрозы для США, быть патриотами и защищать страну плечом к плечу с несоциалистами. По этому поводу Каган даже поссорился с «интернационалистом» Львом Троцким, когда тот, в начале 1917 года, жил в Нью-Йорке, сотрудничал с местной русской газетой *Новый мир* и даже успел написать (на русском, идиша он не знал) четыре статьи для *Форвертса*. Судя по всему, Каган и Троцкий навсегда невзлюбили друг друга. В своей автобиографии Троцкий с желчью вспоминал:

«Мы все успешнее проникали в могущественную еврейскую федерацию с ее четырнадцатиэтажным (на самом деле — десятиэтажным — *Г. Э.*) *дворцом, откуда ежедневно извергалось двести тысяч экземпляров газеты* Форвертс, *с затхлым духом сентиментально-мещанского социализма*[11]*».*

Революционные события в России заметно изменили отношение газеты к России. Каган и большинство журналистов газеты приветствовали приход к власти большевиков. На какое-то время революция сомкнула пропасть между русской культурой и самой Россией. Международные телеграммы (довольно дорогой канал связи в то время) из Петрограда, а затем из Москвы регулярно печатались на первых страницах *Форвертса*. Российским корреспондентом газеты тогда стал Шмуэл Нигер (Чарный, 1883–1955), чей брат, Борух Владек (Чарный, 1886–1938), был ветераном социалистического движения, членом городского совета Нью-Йорка и одним из ведущих сотрудников *Форвертса*; с 1918 года и до конца своих дней Владек занимал должность управляющего делами газеты. Нигер, влиятельный литературный критик и теоретик идишизма, вскоре переехал в Вильно, а затем в Нью-Йорк, и газета осталась без постоянного корреспондента в России. Информацию о событях в России

Форвертс черпал из прессы, а также печатал статьи, написанные людьми, приехавшими из Москвы или других районов страны, охваченной гражданской войной.

В 1920 году в Нью-Йорк приехал Мойше Кац (1885, Докшицы, Беларусь — 1960, Москва), опытный журналист, редактор газеты *Найе цайт* (*Новое время*), выходившей в Киеве в 1917–1919 гг. Приглашение Кагана стать сотрудником *Форвертса* Кац получил еще в декабре 1919, по дороге в Америку, через берлинского представителя газеты. Тогда же он получил приглашения еще от двух нью-йоркских газет, *Хайнт* (*Сегодня*) и *Тог* (*День*). Кац, ставший впоследствии коммунистом, писал в своих воспоминаниях о Кагане, что именно просоветизм *Форвертса* определил его выбор:

«К моему большому удивлению, Форвертс *относился более или менее корректно к большевистской революции (прежде всего, потому что она боролась за мир и уничтожила [власть] Романовых). Мне даже показали статью, в которой Аб. Каган хвалил советскую революцию и закончил ее словами "Гип-гип ура большевикам!"». Так уж получилось, что* Форвертс *был единственной [американской] еврейской газетой, позволявшей себе демонстрировать какую-то симпатию к советской революции. [...] Б. Владек, которого я знал еще с давних времен, в Вильно, проявил особый интерес к тому, чтобы я начал писать для газеты, и после разговора с Аб. Каганом и письменного договора, в котором Аб. Каган обязался печатать мои статьи о Советском Союзе без каких-либо изменений в содержании, заголовках и стиле, я с марта 1920 стал печататься в* Форвертсе[12] *».*

Летом 1920 года в Москву прибыли представители Американского объединенного еврейского комитета «Джойнт», где им удалось договориться о пересылке в Россию помощи еврейскому населению. Эта договоренность открыла важную — советскую — страницу в истории американских (и других западных) еврейских организаций. *Форвертс* играл значительную роль в этой трансатлантической благотворительной деятельности. Уроженец Смоленска Макс Пайн (1889–1928), ставший в Америке профсоюзным деятелем, был одним из представителей «Джойнта», нашедших общий язык с аппаратом Кремля. 11-го и 12-го августа 1920 года *Форвертс* напечатал путевые заметки Пайна, описавшего, в частности, свою встречу в Москве с Максом Гольдфарбом.

Редактор *Форвертса* по вопросам рабочего движения Макс Гольдфарб (Давид Липец, 1886, Бердичев — 1937, расстрелян предположительно в Москве) вернулся после революции в Россию, где вско-

ре перешел из Бунда к большевикам и сделал головокружительную карьеру, возглавив в 1920 году Главное управление высших учебных заведений рабоче-крестьянской Красной Армии. В это время он стал известен как Давид Петровский, а с 1924 года, после перехода на работу в Коминтерн, у него будут и другие имена — для нелегальных операций за границей. Журналисты *Форвертса* будут встречаться с ним в Москве. А когда Каган приедет туда в 1927 году, Липец-Гольдфарб-Петровский будет с ним общаться чуть ли ни ежедневно[13]. В то время он возглавлял Британско-Американский лендерсекретариат Исполкома Коминтерна[14].

В 1920 году с издательской маркой *Форвертс* увидел свет в переводе на идиш восторженный репортаж Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Переводчик, Моисей (Мойше) Ольгин (Новомисский, 1878, Буки, Черкасская обл., Украина – 1939, Нью-Йорк), в том же году посетил Москву. Ольгин, как и Петровский, был активным бундовцем, сочетал революционную деятельность с учебой в университетах в Киеве, Гейдельберге и Нью-Йорке. Докторская диссертация, которую он защитил в Колумбийском университете, вышла в 1920 году в нью-йоркском издательстве Harcourt, Brace, and Howe под названием «Путеводитель по русской литературе, 1820–1917 (A Guide to Russian Literature, 1820–1917)». Ольгин был одним из ведущих авторов *Форвертса*, где печатал рассказы и статьи на различные темы. Судя по всему, встреча в Москве с Петровским произвела на Ольгина неизгладимое впечатление. Даниэль Чарный (1888–1959), младший брат Нигера и Владека, живший в то время в Москве, позже вспоминал:

«... Петровский пригласил нас на парад на Красной площади, где он должен был инспектировать красных офицеров.

Ольгин и я, конечно, пришли на парад, и только там мы увидели, какой высокий пост занимал наш бывший д-р [в 1910 году защитил диссертацию по экономике в Брюссельском университете] Гольдфарб-Липец.

На этот парад на белоснежном коне прибыл [перешедший на сторону советской власти] известный генерал Брусилов. Но как только Брусилов увидел, что «товарищ» Петровский принимал парад, стоя на своих ногах, он тут же соскочил со своего коня и соответствующим образом приветствовал Петровского.

Когда я после парада спросил товарища Петровского-Гольдфарба, почему Брусилов так поспешил спешиться [...], Гольдфарб объяснил мне, что военная этика не позволяет подчиненному оставаться на коне, когда вышестоящий командир стоит на ногах.

"Брусилов мне сразу предложил своего коня, но надо ведь уметь на нем сидеть!" — иронично улыбнулся Петровский.

На меня весь парад Петровского произвел впечатление хорошо проведенного пурим-шпила[15]*.[...] Но на Ольгина этот парад произвел довольно сильное впечатление. Вполне возможно, что величие его друга и товарища Макса Гольдфарба оказало соблазняющее влияние и способствовало большевизации Ольгина. Ведь это приятно — быть "верхом на коне", даже если ты не умеешь ездить верхом...*[16]*».*

О влиянии Петровского-Гольдфарба на Ольгина вспоминал также Рафаил Абрамович (Рейн, 1880, Даугавпилс – 1963, Нью-Йорк), один из лидеров меньшевиков, которого с Ольгиным связывало бундовское прошлое[17]. Так или иначе, но в октябре 1921 года Ольгин уже играл ведущую роль в группе журналистов *Форвертса*, решивших покинуть газету. Среди «раскольников» был и Пол Новик, о котором я писал в предыдущей книге «Русские евреи в Америке»[18]. Ольгин и Новик были в числе основателей газеты *Фрайхайт* (*Свобода*), ставшей главной трибуной американских еврейских коммунистов. Во время раскола 1921 года большинство членов Еврейской социалистической федерации выбрали прокоммунистический путь, и вскоре федерация влилась в Рабочую партию США, принявшей потом название Коммунистической партии. *Форвертс* остался с тем меньшинством, которое перегруппировалось, создав Еврейский социалистический союз (фарбанд) в составе Социалистической партии.

Однако это был временный успех коминтерновского крыла еврейских социалистов. В США коммунизм все-таки остался маргинальным течением в среде еврейского рабочего движения, большинство участников которого не находило привлекательной авторитарную систему власти, установившейся в советской России, и верило, что их успехи должны быть связаны с усилением влияния профсоюзов и других форм защиты экономических и гражданских прав трудящихся масс. Это была позиция Социалистической партии, приверженность которой подтвердил Каган, вернувшись из очередной длительной поездки в Европу, откуда он привез много информации и слухов:

«Мне жаль, что мы вынуждены потерять часть наших самых лучших людей, но, если они против партии, то тут уж ничего не поделаешь. Тот, кто против партии, не может быть с Форвертсом. Форвертс *был создан для партии, а не партия — для* Форвертса.

Часть интеллектуалов устремилась к Третьему Интернационалу. Если американец говорит о Третьем Интернационале, то

это признак или абсолютного идиотизма или полицейской провокации. В Европе известно, что Третий Интернационал полностью провалился. Он стал просто посмешищем. Ленин хотел бы избавиться от него, но уже не может. Никто его серьезно не воспринимает. Третий Интернационал принес социалистическому движению в тысячу раз больше вреда, чем пользы[19] *».*

Несмотря на раскол, Каган продолжал печатать позитивные материалы о советском правительстве и обществе, но одновременно резко критиковал Коминтерн, под чьей эгидой становились на ноги организации еврейских коммунистов США и их газета *Фрайхайт*. Правый меньшевик Давид Шуб (1887, Поставы, Беларусь – 1973, Нью-Йорк), один из ведущих журналистов *Форвертса*, писал об этой идеологической путанице:

«Часть американских социалистов, а какое-то время их большинство, как-то умудрялось находить линию, разделявшую Коминтерн и советское правительство. Коминтерн они осуждали, а советское правительство они довольно долго воспринимали как рабочее правительство и избегали его открыто критиковать. [...] Форвертс *первые пару лет после раскола занимал примерно такую же позицию по отношению к советской России. Еще в 1923 году в* Форвертсе *[...] печатались просоветские статьи и репортажи из России. Герц Бургин, один из постоянных работников редакции, был одновременно редактором коммунистической газеты на русском языке* Новый мир[20] *».*

Для Шуба, который всегда оставался убежденным противником коммунизма, важно была подчеркнуть, что в 1924 году, когда он стал штатным сотрудником *Форвертса*, газета уже изменила свою политическую ориентацию. На самом деле, позитивные материалы о жизни в Советском Союзе печатались и после 1923 года, несмотря на порой резкие заявления редактора газеты. Так, в своем обращении к делегатам 11-й национальной конференции Социалистической партии 10 мая 1923 года, Каган назвал Троцкого «велеречивым болтуном» (bombastic windbag), Ленина — «бестолковым лунатиком» (muddlehead lunatic), а Зиновьева — «очагом дурного влияния» (rotten egg) для всего социалистического движения[21]. И, тем не менее, у многих социалистов теплилась надежда, что большевики все еще могут одуматься и перейти к более демократическим формам правления.

В начале 1920-х годов *Форвертс* получал материалы из нескольких советских городов. Довольно активно, но недолго, писал для газеты Лейб Яхнович (1887–?) из Одессы, а также Дов-Бер Слуц-

кий (1877–1955) из Киева, подписывавший свои статьи псевдонимом А. Киевер. Оба журналиста сотрудничали в советских изданиях, а Яхнович даже редактировал одесскую еврейскую газету *Комунистише штим* (*Коммунистический голос*). С 1923 года и до начала 1930-х годов постоянным советским корреспондентом *Форвертса* был Залман Вендров (Давид Вендровский, 1879, Слуцк – 1972, Москва). В юности Вендров много путешествовал, жил в Великобритании и США и вернулся в Россию в 1908 году с хорошим знанием английского языка и связями с зарубежной еврейской прессой. Берлинское бюро *Форвертса*, возглавляемое демографом и экономистом Яковом Лещинским (1876, Городыще, Черкасская обл., Украина – 1966, Иерусалим), частично отвечало за контакты с советскими авторами. Это же бюро стало одним из основных поставщиков материалов о событиях на территории бывшей Российской империи[22].

В одном из многочисленных писем, адресованных Лещинскому, Каган (3 апреля 1922 года) просил своего берлинского представителя разъяснить советским авторам позицию редакции:

«[Их] репортажи не должны представлять собой прямую апологию советского правительства или советских еврейских организаций. Конечно, мы не большевики, но Форвертс — *друг советского руководства, мы хотим помочь им; мы хотим им помочь, несмотря на все глупости Мережина*[23] *и ему подобных, а также местных [американских] левых. Тем не менее, мы не можем и не хотим создать впечатление у наших читателей, что мы подбираем для печати телеграммы и статьи с целью рекламы советской России и ее сторонников*[24]*».*

30 марта 1923 года Каган писал Лещинскому, что ему хорошо понятны трудности, преодолеваемые советскими авторами при написании статей на политические темы для, в своем большинстве, антисоветских читателей. Поэтому он предлагал таким авторам выбирать более нейтральные темы, описывая повседневную жизнь советских людей. Такой подход был вообще характерен для Кагана: он считал, что хорошо написанные очерки о повседневной жизни зачастую могут быть более приемлемыми для его газеты, чем статьи на политические темы. 27 сентября 1926 года, в своем письме-отчете за три с половиной года сотрудничества с нью-йоркской газетой Вендров отмечал, что политические темы он обсуждал лишь в нескольких из двух сотен статей, написанных им за тот период[25]. По мнению Шуба, репортажи Вендрова были «более или менее позитивными, но он никогда не перегибал палку». Когда Шуб несколь-

ко раз изменил названия его репортажей, Вендров прислал резкий протест и пояснил, скаламбурив, что его голова может пострадать от таких заголовков[26].

Не вызывает сомнения, что в советских условиях такие журналисты, как Вендров, не могли работать корреспондентами зарубежных изданий без санкции соответствующих органов власти. В 1957 году (в 1954 его выпустили из заключения, которое он отбывал с конца 1950 года по обвинению в «антисоветской пропаганде»), Вендров в интервью парижской еврейской коммунистической газете *Ди найе пресе* (*Новая пресса*) упомянул «разрешение», полученное им в самом начале сотрудничества с зарубежной еврейской прессой. Характерно, что отдельное разрешение ему потребовалось и для получения по почте номеров газеты *Форвертс*.

Кагану было сложно разобраться в смысле междуусобной борьбы в советском руководстве. В письме к Лещинскому, датированном 7 сентября 1926 года, он выразил удовлетворение тем, что Иосиф Сталин и его сторонники оказались сильней «дикой, кровожадной тактики Зиновьева и Троцкого». По мнению Кагана, победа Сталина могла означать возможность улучшения отношений советского правительства с международным социалистическим движением и перспективу демократизации советского строя. В этой оценке раскладки сил в Кремле можно услышать эхо не только старой обиды Кагана на Троцкого, но и статей Вальтера Дюранти, возглавлявшего в 1922–1936 гг. московское бюро *The New York Times* и оставившего печальный след в истории этой газеты, печатавшей его про-сталинские статьи. Так, в январе 1923 года, в связи с болезнью Ленина, Дюранти отмел всех возможных приемников вождя большевиков, кроме Сталина: «*...грузин Сталин, мало известный за границей, но один из самых замечательных людей в России и, возможно, самый влиятельный человек в стране. [...] В оценке и анализе ситуации Сталин в прошедшем году продемонстрировал способности, не уступающие ленинским*»[27].

Совсем другого мнения придерживался «бундовский капитулянт Абрамович» — так Сталин несколько лет спустя назовет Рафаила Абрамовича, хорошо знавшего людей, составивших советское руководство[28]. Еще в августе 1922 года он охарактеризовал Сталина как человека, готового пролить кровь. Уход Ленина, по мнению Абрамовича, только закрепит «деспотически-военную, несоциалистическую, анти-демократическую, чуждо-капиталистическую тиранию (Бонапартизм!)» Кремля[29]. Особенно резкие статьи Абрамовича сопровождались в *Форвертсе* редакционным комментарием,

например: *«Большевики заслуживают прощения за многое из того, что они делают. Они стоят у руля в очень тяжелое время. Весь мир объединился против них, и только благодаря железной дисциплине капитан сможет спасти свой корабль от несчастья»*[30]. 16 января 1922 года, в письме к Лещинскому, Каган просил его уговорить Абрамовича начать писать воспоминания о деятельности в Бунде и избегать тем, касавшихся текущих событий в России.

При этом Каган относился с большим уважением к Абрамовичу, с которым он впервые встретился в 1907 году, когда тот приехал в Америку в качестве представителя Бунда. На Кагана Абрамович сразу же произвел впечатление «чрезвычайно развитого и симпатичного социалиста, тактичного, умного и культурного человека». В 1913–1915 гг. Абрамович, живший в то время в Вене, писал для *Форвертса*, что, как он позже вспоминал, стало для него школой еврейского журнализма[31]. Хотя в предреволюционный период Абрамович время от времени находил общий язык с Лениным и тоже вернулся в Россию в одном из «пломбированных вагонов», он, вместе с Юлием Мартовым, вынужден был в 1920 году уехать за границу и поселиться в Берлине, где ему тут же передали приглашение Кагана писать для газеты. Гонорары в твердой валюте обеспечивали приличный уровень жизни, особенно в условиях послевоенной гиперинфляции.

В 1925 году, когда Абрамович выступал с лекциями в США, коммунисты сформировали специальные «боевые группы» для срыва его выступлений. В 1931 году агитпроп американских коммунистов выпустил брошюру о якобы подрывной деятельности Абрамовича. В частности, его, «лидера русских социалистов в эмиграции», обвиняли в нелегальном переходе советской границы в 1928 году с целью передачи инструкций и денег социалистическому подполью. Эти фантазии в дальнейшем послужили «основанием» для преследования социалистов в СССР, особенно во время «Меньшевистского процесса» в 1931 году. На самом деле, Абрамович вначале был готов к поискам компромиссов с коммунистами и был одним из руководителей Венского Интернационала, также известного как «Интернационал 2 $^1/_2$», т. е. стоявшего на полпути между 2-м, Социалистическим, и 3-м, Коммунистическим, интернационалами. В те годы левые меньшевики были в числе тех социалистов, которые все еще надеялись, что им удастся договориться о создании условий для деятельности социалистических партий в России. К 1923 году, когда поиски общего языка с коммунистами не дали никакого результата, Венский Интернационал вошел в состав Социалистического.

Намного более непримиримой была позиция одного из лидеров правого крыла меньшевизма Семена (Шмуэла) Португейса (1880, Кишинев – 1944, Нью-Йорк), известного под именем Степан Иванович. Португейс вышел из партии меньшевиков и нашел себе идеологическое пристанище в отдельной организации, объединившей убежденных антикоммунистов. Он тоже жил в Берлине и тоже писал для еврейской периодики, включая *Форвертс*. Хотя Португейс родился в Кишиневе в бедной еврейский семье, и идиш был его родным языком, свои статьи он обычно писал по-русски. Каган утверждал, что книга Португейса «Пять лет большевизма» (1922) оказала влияние на его отношение к советскому режиму[32].

С 1921 года в Берлине жил еврейский прозаик Давид Бергельсон (1884, д. Охримово, возле Умани, Украина – 1952, расстрелян в Москве), сотрудничавший с *Форвертсом* до апреля 1926-го. В ряде своих статей он резко критиковал коммунистов, возглавивших советские еврейские организации. Бергельсон сравнивал их с арендаторами, получившими надел от Кремля, но не способными культивировать свой участок земли. Осенью 1922 года он предложил редакции *Форвертса* откомандировать его в Россию в качестве специального корреспондента газеты, но Каган эту идею не одобрил. В целом, отношения Бергельсона с Каганом были сложными. С одной стороны, Кагану импонировало иметь в числе авторов одного из лучших еврейских прозаиков. С другой стороны, он считал, что рассказы и статьи Бергельсона были малопригодны для газеты, большинство читателей которой составляли люди с довольно низким образовательным и культурным уровнем. В 1926 году Бергельсон разорвал отношения с *Форвертсом* и стал постоянным автором коммунистической *Фрайхайт*, по приглашению которой он в конце 1928 года приехал в Америку, где провел почти полгода. Во время этого визита, а также позже, Бергельсон безуспешно пытался восстановить контакты с *Форвертсом*. Каган зачастую принимал в редакцию журналистов и писателей, сотрудничавших с *Фрайхайт*, поэтому его отказ означал или личную неприязнь к Бергельсону или нежелание работать с автором, неспособным писать простым, доступным языком[33].

В конце 1926 года кто-то пустил слух о намерении редакции *Форвертса* превратить газету в коммунистическое издание[34]. В это же время советская дипломатическая разведка характеризовала *Форвертс* как газету, *«враждебность которой к Советскому правительству и к коммунистам превосходит нападки всякой другой газеты в Америке»*[35]. На самом деле, отношения редакции с

советскими организациями развивались в двух направлениях: (1) откровенная взаимная враждебность была характерна для взаимоотношений с еврейскими секциями Коммунистической партии СССР; (2) рабочие связи с частью советского аппарата, заинтересованной в получении американской помощи. Например, прозаик и драматург Шолом Аш (1880, Кутно, Польша — 1957, Лондон), почетный президент идиш-секции Международного ПЕН-клуба и ведущий прозаик *Форвертса*, был встречен в Москве, во время его визита в 1928 году, резкой критикой со стороны руководства еврейских секций. Однако это не помешало московско-ленинградскому издательству *Земля и фабрика*, не связанному с еврейскими секциями, выпустить в 1929 году семитомное Собрание сочинений Аша в переводе на русский язык.

В июле 1927 года в Москву приехал Каган. Кроме столицы, он посетил Ленинград, Минск, Одессу и несколько еврейских земледельческих колоний в Крыму и на юге Украины. Его контакты с аппаратом еврейских секций были минимальными, тем более что их отношение к визиту Кагана было четко показано перепечаткой 9 июля в газете *Дер эмес* (*Правда*), центральном органе секций, статьи видного американского коммуниста Бена Голда, в которой *Форвертс* характеризовался как «бордель с мезузой»[36]. Гостеприимство Кагану оказали, в основном, люди, не принадлежавшие к еврейскому аппарату. Но его контакты не ограничивались только «официальными лицами». В Москве он посетил боготворимую им революционерку Веру Фигнер (1852–1942), а в Ленинграде встретился со своим старым другом, тоже бывшим народовольцем, этнографом и писателем Владимиром Тан-Богоразом (1865–1936)[37].

Каган вернулся с довольно теплыми впечатлениями о встречах с людьми, но одновременно с убеждением, что сама система страдала серьезными пороками, прежде всего — полным отсутствием демократии. По мнению Кагана, диктатура пролетариата была ничем не лучше диктатуры аристократии. В силе оставались его чувства какой-то симпатии к Сталину и полной антипатии к Троцкому. Каган считал Троцкого, «хвастуна, восхищающегося своими собственными речами», беспомощным ребенком, не способным конкурировать с захватившим всю реальную власть Сталиным, которого он сравнивал с коррумпированным, но влиятельным нью-йоркским деятелем демократической партии Ричардом Крокером (1843–1922). Сталина он все еще считал здравомыслящим человеком, вынужденным делать плохие вещи из-за того, что к этому его подталкивает политическая борьба с Троцким[38].

Трудно, да и вряд ли возможно точно определить момент, когда Каган рассмотрел в Сталине беспощадного диктатора. Скорей всего, такого *момента* и не было, а был процесс, в течение которого постепенно становилась понятной истинная природа советского режима. Преследование социалистов в СССР, полный разрыв Коминтерна с социалистическим движением в 1928 году, позитивная оценка антиеврейских погромов в Палестине в 1929 году — эти и другие события не могли пройти незамеченными. Непрерывные конфликты *Форвертса* и его среды с американскими коммунистами тоже накладывали тяжелый отпечаток на отношение к главной метрополии коммунизма.

При этом Каган должен был всегда учитывать, что среди американских социалистов и просто читателей газеты было много «антиантикоммунистов», то есть людей, выступавших за критическое, но все-таки доброжелательное отношение к Советскому Союзу. Частично этими людьми двигала боязнь дискредитации социализма. Да и не всегда было просто признать заблуждением свой энтузиазм по поводу революции в России. Объяснения порой находили в самой природе русского народа. Например, Нохем Ханин (1886, Холопеничи, Беларусь – 1965, Нью-Йорк),председатель Еврейского социалистического союза, пришел к следующему выводу после своей поездки в СССР в 1929 году (серия его статей была напечатана в *Форвертсе*, а затем вышла в виде отдельной книги «Советская Россия — как я ее видел»):

«Триста лет русский народ был порабощен царизмом. Народ, 60 процентов которого еще не умеет читать и писать и у которого сапоги, а не лапти, уже считаются роскошью — такой народ не может в одночасье, по приказу Сталина или Троцкого, стать носителем самого высокого человеческого идеала — социализма[39]*».*

Еще в первые годы после революции Каган тоже видел причину провала ленинских планов в неспособности русского народа, склонного «к погружению в мечты и преклонению перед красотой», успешно заниматься практической деятельностью[40]. При этом надо подчеркнуть, что еврейские иммигранты, свободно владевшие русским языком и прекрасно знавшими русскую литературу, были «безумно далеки» от русского народа. Практически все они родились и выросли на окраинах Российской империи, среди преимущественно нерусского населения, и круг их контактов с русскими обычно ограничивался служивой интеллигенцией (склонной «к погружению в мечты и преклонению перед красотой»), чиновниками и полицией.

Многих евреев в США завораживал размах социальных и экономических преобразований в СССР, а также отсутствие государственного антисемитизма, беспрецедентная роль еврейской культуры в советском обществе, создание еврейских административно-территориальных единиц на юго-востоке Украины, в Крыму и на Дальнем Востоке. Жесткая антисоветская линия *Форвертса* могла отпугнуть заметную часть ее читателей и привлечь их к коммунистической газете *Фрайхайт*, чей авторский состав в первые семь лет ее существования был очень сильным. Борьба за читателя стала особенно существенным фактором после закрытия в 1924 году американских границ для массовой еврейской иммиграции, что повлекло за собой общее снижение тиражей еврейской прессы.

Ситуация изменилась в августе и сентябре 1929 года, после антиеврейских погромов в Палестине, когда про-коминтерновская, то есть, по сути дела, про-арабская позиция *Фрайхайт* дискредитировала ее в глазах большинства американских евреев. Начался исход литературных знаменитостей — и тысяч читателей — из коммунистической газеты. Общая атмосфера позволяла и даже требовала более решительной критики советского режима. Изменение курса сразу же почувствовал Вендров. 20-го марта 1930-го года он писал Владеку:

«...газета изменила свое отношение к советской России. Естественно, Форвертс *никогда не питал особых симпатий к советской власти, но он обладал тем преимуществом, что у него находилось место для "хорошего слова" о нас. Так или иначе, но всегда можно было найти место в* Форвертсе *для объективного освещения советской действительности. Основой моего сотрудничества с вашей газетой с самого начала было условие, что я буду информировать о жизни в советской России и освещать ее так, как я вижу и понимаю ее, а не так, как вы это видите или хотите видеть. Абрамович, Лещинский, Иванович только и делали, что освещали советскую Россию так, как это им виделось или они хотели видеть из Берлина или Парижа, а я это делал так, как я видел из Москвы.*

Когда редакция была несогласна с моими "просоветскими" статьями, она помещала свои комментарии или в передовых статьях выражала противоположное мнение.

Однако в последние полгода вы совсем перестали печатать мои статьи любого содержания, просто потому, что вы не хотите помещать мои материалы, так как они бы ослабили ту антисоветскую пропаганду, которая жестким образом ведется всей зарубежной прессой и, в частности, вашей газетой.

[...] у меня есть еще одно доказательство того, что мои статьи перестали печататься не по моей вине, а по вине газеты: другие [зарубежные] газеты, у которых нет такого антагонизма к Советскому Союзу, печатают с удовольствием эти же статьи.

Что и говорить, у вас хватает сотрудников, пишущих в нужном вам духе и даже "еще сильней". Один из них — это коммунистоненавистник Шуб[41]».

23 марта 1930 года *The New York Times* напечатала на первой странице большую статью Давида Шуба под названием «Стальной человек советской России: портрет Иосифа Сталина, который, будучи почти неизвестным четыре года тому назад, безжалостно избавился от всех своих политических конкурентов и сделал себя хозяином страны и источником ее законов»[42]. Критика Кремля авторами *Форвертса* становилась все резче. Мендл Ошерович (1888, Тростянец, Сумская обл., Украина – 1965, Нью-Йорк), один из лучших журналистов газеты, посетивший Советский Союз в 1932 году, охарактеризовал его как «страну полуправды, что еще хуже вранья» и как страну, где «спекулируют завтрашним днем, хотя там нет никаких признаков улучшения повседневной жизни людей»[43].

Искусственный голод, особенно в селах Украины, был одной из тем, освещение которых значительно усилило антисоветскую направленность *Форвертса*. В 1933 году Гарри (Герц) Ланг (1888, Скуодас, Литва – 1970, Нью-Йорк), еврейский писатель и журналист *Форвертса*, и его жена, профсоюзный деятель Люси Робинс Ланг (1884–1962), посетили Советский Союз. Визу они получили благодаря рекомендации сенатора Уильяма Эдгара Бораха, сторонника установления дипломатических отношений между США и СССР. Картины голода потрясли их, и Ланг прислал из Парижа серию статей с описаниями увиденного. В связи с установлением дипломатических отношений между США и СССР, состоявшегося 16 ноября 1933 года, Каган решил задержать публикацию статей Ланга, но уже 25 ноября их первая часть вышла с предворяющей статьей Кагана, под заглавием «Россия признана; одно это не запрещает нам знать, что там происходит»[44]. В апреле 1935 года переводы статей Ланга были напечатаны в *New York Evening Journal*; они до сих пор цитируются в литературе о Голодоморе 1932–1933 гг. Летом 1935 года эту тему продожили в *Форвертсе* статьи Фреда Била, американского коммуниста, работавшего некоторое время в Харькове[45].

Такого рода публикации вызывали ненависть в коммунистическом лагере. Каган стал олицетворять собой закоренелого врага Советского Союза. Именно в 1935 году вышла брошюра (на идиш)

Моисея Ольгина «Аб. Каган: Что он из себя представляет? Чьи интересы он выражает?» В июле 1935 года две тысячи человек собрались в Нью-Йорке на совместное заседание Американского еврейского конгресса и Еврейского рабочего комитета. На повестке дня была выработка общей платформы для борьбы против нацизма. Однако встреча закончилась потасовкой, разнимать которую пришлось полиции. Таким образом представители левых кругов протестовали против выступления Кагана. Причиной было не само выступление, а публикация в *Форвертсе* критических статей о Советском Союзе. К этому времени *Форвертс* уже действительно стал самой антисоветской американской еврейской газетой[46].

[1] *Ellen D. Kellman.* The newspaper novel in the Jewish Daily Forward, 1900–1940: Fiction as Entertainment and Serious Literature. PhD dissertation. Columbia University. New York, 2000.

[2] *Mordecai Soltes.* The Yiddish Press: An Americanizing Agency. New York, 1969. P. 185–186.

[3] Роман Абрама Кагана *The Rise of David Levinsky* (1917) — на русском языке, в переводе Сергея Цедербаума, брата лидера меньшевиков Юлия Мартова, он вышел в 1927 году в московско-ленинградском издательстве «Книга» под названием *Карьера Левинского* — все еще остается издаваемым, читаемым и подвергаемым научному анализу произведением.

[4] *David Shub.* Fun di amolike yorn: bleter zikhroynes. New York, 1970. P. 728, 915.

[5] *Ab. Cahan.* The White Terror and the Red: A Novel of Revolutionary Russia. New York, 1905. P. 416.

[6] См., например, монографию *Eric Lohr.* Nationalizing the Russian Empire: The Campaign Against Enemy Aliens During World War I. Cambridge and London, 2003.

[7] *Ab. Cahan.* Bleter fun mayn lebn, 5. New York, 1931. P. 28.

[8] *Ibid.* P. 226.

[9] *Joseph Rappaport.* Jewish Immigrants and World War I: A Study of American Yiddish Press Reactions. PhD dissertation. Columbia University. New York, 1951. P. 108.

[10] *Lucy S. Dawidowicz.* Louis Marchall and the *Jewish Daily Forward*: An Episode in Wartime Censorship, 1917–1918, in For Max Weinreich on His Seventieth Birthday: Studies in Jewish Languages, Literature, and Society. The Hague, 1964. P. 31–43.

[11] *Лев Троцкий.* Моя жизнь, 1. Берлин. 1930. С. 314. См. также: *Joseph Rappaport.* Jewish Immigrants and World War I. P. 257–258; *David Shub.* Fun di amolike yorn. P. 475; *Robert Service.* Trotsky: A Biography. London, 2009. P. 154–155.

[12] *Paul Novick.* Moyshe Kats bukh. New York, 1963. P. 326.

[13] *David Shub.* Fun di amolike yorn. P. 718.

[14] *Г. М. Адибеков, Э. Н. Шахназарова и К. К. Шириня* (ред.). Организационная структура Коминтерна. М., 1997. С. 111.

[15] *Пурим-шпил (идиш)* — здесь: *карнавал.*

[16] *Daniel Charney.* Ayortsendlik aza. New York, 1943. P. 292–293. О Даниэле Чарном см.: *Виктор Радуцкий.* «Что за великое чудо...» (К 50-летию со дня смерти Даниэля Чарного // Русские евреи в Америке. Кн. 4. Ред.-сост. *Эрнст Зальцберг.* 2010. С. 90–105.

[17] *Raphael Abramovitch*. In tsvey revolutsyes: di geshikhte fun a dor, 2. New York, 1944. P. 348.

[18] *Геннадий Эстрайх*. Советские заботы нью-йоркского редактора Пола Новика // Русские евреи в Америке. Кн. 4. Ред.-сост. *Э. Зальцберг*. 2010. С. 54–68.

[19] *William M. Feigenbaum*. Cahan Says the *Forward* Supports the Party. *New York Call*. 11 Sept. 1921. P. 1, 6.

[20] *David Shub*. Fun di amolike yorn. P. 612. О Шубе см. *М. Пархомовский*. Энциклопедист либеральных и социалистических движений — Давид Шуб (1887–1973) // Русские евреи в Америке. Кн. 4. Ред.-сост. *Э. Зальцберг*. 2010. С. 33–53.

Герц Бургин (1870, Моталь, Беларусь – 1949, Нью-Йорк), окончивший, как и Аб. Каган, Виленский еврейский учительский институт, участвовал в революционном движении в России, в 1903 году бежал из сибирской ссылки в Америку, где стал профессиональным еврейским журналистом сначала в социалистической, а затем коммунистической прессе.

[21] *Herbert M. Wicks*. Socialist Party National Convention Delegates Remain Silent in Face of Attack on Soviet Russia: Cahan Rages in Attack on Soviet Rule. *The Worker*. 2 June 1923. P. 5. В 1912 году Каган провел несколько часов с будущим вождем революции в квартире на окраине Кракова, где тогда жили Ленин и Крупская. Ленин, встретивший Кагана с «истинно русским гостеприимством», запомнился ему очень приятным собеседником, интересовавшимся жизнью в США. *Ab. Cahan*. Bleter fun mayn lebn, 5. P. 131–133.

[22] См. также *Gennady Estraikh*.The Berlin Bureau of the New York *Forverts*, in *G. Estraikh and M Krutikov*. Yiddish in Weimar Berlin: At the Crossroads of Diaspora Politics and Culture. Oxford, 2010. P. 141–162.

[23] Абрам Мережин (1880?–1937, расстрелян в Москве) — один из руководителей еврейских секций при ЦК компартии.

[24] Переписка Аб. Кагана с Я. Лещинским хранится в институте YIVO (Нью-Йорк) в коллекции Я. Лещинского, RG339.

[25] *Gennady Estraikh*. The Berlin Bureau of the New York *Forverts*. P. 151.

[26] *David Shub*. Fun di amolike yorn. P. 719–720.

[27] *Walter Duranty*. Five Men Directing Destiny of Russia. *The New York Times*, January 18, 1923. P. 3.

[28] *Михаил Вайскопф*. Писатель Сталин. М., 2001. С. 265.

[29] *Raphael Abramovitch*. Ver farnemt dervayle Lenins plats? *Forverts*, August 13, 1922. P. 2.

[30] Notitsn fun "Forverts"-redaktsye: artiklen fun R. Abramovitsh. *Forverts*, February 12, 1922. P. 4.

[31] *Raphael Abramovitch*. Kahan der lerer fun zshurnalizm. *Forverts*, June 7, 1942. P. 11, 12.

[32] *David Shub*. Fun di amolike yorn. P. 614–615, 717, 950–951. О Португейсе как критике советского режима см. также: *Алексей Кара-Мурза*. Первый советолог русской эмиграции: Семен Осипович Португейс // *Полис*. 2006. № 1. С. 122–140.

[33] О взаимоотношениях Кагана и Бергельсона см.: *Gennady Estraikh*. David Bergelson in and on America, in *G. Estraikh and J. Sherman* (eds.). David Bergelson: From Modernism to Socialist Realism. Oxford, 2007. P. 205–221.

[34] *David Shub*. Fun di amolike yorn. P. 716.

[35] См.: Агентурное сообщение о Международном комитете помощи заключенным. 2.01.1926. тт. Менжинскому, Дзержинскому, Литвинову. www.wilsoncenter.org/topics/docs/Yellow_Notebook_No.4_Transcribed.pdf. С. 54.

[36] *Daniel Soyer*. Abraham Cahan's Travels in Jewish Homelands: Palestine in 1925 and the Soviet Union in 1927, in *G. Estraikh and M. Krutikov* (eds.). Yiddish and the Left. Oxford, 2001. P. 69.

[37] *David Shub*. Fun di amolike yorn. P. 720. В конце 1940-х годов советскому еврейскому писателю Ирме Друкеру (1906–1982), арестованному за «активную националистическую и шпионскую деятельность в пользу США», припомнят, что он в 1927 году сопровождал Кагана в поездках по еврейским колониям Херсонского края — *см.* alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/68547.

[38] Soviet Government Condemned by Cahan. *The New York Times*, 19 November 1927. P. 17.

[39] *Nohem Chanin*. Sovyet Rusland — vi ikh hob ir gezen. New York, 1929. P. 248.

[40] *Ab. Cahan*. Farvos hot zikh Lenins plan nit ayngegebn? *Forverts*, October 26, 1921. P. 4.

[41] Переписка (на идиш) Владека с Вендровым хранится в New York University, The Tamiment Library and Robert F. Wagner Labor Archive. Baruch Charney Vladeck Papers, Box. 11.

[42] *David Shub*. Soviet Russia's Man of Steel: A Portrait of Joseph Stalin, Who, Almost Unknown Four Years Ago, Has Ruthlessly Deposed All of His Political Rivals and Made Himself Master of the Nation and the Source of Its Law. *The New York Times*, March 23, 1930. P. 1

[43] *Mendel Osherowitch*. Vi mentshn lebn in Sovet Rusland: ayndrukn fun a rayze. New York, 1932. P. 8

[44] *David Shub*. Fun di amolike yorn. P. 803–805; *Lucy Robins Lang*. Tomorrow is Beautiful. New York, 1948. P. 257, 266.

[45] *Sam Bass Warber, Jr*. Province of Reason. Cambridge, Mass., 1984. P. 155.

[46] *Simon Weber*. Transcript of an interview. New York Public Library Oral Histories, box 229, no. 6. 1984. P.1–32.

Цетлины в США

Ш. Шалит (Тель-Авив)

7 июня 2003 года в Москве, в Третьяковской галерее, впервые в России, состоялось открытие выставки «Коллекция Марии и Михаила Цетлиных». В тот же день все экземпляры красочного, цветного и дорогого Каталога[1] были раскуплены, и только последний экземпляр был подвешен на веревочке для обозрения, но в продаже его больше не было. Выставка продолжалась ровно месяц и вызвала большой резонанс в столице.

В Израиле картины из коллекции, подаренной М. Цетлиной городу Рамат-Гану еще в 1959 году, широкому зрителю были представлены на открытии Музея русского искусства имени Марии и Михаила Цетлиных в 1996 году, за семь лет до выставки в Москве. Об истории этой коллекции, о семье меценатов Цетлиных[2], о художниках и их творчестве я рассказала в статье, опубликованной в одном из томов серии «Евреи в культуре русского зарубежья»[3] и в эфире радиостанции РЭКА (Израиль). К открытию Музея мое исследование — все четыре части радиопередачи — переработанное и отредактированное, вышло отдельным изданием[4]. Эта работа, названная строкой из стихотворения Михаила Цетлина «С одним я народом скорблю...», немедленно разошлась и тут же была переиздана. Вскоре ее перепечатали в разных изданиях на всех континентах, часто без разрешения автора (так, в известном журнале *Русская галерея* эта работа вообще вышла под чужим именем).

В упомянутом выше Каталоге, выпущенном к открытию выставки в Москве, опубликованы иллюстрации 85 картин 25 художников, с предисловием первого заместителя Генерального директора Гос. Третьяковской галереи Л. И. Иовлевой. В нем же — мое значительно расширенное и богато иллюстрированное эссе «Россия далекая, образ твой помню...» — о семье Цетлиных, их окружении, об истории коллекции и о создании Музея русского искусства в Израиле.

Я не стану пересказывать его содержание — в несколько сокращенном виде оно опубликовано в Интернете (см. http://www.vestnik.com/issues/2003/0625/win/shalit.htm и http://www.vestnik.com/issues/2003/0709/win/shalit.htm) . Расскажу о другом.

За эти годы у меня состоялись знакомства со многими Цетлиными, разбросанными по всему миру. Михаил Георгиевич Цетлин, дальний родственник Михаила Осиповича, умный, славный и веселый человек (врач, он умело скрывал свою болезнь, о которой, как

оказалось, уже знал и от которой скончался в 2005 году), и его милая жена Наташа приезжали из Москвы; интереснейшие письма писали мне многие родственники — Валентина Самуиловна Цетлина, тоже москвичка; сын Марии и Михаила — Валентин-Вольф Цетлин, врач-психиатр и ученый-психоаналитик, его дочь Минда Цетлина — из США; Леонид Цетлин — из Югославии; Аллен Кривицкий, внук Цетлиных — из Парижа... Я уже не говорю о Цетлиных и Цейтлиных, живущих в Израиле (в Хайфе, Нетании, Тель-Монде).

В один из дней ко мне приехала женщина из какого-то израильского киббуца, ни слова не знающая по-русски. Оказалось, тоже родственница. Мария Цетлина разыскала ее, сироту, сразу после войны, кажется, в Швейцарии, и хотела увезти с собой в США, но через две недели девочка (ей было лет 14 или 15) передумала ехать с тетей. «*Тетя Маня на меня очень рассердилась, но я к тому времени вступила в еврейскую молодежную организацию, поэтому объяснила ей, что, пожалуй, стану сионисткой, и что вскоре меня переправят в страну Израиля. Так и случилось*». Я уж и не помню, кто кому задавал больше вопросов, и кто больше смеялся ее рассказу: она сама или я. Позже я получила от этой женщины большой конверт, где, кроме уже известного мне рассказа, было и расчерченное ею генеалогическое древо той ветви Цетлиных, о которой было известно ей. Такие «древа» я получила от разных людей. Но каждый знает только об одной-двух ветвях большого и разветвленного семейства Высоцких-Цетлиных-Цейтлиных-Тумаркиных-Гуревичей-Гавронских-Гоцах-Халфиных-Вишняках-Френкли... Кого-то наверняка забыла. Но «тема» меня не оставляет, не забывает. Вот один пример.

В июне 2008 года одновременно из США и Витебска мне переслали письмо из... Японии. Меня разыскивал Василий Молодяков, русский историк и коллекционер, живущий в Токио. Сфера интересов его очень широка, среди них — собирание автографов известных людей. У него оказалось посмертное издание книги Михаила Цетлина «Декабристы» (США, 1947) на английском языке с дарственной надписью «Marie E. Zetlin». Откуда взялась эта буква «Е», спрашивал он, ведь отца Марии звали Самуил, а ее соответственно — Мария Самойловна. Пришлось снимать с полок два огромных короба с архивом Цетлиных. На счастье, нашлись два или даже три письма, посланные Марии Самойловне от двух разных людей, на конвертах которых латинскими буквами так и стояло «Marie E. Zetlin». Значит, автограф действительно принадлежал Марии

Слева направо: Ангелина Цетлин-Доменик, Наталья Френкли, Ш. Шалит.
Фото Елены Френкли, 1966

Цетлиной. В этом сомнений не было. Но поскольку эти письма были посланы людьми, не знавшими лично М. С., я предположила, что она сама писала букву «S» похожей на «Е». Мой новый знакомый не поленился и нашел, что в английском издании книги М. О. «Декабристы» стоит копирайт «Dr. Marie Emilie Zetlin». Это объясняет, что мое предположение насчет второго инициала «Е» было неверным. И вот его новый вопрос: откуда взялась эта «Эмилия»? Сначала я ответила, что еврейским детям часто дают при рождении два имени (Ури Цви Гринберг, Хаим Нахман Бялик, Йосеф Шмуэль Агнон и т. д.), где второе имя это не отчество, а просто еще одно имя. Мы долго переписывались с Василием Молодяковым, а пока я наводила разные справки и, в конце концов, с радостью сообщила ему, что Марии при рождении действительно дали два имени, и подтвердил это д-р М. Пархомовский, ему о втором имени сказала сама дочь М. С. — Ангелина. Среди русскоговорящих ее называли по имени и отчеству — Мария Самойловна, тут второе имя Эмилия было ни к чему, но официально, при жизни на Западе, став из Тумаркиной Цетлиной, имена личные она не меняла, подписывая письма и бумаги на иностранных языках, английском и французском, так, как была записана при рождении.

В моем архиве осталось немало материалов, связанных с темой Цетлиных, еще нигде не публиковавшихся. Один из них с удовольствием предлагаю вниманию читателей. Сначала об его авторе.

На открытии Музея русского искусства имени Марии и Михаила Цетлиных в Рамат-Гане, 20 июня 1996 года, кроме их дочери, прилетевшей накануне из Парижа, Ангелины Цетлин-Доминик, был только один еще человек, который знал их лично. Это была недавняя репатриантка из США Наталья Александровна Френкли, в девичестве Тумаркина (1914–1998), родственница Марии Самойловны Тумаркиной-Цетлин, дарительницы коллекции картин Израилю. Мы с ней очень подружились, много беседовали. Среди прочего, я, разумеется, хотела больше знать о семье Цетлиных той поры, когда обе семьи оказались в США. Этот последний период жизни Марии и Михаила Цетлиных до сих пор остается самым неисследованным. Тем более дорога горстка воспоминаний человека, близко знавшего семью в США, после Москвы и Парижа. Вот рассказ Наталии Александровны:

«В апреле 1917 года наша семья Гуревичей-Тумаркиных переехала из Петрограда в свое имение Тервус, которое находилось на западном берегу Ладожского озера. Через год вследствие заключения Брест-Литовского мира, когда Финляндия отделилась от России, мы оказались за границей, и наш дом стал перевалочным пунктом для беженцев. Художник Н. К. Рерих жил у нас в доме. На террасе, любуясь открывавшимся видом, он написал и оставил на память картину с изображением озера, а на дальнем плане — горы[5].

Нам принадлежал остров Валаам, точнее, островок. Неподалеку располагалось имение семьи писателя Леонида Андреева. Он умер на руках у моей мамы, Анны Самойловны. Я с 1923 года жила в Берлине, училась в университете на факультете археологии.

Мария Самойловна была родственницей моего отца, Александра Моисеевича Тумаркина, но мы, мой муж Александр Яковлевич Френкли[6] *и я, познакомились с Цетлиными только в Париже в 1938–1939 году. Они жили тогда в своем особняке. Не знаю, были ли Цетлины миллионерами, как сейчас пишут, но жили они в достатке и часто устраивали литературные встречи и политические собеседования. Мы бывали у них редко, Цетлины были старше нас, мне было 24 года, но с мамой М. С. подружилась.*

Успев спастись от нацистов в начале Второй мировой войны, Цетлины приехали в США, где уже находились Прегели — дочь Марии от первого брака Шурочка, иначе ее никто не называл, и ее муж Борис. Неожиданно Цетлины, может быть, впервые в жиз-

ни, оказались в довольно стесненных обстоятельствах и поселились в маленькой двухкомнатной квартирке в скромном отеле западной части Нью-Йорка. Стены квартиры не могли вместить всех картин, большинство которых были работами Шурочки, художницы Александры Прегель, и поэтому часть из них перенесли в квартиру брата Марии — Романа Самойловича и его жены Иды Израилевны. Ида оказалась человеком душевным и очень радушным.

В 1942 году, когда создавался Новый журнал *(Цетлины и Марк Алданов были его основателями)*[7]*, по просьбе Марии Самойловны я согласилась помогать ей в переписке на английском языке, которым она тогда почти не владела, но настойчиво изучала. Активного участия в заседаниях сотрудников журнала я, разумеется, не принимала, но часто присутствовала и помню разговоры и прения, иногда очень бурные, которые велись вокруг круглого столика, стоявшего у стены в маленькой гостиной. В углу, по обыкновению слегка развалившись в кресле, восседал Марк Александрович Алданов. Без рюмки или стакана красного вина я его не припомню. Рядом с ним, в другом кресле, наклонившись вперед и внимательно прислушиваясь к разговорам, сам он мало говорил, сидел Михаил Осипович. Остальные сидели напротив них.*

Более многолюдные заседания, с присутствием авторов и гостей, происходили в обширной квартире Тумаркиных. Роман Самойлович никакого участия в журнале не принимал, он занимался драгоценностями, был маклер, деловой человек. Однако Тумаркины не только предоставляли квартиру, но и помогали журналу материально, поэтому им торжественно дарили один из первых экземпляров каждого нового номера[8]

Вскоре я стала помогать М. С. и по хозяйству, которым она, кажется, раньше не занималась. Михаил Осипович был тогда уже нездоров и нуждался в диетической пище, которую я с грехом пополам, и сама-то не была ахти какой кулинаркой, готовила ему на маленькой электроплитке не то в ванной комнате, не то в крошечной каморке без окна, служившей одновременно чем-то вроде кухоньки, а одновременно и складом для книг и бумаг...

Михаил Осипович, поэт, писатель, издатель, роста был небольшого или таким казался, потому что сутулился и слегка прихрамывал. Он был истинным джентльменом, каких сегодня не встретишь, светским и очень приветливым, но в то же время застенчивым, благодарным за малейшее внимание и услугу. Его искренняя улыбка обдавала тебя теплом и каким-то уютом. Даже в самых ярых спорах он не повышал голоса, а когда страсти утих-

нут, тогда только высказывался ровным и спокойным тоном. Даже когда я не присутствовала на собраниях, звуки голосов всех говоривших были отчетливо слышны, потому что мы с Тумаркиными жили в том же доме, на том же этаже, и наши квартиры соприкасались. Когда становилось неожиданно тихо, я знала: сейчас говорит Михаил Осипович.

Несмотря на сильно сократившиеся средства, Цетлины продолжали помогать нуждающимся русским беженцам. Это удивляло, потому что на себя Мария Самойловна денег почти не тратила и за модой не следила. Помню ее только в двух платьях: одно широкое черное, другое темно-синее с длинными рукавами и жакеткой нараспашку. Она была высокая, статная, красивая, длинные волосы она гладко зачесывала назад и туго затягивала в узел, зашпиленный крупными роговыми шпильками. Не красилась, только припудривала лицо и чуть-чуть подкрашивала губы. Смеялась редко, но часто улыбалась. В углу верхней губы у нее был крошечный шрам, который слегка вздергивал губу и придавал улыбке какое-то детски наивное выражение.

После смерти Михаила Осиповича в 1945 году мы еще ближе сошлись с Маней, как называла ее моя мама и как стала называть и я. Она стала бывать у нас очень часто, мы встречались и у Романа с Идой или просто в кафе рядом со зданием, где она жила. К себе Маня редко приглашала. Не помню, бывала ли я у нее дома после смерти Михаила Осиповича.

В обществе Маня как-то невольно становилась центром внимания, ее суждения и рассказы, неважно, что о ней теперь пишут, всегда вызывали интерес у присутствующих. О прошлом почти не упоминала, предпочитала говорить о современных проблемах, внимательно следила за всемирной политикой, в особенности ее живо интересовали американо-советские дела. Несмотря на авторитетность высказываний, она со вниманием, не перебивая, выслушивала мнения других, даже когда они не соответствовали ее убеждениям. Несмотря на большую разницу в возрасте, Маня относилась к нам, как к равным[9].

В 1954 году мы с мужем переехали в Вашингтон и встречались с ней много реже, только во время наших коротких наездов в Нью-Йорк, где жила моя невестка Сюзанн, жена брата Павла Тумаркина (он умер в 1955 году, она вышла замуж вторично и скончалась в 1994), и трое их детей. Одна из них, Нина Тумаркина, сегодня профессор русской истории в Бостоне».

Как видит читатель, воспоминания Н. А. Френкли скромны, деликатны, в чем-то даже старомодны, и одновременно искренни и колоритны.

Дом Цетлиных в Нью-Йорке был своеобразным центром русской эмиграции, и при изучении этой темы исследователей еще ждут интересные открытия.

[1] Музей русского искусства им. Марии и Михаила Цетлиных. Департамент музеев. Муниципалитет г. Рамат-Гана. Израиль, 2003.

Гос. Третьяковская галерея, Москва (на русском и английском языках).

[2] О М. С. и М. О. Цетлиных см.: *А. Цетлин-Доминик.* Из воспоминаний // Евреи в культуре русского зарубежья (*ЕКРЗ*), вып. 1. Ред.-сост. *М. Пархомовский.* Иерусалим, 1992. С. 288–309. *Примеч. ред.-сост.*

[3] *Ш. Шалит.* «С одним я народом скорблю». К открытию Музея русского искусства в Рамат-Гане // *ЕКРЗ.* Т. 4. Ред.-сост. *М. Пархомовский.* Иерусалим, 1995. С. 385–407. *Примеч. ред.-сост.*

[4] *Ш. Шалит.* «С одним я народом скорблю...» К открытию Музея русского искусства им. Марии и Михаила Цетлиных в Рамат-Гане. «Скопус», Израиль, 1996.

[5] Эта картина, наряду с другими, в том числе и замечательным натюрмортом Н. Гончаровой, подарком брата Марии Цетлиной, Романа Тумаркина, украшала стены квартиры Наталии Александровны ко времени нашего знакомства. Позднее, получив из Англии, от Ричарда Дэвиса, директора русского архива в Лидсе, книгу «Леонид Андреев. S.O.S. Дневник. Письма. Статьи и интервью. Воспоминания современников», под редакцией и со вступ. статьей самого Ричарда Дэвиса и Бена Хеллмана (Atheneum-Феникс, М.-СПб., 1994), я нашла там и фотографии всей семьи Наталии Александровны, включая ее саму, тогда трехлетнюю девочку. Л. Андреев с большой сердечностью говорит о Гуревичах и Тумаркиных. Из примечаний в этой книге:

«Отец Наталии, Тумаркин Александр Моисеевич (1885–1941), родственник Марии Самойловны Тумаркиной-Цетлин, зять С. Л. Гуревича, был большим покровителем писателя Леонида Андреева. А. М. окончил юридический факультет СПб. университета, участвовал в студ. демонстрациях 1905, за что был временно исключен из университета. В 1918 приехал из Петрограда к семье в Тервус. С 1919 жил в Париже, с 1921 — в Берлине, а в 1941, после многих приключений, приехал в Нью-Йорк, где находилась его семья. Мать Наталии, Анна Самойловна (1885–1966, Вашингтон) — жена А. М.Тумаркина. Училась истории искусств и агрономии в Берлинском университете. С 1919 близкий друг жены писателя Л. Андреева, Анны, вплоть до смерти последней в 1948. В 1939 году уехала из Берлина в Париж, а в 1940 переехала в США».

[6] Об А. Я. Френкли см: *Н. Френкли.* Мои воспоминания о работе А. Я. Френкли на радиостанции «Голос Америки» // *ЕКРЗ.* Т. 4. Ред.-сост. *М. Пархомовский.* Иерусалим, 1995. С. 46–63. *Примеч. ред.-сост.*

[7] О М. С. и М. О. Цетлиных и *Новом журнале* см.: К истории *Нового журнала* (По письмам М. А. Алданова к М. С. и М. О. Цетлиным из архива С. Ю. Прегель в Иллинойском университете, Урбана-Шампейн, США. Публикация, вступительная заметка и комментарии *М. Пархомовского. ЕКРЗ.* Т. 4. Ред.-сост. *М. Пархомовский.* Иерусалим, 1995. С. 292–309.

[8] Узнав о моем существовании и о том, что я интересуюсь историей семьи Цетлиных, и что, возможно, в Израиле появится Музей их имени, Ида Тумаркина ода-

рила меня бесценными дарами — в течение нескольких месяцев пересылала мне уникальные экземпляры *Нового журнала*, некоторые с дарственными надписями ей и ее мужу, брату Марии Самойловны, начиная с самых первых номеров, и много других документов и вырезок из статей. Ида Тумаркина умерла за полгода до открытия Музея в возрасте 100 лет.

[9] С дочерью Цетлиных Ангелиной Наталия Александровна и ее дочь Елена Френкли познакомились только на открытии Музея. Отметить этот двойной праздник мы вчетвером отправились в кафе гостиницы «Кфар Макабия», где муниципалитет Рамат-Гана снял для Ангелины на время ее пребывания в Израиле очень уютный номер. К сожалению, через полтора месяца Ангелины не стало. Наталия Александровна Френкли скончалась в 1998 году.

Светлое имя: Гершон Свет

Михаил Пархомовский[1] *(Бейт-Шемеш, Израиль)*

Мы познакомились с этим прекрасным представителем русско-еврейской интеллигенции, неоднократно обращаясь к двум фундаментальным книгам о русском еврействе, изданным Союзом русских евреев Нью-Йорка[2]. В предисловии к 1-му тому говорится, что Гершон Свет был в числе Исполнительного бюро этого Союза. Он — автор двух статей в первой книге и трех — во второй. При знакомстве с этими работами бросаются в глаза эрудиция автора и легкость изложения.

Гершон Свет

Гершон родился в местечке Шпола Звенигородского уезда Киевской губернии 1 января 1893 года. Его родителями были синагогальный кантор Менахем-Мендель и Сара, дочь Иехуды-Лейба Островского. Учился в хедере. Экстерном окончил гимназию в Златополе. С ранних лет стал приверженцем сионизма, а потом всю жизнь был убежденным либеральным сионистом. В 1917 г. начал публиковать в газете *Киевская мысль* хронику музыкальной и театральной жизни. Тогда же он стал писать для газет на идиш. Г. Свет поступил в Киевский университет, позже учился в Новороссийском университете (Одесса) на историко-филологическом отделении. В эти же годы он получил и музыкальное образование, специализируясь по истории канторской музыки. В Одессе Гершон сблизился с известными еврейскими писателями и канторами. Года полтора жил в Кишиневе, писал для местных газет; его статьи охотно печатали в Варшаве и Советской России. Гершон также руководил хорами в синагогах Кишинева, в те годы известного канторским пением[3].

В 1922 г. Гершон Свет переезжает в Берлин. Здесь он женится на Иехудит (Юдит) Вахель. Свет становится постоянным корреспондентом нескольких газет: *Момент* (Варшава), *Идише штиме* (Ковно), *Сегодня* (Рига), еврейских газет на немецком языке и др.; посылает статьи в Канаду, Южную Америку, Бельгию, другие страны. Общественный деятель и незаурядный оратор, одаренный от природы сметливостью, доброжелательностью в сочетании с юмором и безобидной иронией, он входит в элиту русско-еврейс-

кого Берлина 1920-х годов и становится своим человеком в среде пишущей братии.

Он часто бывает у Леонида Пастернака и его жены, пианистки Розалии Львовны Кауфман. Вместе они встречаются с проживавшими тогда в Берлине Хаимом-Нахманом Бяликом, Шаулем Черниховским, Иехошуа Равницким, Залманом Шнеуром и часто приезжавшими на заседания сионистского комитета Хаимом Вейцманом, Нахумом Соколовым, Леоном Моцкиным и др. На одном из этих заседаний Гершон посадил Пастернака *«рядом с собой у стола печати, и за те сорок минут, в течение которых говорил Хаим Вейцман, он* [Пастернак] *сделал с него ряд набросков карандашом — один другого лучше»*[4].

В 1933 году, в связи с фашизацией Германии, Г. Свет, в качестве корреспондента палестинской газеты *Ха-Арец*, переехал во Францию. Он продолжал сотрудничать в еврейской и русской печати. Информацию об общественной деятельности Света в Париже мы нашли в 8-томнике Льва Абрамовича Мнухина[5], где о нем говорится как о деятеле культуры. Это 1933–1935 годы, когда он там жил и фигурировал под именем Германа Света (по-видимому, это имя он привез с собой из Германии) и в 1960–1961 гг., когда Свет приезжал во Францию из Нью-Йорка.

15 мая 1933 газета *Последние новости* сообщила, что он был в числе выступавших на торжественном заседании Федерации еврейских обществ Франции под председательством А. Эйнштейна. В художественной части заседания участвовали французские и русские артисты. Собранные деньги предназначались для евреев-беженцев из Германии.

12 ноября 1933 г. та же газета извещала, что Г. Свет выступал в числе оппонентов в прениях после доклада А. Сингаловского[6] в Клубе еврейских писателей им. Шолом Алейхема.

31 января 1934 г. Публичное собрание французской секции Всемирного еврейского конгресса. Г. Свет назван при перечислении известных участников заседания.

24 ноября 1934 г. Группа «Ост унд Вест». Свет выступает с обзором актуальных проблем сионизма и еврейской диаспоры. Доклад Г. Света в той же Группе 14 января 1935 г. называется «Саарский плебисцит[7] (впечатления очевидца)».

Имя Гершона Света в Эрец-Исраэль начало появляться в 1927 г. в газете *Ха-Арец (Эта страна*, т. е. *Эрец-Исраэль)*. В 1934 Г. Свет приезжал в Эрец-Ираэль как турист. В это же время туда прибыл на гастроли певец Йосеф Шмидт, Свет принимал его и даже высту-

пал с ним в качестве аккомпаниатора. В следующем году Г. Свет поселился в Иерусалиме и жил здесь до 1948 года. Он входил в редколлегию *Ха-Арец*, писал для газеты *Иедиот Ахронот (Последние известия)*, руководил Иерусалимским объединением журналистов, работал корреспондентом американских *Форвардса* и *Нового русского слова*. Г. Свет провел множество бесед на радиостанции *Коль Иерушалаим (Голос Иерусалима)* о музыке, канторском искусстве, о России, литературе и др. Он писал на иврите, идиш, русском, немецком языках, а в одном из источников в этом перечислении указан и английский.

Ссылки на музыкальные работы Света в Эрец-Исраэль мы нашли в монографии Дж. Хиршберга[8]. Хиршберг их рассматривает с не меньшим пиететом, чем труды таких классиков музыкальной культуры Эрец-Исраэль, как Йоэль Энгель, Иоахим Стучевский, А. У. Боскович.

В рецензии на концерт Мириам Сегал (сопрано) Свет говорит об отсутствии оригинальных песен и мелодий в ее репертуаре. Почти все их авторы приехали в Эрец-Исраэль из России, и в еврейских песнях чувствуется влияние цыганского романса[9].

Г. Свет пишет, что в период великой войны Моцарт, Гендель и Перселл не полностью удовлетворяют слушателей; мы живем в другое время, которое отражено в произведениях Хиндемита, Стравинского и, в определенной степени, Шёнберга. Их понимание требует определенных усилий, но они стоят того[10]. Рассуждая о том, что такое еврейская музыка, Свет задается вопросом: можно ли считать, что в ее основе лежат лишь фольклор и хасидские мелодии и танцы? Свет делится своим опытом работы на радио: слушатели относятся к еврейской музыке достаточно индифферентно или не хотят ее слушать[11]. Принадлежность к еврейству не определяет национальный характер музыки композитора[12]. Симфонии евреев Сен-Санса и Цезаря Франка — это французская музыка, тогда как *Песнь Песней* Римского-Корсакова, *Еврейская песня* Глинки, *Иошуа* Мусоргского — примеры настоящей еврейской музыки[13]. Равель оставил нам несколько произведений, в основе которых лежала еврейская музыка; то же можно сказать об *Увертюре на еврейские темы* Прокофьева[14].

После окончания Войны за Независимость Г. Свет неожиданно уезжает в США. Потом он лишь дважды приезжал в Израиль на короткое время. Последние 20 лет жизни Гершон Свет прожил в Нью-Йорке. Здесь прошел последний и наиболее важный период его журналистской деятельности. Г. Свет возглавлял журналистский

отдел Сохнута (Еврейского агентства) в Америке, и в его статьях тема сионизма занимала одно из ведущих мест. В начале 1950-х годов общественная деятельность (наверное, по линии того же Сохнута) привела Г. Света в Мексику, где он сотрудничал со своим другом еще по Берлину Ильей Троцким. Свет стал деятельным членом Союза русских евреев Нью-Йорка и много писал о своих соотечественниках, оказавшихся в Америке. Другими темами его работ стали литература, театр и музыка, и в этом ему помогали знакомства и дружеские отношения с видными писателями и деятелями искусства.

Первая «американская» публикация Гершона Света, которую нам удалось найти, это рецензия на книгу Соломона Шварца[15] «Евреи в Советском Союзе» (*Новое русское слово*. 14 сент. 1952). Свет заканчивает ее так: *«...те, что уцелели* [в западных районах Советского Союза], *в большинстве своем не остались в Советском Союзе, а возвращались в Польшу, Румынию, откуда все же можно выбраться подальше от Советского Союза, о котором наивные или нечестные пропагандисты долгие годы уверяли, что это страна "осуществленного национального равенства". Книга Шварца эту легенду разрушает»*.

31 декабря 1960 г. газета *Русская мысль* (Париж) сообщила, что ее сотрудник журналист Г. Свет посетил мастерскую художника Марка Шагала в Вансе[16] и имел с ним беседу.

7 февраля 1961 г. в той же *Русской мысли* напечатано сообщение о беседе журналиста Г. Света с писателем В. Набоковым о русской литературе («Встреча с автором "Лолиты"»[17]).

Особое место в творчестве Гершона Света занимают его обзорные статьи в уже упомянутых «Книгах о русском еврействе».

О роли русских евреев в сионизме и в строительстве Палестины и Израиля[18] Гершон пишет как профессиональный историк. Он возражает против распространенного мнения, что организованное палестинофильское движение было вызвано Первым съездом в Катовице (1884). Справедливее считать этим началом прибытие в Палестину в 1882 г. первой партии *билуйцев*. Но и у этой алии были предшественники, — утверждает Г. Свет. Он описывает историю паломничества евреев на Святую землю, начиная со времен Киевской Руси, поездки в Палестину посланников, которые собирали деньги у евреев России в XVIII столетии, говорит о других малоизвестных корнях палестинофильства.

Опубликованная в той же книге статья Г. Света о музыкантах[19] начинается с рассказа о Михаиле Гузикове (1806–1837), уроженце

Шклова, которого в Вене назвали «Паганини на инструменте из дерева и соломы» (такой цимбал /усовершенствованный ксилофон/ музыкант сделал сам), и «юной девице Юлии Гринберг, десяти лет», которая, начиная с 1838 г., «не раз восхищала одесскую и харьковскую публику» своей игрой на фортепиано. В статье излагаются мало известные сведения об Антоне и Николае Рубинштейнах, о хазанах и канторах. По мнению Г. Света, появление в конце XIX и начале XX веков евреев-виртуозов скрипачей, виолончелистов и пианистов обусловлено существованием в течение 2–3 столетий тысяч еврейских клейзмеров.

Статья «Евреи в русской музыкальной культуре в советский период»[20] продолжает музыкальную тему, начатую в первом томе «Книги о русском еврействе». *«Почти все крупнейшие скрипачи, пианисты, виолончелисты, дирижеры в Советском Союзе — евреи»*, — пишет Г. Свет. Бурный расцвет виртуозов и появление целого ряда талантливых композиторов в СССР, включая песенников и создателей оперетт, по мнению Света, стал возможен, в какой-то степени, благодаря деятельности Общества еврейской народной музыки в Петербурге, существования московского училища сестер Гнесиных, дочерей казенного раввина из Ростова-на-Дону, а также потому, что в Ленинграде, Москве, Киеве, Одессе и других городах остались высоко профессиональные педагоги музыки, не эмигрировавшие из страны. Выдающееся место занимают в стране евреи-музыковеды.

Особая статья Гершона Света посвящена походу советской власти на еврейского Бога, еврейскую религию и ее служителей[21], начатому с первых же месяцев утверждения советского режима. Эту линию подхватила и продолжила Евсекция, с публичными «показательными процессами» против хедеров, иешиботов и синагог. В 1937–1938 гг. преследование раввинов и синагог шло под лозунгом «борьбы с фашистским шпионажем». Издание еврейской религиозной литературы и язык иврит оказались запрещенными с СССР.

Последняя статья Г. Света во второй «Книге о русском еврействе» посвящена еврейскому театру в Советской России[22], она читается на одном дыхании. Автор начинает с парадокса: два самых значительных коллектива во всей истории еврейского театра, завоевавших мировое признание, возникли и просуществовали немалое время, да еще пользовались материальной поддержкой государства именно в годы советской власти!

Госет (Московский государственный еврейский театр), согласно Г. Свету, зародился с основания режиссером А. Грановским теат-

ральной студии в Петрограде в 1918 году. Через год студийцы начали выступать, а в 1920-м переехали в Москву. Первые выступления труппы оказались магнитом для лучших творческих сил. Автор описывает прекрасные спектакли вновь созданного Еврейского камерного театра с декорациями и костюмами М. Шагала, И. Рабиновича, Н. Альтмана, Р. Фалька.

Спектакли Госета во второй половине 1920-х гг. в Берлине покорили публику и знатоков. Восторгались режиссерским искусством Грановского, виртуозной игрой Михоэлса и Зускина, прекрасным музыкальным обрамлением. Гершон Свет описывает собственное большое впечатление от увиденного (он тогда жил в Берлине). После того, как Грановский в 1928 г. стал «невозвращенцем», театром руководил Михоэлс, о трагической судьбе которого, как и о судьбе Госета, хорошо известно современному читателю.

Не менее подробно и с особенно теплым чувством описывает автор историю Габимы, дававшей спектакли на столь нелюбимом советской властью иврите. О зарождении студийной группы Цемаха в 1912 г., о том, как ее основатель вывесил табличку с названием *Габима* на Кузнецком мосту, об уникальной игре Ханы Ровиной, о лекциях Станиславского труппе театра, о роли великого Вахтангова в первые годы жизни театра, о защите театра Горьким, Шаляпиным, Луначарским... Рассказано о спектаклях труппы, потрясавших Качалова, Мейерхольда, Михаила Чехова. Во время зарубежных гастролей Габимы газеты восхищались оригинальностью, эмоциональной игрой, редкой художественной законченностью спектаклей театра.

По мнению Ильи Троцкого, эти очерки, *«насыщенные интереснейшим содержанием, богатейшей информацией и красочной формой, не только делают честь ушедшему из жизни автору, но и вписывают заметные главы в историю русского музыкального и театрального искусства»*[23].

В скромной квартире Юдит и Гершона Света, на одной из улиц восточного Нью-Йорка, бывали наезжающие в США представители интеллектуальной элиты, парламентарии и государственные деятели Израиля, ценившие не только широкое гостеприимство хозяев, но и разностороннюю осведомленность вездесущего хозяина дома. К Г. Свету приходили многие собратья по перу, нуждавшиеся в помощи. Советами и консультациями знаменитого журналиста по вопросам взаимоотношения между странами и народами (преимущественно в Израиле) пользовалась Организация Объединенных Наций. Дом Гершона Света — прекрасного собеседника —

стал в Нью-Йорке центром для известных представителей культуры. Так, в нашей предыдущей книге опубликовано письмо Марка Алданова, в котором он пишет: *«Встречаете ли Вы палестинцев и в частности Г. Света? Мы с ним в добрых отношениях»*[24].

Его интересовало все: археология, история, политика, литература, театр, музыка, другие виды искусства. Это был живой человек, не без недостатков. Сложная и амбициозная натура Света трудно мирилась с редакторскими правками и сокращениями. Страдал он и некоторыми чудачествами в повседневном обиходе[25].

В последние годы жизни Г. Свет много времени отдавал запискам о своей жизни, столь богатой событиями и творчеством, и его журналистская работа сократилась до двух газет на идиш, двух на немецком (одна из них — *Ауфбау /Стройка/*) и трех на русском — *Новое русское слово* (Нью-Йорк), *Русская мысль* (Париж), *Игуд Иоцей Син (Бюллетень выходцев из Китая*[26] *)* (Тель-Авив), где периодически появлялись его содержательные и изящные работы.

На иврите Свет продолжал писать для еженедельника *Ха-доар (Почта*, Нью-Йорк), в частности, там опубликован некролог, посвященный Александеру Урию Босковичу[27] (1907–1964), которого Свет характеризует как одного из лучших композиторов Израиля, получившего известность в музыкальном мире, в том числе за пределами Израиля. Боскович сыграл значительную роль в создании так называемого средиземноморского стиля. Композитором восхищался Исайя Добровейн[28], который поддерживал Босковича и исполнял его произведения.

Объем работы Г. Света поражает. Только в 1964 г. в том же *Ха-доар* было опубликовано 25 его статей. Здесь и «Как я переводил Хрущева», и «Из записок журналиста», о намерении Насера уничтожить Израиль и о присвоении ему звания Героя Советского Союза, «Из записок любителя театра» и о приезде Леви Эшкола в США в 1964 г., «Из записок музыканта»...

Гершон Свет скоропостижно скончался в Нью-Йорке 19 июля 1968 г.[29] На заупокойное моление и вынос тела, несмотря на чрезвычайную жару и летний разъезд из Нью-Йорка, пришло несколько сот человек. Среди них были русские и еврейские писатели и поэты, журналисты, общественные и политические деятели, делегация от редакции газеты *Новое русское слово*, в которой покойный сотрудничал 25 лет, журналисты, представители музыкального мира, Союза русских евреев — те, с кем он поддерживал дружеские отношения и о ком писал. В некрологах[30] о Г. Свете писали как об одном из самых блестящих и глубоких журналистов своего време-

ни. *«Он умел чутко прислушиваться к пульсу окружающей жизни и с неутомимой энергией — до самого последнего дня — делиться с обширной аудиторией своих читателей на четырех языках, как своей богатой осведомленностью, так и своим продуманным анализом событий. ... В его душе русские и еврейские струны звучали в редкой гармонии, ... будь то в музыке, театре, науке или политике»*[31].

Личный друг покойного, раввин Хаскелл (Иехезкель) Лукстейн, говорил об исключительном месте, которое Гершон Свет занимал в еврейской жизни в Америке; с его уходом тысячи людей потеряли друга[32].

Последним пристанищем нашего соотечественника, украшавшего русско-еврейские общины нескольких стран, стало нью-йоркское кладбище Бут Эль.

[1] Автор благодарит Дана Харува и Эрнста Зальцберга за помощь в поиске источников и Рену Пархомовскую за переводы с иврита.

[2] Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г. Союз русских евреев: Н.-Й., 1960 (Далее: *КОРЕ*, 1960); Книга о русском еврействе (1917–1967). Союз русских евреев: Н.-Й., 1967 (*КОРЕ*, 1967).

[3] *Тидхар Д.* Гершон (Герман) Свет // Энциклопедия первопроходцев и строителей ишува. Тель-Авив, 1949. Т. 3. С. 1391 (*иврит*).

[4] *Свет Г.* Памяти Л. Пастернака (к столетию со дня рождения) // *Вестник Израиля*. 1962. № 30–31. С. 40–42. Воспоминания Света о Леониде Пастернаке легли в основу ряда работ о замечательном художнике.

[5] Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. Франция. 1920–1975: В 8 тт. / Под общ. ред. *Л. А. Мнухина*. Т. 1–4. 1920–1940. Москва: ЭКСМО — Париж: ИМКА-Пресс, 1995–1997; Т. 1(5)–4(8). 1940–1975. Москва: Русский путь — Париж: ИМКА-Пресс, 2000–2002.

[6] А. З. Сингаловский (1890–1956) — вице-президент ОРТа (Общества ремесленного труда). Подробнее о нем см.: *Пархомовский М.* ОРТ во Франции и его *русские* руководители // Русское еврейство в зарубежье *(РЕВЗ)*. Т. 8. Ред.-сост.: *М. Пархомовский, Д. Гузевич*. Иерусалим, 2001. С. 254–272.

[7] Саарскую область — часть Германии, богатую угольными копями, Лига Наций передала Франции в 1919 г.; после плебисцита в 1935 г. была возвращена Германии.

[8] *J. Hirshberg*. Music in the Jewish Community of Palestine (1880–1948). Oxford : Clarendon Press, 1995.

[9] *Г. Свет*. Голос Иерусалима // Ха-Арец. 23 фев. 1940 г. (*иврит*).

[10] *Г. Свет*. Ха-Арец. 14 сент. 1941 (*иврит*).

[11] *Г. Свет*. Ха-Арец. 21 марта 1937 (*иврит*).

[12] *Г. Свет*. Ха-Арец. 19 апр. 1936 (*иврит*).

[13] Там же.

[14] *Г. Свет*. Ха-Арец. 2 янв. 1938 (*иврит*).

[15] Соломон Меерович Шварц — журналист, редактор, писатель, общественный деятель. Подробнее о нем см.: *Пархомовский М.* «Союз Русских Евреев приглашает Вас на доклад известного писателя и общественного деятеля...» (О Соломоне

Шварце) // Русские евреи в Америке, кн. 2. Ред.-сост. *Э. Зальцберг*. Иерусалим-Торонто-Санкт-Петербург, 2007. С. 28–43.

[16] С 1950 г. (по некоторым источникам с конца 1949 г.) Марк Шагал жил на собственной вилле «Ла коллин» в Вансе, близ Ниццы.

[17] Это интервью было опубликовано в *Новом русском слове* от 5.02.61.

[18] *Свет Г*. Русские евреи в сионизме и в строительстве Палестины и Израиля // *КОРЕ*. 1960. С. 235–271.

[19] *Свет Г*. Русские евреи в музыке // *КОРЕ*, 1960. С. 452–470.

[20] *Свет Г*. Евреи в русской музыкальной культуре в советский период // *КОРЕ*, 1967. С. 248–265.

[21] *Свет Г*. Еврейская религия в Советской России // *КОРЕ*, 1967. С. 204–213.

[22] *Свет Г*. Еврейский театр в Советской России // *КОРЕ*. 1967. С. 266–278.

[23] *Троцкий И*. Памяти Гершона Света (вместо венка на могилу друга) // НРС. 3.08.68.

[24] Марк Алданов в Америке. Его письма Давиду Шубу. Публ. *М. Пархомовского* // Русские евреи в Америке, кн. 3. Ред.-сост. *Э. Зальцберг*. Иерусалим-Торонто-Санкт-Петербург, 2009. С.69–89.

[25] Там же.

[26] Старейшая русскоязычная газета Израиля, издаваемая общиной русских евреев, репатриировавшихся после многолетнего пребывания в Китае.

[27] *Г. Свет*. Из записной книжки музыканта (памяти Александера Урия Боковича) // *Ха-доар*. 20.11.1964. Т. 44. № 3 (1970). С. 43–44 (*иврит*).

[28] Исай Добровейн (наст. фамилия Барабейчик; 1894–1953) — пианист, дирижер и композитор. С 1923 г. в эмиграции (Болгария, США, Швеция, Италия). Выступал гл. обр. как оперный и симфонический дирижер и руководитель театра (в Стокгольме и миланской «Ла Скала»).

[29] *Новое русское слово* (Н.-Й.). 20.07.68.

[30] *Бар-Даян Х*. Светлой памяти Гершона Света // Пережитое. 1969. Т. 16. С. 273–277 *(иврит)*; *Циммерманн А*. Образ журналиста-музыковеда Гершона Света / / Наша журналистика (Всемирное объединение еврейских журналистов). 1994. № 12. С. 68–69 (*иврит*); Гершон (Герман) Свет // Незабываемые могилы. Российское зарубежье: Некрологи 1913–1999. Т. 6. Кн. 1 С. 454.

[31] *Левитан И*. Памяти Гершона Света // *НРС*. 24.07.68.

[32] *Б/а*. Похороны Гершона Света // *НРС*. 23.07.68.

ЛИТЕРАТУРА И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Забытые классики: случай О. Дымова (переписка О. Дымова и А. Руманова, 1902–1914)

Публ., вступ. статья и коммент. И. Обуховой-Зелиньска (Варшава)

Творчество писателя Осипа Дымова (1878–1959), выбравшего в юности псевдоним по имени персонажа чеховской повести, пользовалось в начале XX века большой популярностью. Его фельетоны и рассказы печатались в самых распространенных газетах и журналах, читавшихся по всей России. Дымов был общителен и остроумен, в среде петербургских журналистов и литераторов он, кажется, знал всех и каждого, и все его знали. Он был одарен не только литературным, но и актерским талантом, правда, не реализованным на профессиональной сцене: в мемуарах современников сохранились рассказы о том, что в петербургских салонах или на загородных дачах, где собиралось литературное общество, Дымов иногда очень метко и смешно изображал собратьев по перу, пародируя манеру их речи и доводя паро-

О. Дымов

дию до гротеска — собравшиеся (в том числе те, кого он изображал) умирали от хохота. Кроме того, уже в школьные годы он проявил себя как незаурядный рисовальщик[1], а впоследствии успешно занимался живописью и скульптурой.

Литературная известность пришла к Дымову рано. Студент петербургского Лесного института, всего лишь два года назад явившийся в столицу из провинции в серой разлетайке и черных очках на широкой ленточке (этот вид ужасно рассмешил его петербургских кузин), в 1899 г. стал секретарем редакции и автором журнала *Театр и искусство*, а в 1901 г. получил премию литературного конкурса *Биржевых новостей*, одной из самых влиятельных и богатых газет того времени. В течение последующих 16 лет Дымов опубликовал в ней свыше тысячи статей и рассказов.

В ранней прозе Дымова чувствуется влияние западного символизма не только в манере письма, но и в тематике: жизнь и драмы современных горожан, «новая эмоциональность», фрейдистские мотивы (по тогдашней терминологии — «проблема пола»). Напряженность сюжета, характерность персонажей, тонко подмеченные бытовые детали (чеховская жилка) — все это выдавало в начинающем прозаике способности к драматургии. Великий немецкий режиссер Макс Рейнхардт угадал их уже тогда, прочитав лишь один рассказ, переведенный на немецкий язык. Несколько позднее это предрешило драматургическую карьеру Дымова в Европе. Первая его пьеса «Голос крови» получила главную премию на конкурсе суворинской газеты *Новое время*, но ее постановка (1903) в Малом театре, также принадлежавшем Суворину, закончилась, как вспоминал потом сам автор, «совершенно редким, оглушительным провалом» — спектакль даже не доиграли до конца. Тем не менее Дымов продолжал писать для театра, и пьеса «Слушай, Израиль!» (1907) нашла отклик у публики, хотя и не получила положительных отзывов театральной критики. Настоящий успех принесла автору пьеса «Ню. Трагедия каждого дня» (1908), не только обошедшая сцены многих российских театров, но и поставленная самим Максом Рейнхардтом в берлинском Камерном театре.

К тому времени в России Дымов был уже одним из самых известных журналистов и признанным писателем. Его политические фельетоны, печатавшиеся в 1905-07 гг. в самых радикальных сатирических журналах, знала читающая публика во всех уголках страны. Чуковский, посвятивший творчеству Дымова несколько рецензий и статей[2], в одной из них писал: *«Его маленький, но изящный юмор в маленькую, но не изящную эпоху сатирических журналов*

1905–1907 годов сделал из него Дымова, одного из лучших юмористов, создавшего несколько шедевров сатиры, которые со временем попадут в хрестоматии»[3]. Предсказание оказалось верным, по крайней мере, в отношении одного юмористического произведения, не забытого в России даже в период «великого молчания» сталинского социализма. Самым непотопляемым творением авторов-«сатириконцев» стала пародийная «Всеобщая история»[4], изданная в 1912 г. (Дымов написал для нее раздел «Средние века») и неоднократно переиздававшаяся уже в постсоветской России, начиная с 1989 г.

Начав с публикаций в журнале *Театр и искусство*, Дымов далее сотрудничал с газетами *Голос жизни*, *Русь*, *Столичная почта*, *Утро*, печатался в символистских журналах *Весы*, *Золотое руно*, *Аполлон*, посещал ставшие впоследствии легендарными «гнезда символистов» — башню Вячеслава Иванова, «воскресенья» Федора Сологуба. Спустя 40 лет один из современников, ностальгически вспоминая «эпоху тех счастливых и грустных лет», считал, что *«...его новеллы, психологические эскизы, его настроения, его философия, его литературные приемы»* были ее неотделимой частью, а сам Дымов — *«шармер петербургских салонов, друг всем и всех, неизменный участник тогдашних событий и большой и малой истории»*[5] — представлял собой одну из самых заметных фигур столичного общества.

К моменту отъезда в США в 1913 г. Дымов по своей литературной известности мог уже считаться если не классиком русской литературы, то серьезным кандидатом в таковые. Помимо широкой распространенности произведений, его литературное творчество было оценено критикой. Успех его драматургии на сценах европейских театров стал еще одним солидным «кирпичом» в этой конструкции. Закрепление позиции «литературного классика» обычно завершается местом в литературных и общих энциклопедиях и впоследствии введением произведений данного автора в школьную или вузовскую программу. На этом этапе в разделе «Русская литература» Дымова постигла судьба многих пореволюционных эмигрантов: до 1928 г. его рассказы и статьи печатались в советской периодике, а знакомец писателя по работе в редакции журнала *Театр и искусство* А. Луначарский довольно настойчиво приглашал его в советскую Россию: *«Пора вернуться домой. Вас встретят в Москве как подобает большому русскому писателю»*[6]. Дымов сделал свой выбор, оставшись гражданином США и с 1927 до 1939 г. проживая в Европе. Этот факт после превращения СССР в сталинскую империю

автоматически исключал упоминания о Дымове в советских энциклопедиях, как и об остальных писателях, не пожелавших «вернуться» — в советский вариант литературного пантеона они не вошли. Место Дымова в дореволюционной литературе было впервые после длительного перерыва зафиксировано лишь в перестроечном энциклопедическом издании «Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь»[7]. Однако книжных переизданий его наследия в России не последовало.

Как ни странно, в литературный пантеон русской эмиграции, складывавшийся на протяжении последних 20 лет в метрополии и нашедший свое выражение в энциклопедиях и различных вузовских и школьных курсах литературы, Дымова также долго не включали. Одна часть авторов, видимо, числила его исключительно по ведомству «еврейской литературы», другая — считала его представителем дореволюционной эмиграции или не считала его эмигрантом вообще (не замечая, что этот взгляд отражает лишь проблемы терминологии, а не суть дела). Так, публикатору фрагмента воспоминаний Дымова В. Хазану кажется странным причисление Дымова к «первой волне» русской эмиграции[8]. В «Литературной энциклопедии Русского Зарубежья 1918–1940» персонального очерка о Дымове тоже нет[9]. Между тем, он регулярно печатался в русскоязычной эмигрантской периодике, поддерживал как личные, так и эпистолярные контакты с русскими эмигрантами, следил за их литературными публикациями, иногда писал рецензии, некрологи и т. д. Что касается даты его отъезда за границу — 1913 год — то в то время Дымов не предполагал, что отъезд окажется окончательным. Парадоксальным образом он помог ему избежать тягот мировой войны, потрясавшей Европу в течение четырех лет и перекроившей как ее карту, так и состояние душ и умов современников. Еще более тяжким потрясением для недавних соотечественников Дымова стала революция и ее последствия — зверства при установлении новой власти и гражданская междоусобица. В это время Дымовубыло некуда и незачем возвращаться. Однако, как видим, после стабилизации советской власти такая возможность у него была, и, притом, в самом реальном ее воплощении. И тогда он принял вполне осознанное решение жить вне России, так же, как и многие другие подданные уже не существующей империи, по разным причинам и при разных обстоятельствах оказавшиеся за границей до начала катаклизмов 1914–1921 годов[10].

Творчество и биография Дымова межвоенного периода в русскоязычной историографии и истории литературы нашли до сих пор

очень слабое отражение. В последнее время наметился интерес к его беллетристике (републикации в периодике и Интернете) и — еще более явно — к произведениям мемуарного характера, рассеянным по эмигрантским изданиям, отложившимся в архивах и опубликованным на других языках (идиш, английский). Настоящая публикация, как хотелось бы надеяться, кладет начало систематическому изучению крупных корпусов эпистолярного наследия писателя, что наряду с его мемуарной и дневниковой прозой может внести немало существенных уточнений в общую картину развития и бытования русской культуры, как в метрополии до революции, так и за рубежом после нее.

«Феномен Дымова» не ограничивается указанными литературными сферами. Еще перед отъездом в США он зарекомендовал себя как значительный автор еврейской тематики. Бурные события периода революции 1905 г., погромы в южных областях России и последовавшая за ними массовая эмиграция обострили внимание русского общества к еврейскому вопросу. Это отразилось не только в публицистике и художественной литературе, но нашло самое яркое выражение и в драматургии. Пьесы на еврейские темы стали появляться в печати и на театральных сценах буквально сотнями[11]. Разумеется, не все авторы были способны создать высокохудожественные произведения — иногда это была обычная мелодрама, а порой и просто китч. Но сама по себе распространенность этой тематики стала характерным признаком эпохи. Именно тогда Дымов начинает интересоваться еврейской жизнью и писать о ней. Рассказ «Погром» вошел в его первый сборник «Солнцеворот». В 1907 г. была издана пьеса «Слушай, Израиль», уже в марте того же года поставленная Современным театром в Петербурге. Несмотря на то, что главный сюжетный ход уже использовался А. Свирским[12], Дымов придал ему новую окраску, связав с белостокским погромом. Трагические события переворачивают жизнь обычной еврейской семьи, остросоциальный конфликт отражает проблемы, мучившие многих современников автора. Эта пьеса в 1912 г. была переведена на иврит и поставлена труппой Наума Цемаха в Вильне. Второй пьесой, пользовавшейся огромной популярностью, стал «Вечный странник». Спектакль той же труппы Н. Цемаха по этой пьесе (также на иврите) был в 1913 г. показан делегатам Сионистского конгресса в Вене. Эти пьесы в последующие годы занимали заметное место на русской сцене среди драматургических произведений таких авторов, как Ш. Аш, Я. Гордин (они шли в переводе с идиш), и писавших на русском языке С. Юшкевича, Д. Айзмана, С. Ан-ско-

го. Некоторые известные критики и деятели культуры того времени считали еврейскую тему преходящей модой, вызванной социальной напряженностью. В наши дни русско-еврейская литература[13] и драматургия рассматриваются и как часть еврейской, и как часть русской культуры. Дымов вошел в нее с такой же легкостью и с таким же успехом, как и в русскую литературу.

Русско-еврейская литература оказалась для Дымова мостом к литературе на идиш и обращению к еврейству. Значительную роль в этом процессе сыграло общение с Владимиром Жаботинским, который сам прошел эволюцию от русского поэта и эссеиста, до пламенного публициста и идеолога сионизма. Именно он находил самые убедительные слова, чтобы обратить к еврейской национальной тематике талантливых представителей народа, которые должны были запечатлеть происходившую трагедию, выразить боль и надежду простых людей. Дымов позже признавался, что к еврейской литературе его привели Белосток и Жаботинский[14].

Решение Дымова об отъезде многих удивило. Ведь до Первой мировой войны Америка была притягательной страной в основном только для самого бедного слоя населения Центральной и Восточной Европы — этим людям было нечего терять у себя дома, а в энергично развивавшейся стране они надеялись неплохо заработать и найти свое, более достойное чем в России, место. Ради этого они готовы были пересечь океан, работать в ужасных условиях от зари до зари, преодолевать трудности овладения чужим языком... Но зачем процветающему петербургскому писателю, получившему к тому же признание в Европе, отказываться от уже завоеванных творческих возможностей и привычного образа жизни? Ради контракта с Борисом Томашевским? Известный театральный критик А. Мукдойни описывает его как «американского театрального дельца с тяжелыми золотыми кольцами на пальцах, с увесистой золотой цепью на внушительном животе»[15] и предполагает, что Дымова влекла надежда на успех в еврейско-американском театре, не слишком избалованном талантливыми авторами. Письмо Дымова Руманову (№ 16) убедительно опровергает это мнение, отражая произошедший духовный перелом — писатель ехал в Новый Свет не ради новых лавров на ниве еврейско-американской драматургии, а под влиянием вполне идеалистического желания послужить там своему народу. Письмо написано с большой искренностью и подъемом.

Переход на идиш был не просто сменой языка — он сопровождался определенным духовным переломом, связанным с осознанием принадлежности к еврейству и желанием реально стать его час-

тью. Переезд в Америку знаменовал своего рода второе личностное рождение. Дымов увидел воочию жизнь многочисленной еврейской диаспоры, энергично преодолевавшей цивилизационные барьеры и боровшейся за свое законное и полноправное место в «стране эмигрантов», и увлекся ею. Быт этих людей, происходившие с ними метаморфозы, коллизии их взаимоотношений друг с другом и с американским окружением стали новым материалом для писателя. Он вникал в проблемы иммигрантов, изучал их привычки, брал на заметку интересные словечки и выражения. Идиш был ему необходим не только как язык народа, с которым он чувствовал кровное родство. Без знания этого языка он бы не смог описать новую среду и почувствовать ее проблемы как свои. Он и творил для этих людей — по приезде в США идиш стал его основным рабочим языком, он изучил его настолько, что смог много и плодотворно писать для еврейского театра и для издававшихся на идиш газет. Идишистская литература обрела в его лице яркого беллетриста, а театр — внесшего в него свежую струю драматурга. На этой стезе его также ждал большой и относительно быстрый успех, выплеснувшийся за пределы еврейской диаспоры (пьесы Дымова постепенно стали ставить в американских театрах, в Европе ими продолжал интересоваться Макс Рейнхардт). Исследователь жизни и творчества Дымова В. Щедрин отмечает, что общественное признание пришло к Дымову в США уже через 15 лет после его иммиграции, когда в 1928 г. в справочнике «Кто есть кто в американском еврействе» появилась биографическая статья о нем[16]. Имя Дымова можно найти во многих справочниках по культуре американского еврейства, в литературу и драматургию которого он действительно внес значительный вклад. Связи с бывшей метрополией Дымов не терял, активно переписываясь с целым рядом корреспондентов. Сюжеты его статей нередко были связаны с российской жизнью, за которой он по мере возможности следил — так, в 1921 г. он опубликовал статью на идиш о только что умершем Блоке, весной 1923 г. он пригласил труппу гастролировавшего в Чикаго МХТ на пасхальный седер в ресторане[17].

Первая же из написанных в Нью-Йорке пьес «Певец своей печали» (1914) была (в переводе на идиш) поставлена не только в Америке, но и Виленской труппой Цемаха, в варшавском «Скале-театр», переведена на иврит, немецкий, польский языки. В дальнейшем Дымов опубликовал на идиш около 20 пьес. Большинство их были поставлены в театре Рудольфа Шильдкраута. Одной из самых известных стала постановка комедии «Бронкс Экспресс». Именно она принесла автору известность в англоязычной среде.

В Нью-Йорке Дымов, как и персонажи его произведений, прошел адаптацию в американском обществе — он научился хорошо говорить по-английски, вел серьезную организационную деятельность, способствуя развитию еврейского театра. Некоторое (недолгое) время он возглавлял Драматическую студию, организованную при Еврейском художественном театре Мориса Шварца в Нью-Йорке[18]. Однако постепенно к нему приходило разочарование. Осуществить постановки на серьезном художественном уровне, доступные и интересные широкой аудитории, оказалось не так просто. Открытый Дымовым совместно с Р. Шильдкраутом театр разорился. Дымов писал в Россию Кугелю: *«Сейчас кипение еврейской жизни здесь идет на убыль [...] здешние массы: 1) вымирают, американизируются очень быстро благодаря темпу жизни. Через 15–20 лет не будет здесь еврейской прессы, еврейских театров [...] И сейчас видать: серьезный еврейский театр не посещается, почти бойкотируется: процветает оперетка, где говорят на 30% по-английски. И пляшут по-американски»*[19].

Осенью 1927 г. Дымов уезжает в Германию. Начался новый этап его жизни. В Берлине в театре Макса Рейнхардта готовились к постановке его пьесы (в переводе на немецкий). В 1929 г. там прошла с большим успехом комедия «Последняя возлюбленная». Но в Германии уже сгущались сумерки нацизма. Рейнхардт потерял все свои театры и эмигрировал в Америку. Дымов выехал в Америку в последние дни 1934 г., но, пробыв там чуть больше года, вернулся в Европу. Уже 13 июля 1934 он пишет письмо А. Бурову из Лондона. В Англии он нашел новую, чрезвычайно увлекшую его область творчества — кино. Вступить в нее, как обычно, успешно, он смог благодаря прекрасно усвоенному в Америке английскому языку.

Из писателей, сделавших значительный вклад в русскую литературу и завоевавших таким образом имя и место в ее истории, а затем успешно перешедших в иное языковое пространство, самая известная фигура — Владимир Набоков. «Случай Осипа Дымова» — еще один пример такого рода, не менее интересный как с точки зрения чисто литературной, так и с психологической. Тем более, что метаморфоза Дымова хотя и была связана с эмиграцией и проживанием в разных странах, но его статус и бытовые обстоятельства были иными, нежели у большинства его бывших соотечественников. Как обладатель американского паспорта, знавший ко времени вторичного прибытия в Европу (на этот раз не с востока, а с запада) и английский, и немецкий языки, а также не слишком стесненный

в средствах, он мог достаточно свободно выбирать страну проживания и успешно находить приложение своей творческой энергии. Ни перемены стран проживания, ни переходы на другой язык не были вынужденными: в какой-то степени его подталкивали к этому и внешние обстоятельства, но внутренний импульс играл более важную роль. Дымова явно привлекал сам процесс погружения в новую, неизведанную среду, ее познания и вступления «в новые берега». Им двигала неисчерпаемая энергия, любознательность, стремление к переменам и желание испробовать свои силы в ином культурном пространстве. К его литературным талантам прикладывалась деловая жилка, которую отмечали многие знавшие его близко, но материальный успех никогда не становился определяющим фактором его жизненной стратегии. Он отнюдь не увлекался погоней за успехом — напротив: добившись его, Дымов как будто начинал испытывать желание еще раз начать все сначала, совершить еще раз восхождение на вершину, как это бывает с завзятыми альпинистами.

Чтобы лучше понять языковые и жизненные метаморфозы Осипа Дымова, следует, вероятно, повнимательнее присмотреться к обстоятельствам его детства и юности. Иосиф Исидорович Перельман родился в 1878 г. в Белостоке, который с середины XIX века переживал бурное развитие и стал крупным (вторым после Лодзи) центром текстильной промышленности. С этим был связан и приток еврейского населения в город, который привлекал и состоятельных предпринимателей[20], и низкооплачиваемых рабочих — к 1895 г. среди жителей Белостока евреи составляли 76%. Именно там в 1880 г. образовалась одна из первых групп «Ховевей Цион», а в последующие годы неуклонно учащались стачки и массовые протесты, формировались нелегальные кружки и партии[21]. В 1901 г. в Белостоке состоялся первый съезд Бунда. Общая атмосфера общественной активности способствовала появлению энергичных молодых людей, бесстрашно отправлявшихся в путешествие по бурным житейским морям.

Под конец XIX века еврейская молодежь даже из небогатых интеллигентных семей после окончания реального училища или гимназии стремилась продолжить образование либо в отечественных университетах, либо за границей. В своих воспоминаниях Дымов писал, что по окончании реального училища «...Мои друзья разъехались кто куда: в Петербург, в Ригу, за границу»[22]. Сам он по просьбе матери остался еще на год дома. С дистанции времени се-

мидесятилетний мемуарист чувствовал благодарность матери за эти «будни», которые позволили ему наблюдать повседневную жизнь крупного провинциального города, накапливая материал для будущих рассказов. «За восемь лет, которые я провел в училище, я почти не видел других людей, кроме учителей и учеников. Да, я видел и других до моего поступления в реальное училище. Теперь я увидел их опять»[23]. Кроме трубочистов, водовозов, мороженщиков и городских сумасшедших перед Дымовым мелькали (или ему казалось, что он их видел) проживавшие в Белостоке будущие знаменитости, тогда еще никому не известные — Мойше Валах (в недалеком будущем Максим Литвинов), Маня Вильбушевич[24], Роза Бернштейн[25]. Ранее Дымов уже упоминал, что в его реальном училище в свое время учился Гриневицкий[26], метнувший смертоносную бомбу в Александра II и сам при этом погибший (учитель рисования показывал в классе в качестве образца великолепные рисунки бывшего воспитанника, разумеется, со срезанной авторской подписью), а в последних классах училища у Иосифа Перельмана, не знавшего соперников в рисовании, появился, как он сам вспоминал об этом, конкурент: «...Станислав Жуковский[27], заразивший меня миром красок, колорита. До сих пор помню его юношеские пейзажи: ели, уже подступающие к отрогам Беловежской Пущи»[28].

К этому скромному перечню прославившихся белосточан добавим младших современников Дымова, с которыми он не был знаком — братья Кауфманы, реформаторы документального кино, известные всему миру как Дзига Вертов, советский оператор и режиссер Михаил Кауфман и Борис Кауфман — французский, затем голливудский оператор. Но самым знаменитым уроженцем Белостока, пожалуй, является Людвик Заменгоф[29] — основатель языка эсперанто. В воспоминаниях Дымова ему посвящена небольшая вставная новелла: *«Чаще всего волновал меня человек небольшого роста, всегда с зонтом — дождь или не дождь, — в черной шляпе без перегиба. Энергичное сухое лицо, серо-сизая аккуратная борода, светлые глаза — доктор Яков Заменхоф, создатель эсперанто, языка, на котором вот-вот заговорит весь Белосток [...] Вскорости Заменгоф уехал в Варшаву, открыл докторский кабинет по глазным болезням. Больше в Белосток он не приезжал»*[30]. Далее следует рассказ мемуариста о том, как он вместе с товарищем дежурил ночью у больной матери «отца эсперанто». При случае упоминается и доктор Хазанович[31], также легендарная фигура — тогда еще только в городском масштабе.

Однако при ближайшем знакомстве с биографией Людвика (Лейзера) Заменгофа оказывается, что этот рассказ — либо вымысел писателя на тему мнимого знакомства с семьей знаменитого земляка (что для жанра мемуаров не такая уж редкость), либо просто аберрация памяти (почему, кстати, Дымов называет Заменгофа Яковом?). Даже если описанное Дымовым дежурство у больной женщины имело место (в рассказе много реалистических деталей либо действительно сохранившихся в памяти, либо «привязанных» к этой истории, что для писателя уровня Дымова не представляло особой трудности), то Розалией Заменгоф она могла быть только в том случае, если приехала в Белосток на какое-то время незадолго до смерти (теоретически это возможно, но очень маловероятно). И уж никак юный Иосиф не мог видеть на улицах города «человека небольшого роста, всегда с зонтом...»: в 1873 г. (то есть за 5 лет до рождения Дымова) вся семья учителя Марка Заменгофа переехала в Варшаву, где его сын в следующем году поступил в 4-й класс 2-й мужской гимназии, по окончании которой изучал медицину в Москве (1879–1881), затем в Варшаве (до 1885). После кратковременной практики в провинции он специализировался в Вене (1886) и, наконец, после периода неудач и безденежья открыл свой частный кабинет в Варшаве. За все это время, насколько известно, в Белостоке он не бывал[32], а мать его, Розалия Заменгоф проживала также в Варшаве, на ул. Мурановской, 40, и умерла в 1892 г.

Однако, Дымов не так уж случайно обращает свой взор на доктора Эсперанто и связывает с ним якобы биографический эпизод. Если мы будем искать корни литературной многоязычности Дымова, то пример и биография Людвика Заменгофа здесь совсем не лишние. Идея создания универсального языка, который бы мог объединить различные народы, овладела им в очень раннем возрасте. Гораздо позже, уже в зрелом возрасте он писал русскому эсперантисту Николаю Африкановичу Боровко: *«Это Белосток — город, где я родился и провел детские годы, дал направление моим будущим усилиям. Жители Белостока состояли из русских, поляков, немцев и евреев. Каждый из этих элементов был враждебно настроен к окружению. В таком городе, более чем где-либо, впечатлительная натура чувствует тяжесть разноязычия и на каждом шагу приходит к выводу, что различие языков является единственной или, по крайней мере, главной причиной, которая разделяет человеческую семью на враждебные части. Из меня воспитывали идеалиста, учили, что все люди братья, а в то же время на улице и во дво-*

ре, все на каждом шагу давало мне понять, что людей нет, есть только русские, поляки, немцы, евреи»[33].

Иосиф Перельман не только слышал вокруг себя ту же смесь языков[34] и сталкивался в той или иной форме с теми же проблемами, он нашел, в конце концов, свой собственный путь к универсализму. Он несколько раз менял не только гражданство[35], но и главный инструмент писателя — язык, что является своего рода феноменом. К нему более чем к кому-либо подходит известная поговорка: сколько языков ты знаешь, столько раз ты человек. Можно сказать, что Осип Дымов прожил несколько жизней, пережил несколько языковых и социальных реинкарнаций, и при этом не терял памяти о «себе-в-прошлом», о чем свидетельствуют хотя бы его мемуарные очерки и два тома воспоминаний. Овладение различными языками до той степени, которая позволяет создавать литературные произведения, достопримечательно в случае Осипа Дымова не только потому, что он проявил творческое бесстрашие, но еще и потому, что в отличие от того же Людвика Заменгофа Дымов, за исключением русского, овладевал языками, ставшими его «орудием труда», уже во взрослом возрасте, меняя страны проживания и окружение. Это стремление к переменам было, безусловно, заложено в его характере, что отразилось в переписке с близкими друзьями.

«Мне четыре года. Меня зовут Иозефхен (уменьшительное от Иозеф, Иосиф). Я и все вокруг меня говорят по-немецки...»,[36] — писал Дымов в воспоминаниях. В этом нет ничего удивительного, поскольку глава семьи, подданный Пруссии, родился под Кенигсбергом и немецкий был для него родным языком. Но после смерти отца (это произошло, когда Иосифу было как раз четыре года) мать, уроженка Ковно, говорила с детьми по-русски. Именно этот язык стал для будущего писателя родным, на нем в 14 лет он написал первый опубликованный рассказ. Иосиф, как и отец, был прусским подданным, но его отношения с немецким языком, видимо, были не слишком близкими. В отличие от своего школьного товарища Станислава Жуковского, который так и не смог «преодолеть премудрости немецкого диктанта», Дымов успешно закончил училище. Однако, судя по чудовищным ошибкам, с которыми он пишет несколько немецких слов в письме Руманову из Германии, школьные знания сильно подзабылись, а может быть, и не были столь уж глубокими. Немецким Дымов овладевал в «походном порядке», в силу необходимости общаться с немецкими коллегами и желания сделать его «рабочим языком». Но это произошло уже в Германии, после начала совместной работы с театром Макса Рейнхардта.

Адресат публикуемых писем Дымова Аркадий Вениаминович (Абраам-Исаак Бениамин) Руманов (1878–1960) стал студентом юридического факультета петербургского университета в 1898 г., уже отучившись неполных два года на медицинском факультете московского университета. Начиналась их дружба так, как начинается дружба в юности — молодых людей связывали сходные жизненные обстоятельства, сходные устремления, интерес к музыке и литературе. Познакомились они через круг художественной молодежи, к которому Дымов приобщился, благодаря своим близким родственникам: сводный брат его матери Яков Эрлих, студент филологии, и кузины-музыкантши Эмма и Женни Штембер, жившие в Петербурге, были его ровесниками. После неприятностей, связанных со студенческими волнениями, коснувшимися и Дымова, и Руманова, их жизнь вошла в обычное студенческое русло — учеба, посещения консерваторских и домашних концертов, поэты-символисты... И Дымов, и Руманов (сын часовщика из Царского Села) происходили из небогатых интеллигентных семей, имели много братьев и сестер, и в студенческие времена, конечно, нуждались. Оба приложили усилия, чтобы получить высшее образование, несмотря на трудности, связанные с процентной нормой. Оба, как оказалось, были талантливы и честолюбивы. Дымов довольно рано нашел литературные заработки, что и определило его дальнейшую профессию, никак не связанную с полученным по окончании института дипломом. Журналистская карьера Руманова, с ее почти невероятным взлетом, определилась на несколько лет позже, но уже в студенческие годы у него было много знакомых в мире литературы. Поэт (а позже революционер) Леонид Семенов-Тян-Шанский, о бурной жизни которого Дымов пишет в своих воспоминаниях, был близким другом Руманова, они вместе регулярно слушали лекции на

А. Руманов, 1900-е годы

историко-филологическом факультете и были членами студенческого литературного кружка. После окончания университета, весной 1903 г., Руманов принял предложение К. И. Арабажина стать секретарем редакции газеты *Кавказские Минеральные Воды* и до осени 1904 г. жил в Пятигорске[37]. Помимо чисто редакторской работы Руманов и сам писал статьи, в основном театральные рецензии. По возвращении в Петербург Руманов какое-то время жил с Дымовым в одной квартире. Вместе с друзьями и единомышленниками, выпускниками Петербургского университета Сергеем Маковским, Николаем Рерихом, Леонидом Семеновым-Тян-Шанским, Леонидом Галичем (Габриловичем), Сергеем Рафаловичем и другими он основал философско-эстетический кружок «Содружество», в котором самое активное участие принимал и Дымов. Издательство кружка успело выпустить 8 книг прозы и стихов, в том числе первый сборник рассказов Дымова «Солнцеворот».

1905 г. полон значительных событий для обоих друзей. Руманов начинает карьеру профессионального журналиста в редакции петербургского издания журнала *Театральная Россия* и сотрудничает с популярной *Биржевкой*, без которой не обходилась ни одна интеллигентная семья ни в столице, ни в провинции. Именно в этом году он женился на кузине Дымова Женни Штембер, по окончании консерватории ставшей известной пианисткой. Войдя в штат редакции *Биржевых новостей* как раз в том году, когда газета стала фактически органом кадетов, Руманов вплоть до 1912 г. занимал должность помощника редактора вечернего выпуска этой газеты. Параллельно он с 1906 г. сотрудничал и с известным московским издателем И. Д. Сытиным и впоследствии возглавлял петербургское отделение *Русского слова* — одной из самых распространенных и богатых в России газет. Эти ключевые должности сделали Руманова весьма влиятельной фигурой в петербургской журналистике. Он определял в значительной степени не только «лицо» и содержание двух очень популярных газет, но и состав печатавшихся в них авторов.

Впечатляющее описание встречи с Румановым оставил в своих воспоминаниях поэт-символист В. Пяст. Получив известие об ухудшении здоровья великого шведского драматурга А. Стриндберга, Пяст решил ехать к нему в Стокгольм и выслать затем в Петербург материал о встрече. Имевшихся в его распоряжении средств на поездку не хватало, поэтому поэт решил оформить поездку как командировку от газеты и отправился к Руманову: *«Я знал, что Е. П. Иванов[38], по крайней мере, на словах, благосклонно встречен был*

Румановым [...] Не раз мы втроем у Блока разговаривали об этом Руманове, которого Блок находил каким-то таинственно-замечательным человеком. Влияние газеты, а Руманова в ней [в особенности], было огромным [...]»[39]). Прием у Руманова, жившего в роскошной квартире на Большой Морской, где на стенах висели картины из его великолепной коллекции, Пяст описал в стихах:

В гостиной — потолок покатый;
На стенах — живопись модерн:
И Врубель, Демоном проклятый,
И Сомов, тайновидец скверн.

И, наконец, из кабинета
В пижаме выскочит он сам:
— А, добрый друг! как мило это!
Поверьте мне, как рад я вам[40].

Первый разговор Пяста с Румановым был деловой и решительный. Не слишком опытный в общении с газетными редакторами поэт предполагал, что расходы по его путешествию в Стокгольм возьмет на себя баснословно богатое *Русское слово.* Но из ответов Руманова он понял, что предложенные ему скромные условия «тверды, как Тарпейская скала. Пришлось, конечно, на них согласиться»[41].

Руманов был в то время легендарной фигурой в среде пишущей братии. Георгий Иванов, знаток тогдашней петербургской жизни, считал его образцом того, что «было самым лучшим и самым худшим в русской интеллигенции»[42]. В этот период отношения Руманова с Дымовым носили уже не только личный, но и профессиональный характер. Об их сходном понимании журналистики свидетельствуют многочисленные публикации Дымова в *Биржевке* — для редактора уровня Руманова аргументом для публикации и ее оплаты могло быть только качество материала и базирующийся на этом престиж газеты, никакие личные симпатии не смогли бы вызвать его протекцию. Дымов крайне высоко ценил профессиональное мнение Руманова и продолжал считать его близким другом — именно ему он пишет вскоре после приезда в Нью-Йорк эмоциональное искреннее письмо (№ 15) о своем решении остаться в Америке и его мотивах.

Публикуемая переписка начинается во времена студенческой беззаботности и бурного юношеского романа Дымова с талантливейшей драматической артисткой Екатериной Рощиной-Инсаровой. Смятение чувств находит выход в письмах, где он делится аван-

тюрными планами и намерением «ломать жизнь». Со временем в письмах появляется все больше профессиональных сюжетов. Отношения не всегда были безоблачными, что и не удивительно при той интенсивной и непростой жизни, которую вели оба корреспондента, но доверие друг к другу они сохранили. Суть последовавшего охлаждения (конфликта?), отразившегося в письмах Дымова Александру Бурову (в 1920–1930-х годах) не совсем ясна. Тем не менее, оказавшись на другом конце земли, как и позже, приехав в Европу в 1927 г. и бывая время от времени в Париже, где жил Руманов, Дымов не переставал интересоваться его жизнью (как это видно из его переписки с другими корреспондентами). Однако ни личные контакты, ни переписка между ними, насколько известно, не возобновились. В одном из писем конца 1930-х годов А. Бурову Дымов чрезвычайно резко высказывается о поступках и моральном облике Руманова, подведя таким образом не слишком утешительный итог уже умершей дружбы.

Постскриптум

Если обозначившийся в наше время интерес читателей и исследователей к творчеству Дымова не иссякнет, то можно будет ожидать появления комментированных изданий его произведений. Однако даже если Дымов будет «переведен в классики», чрезвычайно трудно представить его полное собрание сочинений — непременный атрибут литературного мэтра. Вот его сообщение А. Бурову в письме из Лондона (1934 г.): *«Но за свою — подсчитано! — долгую литературную жизнь я писал:*

1) по-русски

2) по-еврейски

3) по-немецки

и сейчас:

4) по-английски.

Несовершенно — но все же достаточно полно, чтобы выразить и мысль, и оттенок ее»[43].

Читать все его произведения в оригинале смогли бы лишь те, кто владеет перечисленными языками. Между тем, разноязычные произведения различных жанров созданы одним и тем же человеком, отнюдь не страдавшим расщеплением личности. Быть может, это не слишком важно для обычных читателей, которые смогут выбрать интересную и доступную для себя часть его наследия, но для специалистов и биографов задача может оказаться более трудной.

В освоении наследия Дымова на современном этапе просматривается еще одна проблема. Судьба его литературного наследия совсем не тривиальна. Этому писателю как будто суждены были быстрый и яркий успех в любом социокультурном пространстве, куда бы он ни попадал, и в любом литературном жанре, за какой бы он ни брался. Однако через определенное время наступало забвение на долгий срок. Было ли оно закономерным? На первый взгляд в каждом случае очевидны факторы нелитературного порядка. В СССР русскоязычную беллетристику Дымова выкинули из истории литературы уже в сталинский период — от него осталась только фамилия, мелькавшая в публиковавшихся воспоминаниях, письмах и дневниках более счастливых в этом отношении современников. Русско-еврейская литература в тот же период как культурный феномен замалчивалась. Что касается идишистской части литературного наследия Дымова, то ее участь связана с судьбой этого языка и его носителей — в Америке Дымов сам успел застать и пронаблюдать бурно идущую американизацию диаспоры, а в Европе на ассимиляционный процесс наложились события Второй мировой войны с известными последствиями. Что касается англоязычных текстов (статьи в американской периодике, киносценарии, личная переписка и пр.), то как факт американской или английской культуры они никем не осознавались и, видимо, не анализировались, но это не отменяет факта их существования и притягательности для современного читателя и/или исследователя.

И все же кроме действия соцально-исторических факторов, вероятно, было что-то и в самих произведениях Дымова, что воспрепятствовало их долгожительству в умах читательской массы хотя бы на уровне легенды. Может быть, дело не только в советской цензуре?

Разумеется, объем и задачи публикации не оставляют места для солидного литературоведческого анализа творчества Дымова-беллетриста. Все-таки вспомним еще раз похвалы Чуковского, охотно цитируемые современными авторами в статьях о Дымове (одна из них приведена и в нашей статье). Она звучит похвалой лишь потому, что вырвана из контекста. Напомним, что полный текст критических статей Чуковского, сделавших его выдающимся представителем этого жанра в России начала века, стал доступен современному читателю лишь благодаря изданному в 2000-е годы собранию его сочинений[44]. На самом деле и первая рецензия, и последующие статьи о Дымове полны неприкрытой иронии, порой весьма уничижительной и просто обидной («курортный гений», вместо мистики — игра слов, коротенькие мысли, коротенькие чувства и мелькание, мель-

кание — это все о Дымове. Хорошо, что Чуковский не дожил до современных клипов). Следом за предсказанием о том, что шедевры сатиры Дымова со временем попадут в хрестоматии, следует уточняющий текст: «*Дымов умеет кокетничать с читателем, и это ему к лицу. И всегда будто говорит: я знаю что-то очень важное, только не скажу ни за что. А то, что я говорю, пустяки, но на самом деле... и делает загадочное лицо [...] И не столько думается о Дымове, как о дымовщине вообще [...] Вот талантливый писатель, а что из него сделали? Причесали, научили 'кокетничать', 'приспособили настолько, чтоб не беспокоил', дали мистицизму на три строки, и юмору на пять — и пустили в люди. И одно он умеет: претворять всякое — и ужасное, и радостное, и громадное, и маленькое явление жизни в нечто очень приятное, очень коротенькое и милое до чрезвычайности*»[45].

Пафос статьи Чуковского направлен не только и не столько на творчество Дымова, сколько на запросы массового читателя, формирующего свою литературу (чтобы подчеркнуть не преходящую актуальность явления, можно бы сказать — свое искусство). Не отказывая писателю в таланте, критик подмечает не только легкость, но и легковесность его пера, заигрывание с читателем и подстраивание под него. Несмотря на то, что Чуковский и Дымов вместе делали в 1905 г. остросатирический (и увы, недолговечный) *Сигнал* и впоследствии поддерживали личное знакомство, Чуковский-критик оставался нелицеприятным и не скупился на меткие, хлесткие формулировки.

К чести Дымова надо сказать, что он верно оценил критику и занял почти уникальную позицию. Судя по отчету в газете *Речь*, в прениях после доклада Чуковского в 1909 г. (переполненный зал, шум, висящий в воздухе скандал) Дымов выходит на эстраду и «*заявляет, что [...] в докладе Чуковского его привлекает оригинальная манера, которая ведет — как в других вещах этого критика — к выяснению основной сущности данного писателя. "Чуковского надо не хулить, не освистывать, его надо чествовать", — заявил г. Дымов под свистки и рукоплескания публики*[46]».

Был ли прав Чуковский в своих инвективах? Или он слишком увлекся разоблачением пороков масскультуры? Имеет ли писатель право заботиться о том, чтобы нравиться читателю или это смертельный грех? Грешен ли в этом Дымов или же его стиль формировался независимо от читательского восприятия? Когда-нибудь нам придется ответить на эти вопросы. Пока что, в качестве смягчающего обстоятельства, напомним, что Чуковский писал о произведе-

ниях 27-летнего автора, у которого впереди была целая творческая жизнь.

Длительный период невстречи автора с читателем создает дистанцию, роль и воздействие которой трудно предугадать. Меняются реалии быта, меняется язык, да и тысячелетие на дворе уже другое. Что найдет для себя читатель в беллетристике Дымова и найдет ли что-то? Ведь классические, хрестоматийные тексты живы не только благодаря своим достоинствам, но и оттого, что внимание к ним постоянно притягивается различными культурными институциями — то экранизация, то переиздание, то проблемная статья, то конференция или юбилей. Никаких таких наслоений на текстах Дымова нет. Они выходят на рандеву с читателем один на один, разве что в сопровождении комментатора.

Если дальнейшую судьбу беллетристики и драматургии Дымова предугадать трудно, то за его мемуарные, дневниковые и эпистолярные тексты, судя по всему, можно не волноваться — они выдерживают испытание временем, могут и должны быть востребованы.

[1] В музее А. Ахматовой (СПб) хранится альбом 1900-го года выполненных им забавных шаржей. См.: *Бельская Э.* Предисловие / *Дымов О.* Богоискатель // *Нева,* 2002. № 11. (См. также Интернет-ресурс: http://magazines.russ.ru/neva/2002/11/dymov.html

[2] Рецензия К. Чуковского на первый сборник рассказов Дымова «Солнцеворот» под названием «Мещанское и его поэзия» была опубликована в газете *Одесские новости,* 14 августа 1905 г. Позже в несколько переработанном виде вошла в сборник «От Чехова до наших дней» (в 1908 г. издавался трижды), где в финале упоминается второй сборник Дымова «Земля цветет» (1908).

[3] *Чуковский К.* Осип Дымов // Чуковский К. Собр. соч. М., 2002. Т. 6. С. 55.

[4] Всеобщая история, обработанная *Сатириконом.* СПб, 1912.

[5] *Аронсон Г.* Осип Дымов. Дружеские воспоминания // *Новое русское слово* № 13079, 27.02.1948. С. 3.

[6] *Щедрин В.* Жизнь и дневник Осипа Дымова // Интернет-ресурс: http://www.judaica.kiev.ua/Eg13/03-07.htm. Автор дает цитату из письма Луначарского Дымову по «Дневнику» последнего.

[7] *Масловский В. И., Чанцев А. В.* Дымов Осип // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 201–203.

[8] *Дымов О.* Минувшее проходит предо мною. Публикация, вступительная статья и комментарии В. Хазана // *Параллели*: русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. № 6–7. М., 2005. Примеч. 29: Как это ни странно, но его [Дымова] эмиграция ошибочно воспринималась в общем потоке российских изгнанников, покинувших страну в результате революционных событий (в качестве примера приводится текст В. Сосинского и комментарии к собранию сочинений А. Блока, изданному в 1963 г.)

[9] Литературная энциклопедия Русского Зарубежья 1918–1940. Писатели Русского Зарубежья. М., 1997.

[10] Изучая биографии различных возвращенцев и невозвращенцев этого периода, мы обнаруживаем самые разные примеры жизненных стратегий или игры случая: кто-то вернулся из-за границы в СССР, чье-то возвращение оказалось временным, кто-то вступал в отношения с советскими спецслужбами и иногда становился тайным обладателем советского паспорта, откладывая реальное возвращение на более поздний срок.

[11] См. *Щедрин В.* Op. cit. Автор приводит (со ссылкой на Левитину В. ...И евреи — моя кровь (еврейская драма — русская сцена). М., 1991. С. 59) интересную статистику: с июня 1907 г. по февраль 1917 г. в обязательную цензуру драматических произведений поступило 1400 пьес на еврейские темы.

[12] Главный сюжетный ход пьесы состоит в том, что молодой человек, убитый погромщиками, оказывается тайным выкрестом (он принял христианство, чтобы поступить в университет); когда это обнаруживается, раввин отказывает отцу убитого в еврейских похоронах. А. Свирский в цикле «Вечные странники (Записки коммивояжера)», опубликованном в журнале *Еврейская жизнь* № 10, 1904, показал ту же коллизию, но не связывал ее с погромом (см. КЕЭ, очерк «Русско-еврейская литература»). Далее по ходу действия пьесы Дымов рисует целый клубок самых наболевших проблем, связанных с «еврейским вопросом».

[13] По определению КЕЭ — художественное и публицистическое творчество на русском языке писателей-евреев, отражавших еврейскую жизнь с позиции самоидентификации со своим народом.

[14] *Щедрин В.* Op. cit.

[15] *Мукдойни А.* Осип Дымов // Драмен унд эрцейлунген. С. III–IV. Цит. по: *Щедрин В.* Op. cit.

[16] *Щедрин В.* Op. cit.

[17] См. *Щедрин В.* Op. cit. — автор цитирует фрагмент воспоминаний из американского архива Дымова: Glimpses of the Moscow Art Theatre. YIVO, RG 469, folder 50. Л. 4.

[18] Там же.

[19] *Левитина В.* ...И евреи... С. 204.

[20] По данным КЕЭ, в 1860 г. из 44 белостокских фабрик 19 принадлежали евреям.

[21] В 1900 г. в белостоцкой организации Бунда состояло ок. 1000 человек (КЕЭ).

[22] Дымов О. Минувшее... С. 219.

[23] Там же.

[24] Маня Вильбушевич — Мария Вульфовна (Владимировна) Шохат (ур. Вильбушевич), 1879–1961. Член Бунда, идеолог создания коллективных поселений в подмандатной Палестине, позднее ставших киббуцами.

[25] Роза Бернштейн — Роза Раиса (Rosa Raisa), ур. Берштейн (Burchstein), 1893–1963. Певица (драматическое сопрано), одна из самых успешных оперных солисток своего времени, пела в Ла Скала и других престижных театрах. После ухода с оперной сцены в 1938 г. открыла свою школу в Чикаго, много выступала вместе с дочерью в концертах, заканчивая их исполнением еврейской песни «Eili, Eili».

[26] Гриневицкий Игнатий Иоахимович (1855 /или 1856/ – 1881), в 1875–1880 учился в Технологическом институте в Петербурге, участвовал в польских и русских революционных кружках, с 1879 член «Народной воли». Участвовал в подготовке покушения на Александра II, 1 марта 1881 г. бросил бомбу, которой убил царя и смертельно ранил самого себя.

[27] Жуковский Станислав Юлианович (1875–1944), сын польского повстанца 1863 г., лишенного состояния и дворянства. С 1892 г. был вольнослушателем Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Один из лучших художников-

пейзажистов начала XX в. В сентябре 1923 г. репатриировался в Польшу, где его картины были приобретены лучшими музеями. Персональные выставки в Варшаве, Кракове, Париже. После подавления варшавского восстания погиб в концлагере под Варшавой.

[28] *Дымов О.* Минувшее... С. 213.

[29] Людвик (Лейзер) Маркович Заменгоф (1859–1917) — врач-офтальмолог и лингвист, создатель искусственного языка, получившего впоследствии название эсперанто (в 1887 г. в Варшаве под псевдонимом Доктор Эсперанто опубликовал книгу «Международный язык. Предисловие и полный учебник»). Вскоре последовали ее издания на польском, французском и немецком языках.

[30] *Дымов О.* Минувшее... С. 212.

[31] Доктор Хазанович — Хазанович Йосеф (Иосиф Аронович), 1844–1919. Врач, сионист, начиная с 1890 г. передавал и высылал приобретенные на свои деньги или благотворительные пожертвования книги для еврейской национальной библиотеки (всего более 63000 единиц).

[32] Из многочисленных биографий и документальных материалов об ученом укажем на наиболее авторитетный по данному вопросу источник: *Krasko R.* Ludwik Zamenhof — tworca Esperanto // Studia i materialy do dziejow miasta Bialegostoku. T. III. Bialystok, 1972. Из последних источников: *Romaniuk Z.*, *Wisniewski T.* Zaczelo sie na Zielonej. O Ludwiku Zamenhofie, jego rodzinie i poczatkach esperanta. Lodz, 2009.

[33] Szczygiel — Rogowska I. Biografia Ludwika Zamenhofa // Интернет-ресурс: http://www.centrumzamenhofa.pl (пер. с польского автора публикации).

[34] Можно предполагать, что Дымов в юности знал и польский язык. Ведь не случайно для латинского написания своей фамилии он использовал именно польское написание «Dymow».

[35] В 1889 г., будучи студентом Лесного института, Дымов принял подданство России, о чем со ссылкой на «Именную ведомость об иностранцах, вступивших в подданство России, Гродненской губернии с 1 января 1899 года по январь 1900 года» сообщает Э. Бельская (см. прим. 1). В 1926 г. он получил гражданство США.

[36] *Дымов О.* Минувшее... С. 207.

[37] *Яковлева Е.* «Общий друг» художников и поэтов. А. В. Руманов // Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Т. 2. СПб, 2003. С. 307.

[38] Иванов Евгений Павлович (1879–1942) — детский писатель, публицист, близкий друг А. А. Блока и автор воспоминаний о нем.

[39] *Пяст В.* Встречи. М., 1997. С. 145.

[40] Там же. С. 147.

[41] Там же. С. 148.

[42] *Померанцев К.* Сквозь смерть. Аркадий Вениаминович Руманов // Интернет-ресурс: http://www.radashkevich.info/KD-Pomerancev/KD-Pomerancev_142.html

[43] Письмо О. Дымова А. Бурову от 12.05.1936 г. // РГАЛИ. Ф. 2274. Оп. 1. Ед.-хр. 43.

[44] *Чуковский К.* Собр. соч. в 15 томах. М. 2001–2009.

[45] *Чуковский К.* Op. cit. С. 55–56.

[46] Б/п. [Информационная заметка о докладе К. И. Чуковского в Петербургском литературном обществе 25 сентября 1909 года] // *Речь.* 27 сентября (10 октября) 1909 г.

Приложение

Переписка О. Дымова и А. Руманова (1902–1914)

Все публикуемые письма хранятся в РГАЛИ. Письма Дымова находятся в фонде Руманова. Публикуются по оригиналам (РГАЛИ. Ф. 1694 (А.В.Руманов). Оп. 1. Ед. хр. 245), расположенным в хронологическом порядке (в тех случаях, когда автор не указывает даты, письмо датируется приблизительно, по содержанию), перед текстом указываются только номера листов. Адреса хранения письма № 2 и № 9 (письмо Руманова Дымову) указаны особо.

Автор публикации и редакция выражают благодарность за консультации и помощь при ее подготовке Е. Яковлевой (СПб), Г. Элиасберг (Москва), Г. Кратцу (Мюнстер, Германия).

1. О. Дымов — А. Руманову [1902][1]

[л. 11–12]

Б. Казачий пер., д. 4, кв.11

Дорогой мой, хороший. Вчера защитил свой лесной проект и удостоился диплома. Какая огромная гора леса или что еще хуже ненужности с плеч! До чего я рад — передать не могу. Я свободен, у меня есть возможность передвижения, возможность свободной мысли. Если я меньше, чем через 2 месяца, не напишу интересной повести, я ни на что не годен. Обязан я своему успеху товарищу моему colleg'е Гуревичу во многом.

Я тебя жду и ничего не предпринимаю. Именно жду. Все устроится. Ничего не решил. Может быть, буду жить в Гатчине. Или снимем вдвоем квартиру? Недорого? Или уехать в Самару? Жду. Жду.

Издаюсь. Печатаю свои воскресные лирические вещицы, которые шли в «Бир[жевых] ведом[остях]»[2].

Целую тебя

крепко

Осип

[л. 11, на обороте]

Поклон от Женни[3]. Ждет тебя также. На Б[ольшой] Охте есть квартира в 4 ком[наты]. 25 рублей. Снять?[4]

[1] В 1897–1902 гг. Дымов учился в петербургском Лесном институте. Письмо датируется по упоминанию о защите диплома.

[2] В 1901 г. рассказ Дымова «Силуэты» (1897) был премирован на литературном конкурсе *Биржевых ведомостей*, что открыло ему доступ в эту газету.

[3] Штембер Евгения Лазаревна (Львовна) (1883–1939) — родственница Дымова, с которой он познакомился, приехав в Петербург в 1897 г. (в то время она училась в Петербургской консерватории по классу рояля, впоследствии — известная пианистка). С 1905 г. — жена А. В. Руманова, с 1918 г. жила вместе с ним в Париже.

[4] Судя по всему, Дымов не снял квартиру на Охте, так как до переезда в Москву в 1905 г. его адрес оставался прежним (Казачий пер. д. 4, кв. 11). В этой же квартире после возвращения с юга России, с конца 1904 г. по начало 1905 г., жил и Руманов (сообщение Е. Яковлевой). В этом же доме в кв. 5 позже размещалась редакция журнала *Сигнал* (запрещен в декабре 1905 г.), где Дымов играл руководящую роль.

2. О. Дымов — А. Руманову [1904][1]

С[анкт-]П[етер]бург, Б. Казачий пер., д. 4, кв. 11

Прости меня, дорогой, за молчание. Было «переходное» время, а хотелось сообщать о чем-либо определенном. Да и теперь этого сделать не могу.

Люблю тебя очень, чувствую и ценю. Твоей дружбой горжусь и к себе отношусь из-за этого строже и [нрзб].

То, что хотел все время — теперь высказываю и радуюсь случаю...

А с о мной... Нет, это не увлечение. Я ее даже совершенно не люблю — это знаю наверно. Тоска большая, но не [нрзб] в ее лице — не только в глазах. У нее несомненное большое дарование. Вокруг ее имени в будущем создастся легенда, и я вижу, как она легким облаком уже начинает окружать ее гибкую и нервную фигуру. Ты ее знаешь — это Рощина-Инсарова, актриса[2].

На днях она уезжает в Самару на всю зиму. Редактору «Самарской газеты» я написал письмо, спрашивая о возможности сотрудничества. Хочу уехать в Самару (это секрет — ради Бога — никому!).

Для чего? Надо ломать жизнь: «она» принесет мне страдания и большие и мужские и [сценические?]. Слишком «легко» жить мне было. Надо уходить от того, что легко. А «Рощина» — это трудно и, главное, практически «не нужно». И не люблю, не люблю ее. Но я никого не полюблю, а здесь полная чаша горькая — [бесспорно?]. Да не минует меня чаша сия.

Жизнь проходит, а мне, а нам 26 лет. Много ли еще осталось? Надо [нрзб] дать ее, ломать, не нужно [попусту?]. Так пишу месяц. Напиши о Рощиной. Ты про нее, кажется, знаешь. Та, Минская[3] у меня на пути не была. Напиши очень подробно о себе.

После ее отъезда я один, спешно заканчиваю свои дела. Если уеду в Самару — а нужны деньги, то в начале октября. Написал комедию «Я». Там Ходотов[4].

Целую тебя крепко, крепко
Твой брат Осип

[1] Недатированное письмо Дымова Руманову обнаружено Е.П. Яковлевой (СПб) в фонде Руманова (Ф. 1694. Оп.1. Ед. хр. 76. Л. 6–7) среди писем к нему Оскара Осиповича Блюмберга, куда попало по ошибке. Авторство определено по содержанию, стилю и почерку Дымова. Письмо датируется по упоминанию возраста 26 лет (и Дымов, и Руманов родились в 1878 г.) и по упоминанию об отъезде Рощиной-Инсаровой в Самару.

[2] Рощина-Инсарова Екатерина Николаевна (1883–1970) — драматическая артистка. На сцене с 1897 г. Вначале играла в провинциальных театрах, затем получила ангажементы в Петербурге и прославилась как актриса Александринского театра. Зиму 1905 г. провела в Самаре, вернулась в Петербург в 1906 г. С 1918 г. в эмиграции, с 1925 — в Париже.

[3] Вероятно, имеется в виду Людмила Николаевна Вилькина (в замужестве Виленкина) (1873–1920) — поэтесса, прозаик, переводчица, жена литератора Н. М. Минского (Виленкина). В 1900-е гг. в их петербургской квартире на Английской набережной, д. 62 собирался литературный салон.

[4] Ходотов Николай Николаевич (1878–1932) — драматический актер. С 1898 по 1929 гг. играл в Александринском театре. В его квартире регулярно собирались литераторы, артисты, ученые, по словам Е. Чирикова — «от знаменитостей до непризнанных гениев богемы». Именно там 18 февраля 1909 г., после чтения пьесы Шолома Аша «Голубая кровь», произошел закончившийся скандалом и получивший отклики в печати инцидент с участием Е. Чирикова, К. Арабажина, О. Дымова, А. Волынского и А. Шайкевича (описан в воспоминаниях Е. Чирикова «На путях жизни и творчества» / Вступ. статья, публ. и примеч. А. Бобыря // *Лица*: Биографический альманах. 3. М.–СПб., 1993. С. 368–371).

3. О. Дымов — А. Руманову [1905?][1]
[л. 23 — 26]

Beatenberg[2] Hotel National
14 июня

Сейчас получил Твое письмо, мой дорогой, мой родной, перечитываю его, дополняю. Что ты уехал, я этому несказанно рад и что с Семеновым[3] — еще больше. Наталье Михайловне от меня привет, Семенову я сегодня писал в Петербург.

Насколько могу, слежу за собой, наблюдаю. Мне кажется, что я изменился во многом. То, что я сейчас здесь пишу, в этой благодатной редкой стране — как ни странно — очень мрачно. Для меня ясно: я совсем иначе стал писать, в другую сторону. Мне здесь некому читать — впрочем, есть — не об этом песнь — жаль, что вас нет: Тебя и Семенова. Что это другое — я знаю, но хорошо ли дурно — не знаю. Во всех почти рассказах (а кончаю уже третий) участвует Нина Измаилова (псевдоним)[4]. Еще: рассказы довольно длин-

ные — сравнительно с моим размером — немного больше «Агари». Драму тоже почти заканчиваю (пишу 4-ое действие).

Страшно мне: ведь я экзаменуюсь. Читал Ты, что про меня в «Вопросах жизни» писали: «глаза Дымова засыпаны нехорошей придорожной пылью».

От Добролюбовой[5] получаю письма (последнее — длинное, славное). Я ей написал недавно: пока не очищу глаз своих, не подойду к Вам.

Здесь я узнал к большой для себя радости, что я сильнее, чем думал про себя. Надо твердо и ясно захотеть — в этом суть. Но хотеть до конца. Трудно мне разобраться часто во многом — но так далеки от меня биржевые ведомости (я не забыл о кавычках). Может быть, я сообщу странные вещи и странные решения. Обрадовала меня сегодня одна фраза, очень, очень. Все время (за редкими исключениями) я встречал молодежь, помешанную на политике. Ты знаешь мое отвращение к узкоголовым людям «будущего строя» и куцым мыслям общественности. Но их слишком много здесь. Говорить невозможно ни о чем другом. Я молчал и думал, неужто я совсем атрофирован в этой области и отстал, отстал. Может быть, они правы. Иногда думал: не начать ли завидовать.

Но вот вчера встретился с неким К. (очень [нрзб] личность). Сидел в одиночном заключении в крепости 4 (!!!) года и был в Сибири тоже 4 года. Уже совсем, значит, политик. Разговорился с ним не без трепета, но я имел мужество быть откровенным. И вот — в этом и есть моя радость — он сказал мне:

— Я рад, что встретил вас. Как жаль, что вы уезжаете.

Я торжествовал. Кругом меня (я в русской колонии) живут и ждут его «коллеги» по идее (он называет их рефератское мясо), а мы отправляемся в лес и читаем «У моря» из «Солнцеворота». Собирается перевести на итальянский язык. Ты меня поймешь.

Я думаю о своей будущей карьере: я писал об этом Бурдесу[6]. Вот как она выразится. Внимание. Чехов про себя так отзывался (Чайка): про меня всегда будут говорить: «Да, это хорошо, мило, но Тургенев писал лучше». А про меня будут говорить: «Да, хорошо, мило, но Чехов писал лучше». Однако, когда я умру и появится молодой, подающий надежды писатель, о нем скажут: да, хорошо, мило, но Дымов писал лучше. Dixi.

Ну, теперь... о женщинах. Не ищу, не хочу, избегаю, не думаю. Мне даже неприятно писать об этом. От Рощиной получил прекрасное письмо. Ну, не надо.

На днях написал Твоему брату, Сутугину[7], Покровскому[8], Маковскому[9], Гайдебурову[10], Бурдесу и мн[огим] др[угим]. Это все ответное. Я получаю очень много писем, никогда столько не получал. Это меня радует. Письма, отправленные в Вену, потерялись. Я уже писал и требовал. Остальные получил.

Теперь я самым серьезным образом прошу Тебя заняться революционной эстетикой. Пойми, это необходимо, дорогой мой, это необходимо. Больше: это трудно. Надо идти к трудному.

Относительно Базеля[11], я еще не решил, не знаю. Бурдес писал, что конгресс 17-го вместо 27-го. Если 27-го, то не буду ждать и уеду к Шварцу. Жду денег от Бурдеса. Следовательно адрес мой: Belgique, Anvers, Rue du Vanneau, 26.

Брат мой[12] зовет меня в Берлин, но я боюсь туда ездить. Вероятно, с Мишей поедем в Париж или Льеж.

Будь здоров, не забывай меня. Хоть открытку напиши. Да и Шварц все время спрашивает. Ромму[13] напишу.

Крепко целую.

Осип.

[1] Письмо датируется предположительно, по упоминаемым в нем лицам из ближайшего окружения Дымова и по высказанному намерению поехать в Базель на Сионистский конгресс. Известно также письмо Дымова Н. Минскому из Швейцарии от 9 июля 1905 г. — РО ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 222).

[2] Беатенберг — курортный город в Швейцарии, в кантоне Берн.

[3] Семенов (Семенов-Тян-Шанский) Леонид Дмитриевич (1880–1919) — поэт, прозаик, религиозный пропагандист. В 1905 г. Дымов был участником литературного кружка «Содружество», в который входил Семенов, упоминаемые в данной переписке Л. Вилькина, С. Маковский, С. Рафалович, А. Руманов, Л. Гаврилович и др. Издательство «Содружество» выпустило первую книгу рассказов Дымова «Солнцеворот» (СПб, 1905), привлекшую к его творчеству внимание читающей публики и создавшую ему литературное имя.

[4] Прототипом Нины Измаиловой, видимо, была Е. Рощина-Инсарова. Возможно, фамилия выбрана не случайно — в 1902 г. артистка играла в Пензе в пьесе «Измаил».

[5] Добролюбова Мария Михайловна (1880–1906) — педагог, в 1904 г. добровольно пошла на фронт медсестрой, в 1906 г. примкнула к партии эсеров. Так же, как и ее брат, поэт А. Добролюбов, уже при жизни была в кругу петербургских символистов легендарной фигурой. Для ближайшего окружения ее смерть (11 декабря 1906 г.) стала знаковым событием. Некоторые драматические события жизни Маши Добролюбовой нашли отражение в романе Дымова «Бегущие креста» (первое издание — Берлин, 1911; в России — в альманахе *Шиповник*, 1912), где она стала прототипом Елены Колымовой.

[6] Бурдес Борис Павлович (1862–1911) — переводчик, журналист. Будучи сотрудником и корреспондентом газеты *Биржевые новости*, подолгу жил за границей. С 1881 г. состоял секретным сотрудником охранки, действовал среди революционеров в Париже. В 1905 г. Дымов, также активно печатавшийся в *Биржевых ново-*

стях, был довольно близок с Бурдесом, затем прекратил с ним отношения. Позже это знакомство нашло отражение в некоторых произведениях Дымова.

[7] Сутугин Сергей (наст. имя О. Г. Этингер) — штатный критик журнала *Театр и искусство*, драматург.

[8] Покровский Иван Васильевич (1876–1906) — композитор, пианист, связанный с кругом поэтов-символистов; в 1901–1911 гг. вместе с В. Нувелем и А. Нуроком принимал участие в организации «Вечеров современной музыки».

[9] Маковский Сергей Константинович (1877–1962) — искусствовед, художественный критик, организатор выставок, издатель; в 1909–1917 гг. был главным редактором журнала *Аполлон*, в первом номере которого была напечатана повесть Дымова «Влас» (*Аполлон* № 1, 1909).

[10] Гайдебуров Василий Павлович (1866 – после 1940) литератор, журналист, издатель; в 1905–1906 Дымов активно сотрудничал с издававшейся Гайдебуровым газетой *Русь*.

[11] В 1905 г. в Базеле с 27 июля по 2 августа проходил 7-й Сионистский конгресс.

[12] Брат Дымова — известный впоследствии ученый-физик Яков Исидорович Перельман (1882–1942), автор более 100 научно-популярных книг и брошюр, в т. ч. — «Занимательная физика» (1-е издание в 1913 г.) и «Занимательная астрономия».

[13] Ромм Григорий Матвеевич (1885–1960) — журналист, издатель и театральный деятель.

4. О. Дымов — А. Руманову [1907?][1]

[л. 21–22]

Херсонск[ая] 1. к. 4

27 ян[варя]

Дорогой мой друг. За письмо большое сердечное спасибо. Не стало Орлика[2] и Покровского — тех, кто были восприемниками моих работ. Сейчас ты у меня их заменяешь. Я думаю об этом письме, становится хорошо жить и работать. Ну, это одно и то же, конечно.

Мне хотелось бы, чтобы ты получил такое же письмо, пусть не от меня. А это должно быть. Это будет. Непременно начни скорее же с книгой. Я работаю теперь над «Слушай, Израиль»[3] и, закончив обработку, прочту Тебе.

Крепко, крепко целую друга.

О.Д.

[л. 21, сбоку]

Ты обещал мне Морозова[4] — пожалуйста, не забудь.

Привет.

Ос[ип]

[1] Письмо датируется предположительно, на основании упоминания о смерти Покровского и Орлика.

[2] Если речь идет об Эмиле Орлике (Emil Orlik, 1870–1932), художнике, сотрудничавшем с М. Рейнхардтом, в частности в 1906 г. оформлявшем его постановку «Зимней сказки» Шекспира, то слух о его смерти был ошибочным.

[3] «Слушай, Израиль» — одна из «еврейских мелодрам» Дымова, написанная по следам погромов; была поставлена в петербургском Современном театре в 1907 г. и пользовалась успехом у публики, но у критики того времени получила невысокую оценку.

[4] Возможно, имеется в виду Николай Александрович Морозов (1854–1946) — одна из самых ярких фигур в Петербурге того времени: народоволец, отсидевший 23 года в Шлиссельбурге (вышел на свободу в ноябре 1905 г.), ученый, получивший степень доктора наук по представлению Д. Менделеева, мыслитель и мемуарист. Находился в дружеских отношениях с А. Румановым.

5. О. Дымов — А. Руманову [1908][1]
л. 32–33:

Charlottenburg (b. Berlin) Schillerstr. 77 IVe
H. Perelmann fur O. Dymow
Дорогой мой Аркадий,

сейчас получил Твою (Вашу — с Гр. Петровым)[2] телеграмму, ответил телеграфно. Я буду рад писать о представителях германской литературы, которая теперь первая в мире. Думаю познакомиться и с другими [писателями?]. Я буду давать не интервью, а литературные портреты. Буду, где возможно, брать или рукописи, или перевод с печатного данного писателя. Таким образом, в № получится полное (насколько возможно) лицо писателя: наверху мой «портрет», а внизу в переводе его рассказ. Сюда же может войти и портрет настоящий (пером или фотография). Пожалуйста, напиши, нужно ли это? Одобряешь ли? И если да — то могу ли я уговариваться с переводчиками, а также с авторами — в случае, ежели он дает рукопись. Так сейчас представляется возможность купить рукопись (небольшую [нрзб]) Германа Банга[3], «датский Чехов». Это великолепный, первоклассный писатель. Я о нем скоро напишу.

Теперь — о денежной стороне. Чтобы вести эту работу как следует, следует много ездить и работать. Придется побывать в Вене (Шницлер, Бар, Альтенберг, Гофмансталь[4]), в Мюнхене (Пшибышевский[5]), в Силезии (Гауптман[6]) и др. Не грех, если я спросил [бы] 200 руб. разъездные и 20 коп. за строку. Разъездные я еще попрошу — это ведь понятно. Придется мне много читать, бывать в театрах (для знакомства с пьесами). Но ручаюсь — пойдет хорошо. У меня в первую очередь будет — Ведекинд[7]. Пришлю не раньше, когда получу от Тебя или Григория Спиридоновича полный ответ или полномочия. Я не о деньгах говорю — а хочу, чтобы это живое и интересное дело было поставлено так, как того заслуживают великие умы тех людей, с которыми и о которых буду писать. Итак, пре-

одолей свою чернилобоязнь и ответь непременно. Иначе же, право, ничего не выйдет.

У меня мало нового. С пьесой еще не выяснено. Живу теперь в Берлине, но если не получу скорого ответа от «Русс. Слова», уеду в Париж, потом в Россию. Пиши мне. Я люблю твой светлый ум.

Целую тебя

Осип

[вверх ногами] На днях был в Simplicisimuss[8] мой рассказ. Принят еще к печати.

[на обороте л. 32]:

О Борисе Павл. Бурдесе. Что такое с ним произошло? Почему Вы все там от него отвернулись? Почему? почему ты не пишешь ему? Если у него разрыв с «Бирж. вед.», то почему бы тебе не устроить его корреспонденцию в «Русск[ом] Слове»? Когда он говорит о своей литературной работе, то у него плачет голос. Могут плакать глаза или даже сердце — но голос — пойми — плакать не должен. Это в силах человек сделать для человека. Ты это знаешь не хуже моего. ...Я изменился. Я во многом стал другой. У меня глаза печальные, но взгляд серьезный

Какую роль здесь играет Сорин?[9] Из слов Бурдеса выходит, что он не желает исполнить свой долг.

[сбоку] Можешь адресовать мне письма на: Berlin Fasanenstr. 58 b Fenner (?) Burdes fur Dymow

[1] Письмо датируется по сообщению о публикации в *Симплициссимусе*.

[2] Петров Григорий Спиридонович (1868–1925) — священник (лишен сана в 1908 г.), литератор, публицист, депутат Государственной думы. В 1908 г. Петрова преследовала и церковь, и государственные органы.

[3] Герман Ванг (Hermann Bang, 1857–1912) — датский писатель, театральный рецензент и критик. Пробовал свои силы как театральный актер, режиссер, выступал с чтением своих произведений (в т. ч. в 1911 г. — в России).

[4] Шницлер, Бар, Альтенберг, Гофмансталь и др. — члены литературной группы «Молодая Вена» (создана в 1890 г.). Артур Шницлер (Schnitzler, 1862–1931) — крупнейший представитель австрийского импрессионизма; проза и особенно драматургия Шницлера были на протяжении XX в. многократно экранизированы, адаптировались для современной сцены во многих странах мира; в России пьесы Шницлера ставили В. Мейерхольд, А. Таиров и многие другие. Герман Бар (Hermann Bahr, 1863–1934) — драматург, режиссер, критик, эссеист, идеолог литературного импрессионизма. Петер Альтенберг (Peter Altenberg, 1859–1919) — представитель позднего периода «Молодой Вены», был широко известен в Австрии и Германии не только литературным творчеством, но и богемным образом жизни; в своих произведениях настаивал на независимости взглядов, отрицал общепринятые этические нормы. Гуго фон Гофмансталь (Hugo von Hofmannsthal) (1874–1929) — прозаик, эссеист, драматург; автор сценических обработок трагедий Со-

фокла, Еврипида, драм Кальдерона, комедий Мольера, много лет сотрудничал с Максом Рейнхардтом.

[5] Станислав Пшибышевский (Stanislaw Przybyszewski, 1868–1927) — польский прозаик и драматург, выдающийся представитель литературного модерна и движения «Молодая Польша». Жил в разных городах Европы, в 1903–1904 гг. путешествовал по России вместе с театральной труппой, ставившей его драмы. В 1906–1919 гг. жил в Мюнхене.

[6] Герхардт Гауптман (Gerhardt Hauptmann, 1862–1946) — немецкий писатель, нобелевский лауреат (1912), признанный глава немецкого натурализма. В начале XX в. его пьесы пользовались большим успехом в Европе и в России.

[7] Франк Ведекинд (1864–1918) — немецкий поэт и драматург, предшественник экспрессионизма. С 1904 г. был актером в берлинском театре М. Рейнхардта, где играл в своих пьесах, пользовавшихся большой популярностью также и в России. В драматургии Дымова явно просматривается влияние творчества Ведекинда — внимание к проблеме пола и связанным с ней вопросам брака и семьи. Очерк Дымова «Франк Ведекинд» был напечатан в журнале *Театр и искусство* № 49–51, 1909.

[8] *Simplicissimus* — мюнхенский иллюстрированный еженедельник, основанный в 1896. Отличался остросатирической направленностью и хорошим составом авторов — в нем печатались памфлеты Ф. Ведекинда, произведения Г. Манна, К. Тухольского, Г. Гессе, А. Цвейга, А. Шницлера. В январе 1908 г. в журнале был опубликован рассказ Дымова в переводе П. Бархана: Dymov O. Der Dichter und sie/ Berechtigte Verdeutschung von P. Barchan // *Simplicissimus*. 1908 (Jg. 12). Bd. 2. № 42 (13 Jan.). S. 688–689.

[9] Сорин Николай (Иекусиель) Вениаминович (1880–1945) — издатель журнала *Еврейская жизнь*.

6. О. Дымов — А. Руманову [1908?][1]
[л.13–14]

Norderney[2] Moltkestr 8
(Германия)
15 июля

Спасибо, дорогой мой, за письмо. Я не тонул, но рукопожатие друга мне было нужно. И именно теперь. И именно в эти дни. Я тебя очень люблю, я не люблю только того, что ты меньше о себе думаешь, чем то необходимо. Я здесь был с моей матерью (единственная женщина, которую мне удалось уговорить поехать со мной за границу), говорил ей о тебе, о твоем уме, который все ждет своей книги, своего саркофага. В книгах мы хороним свои мысли. И каждая книга — это саркофаг, «но не воскреснет, пока не умрет».

Спасибо искреннее и большое за привет. Я не писал тебе, боялся, что не получу настоящего ответа. Но ответ пришел — до моего письма. Крепко жму руку.

Над Петербургом крест не ставил. Я только решил этот год провести вне его. Буду жить, вероятно, в Вене, Берлине и Париже. В Бер-

лине я видел Kammerspiele[3] немецкого (драмат[ического]) театра. Это удивительно. У меня словно глаза раскрылись. Надо учиться.

В Norderney (он в Германии, а не в Австрии) я здесь второй месяц купаюсь, сижу на берегу моря и пишу. Останусь здесь еще две недели, а потом уеду в Тироль, далее в Италию. Напишу еще.

В газетах ты прочел, что я пишу новую драму. Это — «Каждый день»[4] трагедия. Я писал ее и думал о тебе. Она совершенно имморальна, т. е. вне плоскостей нравственности. Потому что я в них ничего не понимаю. Мне кажется, удалось написать и захватить новые приемы в области драмы. Во всяком случае, эта моя драма более подходит по технике, стилю и миросозерцанию к моей беллетристике, нежели все предыдущие. Трудно сказать, в чем здесь дело. Я поставил себе задачу — средством (в драме задача и средства совпадают) ввести приемы импрессионизма. Я бы очень хотел, чтобы Ты ознакомился с этой драмой. Здесь мне некому читать. А для меня это более чем важно. Недели через 2 пьеса будет в Петербурге у моего брата, который отдаст ее в переписку (на машине). Я попрошу его один экземпляр дать Тебе. Пожалуйста, напиши мне о ней подробно свое впечатление. Ты знаешь, как я дорожу Твоим мнением. От директора Немецкого театра (в Berlin) я получил очень любезное письмо. Он ждет моей драмы. Она уже переводится на немецкий. Пойдет ли «Израиль» в Берлине и Вене (уже есть в переводе) неизвестно пока.

Пиши о своем здоровье, как поживают наши? Что с Женей? Где Миша? С Бурдесом я в переписке, он едет серьезно в Палестину. Меня туда не тянет.

Не видаешь ли Пильского[5]? Чуковского[6]? Анзилитрева? Привет им.

В Norderney много народу, но все сытые. Неинтересно. Я сижу здесь ради моря. Привет всем родичам.

Целую тебя сердечно

Осип.

[1] Письмо датируется предположительно, по упоминанию об окончании работы над пьесой «Каждый день» (об изданиях пьесы см. ниже).

[2] Norderney (Нордерней) — остров в Немецком море, у берегов Пруссии; известный купальный курорт со специфическим воздействием (повышенная концентрация соли в морской воде, сильная волна и т.д.).

[3] Kammerspiele (Камерный театр) — один из берлинских театров М. Рейнхардта (см. письмо № 7).

[4] «Каждый день» — пьеса, которая после публикации в Берлине в 1908 г. тогда же была поставлена в Камерном театре М. Рейнхардта с А. Моисси в главной роли и принесла Дымову настоящий большой успех. Впоследствии обошла театральные

сцены многих стран (широко известна под названием «Ню»). На русском языке первое издание — в альманахе *Колосья*, кн. 1. СПб, 1909, под названием «Ню. Трагедия каждого дня». В том же году была поставлена в Петербурге в театре Незлобина и в Новом театре.

[5] Пильский Петр Моисеевич (1876–1941) — журналист, писатель, критик-публицист, автор огромного количества статей, фельетонов, рецензий, рассказов, романов и пр., умевший остро высказаться на модные темы, обсуждавшиеся в обществе (проблема пола, шпионаж), постоянный участник богемной столичной жизни. С 1922 г. — в Эстонии, постоянный критик и обозреватель газеты *Сегодня*.

[6] Чуковский Корней Иванович (1882–1969) — в дореволюционном Петербурге один из самых известных критиков (с 1908 г. сотрудничал с газетой *Речь*, в том же году вышли три сборника его статей), славившийся остротой пера; автор многочисленных литературных фельетонов и статей о писателях-современниках, особое внимание уделявший различным жанрам массовой культуры, метко подмечая их особенности и анализируя механизмы воздействия на потребителя. Дымова в те годы связывало с Чуковским самое близкое знакомство и сотрудничество — в 1905 г. они вместе редактировали журнал *Сигнал*, часто встречались. Именно Дымов познакомил Чуковского со своим другом Румановым.

7. О. Дымов — А. Руманову [1908][1]
[л. 15–16]

20 окт[ября]
Munchen

Дорогой друг моего духа, Аркадий. Я давно не писал тебе, но не забывал. Не хочу помнить и о мелочах, которые могли испортить, но не портят отношений. Я благодарю тебя за дружбу. Мои глаза видят Тебя.

Я переживаю теперь странные дни. Вероятно, они не повторятся уже никогда. Будут другие — быть может, лучшие, быть может, худшие, но не эти. Вот-вот должно повернуться маленькое колесико, задеть другие, и сразу все переменится. Внешним образом это выразится тем, что я получаю богатство и мировое имя этак лет на 5–10 — равное имени Пшибышевского, Гамсуна, Ведекинда. Все это может легко случиться и — в один день, в одно утро.

Я не брежу. Объясню. Ты знаешь (хотя я не уверен) мою новую драму «Каждый день». Ее играли в театре Рейнгардта[2] в Берлине. У Рейнгардта 2 театра: Deusches[3] (где наш шел Шолом Аш[3]) и Kammerschpil[5]. Второй — интимный, вмещает не более 300 мест. Страшно дорого, для избранных. Kammerspile лучший театр Европы. Ему, между прочим, подражает — и неудачно — Мейерхольд. Там шли и начали Стриндберг, Ведекинд, Гауптман, Шницлер и др. Вот в этот театр я <u>могу</u> попасть. Два режиссера Кагане и Фриш[6] за мою пьесу. Кагане мне сказал, (по-немецки, конечно): «Вы драма-

тург первого ранга. Из всех русских вещей — а я их почти все знаю — Ваша лучшая. Я буду рад, если Ваша пьеса пойдет у нас». На другой день я слышал то же от Фриша. Теперь пьесу читает Reinhardt и если ему понравится, то — как сказал мне вчера С. Пшибышевский Sie sind ein gemachter Mann[7].

Мою пьесу читал Герман Банг — датский Чехов, бывший 3 года директором театра Режан[8] в Париже. Это друг Ибсена. «Если бы я был на месте Рейнгардта — сказал он, — я бы сейчас поставил. Sie mussen sich freuen, Dymoff, so viel Talent zu Buhne zu haben[9].

Дорогой друг моего духа. Я не хвастаюсь, но ведь я никогда не слышал таких слов. У меня вырастают крылья. Между тем, как русские газеты обрезывали их. Драматургом ведь не признавали почти никто. Оказывается, что театр Рейнгардта за мной следит уже 2-й год — после появления в Berliner Tageblatt моего «Погрома»[10]. Кагане мне сказал, что они по рассказу решили, что у автора драматический элемент, обратились в редакцию Tagebl[att] и узнали обо мне.

Быть может, сорвется — но я знаю, это по причинам внешним, которых так много в театральном деле. Но уверенность в том, что я — драматург ведь останется со мной. И это все.

Пожелай мне успеха, дорогой, дорогой мне, пожелай всей душой и всей Твоей любовью ко мне, и он будет! Помоги мне — и судьбе — силой твоего пожелания. Вот та протекция, которая поможет мне и только эта. Иной не надобно.

... Я получил письмо от Соломона[11] и он передал мне твое предложение — дать ряд «встреч» с литераторами Европы. Спасибо, что помнишь обо мне. Это предложение очень нравится мне. Я все равно встречаюсь. Увижусь еще с другими. Я буду писать о них, как пишу о ландшафтах, о картинах. Я хорошо буду писать, не по-газетному. Быть может, издам потом книгу. Я это думал и раньше. Но если в «Русском Слове» есть эта мысль, то я прошу ускорить ее реализацию, ибо получил два аналогичных предложения от «Столичного Утра» (Н. Эфрос[12]) (я работаю там фельетонистом) и «Утра России» (Зайцев[13]). Само собою условия этой работы требуют больших расходов.

Завтра еду в Berlin и там поселюсь. Пока адрес брата Charlottenburg, Schillerstr. 77 IV. Perelman fur O. Dymoff.

Я только третьего дня вернулся из Берлина — ради Пшибышевского, который меня звал — виделся с Бурдесом. Он все ругает Проппера[14]. Устраиваю его в «Столичное утро». В Берлине же Аш, Бархан[15], Мельник. Все внимательно и доброжелательно следят за

ходом моих переговоров с Reinhardt'ом. Бурдес говорит, что он «первый предсказал это» и «это урок хамам».

Через месяц выйдет в «Грифе» моя «Земля цветет»[16]. Кончаю повесть «Остров Чакара» [?]. Право, и удачную, и интересную — листов 5. Пойдет в «Рус[скую] мысль».

Да, каждый раз, когда появится в № газеты моя встреча с кем-либо — в фельетоне тут же — должен появиться и перевод с него. Это я беру на себя, думаю, хорошо и портрет.

Я пишу тебе обо всем. Знаю, что ты со мной в эти дни — которые не повторятся больше.

Твой духом О. Д.

[на л. 16 вверх ногами]

Для моих встреч у меня будет сообщник — мой переводчик, д[окто]р и [нрзб], знаток литературы. На немецком выходит моя книга «Агарь. Собрание рассказов».

[1] Год написания письма установлен по общему содержанию и по упоминанию о выходе книги «Земля цветет».

[2] Макс Рейнхардт (Max Reinhardt, 1873–1943) — немецкий режиссер и театральный деятель, изменивший лицо театра XX в. Его спектакли отличались изобретательностью и фантазией, виртуозным использованием декораций, световых и шумовых эффектов, музыки. Уделял внимание психологической разработке характеров, культуре сценической речи и пластической выразительности игры актёра, использовал пантомиму, танец, акробатику. В 1904 г. руководил театром «Каммершпиле», но основная режиссерская деятельность была связана с Немецким театром (Deutsches Theater), которым он (с перерывом) руководил в 1905–1933 гг.

[3] Правильно: Deutsches Theater (см. примеч. 2).

[4] Шолом Аш (1880–1957) — еврейский писатель и драматург (писал на идиш), во время Первой мировой войны жил в США, затем в Польше, Франции, США, последние годы жизни провел в Ват-Яме (около Тель-Авива).

[5] Правильно: Kammerspile (см. прим. 2).

[6] Кагане и Фриш — режиссеры, сотрудники Макса Рейнхардта. Артур Кахане (Arthur Kahane, 1882–1932) — прозаик, эссеист, драматург; друг и ближайший сотрудник М. Рейнхардта. Поскольку Рейнхардту присылались сотни современных пьес со всего земного шара, то «читать их и отбирать для постановки было поручено специальному сотруднику Артуру Кахане, который читал рукопись за рукописью в течение двадцати пяти лет» (Щедрин В. Жизнь и Дневник Осипа Дымова // Интернет-ресурс: http://www.judaica.kiev.ua/Eg13/03-07.htmco ссылкой на: О.Дымов. Reinhardt I Moissi. YIVO. RG 469, folder 50. Л. 4).

[7] Вы состоявшийся человек (нем).

[8] Театр Режан — парижский театр, которым с 1906 по 1918 гг. руководила знаменитая артистка Режан, делившая славу театральной звезды эпохи модерн с Сарой Бернар. В этом театре состоялась французская премьера пьесы Метерлинка «Синяя птица».

[9] Вы должны быть счастливы, Дымов, что одарены таким большим драматическим талантом (нем).

[10] В 1906 г. А. Кагане показал Рейнхардту напечатанный в газете *Берлинер тагеблатт* перевод рассказа Дымова о погроме (из сборника «Солнцеворот») — об этом рассказал сам Дымов (см. Щедрин В. Op. cit.).

[11] Возможно, это тот же Соломон (Копельман?), который переслал Руманову письмо Дымова из Америки в 1914 г.

[12] Эфрос Николай Ефимович (1867–1923), театральный критик, историк театра, один из первых историографов Московского художественного театра (МХТ). Печатался под псевдонимами в газетах *Русские ведомости*, *Новости дня*, *Артист*, *Театрал*, *Театр и искусство*.

[13] Зайцев — видимо, сотрудник газеты *Утро России*, издававшейся П. П. Рябушинским с 1907 г. до лета 1917 г. (с перерывами).

[14] Проппер Станислав Максимилианович (1855–1931) — издатель газеты *Биржевые ведомости*.

[15] Бархан Павел (Хаим, Пауль) Абрамович (1876–1942) — журналист, переводчик (с идиш и русского на немецкий), фотохудожник. В разное время жил в Варшаве, Петербурге, Берлине, Париже (погиб в Аушвице). Сам себя определял как «русский автор, пишущий на немецком языке». В 1909–1910 гг. был в списке авторов, сотрудничающих с журналом *Аполлон*. В 1908 г. выполнил литературный перевод одного из рассказов Дымова для журнала *Симплициссимус*. Более подробно см.: Кратц Г. «Тень Тургенева» над столыпинской Россией: Павел Бархан и его немецкая книга «Петербургские ночи» // Тургеневские чтения. Вып. 4. М., 2009. С. 249–271.

[16] «Земля цветет» — вторая книга рассказов Дымова вышла в московском издательстве «Гриф» в 1908 г.

8. О. Дымов — А. Руманову [1909?][1]

[л. 34]

Berlin W. Nurnbergerst. 18 II

21 февраля

Не знаю, как обратиться к тебе, мне это больно. Но я откидываю все личное — приступаю к Делу.

Назревает идея крупного интересного оригинального книгоиздательства. У меня на это есть деньги, будут и еще. Завязаны связи и здесь, и за границей. Осенью начнется. Это не фантазия, а дело реальное, трезвое. Я не пишу подробностей, но сообщу их тотчас же, когда получу твое письмо. Вопрос: хотел бы ты быть в числе пайщиков-организаторов? Дело, безусловно, не только очень выгодное, но и крайне интересное. Мог ли бы ты сейчас — через три недели — вложить капитал — ну, тысячу рублей? Или даже меньше? А потом к осени большую сумму? Тысяч пять?

Я знаю твою энергию и твой ум, еще знаю, что тебе надо уйти от Проппера. О другом же — ты, верно, знать не хочешь. Я говорю о нашей дружбе. Повторяю: все это для меня мучительно.

Если я на это письмо не дождусь ответа, то других попыток делать не буду. От «Торговца друзьями» Бурдеса я ушел совсем. Неужели и от тебя уйти? Во имя чего? Я этого не понимаю.

Но от души желаю тебе счастья.

О. Дымов

P.S. Если решишь ответить, то, пожалуйста, скоро: дело.

[1] Письмо датируется предположительно по содержанию и упоминанию П. Бурдеса.

9. А. Руманов — О. Дымову 25.10 1909[1]

Дорогой Осип!

Только что прочел начало твоего рассказа в «Аполлоне»[2]. Хорош, совсем хорош! Я всегда с предубеждением начинаю читать тебя. Ибо строг к тебе, хочу большего от тебя и не могу принять дешевых уклонений твоих. А тут хорошо. Чувствуется тень образов, которые могут жить, быть нетленными. Семья — совсем твоя область. Семья и пол. Тут твой реализм нужен и важен, а фантастика в самых этих темах, жутких и тайных. Если хочешь, то все, что ты писал — подход к этим темам: семья и пол.

Боюсь читать дальше: вдруг хуже.

Но кажется, что настоящее.

Дай-то Бог строгости и правды.

Твой, тебя люблю —

Аркадий Руманов.

Дам читать Жене.

25/ X 909

[1] Письмо хранится в РГАЛИ в фонде О. Дымова — Фонд 181. Оп. 1. Ед. хр. 23.

[2] Повесть Дымова «Влас» была напечатана в первом номере журнала *Аполлон*, который вышел 25 октября 1909 г.

10. О. Дымов — А. Руманову [1910?][1]

[л. 27]

Офиц[ерская] 52 к[вартира] 12

Т[елефон] 54 372

Дорогой Аркадий Вениаминович.

Непременно приходи в театр! Хочу, чтобы ты и Женя видели эту пьесу.

Обнимаю. Твой Осип

[1] Письмо датируется предположительно — возможно, речь идет о пьесе «Ню», которая в 1910 г. шла в Новом театре и пользовалась большим успехом. Дымов в то время жил поблизости от театра на Офицерской, 52.

11. О. Дымов — А. Руманову [1912][1]
[л. 9]

Дорогой Аркадий Вениаминович.

Попробовал составить смету материалов. Кажется, немного перехватил. А надо бы еще отдел «Самообразование».

Напоминаю о субботе 4 февраля и о том, что жена и дочь, и сам Дымов ждут тебя неотложно.

Обнимаю
сердечно
О. Дымов

[1] Письмо датируется по упоминанию о 4 февраля — дне рождения Дымова, который пришелся на субботу в 1912 г.

12. О. Дымов — А. Руманову (телеграмма) 07.03.12[1]
[л. 1]
Телеграф в С.-Пбге,
Главная Телеграфная Контора,
Почтамтская, 15.

Пбг Морская 35 Руманову

Из: Знаменки Хрс 200 55 7 5 25 д
Принято 7/3 1912

Русское слово просим напечатать для восстановления истины первый вечер юмористов Одессе пыталась сорвать кучка молодых людей враждебного нам лагеря попытка не удалась программа выполнена полностью вечер закончился шумным успехом при овациях всего зала второй вечер том же помещении прошел без инцидентов большим успехом Аверченко Азов Дымов ради Бога передай Москву
Осип

13. О. Дымов — А. Руманову [1913?][1]
[л. 30–31]

Дорогой мой Аркадий. По поводу николаевского полицеймейстера Подгорного. Если «Русское Слово» сообщает о подобных фактах, то это прямое натравливание властей на пьесу. Я это испытал. Николаевский полицейм[ейстер] не требовал цензур[ный] экземп[ляр], а требовал кишиневский. Но опровергать печатно я не могу. Я сам себя бью и режу подобным опровержением. Я прижат к стене не потому, что я лгу, а потому что не могу же сам себя бить по щекам. Я только и в силах, что писать это частное письмо к тебе. Я связан, а Русскословесные корреспонденты из Николаева клевещут на меня. Ради Бога, устрой что-нибудь. Быть может, редакция поместит заметочку следующего содержания:

«Мы получили частные разъяснения от Дымова, которые выясняют сущность дела в полной мере. По разным обстоятельствам, не зависимым ни от нас, ни от Дымова, не приводим его справедливых разъяснений».

Что-нибудь в этом роде. А то я выхожу лжецом каким-то. А я всего только подцензурен. Пожалуйста, устрой это, дорогой друг.

В августе я уезжаю в Америку. Меня ангажировал директор национального театра Томашевский[2]. Он купил мою пьесу «Вечный Странник»[3] для Нью-Йорка и Филадельфии, гарантируя за два месяца 10.000 рублей. Пьеса пойдет в конце августа в [нрзб] сезона.

Жена тоже уедет. Я заключил контракт на год. Это не секрет и для печати.

Через две недели буду в Петербурге, приду за кольцом и за тем, чтобы поцеловать тебя по-братски.

Твой неизменно
О. Дымов

На станции Знаменке встретил две недели назад Горного[4] с прекрасной мадонной. Много говорили о тебе.

Целую.
О. Д.

[1] Письмо датируется предположительно, по упоминанию о покупке Томашевским пьесы Дымова «Вечный странник» для постановки в Нью-Йорке (известно, что их встреча произошла в Лодзи летом 1913 г.). Сопоставление упоминания о встрече с Сергеем Горным на станции Знаменка и места отправки телеграммы от 07.03.1912 (№ 12) позволяет усомниться в дате последней.

[2] Томашевский Борис (1866–1939) — актер, режиссер, драматург, историк еврейского театра. С 1881 г. — в США, где в 1886 г. создал свою театральную труппу.

[3] Пьеса «Вечный странник» о выселении галицийских евреев из приграничной полосы в середине XIX в. была написана Дымовым летом 1912 г., поставлена в марте 1913 г. Русским драматическим театром в Петербурге. На иврите спектакль по этой пьесе был поставлен виленской любительской труппой под руководством Наума Цемаха (будущего основателя «Габимы», национального театра Израиля) и показан в рамках 11-го Сионистского конгресса в Вене

[4] Сергей Горный (Горный Александр-Марк Авдиевич, брат Н. Оцупа и Г. Раевского, 1880–1948) — поэт, беллетрист, сатирик. Так же, как и Дымов, активно печатался в *Русском слове* и *Сатириконе*.

14. О. Дымов — А. Руманову [1913?][1]

[л. 10]

Дорогой

Ар[кадий] В[ениаминович]!

Очень прошу эти «черепки» без моей подписи — в виде исключения. А то я связан и не смогу свободно писать. Очень, очень прошу об этом!

Твой, с любовью

О. Дымов

P.S. Главное: не хочу ссориться с Арцыбашевым[2].

[1] Письмо датируется предположительно — возможно, оно связано с предыдущим (№ 13).

[2] Арцыбашев Михаил Петрович (1878–1927) — литератор, пользовавшийся широкой известностью, автор скандально известного романа «Санин» (1907); сотрудничал с *Петербургской газетой*, *Петербургским листком* и др. периодическими изданиями.

15. О. Дымов — А. Руманову (телеграмма) 30.11.1913[1]

[л.2]

Телеграф в С.-Пбге,
Главная Телеграфная Контора,
Почтамтская, 15.
Пбг Морская 35 Руманову

Из: Киева 7241 22 30 12 16
Принято: 30/11 1913

спектакли странника киев прошли громадным успехом поднесены два лавровых венка публики адрес множество подписей целую передай газете = дымов

16. О. Дымов — А. Руманову, 09.01.[1914][1]

[Письмо Дымова было выслано Руманову Соломоном (Розовским?) вместе со своим, написанным 20.06.1914 г.]

Письмо Соломона (Розовского?) А. Руманову, 20.06.1914

[л. 3–4]:

20/ VI–1914

Многоуважаемый Аркадий Вениаминович,

Осип просил передать Вам, что он окончательно решил остаться в Америке еще на год (заключил контракт с двумя крупными театрами на зимний сезон 1914–1915 г.). Он намерен деятельно участвовать в русской прессе и весьма не прочь сотрудничать в «Русском слове» — даже в качестве корреспондента (телеграммы). Если бы подобная комбинация осуществилась, не поставьте себе за труд черкнуть ему об этом лично, так как я на целый месяц уезжаю завтра в Финляндию. Вот адрес Дымова:

Америка
Mountain Spring [нрзб]
H. Muehlbauer
for O. Dymow
Sunside. Greek County.
N. Y.

Ваш Соломон

Письмо Дымова:

[Л. 5–8]

506 Bedford avenue. Brooklyn 5
New-York
9 января

Мой дорогой, дорогой Аркадий Вениаминович,

Уже не первый раз я пробую начать по-новому. За это стремление обновить себя — единственно и стоит жить и глядеть перед собой. Так было с моим Берлином и «Европой». Сейчас — Америка.

Я среди совершенно новых для меня людей, в новой обстановке. Точно начал в самом деле снова всю свою жизнь внешнюю и внутреннюю. Новый язык — даже два новых (еврейский и английский), новые условия, иные задачи, иное искусство — но искусство! Там, сидя на Рождественской или пусть даже на Морской — не веришь

тому, что за океаном (да и океану не веришь, где такой?) есть огромная страна и люди, и их [поиски?], и их достижения.

Язык английский прекрасен, точен, архитектурен. Еврейский язык (жаргон) здесь язык влиятельного, способнейшего, свободного народа — язык большого театра и большой литературы.

Как странно, и «свежо», и точно я чувствую себя здесь, в театре со своей пьесой или просто как зритель! Конечно, я понимаю, что много здесь просто от того, что драма «Веч[ный] стран[ник]» идет с таким небывалым успехом. Но этот успех ведь опять-таки сплетение внутренней моей связи с народом, с массой.

Мы жалеем (немного иронически) монаха, п. ч. он не знает женщины, ребенка, брака, т. е. элементарного человеческого. Но ведь мы, интеллигентные, ультра-интеллигентные молодые евреи — те же «монахи»: не знаем, что такое родной язык, родной народ, родное страдание и радость. На мою долю выпало теперь судьбой то, что получает любой писатель (даже А. Каменский[2]) с рождения. Я получил лишь на 34 году своей жизни.

Давно хотел писать тебе, дорогой мой, хороший друг. Но вот все ждал, пока пройдет пьеса. Она не прошла еще, и долго еще не пройдет. Идет она прекрасно, в дивном исполнении. Сразу заинтересовались все общество, газеты, журналы. А тут ведь миллион евреев в одном Нью-Йорке.

С внешней стороны все у меня прекрасно. Я зарабатываю очень большие деньги, 600–800 рублей в неделю (здесь счет и расплата по неделям). Театр переполнен, вызовы и пр. С 20го апреля до начала июля театр предпринимает огромное турнэ с «Вечн.[ым] стр.[анником]» по всей Америке до С[ан]-Франциско. Я с ними. Все это вместе должно к лету дать мне 25–30 тысяч рублей. Возможно и еще больше.

Я настрочил новую пьесу — комедию «Певец своей печали». Она уже принята и верно пойдет хорошо. Весь еврейский театр грубоватый со времен Як[ова] Гордина[3]. Я могу внести мою технику и русскую личность. Когда вернусь, еще не знаю. По всей вероятности, только к следующей осени, т. е. лучший зимний сезон проведу здесь. Весьма возможно, что приму здесь место лесничего — здесь очень это ценится.

Как я рад, что должен работать на стык, не писать фельетонов, глупостей. За всю свою литерат[урную] деятельность не чувствовал себя таким бодрым, сильным, независимым и нужным.

Английским языком все больше и больше начинаю владеть. Пишу, и читаю, и говорю.

Нужно ли тебе что-нибудь здесь? Посылаю на память разные плакаты о пьесе.

Знаю твою неохоту писать. Все же если от скуки напишешь — порадуешь меня. Всем друзьям сердечно, сердечно кланяюсь.

Тебя крепко обнимаю и целую

Твой неизменно

Осип.

[1] Год написания письма установлен по его содержанию.

[2] Каменский Анатолий Павлович (1876–1941) — прозаик, драматург, киносценарист.

[3] Гордин Яков Михайлович (1853–1909) — виднейший еврейский драматург, сыграл значительную роль в развитии еврейской драмы и театра. С 1880-х гг. жил и работал в Америке.

17. О. Дымов — А. Руманову [16.10.1914?][1]
[л.19–20]

5.II W. 139. Str. New York

O. Dymow 16 окт[ября]

Мой дорогой Аркадий Вениаминович, обнимаю и целую тебя. Мысленно со всеми вами и со всем, что дорого в России. Что у тебя, что у всех наших? Верю, что все благополучно и что увидимся в добрый час.

Обрати внимание на очень важное и крайне нужное во всех смыслах и пунктах предложение и не оставь письма без внимания.

Здешние американские фабриканты и [купцы?] предлагают доставить России необходимые для армии материалы и вещи — припасы, консервы, медикаменты, упряжь, хирургические и всякие иные материалы. Я пишу об этом Левенсону[2]. Но если бы ты заинтересовался этим, то было бы всего лучше. Необходимо довести это сведение до официальных лиц и ведомств (Красн[ого] Креста, военного управления и проч.). Это, как ты сам понимаешь, крайне своевременно и нужно. Пусти в ход, если, конечно, не откажешься, все твои крупные связи и знакомства. Быть может, нужно кое-что и частным лицам. Бумагу — что ли, для «Русского Слова»? Сообщи немедленно — письменно или телеграфно. Вообще — используй, пожалуйста, мое пребывание здесь, в Америке, в разных смыслах. Я останусь здесь, во всяком случае, до будущей осени.

У меня лично все хорошо. Жена и девочка здоровы, живем тихо. Как-то не хочется писать в это время о себе лично. Слишком мысли заняты общим, а не частным.

Целую тебя крепчайше. Обнимаю всех наших. Женечке, милой, от всех нас крепкий поцелуй. Мы ей напишем отдельно.

Еще раз: заинтересуешься сам — либо заинтересуй других.

Твой дружески О. Дымов

[1] Год написания письма установлен по содержанию.

[2] Вероятно, Леону Осиповичу Левинсон-Левину (1878–1933) — петроградскому промышленнику, мужу сестры А. Руманова.

18. О. Дымов — А. Руманову 30 декабря [1914?][1]

[л. 28–29]

2146 Vyse avenue New York, Bronx

30 дек[абря]

Дорогой Аркадий! Я виделся здесь с Иллиодором[2] и описываю в прилагаемой статье мой разговор с ним. Полагаю, что это чрезвычайно интересно для читателей «Русского Слова». Не посылаю об этом в «Бирж[евые] Ведомости». Пожалуйста, посмотри зажим [?]. Хотелось бы получить повышенную оплату — рубль за строку, это стоит того. Если не будешь печатать, отдай моему брату Якову.

Я здоров, работаю, вспоминаю всех, люблю.

Спешу [с] отправкой, о личном в другой раз. Твой любящий О. Дымов.

[рядом поперек]:

P. S. Быть может, я нужен «Русск[ому] Слову». Ведь сейчас любопытно отношение Америки к остальному миру.

В случае надобности могу телеграфировать об интересном.

Сообщи.

О. Д.

Целую Женю и родных.

[1] Год написания письма определен приблизительно, с учетом даты эмиграции Илиодора.

[2] Илиодор (в миру Сергей Михайлович Труфанов) (1880–?) — иеромонах. С 1905 г. член «Союза русского народа». За антиправительственные высказывания ссылался во Флорищеву пустынь. В 1912 г. сложил с себя сан и объявил о разрыве с православной церковью. Был другом Распутина, затем боролся с его влиянием, организовал ряд покушений на него. В июле 1914 г. эмигрировал, жил в Норвегии, США.

Переписка Юлии Сазоновой (Слонимской) с Романом Якобсоном (1948–1955)

Вступительная заметка, подготовка текста и примечания Кита Триббла (Оклахомский госуд. университет, Стилвотер, США)

В июне 1942 г. литературный и балетный критик Ю. Л. Сазонова (урожденная Слонимская; 1884–1957) приехала из Лиссабона в Нью-Йорк, где стала постоянной участницей изданий *Новое русское слово*, *Новый журнал* и *Новоселье*. В 1945 г. Сазонова поступила в педагогический колледж при Колумбийском университете, а в 1946 г. ей предложили должность преподавателя русского языка в том же Колумбийском университете, где она продолжала работать до весны 1948 г. После этого она оставалась в университете в качестве аспирантки на кафедре славянских языков.

В 1947–1949 гг. Сазонова слушала лекции Романа Якобсона в Колумбийском университете и начала готовить под его руководством докторскую диссертацию о Тредиаковском. Позже (в 1953 г.), после переезда Якобсона из Нью-Йорка в Гарвардский университет, она раздумала писать о Тредиаковском и представила заведующему кафедрой Эрнесту Симмонсу план работы о Сумарокове. Но и эта идея не была осуществлена, и в конце концов Сазонова решила написать диссертацию о Мицкевиче.

В 1955 г. она опубликовала в нью-йоркском издательстве имени Чехова книгу «История русской литературы. Древний период», в которую была включена слегка переработанная версия курсовой работы («Аллитерации в “Слове о Полку Игореве”»), написанной ею во время занятий с Романом Якобсоном.

В начале 1955 г. по приглашению Сергея и Леонида Лифарей Сазонова вернулась в Париж для написания монографии о балетном искусстве Сергея Лифаря. Там она и умерла в 1957 г.[1]

О выдающемся лингвисте и литературоведе Романе Осиповиче Якобсоне имеется обширная литература на многих языках. Он с женой приплыл из Швеции в Нью-Йорк в 1941 г. В Америке был профессором в Свободной школе высших исследований и Колумбийском университете. В разгар типичных для эпохи маккартизма обвинений в нелояльности, Якобсон демонстративно уволился из Колумбийского университета в 1949 г.[2] С этого времени до смерти жил в Кембридже (штат Массачусетс), где преподавал в Гарвардском университете и в Массачусетском Технологическом институте (1949–1982)[3].

Переписка Сазоновой с Якобсоном открывается в 1948 г. письмом, в котором она просит о поддержке в споре с заведующим кафедрой Эрнестом Симмонсом о французских источниках в творчестве Пушкина. Годом спустя она сообщает Якобсону, что записалась на его курс лекций о «Слове о Полку Игореве». В журнале *Новоселье*, в котором также участвовал и Якобсон, Сазонова опубликовала статью «В защиту "Слова"»[4], в которой вступила в спор с французским исследователем Андре Мазоном. Тот усомнился в подлинности «Слова о Полку Игореве», и в её защиту Сазонова ссылалась на новое издание русского эпоса, подготовленное Якобсоном[5]. В 1950 г., уже после переезда Якобсона в Кембридж, Сазонова сообщает ему о возможности написать рецензию на его новую книгу о Всеславе и готовности участвовать в новом лингвистическом проекте Якобсона. Последнее письмо к Якобсону, написанное Сазоновой из Парижа и датированное 1 июля 1955 г., свидетельствует о тесных научных связях между Якобсоном и Сергеем Лифарем, о котором в эти годы Сазонова писала книгу. В Париже она прочитала переданную ей Лифарем книгу Якобсона о первопечатнике Федорове. В единственном сохранившемся письме Якобсона к Сазоновой он просит достать у Лифаря микрофильм «Часослова» Федорова — раритета из личного собрания танцовщика. В том же письме от 1 июля 1955 г. Сазонова сообщает о своей недавно вышедшей в Нью-Йорке истории литературы, упоминая о сделанных в ней цитатах из лекций и книг Якобсона.

Ниже публикуются двенадцать писем Сазоновой к Якобсону и одно письмо Якобсона к ней. Письма печатаются с оригиналов, хранящихся в архиве Якобсона в библиотеке Массачусетского Технологического института (Roman Jacobson Papers. MC 72. Institute Archives and Special Collections, MIT Libraries, Cambridge, Massachusetts). Автор выражает глубокую благодарность за ценные сведения и помощь в подготовке публикации следующим лицам: Professor Michael Connolly (Boston College), Ludwig Djaparidze (Milton, New York), Juliya Dolinnaya (University of Illinois), Michelle Gachette (Harvard University), Professor Lawrence Jones (Boston College), Professor Judith Kornblatt (University of Wisconsin), Professor Hugh McLean (University of California at Berkeley), Dmitry and Irina Migunov (Toronto), Nora Murphy (Massachusetts Institute of Technology), Professor Irina Reifman (Columbia University), Michael Rudy (Thailand), Dmitry Sazonoff (Paris), Jennifer Ulrich (Columbia University), Elizabeth Kriddle Valkenier (Columbia University), Professor Linda Waugh (The Jacobson Trust, University of Arizona), Professor Dean Worth (University of California at Los

Angeles). За финансовую поддержку во время подготовки публикации автор приносит благодарность следующим организациям: The International Research Exchange Board (IREB) with Funds Provided by the U. S. Department of State (Title VIII Program), а также The American Council of Teachers of Russian (Research Scholars' Program) и Oklahoma State University (Sabbatical Leave).

[1] Подробнее о Ю. Сазоновой (Слонимской) см.: *К. Триббл.* Юлия Сазонова (Слонимская) в Америке (1942–1955) // Русские евреи в Америке, кн.4. Ред.-сост. *Э. Зальцберг.* Иерусалим-Торонто-Санкт-Петербург, 2010. С. 106–120.

[2] Об эпохе см.: *С. Руди.* Якобсон при маккартизме // Роман Якобсон. Тексты, документы, исследования. Отв. ред. *Х. Баран, С. И. Гиндин.* М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. С. 192-200.

[3] О Р. Якобсоне см. также: *А. Либерман.* Роман Осипович Якобсон // Русские евреи в Америке, кн. 2. Ред.-сост. *Э. Зальцберг.* Иерусалим-Торонто-Санкт-Петербург, 2007. С. 60–73.

[4] *Ю. Сазонова.* В защиту «Слова» // *Новоселье.* 1949. № 39–41. С. 150–163.

[5] La Geste du Prince Igor, epopee russe du douzieme siecle. Texte etablie, traduit et commente sour la direcitno *d'Henri Gregoire, de Roman Jacobson et de Marc Szeftel, assistes de J.A. Joffe.* (Annuaire de l'Institut de Philologie et d'histoire orientales et slaves). T. VIII. New York, 1948.

1. Сазонова — Якобсону[1]
2025 Broadway
NYC 23 NY

Дорогой Роман Осипович,

С моим конем я у Симмонса[2] пригорюнилась. Он сначала как будто заинтересовался, и я поспешила передать ему статью со всеми бесспорными параллелиамами [Так! — *К. Т.*] и с указанием, по Вашему совету, многочисленных французских переводов, которые были очень популярны и не могли не быть известны интересующемуся французской литературой и театром[3]. О существовании новелл Симмонс вообще не знал и отнесся холодно. Он считает, что недостаточно популярности темы и героев и частых упоминаний о них — нужно доказательство фактического знакомства с переводами. Но разве такое доказательство есть у признанной версии? Нигде пока не найдено упоминания о рассказе служанки и даже существование его не доказано.

Разговор с Симмонсом был прерван телефоном президента[4], и я даже не успела попросить Симмонса хранить секрет, пока моя статья не будет напечатана; скажу ему потом. При прощании я сказала Симмонсу, что говорила Вам о моей версии. Может быть Вы ему

скажете, что, по-Вашему, достаточно многочисленных французских изданий, театральных переделок, куплетов и большой популярности самой темы и героев? Из Ваших слов я поняла, что существование французского перевода Вы считаете достаточным для того, чтобы моя версия была достойна обсуждения.

Параллелизмы Симмонс признал, но от обсуждения темы уклонился. Если бы Вы поддержали меня, я была бы бесконечно благодарна. Сейчас вопрос лишь в принципиальном признании того, что францу[зские] переводы имеют решающее значение, т[а]к к[а]к против явного сходства фабулы, основной мысли и положения героев, и против несомненного параллелизма текстов Симмонс не возражает. Поэтому и не посылаю вам статью, чтобы не отнимать у Вас напрасно времени.

Есть еще вопрос: если бы я для диссертации взяла вопрос о темах, могла бы я остаться в ведении Вашем или перехожу в другое? Если могла бы, то такая тема меня сейчас больше увлекает, а если нет, то остаюсь с моим другом Тредиаковским.

Вы[,] вероятно[,] уже знаете, что Борис Юльевич[5] вернулся. Софья Юльевна писала мне, что Новоселье выходит скоро; она усиленно работает.

Шлю сердечный привет и пожелания.

Ваша

ЮСазонова[6]

2. Сазонова — Якобсону

25 Ноября

[1948]

Дорогой Роман Осипович,

Посылаю последние страницы статьи. С нетерпением буду ждать Вашего мнения.

Шлю сердечный привет и искреннюю благодарность.

Ваша ЮСазонова

P. S. Перевод могу сделать, как понадобится, очень быстро.

3. Сазонова — Якобсону

6 декабря 1948 г.

2025 Бродвей

Нью-Йорк 23

Дорогой Роман Осипович, простите, что пишу на машинке: перо капризничает.

Я даю в Голос Америки[7] после 15-го декабря «скрипт» о русском отделении Колумбийского Университета. С Симмонсом я уже об этом говорила[,] и он обещал дать нужные статистические сведения. Но мне бы хотелось вставить короткие разговоры с ним и с Вами. С ним — о русском отделе вообще, а с Вами — о Слове и здешней позиции. Мне кажется, это было бы полезно. Но как Вас повидать для этого? Если приедете сюда, скажите, — я много времени у Вас не отниму. Если хотите сказать несколько слов не о Слове, то конечно сделаем по-Вашему. Но я думаю, хорошо и о Слове.

«Новоселье» выходит скоро. Софья Юльевна[8] меня торопит с маленькой заметкой, которую я ей обещала для этого номера[9].

Я сказала Симмонсу, что передала Вам всю рукопись о Пушкине. Надеюсь, Вы получили пакет, отданный швейцару, и письмо с последними листками. В дополнение можно еще указать имена поэтов XVII в., упоминаемые в юношеских стихотворениях Пушкина. Симмонс спрашивает, каково Ваше мнение о статье. Жду его с волнением.

Издатель мой[10] вернулся с хорошими вестями. Я сказала ему, что просила о рецензии.

Как Вы отдыхаете? С каким чувством ожидаете возвращения в Колумбию? Для Вас на заказ эта осень была совершенно исключительной — такого количества солнечных дней действительно никогда здесь не бывало.

Шлю сердечный привет. Простите за докуки.

Ваша

ЮСазонова

P. S. Это не глаголица, а просто я начала J.

4. Сазонова — Якобсону

7 декабря 1948 г.

Дорогой Роман Осипович,

В дополнение к моей статье, спешу сообщить, что я нашла «эвиденц»[11] в подтверждение моей тезы: в личной библиотеке имелся экземпляр 1816 г. Таким образом всякая возможность сомнений устранена.

Об «эвиденц» я тотчас сообщила проф. Симмонсу. Я приготовила для него копию моей статьи и передам ее ему в четверг.

С нетерпением буду ждать Вашего отклика. А как насчет «интервью», о котором я Вам писала?

В парижских газетах появилось об'явление о выходе «Новоселья», так что мы скоро получим книжку.

Шлю сердечный привет и пожелания отдыха.

Ваша

ЮСазонова

P. S. Конечно пока будем хранить молчание!

5. Сазонова — Якобсону

15 Декабря [1948]

Дорогой Роман Осипович,

Сердечное спасибо за письмо Вашего секретаря м-ра Руди[12] о том, что Вы прочли рукопись и хотите о ней со мной поговорить.

Как раз вчера, узнав, что проф. Simmons не получил посланного 6-го Дек. special delivery[13], я запросила Вас, получили ли Вы отправленное одновременно письмо. Мне очень совестно, что я напрасно Вас беспокоила.

Еще раз спасибо.

Шлю сердечный привет.

Ваша

ЮСазонова

6. Сазонова — Якобсону

1 января 1949 г.

С Новым Годом, дорогой Роман Осипович!

Я узнала о приключившейся с Вами беде[14] — и была глубоко поражена. Не умею выразить, как сочувствую Вам и как от всего сердца желаю Вам скорейшего выздоровления.

Я надеюсь, что разрешат навестить Вас в больнице и тогда конечно немедленно приду Вас повидать.

Поправляйтесь и верьте, что весть о Вашей болезни была принята, как искренняя глубокая печаль всеми любящими и ценящими Вас. Слава Богу, что этот случай не будет иметь последствий, — но пережили Вы не мало.

Шлю сердечный привет и искренние дружеские пожелания.
Ваша
ЮСазонова

7. Сазонова — Якобсону

27 января 1949

Дорогой Роман Осипович,

Я записалась на два Ваших курса: Историю русского языка и Слово о Полку Игореве[15]. Я думала, что курс о Слове будет продолжением прошлогоднего. Но вдруг на меня напало сомнение: не будет ли это тот же курс, который я прослушала? Тогда я должна переменить. Никто не может сказать мне это, кроме Вас, — поэтому и решаюсь Вас беспокоить. Позвоню в понедельник, чтоб узнать.

Я очень рада, что Вы настолько поправились, что можете возобновить лекции.

Получили ли Вы мое письмо, посланное в больницу?

Шлю сердечный привет и пожелания.

Ваша ЮСазонова

8. Руди — Сазоновой

Feb. 2, 1949
Mrs. J. Sazonova
2025 Broadway
New York 23, N.Y.

Dear Mrs. Sazonova,

Professor Jakobson just came home from the hospital today and he requests that you call him by telephone at your earliest convenience: MO5-4413.

He will resume his lecture on the 16th of this month. His Igor course will not be a repetition but a continuation on a higher level of the course he gave last year.

Sincerely yours,

Secretary to
Prof. Jakobson

[Перевод]:
2 февраля 1949 г.

Г-же Ю. Сазоновой
2025 Бродвей
Нью-Йорк 23, Н.-Й.

Дорогая Госпожа Сазонова,

Профессор Якобсон только что вернулся домой из больницы сегодня и просит Вас позвонить ему, как только сможете, по телефону МО5-4413.

Он возобновит свои лекции 16-го числа этого месяца. Его курс об Игоре не будет повторением, а продолжением на более высоком уровне того курса, который он читал в прошлом году.

Искренне Ваш,

Секретарь
Профессора Якобсона

9. Сазонова — Якобсону

[1949]

Дорогой Роман Осипович,

С благодарностью возвращаю Старорусскую Повесть Пиксанова[16]. В конце недели занесу книгу Чижевского[17] и запись последних лекций обоих курсов. Сейчас еще трудно собраться с мыслями после происшедшего.

Мне хочется докончить Аллитерацию Слова. Буду благодарна, если Вы сможете дать мне мою «аллитерацию»[18] начала, которая Вам ни к чему, а мне нужна была бы для полноты.

Вы как-то говорили, что хотите дать мне материалы для Тредиаковского[19] и что они у Вас под рукой. Если это возможно буду чрезвычайно благодарна.

Шлю сердечный привет и пожелания здоровья.

С искренней дружбой
ЮСазонова

10. Сазонова — Якобсону

16 Марта [1949]
2025 Broadway
Nevada Hotel
NYC 23 NY

Дорогой Роман Осипович,

Я позвонила насчет Вашей книги редактору «Нового Русского Слова», Марку Ефимовичу Вейнбауму[20]. Он сказал, что книги не получал. Этим и объясняется отсутствие рецензии.

Шлю сердечный привет и пожелания.

Ваша ЮСазонова

11. Сазонова — Якобсону

21 Сентября 1950
2025 Broadway NY 23 NY

Дорогой Роман Осипович,

Меня живейшим образом интересует Ваша работа об эпосе Вселава[21], но я не знаю, где и как ее достать. Хотелось бы написать о ней отзыв, как о Вашей книге о Слове, если бы была возможность напечатать его в английском издании: в русской газете был отзыв Тартака[22], а Новоселье вряд ли будет выходить[23].

В главе о фольклоре первого тома моей Истории я могла только упомянуть о Вашем исследовании[24], но хотелось бы изложить подробнее Вашу мысль по прочтении.

О Вашей книге говорю в главе о Слове[25].

Из-за обилия материала и необходимости вводить много цитат, так как большинство вещей не переведено, — первый том так разросся, что его пришлось разделить на две части: первая до Ивана IV включительно, а вторая со Смутного Времени до Петра и туда вошли Аввакум[26], Котошихин[27], Крижанич,[28] С. Полоцкий[29], С. Медведев[30], которому я уделяю много места, и повести.

Надеюсь, что Вы вполне насладились Вашим путешествием по Европе. Очень была рада известию об издании «Современного языка»[31]. Если бы Вы нашли возможным привлечь меня в какой-либо степени к этой чрезвычайно интересной работе, то я[,] конечно[,] была бы счастлива. Связанные с этой работой вопросы меня очень

интересуют[,] и это предприятие кажется мне особенно важным, так что было бы увлекательно принять в нем участие в какой-либо мере. Так как я работала в течение двух лет с Вами, то Вы знаете, в чем я могла бы оказаться в этом деле пригодной, — мне было бы, повторяю, интересно малейшее в ней участие[32].

Шлю сердечный привет и пожелания.

С искренней дружбой

ЮСазонова

12. Сазонова — Якобсону

1 Июня 1955 г.
Bibliotheque de l'Opera
Theatre national de l'Opera. Paris.
Adresse privee — 4 Rue de Berri Paris
Tel — Ely — 31–35

Дорогой Роман Осипович,

Сергей Лифарь[33] принес мне Вашу книгу о первопечатнике[34], и я тотчас с увлечением ее прочла. Книга очень интересная и замечательно издана. Мне захотелось написать Вам по этому поводу.

Я пробуду в Париже еще несколько месяцев, чтобы закончить литературную работу, ради которой приехала[35]. Одновременно буду готовить диссертацию, которую не имела возможность написать до сих пор, я все еще числюсь кандидатом, хотя докторский экзамен сдала давно.

Я с удовольствием вспоминаю колумбийские годы, когда я слушала Ваши лекции и вела записки. Мою работу по аллитерации Слова, которая Вам тогда понравилась, я вставила в книгу, как и мою статью о Вашей книге, напечатанную в Новоселье[36].

Я хотела лично привезти Вам мою книгу, но уже через несколько дней после выхода ее надо было ехать в Париж. Можете себе представить, как мне хотелось показать Вам и услышать из Ваших уст суждение по поводу моего сравнения судьбы Слова с Роландом[37]. Текст Слова конечно приведен по Вашей книге со ссылкой на нее[38]. Надеюсь, издательство послало Вам экземпляр, как я просила.

Я должна повиниться в невольном упущении. Книга профессора Чижевского[39] конечно стояла в списке библиографии, но корректура этой части прошла в такой спешке, что в печатном экземпляре я не нашла этой книги в списке, как и некоторых других.

Прошу передать мои извинения профессору Чижевскому — упущение это[,] конечно[,] будет исправлено в случае иностранного издания.

Часто вспоминаю Вас с нашими общими друзьями здесь. Я храню о Вас ласковое и дружеское воспоминание. Передайте, пожалуйста[,] мой сердечный привет доктору Бешаровой[40] и Лоуренсу[41], и всем меня помнящим.

Буду счастлива, если Вы еще меня помните и напишите несколько слов в ответ на это мое письмо.

Мой постоянный адрес в библиотеке Опера, где постоянно бываю и где хранят мою корреспонденцию. Мой частный адрес помечаю выше.

Шлю сердечный привет и пожелания Вам и Вашей жене[42].

С искренней дружбой
Ваша
ЮСазонова

13. Якобсон — Сазоновой

HARVARD UNIVERSITY

October 28, 1955

Roman Jakobson
Slavic Languages
and Literatures
Holyoke 29
Cambridge 38, Mass.

Mrs. J. Sazanova [Так! — *К.Т.*]
4 Rue de Berri
Paris, France

Dear Mrs. Sazanova [Так! — *К.Т.*],

I returned to Cambridge and found your letter. I am glad that you succeeded in publishing your book, but unfortunately I have not seen it, since the publisher, despite your suggestion, did not send it to me. I am glad that you liked our Ivan Fedorov publication[43]. We have now at Harvard almost all of Fedorov's printing works[44], but if you could obtain for us from Lifar a microfilm of Fedorov's Book of Hours[45], it will help us very much in our research on Fedorov's activities, and Lifar

knows how highly I appreciate his active comprehension of the Russian cultural past. How happy we would be to have this Book of Hours in the Harvard Library.

Write me more about yourself. I am working partly on books in general linguistics, partly on a monumental English edition of the Slovo and Zadonshcina, with a beautiful English translation by V. Nabokov and with some 100 Old Russian illustrations[46].

With best wishes,
Sincerely,
Roman Jakobson

[Перевод]:
ГАРВАРДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

28 октября 1955 г.

Роман Якобсон
Славянские языки
и литература
Хольёк 29
Кэмбридж 38, Масс.

Госпоже Ю. Сазановой [Так! — *К. Т.*]
4 Рю де Берри
Париж, Франция
Дорогая госпожа Сазанова [Так! — *К. Т.*],

Я вернулся в Кэмбридж и нашел Ваше письмо. Я рад, что Вам удалось опубликовать книгу, но, к сожалению, я ее не видел, так как издатель, несмотря на Ваше пожелание, мне ее не послал. Рад, что Вам понравилась наше издание Ивана Федорова. У нас теперь в Гарварде есть почти все напечатанные книги Федорова, но если бы Вы могли достать для нас у Лифаря микрофильм «Часослова» Федорова, это нам очень помогло бы в исследованиях деятельности Федорова, и Лифарь знает, как высоко я ценю его понимание русского культурного прошлого. Мы были бы счастливы иметь этот «Часослов» в Гарвардской библиотеке.

Пишите мне больше о себе. Я работаю частично над книгами по общей лингвистике, частично над монументальным изданием «Слова» и «Задонщины» в прекрасном английском переводе В. Набокова и содержащем около сотни старинных русских иллюстраций.

С лучшими пожеланиями,
Искренне,
Роман Якобсон

[1] Переписка Сазоновой с Якобсоном хранится в архиве Массачусетского Технологического института (MIT), Кембридж, США: (MIT Institute Archives and Special Collections, MC 72, Box 45, Folder 17) и воспроизводится с любезного разрешения профессора Линды Уау (Dr. Linda R. Waugh, Executive Director, The Roman Jakobson Trust, University of Tucson, Arizona). Архив Якобсона был передан MIT Романом Якобсоном и Кристиной Поморска-Якобсон между 1980 и 1986 гг. Письма Ю. Л. Сазоновой воспроизводятся с любезного разрешения ее сына Д. П. Сазонова.

[2] Симмонс Эрнест Джозеф (Ernest Joseph Simmons) (12.8.1903, Лауренс, шт. Массачусетс – 3.5.1972, Даблин, шт. Нью-Хемпшир) — американский славист, защитил докторскую диссертацию в Гарвардском университете в 1928 г., стал доцентом Колумбийского университета в 1945 г., профессором в 1946 г., вышел на пенсию в 1960 г. Автор книг на английском языке: «Английская литература в России» (Кембридж, 1931), «Пушкин» (Лондон, 1937), «Достоевский, становление романиста» (Нью-Йорк, 1940), «Лев Толстой» (Бостон, 1946), «Русская художественная литература и советская идеология, введение в творчество Федина, Леонова, Шолохова» (Нью-Йорк, 1958), «Чехов, биография» (Бостон, 1962), «Введение в русский реализм» (Блумингтон, 1965). С 1948 г. — редактор журнала *Slavic and East European Review*. В годы жизни Сазоновой в Нью-Йорке (1942–1955) Симмонс был заведующим кафедрой славянских языков и литературы в Колумбийском университете. См. о нем в некрологе: «Dr. Ernest Simmons Dies at 68; Backed Wider Russian Studies» // *New York Times*. 5 May 1972. P. 45.

[3] По-видимому, речь идет о курсовой работе Сазоновой о Пушкине, написанной в ходе занятий у Симмонса. Так как работа не была опубликована и рукопись не сохранилась, трудно судить о ее точном содержании, но из этого и последующих писем понятно, что в ней затрагивается вопрос о влиянии на Пушкина французской литературы XVIII — начала XIX веков. Сазонова ценила Пушкина выше всех поэтов и часто писала о нем, в том числе в двух работах о его поэме «Цыгане», о которой, скорее всего, здесь и идет речь. Стоит упомянуть о том, что старший брат Сазоновой — Александр Слонимский — был известным пушкинистом, защитившим в 1906 г. диссертацию под руководством Пыпина (крестного отца Сазоновой) на тему политических взглядов Пушкина, а впоследствии написавшим киносценарий «Юность Пушкина» (1936) и книгу «Мастерство Пушкина» (2-е. изд., 1963). Был женат на дальней родственнице сестры Пушкина.

[4] Тринадцатым президентом Колумбийского университета в мае 1948 г. был назначен будущий президент США Дуайт Д. Эйзенхауэр (1890–1969), остававшийся на этом посту до января 1953 г., когда он начал успешную предвыборную кампанию. При Эйзенхауэре в Колумбийском университете по предложению культурного атташе коммунистической Польши в Вашингтоне поэта Чеслава Милоша был основан отдел польского языка при Славянской кафедре. В 1948 г. Эйзенхауэр принял в качестве дара Польши средства на основание кафедры имени польского поэта Мицкевича. На пост профессора этой кафедры был приглашен Манфред Кридл, позже вошедший в комитет, который руководил работой Сазоновой по написанию докторской диссертации. См. об этом : *Blejwas Stanislaus A.* The Adam Mickiewicz Chair of Polish Studies: Columbia University and the Cold War (1948–1954) // *Polish Review*. 1991. Vol. XXXIV. No. 3. 323–338; No. 4. 435–450.

[5] Прегель Борис Юльевич (1893–1976) — брат С. Ю. Прегель, муж художницы А. Н. Прегель, инженер, композитор, член Совета директоров Литературного фонда, глава французского университета в Нью- Йорке.

[6] На обороте письма пометка на английском языке, возможно, рукой секретаря Якобсона Уильяма Руди: He read w[ith] interest y[ou]r paper & [wou]ld like to dis[cuss] w[ith]/y[ou] matter when he is in N[ew]Y[ork] during this month. He'll let y[ou] know when this is possible. [Перевод: Он с интересом прочитал вашу работу и хотел бы обсудить ее с Вами, когда будет в Нью-Йорке в этом месяце. Он даст Вам знать, когда это будет возможно]. Вероятно, речь идет о статье Сазоновой «Аллитерации в "Слове о Полку Игорове"».

[7] «Голос Америки» был основан в Нью-Йорке в феврале 1942 г.; первая передача Русской службы «Голоса Америки» прозвучала 17 февраля 1947 г. (См. *Alan L. Heil, Jr.* Voice of America. A History. New York: Columbia University Press, 2003. P. 47). Русский отдел, находившийся по адресу 224 West 57 Street, возглавили Чарльз Тэер (Charles Thayer) и Николай Набоков (двоюродный брат писателя). Согласно Юлии Манцветовой (1912–), сотрудницы русского отдела «Голоса Америки» в Нью-Йорке с момента его основания, работа нью-йоркского филиала прекратилась после открытия нового помещения «Голоса Америки» в Вашингтоне в 1954 г. Тогда же Манцветова с мужем, поэтом и позже главой русской культурной секции «Голоса Америки» в Вашингтоне Владимиром Федоровичем Манцветовым (10.5.1904(?); 1909(?), Енисейск — апрель, 1974) переехали в Вашингтон (личное сообщение автору настоящей публикации). Перу Манцветовой принадлежит неизданный юмористический очерк, озаглавленный «Thus it was in the beginning» («Так это начиналось») о работе в «Голосе Америки», в котором упоминаются Тэер, Набоков и Артур Лурье.

В «Голосе Америки» работала по контракту и Сазонова, написавшая текст о выступлениях в Нью-Йорке Сергея Лифаря с балетной труппой парижской оперы в 1948 г. В своей записной книжке напротив адреса «Голоса Америки» Сазонова написала имя писателя Александра Френкли (1907–1993), редактировавшего написанные ею тексты, а также имя секретарши русского отдела Алисы Маврикиевны Набелиной.

[8] Прегель Софья Юльевна (1897, Одесса – 1972, Париж) — поэтесса, редактор-основатель журнала *Новоселье*, в котором сотрудничала Сазонова. Близкая приятельница Сазоновой со времени их пребывания в Лиссабоне в начале войны.

[9] В связи с переездом С. Ю. Прегель и редакции журнала из Нью-Йорка в Париж, этот следующий номер оказался «тройным» (№№ 39–40–41) и вышел только в 1949 г. (в Париже). В нем помещены рецензия Сазоновой на «Историю русского театра» Н. Н. Евреинова и ее статья о Якобсоне и «Слове».

[10] Вреден Николай Романович (Nicholas de Wreden) (1901, С.-Петербург – 8. 8. 1955, Лоуренс, штат Массачусетс) — в США с 1920 г., с 1939 г. — управляющий книжным магазином Скрибнеров на Пятой авеню в Нью-Йорке, с середины 1940-х годов — главный редактор нью-йоркского издательства «Даттон» («E. P. Dutton»), директор издательства имени Чехова со времени его основания в 1951 г., писатель, автор автобиографии на английском языке (1935), переводов на английский язык исследования Полнера о Толстом (1945); романов Алданова (1943; 1945; 1952); повести Газданова (1951); воспоминаний Елагина (1951). Про него пишет Д. П. Сазонов в примечании к письму И. А. Бунина к Ю. Л. Сазоновой: «Бывший адмирал Императорского флота, маму очень ценивший и помогший ей выпустить, к концу 1954 г., двухтомник». См. некрологи о нем: «Скончался Н. Р. Вреден» // *Новое русское слово*. 1955. 9 августа. Vol. XVV. № 15809. С. 2; *Россия* [Нью- Йорк]. 1955. Vol. 23. № 5446. 9 августа. С. 1.

[11] Evidence — доказательство (англ.).

[12] Руди Уильям (Rudy William) (1920–1960) — учился в аспирантуре в одной группе с Сазоновой в Колумбийском университете, где его научным руководителем был Роман Якобсон (см. Roman Jakobson Collection. Massachusetts Institute of Technology Archives. MS 73. Box 2. Folder 22. Columbia University. List of Students. 1948–1949). Переехал в Гарвардский университет в одно время с Якобсоном. С 1949 г. преподавал в университете Уэйн Стэт. В 1955 г. защитил в Гарвардском университете диссертацию на тему «Маяковский и кино» («Mayakovsky and Film Art»). Покончил жизнь самоубийством. Его сын, славист Стивен Руди (4.5.1949 – 2003) — профессор Нью-Йоркского университета, написавший совместно с Якобсоном книгу о поэте У. Б. Йейтсе (1977), редактор, совместно с К. Поморска, восьмитомного собрания сочинений Якобсона, автор библиографии Якобсона (1990), переводчик на английский язык книги Якобсона и Янгфельдта (1992). Стивен Руди защитил докторскую диссертацию о поэтике Якобсона (1978). Некоторые сведения любезно сообщены сыном Уильяма и братом Стивена Майклом Руди.

[13] Special delivery — заказное письмо (англ.).

[14] Попав в автомобильную аварию, Р. О. Якобсон пролежал несколько недель в больнице (см. письмо Якобсона к заместителю президента университета Франку Д. Фахтенталу от 14 марта 1949 г. в университетском архиве Колумбийского университета).

[15] Весной 1949 г. Якобсон прочитал курсы лекций «История русского языка» (Russian 102) и «Семинар по славянской филологии» (Slavic Philology 304). См. *Columbia University Faculty of Philosophy Bulletin*. 1948–1949. P. 149.

[16] *Пиксанов Н. К.* Старорусская повесть. Введение в историю повести. Темы для литературных работ. Москва: Государственное издательство, 1923.

[17] *Чижевский Дмитрий (Tschizewskij Dimitrij).* Geschichte der altrussischen Literatur im 12. und 13. Jahrhundert; Kiever Epoche. Frankfurt a. M.: V. Klostermann, 1948. Чижевский Дмитрий Иванович (1894–1977) — филолог, историк славянской литературы, в эмиграции с 1921 г., был, вместе с Якобсоном, членом Пражского лингвистического кружка. В 1949–1956 гг. — профессор Гарвардского университета (см. о нем письмо № 12). Его дочь Таня Чижевская (18.6.1924) училась в одной группе с Сазоновой в аспирантуре в Колумбийском университете, где Якобсон был ее научным руководителем, и переехала в Гарвардский университет в то же время, что и Якобсон.

[18] Экземпляр работы Ю. Л. Сазоновой «Аллитерации в “Слове о Полку Игореве”» (33 машинописных страницы, схемы аллитераций выделены красным) хранится в архиве Якобсона (MIT, MC-72, Box 11, Folder 16). Текст начинается со следующего утверждения: «*Одной из поэтических особенностей “Слова о Полку Игореве” являются аллитерации, мастерство и изящество которых можно было бы сопоставить с травным орнаментом лицевых рукописей. Звуковая сторона должна была играть большую роль в “Слове”, которое было создано для устного исполнения — пения или декламации. Автор “Слова” пользуется всеми звуковыми формами для усиления поэтического настроения [...]*». В сокращенном виде работа вошла в двенадцатую главу ее «Истории русской литературы. Древний период». Том 1. С. 390–392.

[19] Тредиаковский Василий Кириллович (1709–1769) — поэт, драматург, переводчик и теоретик стихосложения. О нем Сазонова написала конспект предполагаемой, но не написанной, докторской диссертации (см. вступительную статью).

[20] Вейнбаум Марк Ефимович (1890–1973) — в США с 1913 г., с 1923 г. — редактор газ. *Новое русское слово*, переписывался с Ю. Л. Сазоновой.

[21] *Jakobson Roman, Szeftel Marc.* The Vseslav Epos. *Russian Epic Studies*, eds. *R. Jacobson and E. J. Simmons*; Vol. 42. Philadelphia: American Folklore Society, 1949.

В первом томе своей «Истории» Сазонова упоминает о Всеславе без сылки на издание Якобсона (с. 163).

[22] Тартак Илья Львович (1889, Новая Одесса – 15.6.1981, Нью-Йорк) — педагог, критик. Окончил университет Макгилл в Монреале в 1918 г. и читал здесь первые курсы русского языка (любезно сообщено Kathi Murphy, архивистом университета). С 1926 г. — литературный критик *Нового русского слова*, в 1946–1976 гг. — преподаватель Новой школы социальных исследований (New School of Social Research), ныне — Новая школа университета (New School University) в Нью- Йорке. В Новой школе Тартак прочитал 178 курсов лекций, также преподавал русский язык и литературу в Колледже города Нью-Йорка [CCNY], в Корнелльском университете, в Школе Рэнд (любезно сообщено Carmen Hendershott, Archival Reference Librarian, New School University). Автор рецензии в *Новом русском слове*, резко критикующей книгу Сазоновой «История русской литературы. Древний период». Напротив его фамилии в записной книжке Сазоновой её сыном Д. П. Сазоновым помечено: *«написал против маминой книги»* (Париж, частное собрание). См. о нем в некрологе: *New York Times*. 17 June, 1981. P. B5. В рецензии, упоминаемой Сазоновой («Монография о русском эпосе» // *Новое русское слово*. 1950, 27 августа. С. 8) Л. Тартак пишет: «[...] *особенно любопытна попытка Р. Якобсона в точности восстановить первоначальный текст "Слова", как известно, сильно испорченный в дошедших до нас списках»*.

[23] Якобсон писал своему соавтору Грегуару 3 марта 1948 о том, что несколько рецензий на их труд о «Слове» было обещано (Александровой в *Новом русском слове* и Сазоновой в *Новоселье*). MIT. Ящик 11, Папка 30.

[24] Именно на первые главы о фольклоре нападала во внутренней рецензии главный редактор издательства Вера Александрова, потребовав внести значительные изменения в текст. Труд Якобсона упомянут в первой части «Истории русской литературы» на с. 8.

[25] *Сазонова Юлия*. История русской литературы. Древний период. Том 1. Глава XII — Слово о Полку Игореве. С. 346–392. *«В статье "Подлинность Слова" проф. Роман Якобсон дает подробный разбор языковой структуры Слова и свое толкование "темных мест"»* (С. 366).

[26] Петров Аввакум (1620–1682) — протопоп, глава старообрядчества, автор «Жития».

[27] Котошихин Григорий Карлович (1630–1667) — дипломат, автор нелицеприятного описания русской жизни в XVII веке, заказанного шведским правительством.

[28] Крижанич Юрий (1618–1683) — хорватский католик, прибывший на Украину в 1659 г., поэт, автор трактатов, был сослан в Сибирь.

[29] Полоцкий Симеон (1629–1680) — русский поэт и драматург.

[30] Медведев Сильвестр (1641–1691) — поэт, продолжатель дела Симеона Полоцкого по распространению гуманизма в России.

[31] Возможно, упомянута книга Якобсона: Slavic Languages. New York: Columbia University, 1949, в которой, в отличие от большинства его работ конца сороковых годов, речь идет о современных языках.

[32] Осенью 1949 г. четырнадцать аспирантов Якобсона (в том числе Лоуренс Джонс, Уильям Руди, Хью Маклин и Таня Чижевская) переехали вместе с ним в Гарвардский университет, но Сазонова не могла оставить работу в нью-йоркских изданиях и сына, жившего в Нью-Йорке.

[33] Лифарь Сергей (2.4.1905, Киев – 15.12.1986, Лозанна) — русский танцовщик, хореограф, директор балета Парижской оперы, близкий друг С. П. Дягилева, от которого унаследовал редчайшее собрание книг, рукописей и картин. Сазонова,

дружившая и переписывавшаяся с ним и его братом более двадцати лет, написала много рецензий на его балетные выступления в труппе Дягилева и балете Парижской оперы, посвятила его творчеству половину своей книги «Жизнь танца» (1937) и написала (совместно с Ж. Лораном) монографию о нем «Серж Лифарь, возродивший балет» (1960). Она вернулась в Париж по приглашению Лифаря и Парижской оперы и первые три месяца жила на его средства.

[34] *Jakobson Roman.* Ivan Fedorov's Primer of 1574. Cambridge, Massachusetts: Harvard College Library; Department of Slavic Languages and Literatures of Harvard University; Committee for the Promotion of Advanced Slavic Cultural Studies, 1955.

[35] В феврале 1955 г. Сазонова приехала в Париж по приглашению Сергея Лифаря от Парижской оперы, где он был директором балета, чтобы написать о нём книгу. С. М. и Л. М. Лифари оплатили ей поездку на пароходе и квартиру в течение первых трех месяцев. Работа над книгой о Лифаре была прервана из-за подписания Сазоновой контракта с княгиней Красинской (Матильдой Кшесинской) на редактирование её мемуаров. Сазонова потратила много времени на выполнение этой работы в надежде получить гонорар, который впоследствии Кшесинская платить отказалась. Книга о Лифаре была закончена летом 1957 г., за полгода до смерти автора. В связи с тем, что Лифарь к этому времени окончательно ушел из Парижской оперы, нужно было найти нового издателя. После смерти Сазоновой её книга была издана в 1960 г. с указанием двух авторов — Сазоновой и Жана Лорана (*Jean Laurent. Julie Sazonova.* Serge Lifar, renovateur du ballet. Paris: Buchet-Chastel, 1960).

[36] *Сазонова Ю.* В защиту «Слова» // *Новоселье* [Париж] 39-41. 1949. С. 150–163.

[37] Французский средневековый эпос XI века «Песнь о Роланде». Сазонова полемизировала с националистически настроенным французским славистом Андре Мазоном, утверждавшим, что «Слово» — это лишь подделка XVIII века, и что величайшим европейским эпосом является «Песнь о Роланде»: «*До открытия Слова, Песнь о Роланде не знала равного по художественной силе современника. Открытие Слова о Полку Игореве дало Роланду брата и близкого по духу соперника. Мазон пытается устранить непрошенного чужестранца, в половецкой степи ступающего на славную пиринейскую "тропу Роланда", священную для всякого француза*». («В защиту "Слова"» // *Новоселье* 1949. № 39-41. С. 153).

[38] *Gregoire Henri, Jakobson Roman, Szeftel Marc.* La Geste du Prince Igor, epopee russe du douzieme siecle. Volume offert a la memoire de Michel Rostovzeff [1870–1952]. Serie: Ecole libre des Hautes Etudes de New York. Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves. Tome 8. New York: Rausen Brothers, 1948.

[39] *Чижевский Дмитрий (Tschizewskij Dimitrij).* Geschichte der altrussischen Literatur im 12. und 13. Jahrhundert; Kiever Epoche. Frankfurt a.M.: V. Klostermann, 1948. См. письмо № 9. Обидевшись на невольный пропуск Сазоновой его имени в библиографии, Чижевский написал отрицательную рецензию на ее двухтомный труд: *American Slavic and East European Review.* 1955. Vol. 14. P. 564-566.

[40] Бешарова Жустиния (в замужестве Джапаридзе; 20.5.1921, Батуми — 21.8.1991, Милтон, штат Нью- Йорк) — эмигрировала в Америку в 1927 г., окончила колледж Вассар (1942), получила степень магистра в Колумбийском университете (1949), где преподавала с 1946 г. В 1940-е гг. у Бешаровой был роман с Якобсоном, который продолжался до начала 1950-х гг. Письма Якобсона к ней были ею уничтожены. В 1953 г. в колледже Рэдклиф при Гарвардском университете защитила докторскую диссертацию ("The Imagery of the Igor Tale in the Light of a Byzantine Text on Rhetoric"), впоследствии переработанную в книгу: *Besharov Justinia.* Imagery of the Igor Tale in the Light of Byzantino-Slavic Poetic Theory.

Leiden: E. J. Brill, 1956; Studies in Russian Epic Tradition. 2nd edition. По рекомендации научного руководителя (Якобсона) получила почетную докторскую степень. Стипендиат византийского исследовательского центра «Думбартон Окс» в Вашингтоне (1953–1954). В 1954 г. вышла замуж за историка Давида Джапаридзе (1921–1970). Занималась научными исследованиями в Национальной библиотеке в Париже в 1955–1958 гг. (т. е. в годы, когда там жила Сазонова). Преподавала в университетах Индиана (1959–1960) и Ратгерс (1962), с 1962 г. — в колледже Вассар, где стала заведующей кафедрой, в Нью-Йоркском университете (1976–1978), в колледже Тринити и на летних курсах в университете Норвич. Переписывалась со Светланой Аллилуевой. Опубликовала статью об иронии в творчестве Сократа в сб.: Studies in Slavic Literature and Culture in Honor of Zoya Yurieff. East Lansing, Michigan: *Russian Language Journal*, 1988. Сын Людвиг живет в г. Милтон (шт. Нью-Йорк).

[41] Джонс Лоуренс Гэйлорд (7.8.1922 –) — американский славист, профессор, занимавшийся в аспиратуре у Якобсона в Колумбийском университете, где учился восемь лет и получил степень магистра. Вместе с Якобсоном в 1949 г. переехал в Гарвардский университет, где в 1952 г. защитил докторскую диссертацию «Acoustic Patterns of the Russian Vowels». В соавторстве с Р. О. Якобсоном написал небольшую книгу «Shakespeare's Verbal Art in "Th'Expence of Spirit"» (Гаага — Париж, 1970), автор статей «An Excursis on the Contextual Variants of the Russian Vowels» в кн.: *Halle, Morris*. The Sound Pattern of Russia. The Hague: Mouton, 1971; «Jakobson and the Postwar Slavists»" в кн.: *Roman Jakobson*: Echoes of his Scholarship (*Armstrong, Daniel; Schooneveld, C. H. van*, eds.). Lisse: Ridder, 1977. P. 193–199. Получив докторскую степень, был назначен преподавателем лингвистики в Гарвардском университете, затем заместителем декана на факультете искусств и наук; стал секретарем Якобсона. С 1960 г. преподавал в Бостонском колледже, где основал при кафедре современных языков программу по славистике. Когда в 1968 г. эта программа была преобразована в кафедру славянских и восточных языков, был назначен ее первым заведующем. Стал почетным профессором в 1992 г., но продолжал преподавать до 2002 г. Проживает в г. Кембридж (шт. Массачусетс). (Личные сообщения профессоров Джонса и М. Д. Коннолли автору публикации).

[42] Пиркова-Якобсон Сватава (19.4.1908, Вена — 9.19.2000, Тейлор, штат Техас) — фольклорист, музыковед, переводчица русской литературы на чешский язык, вторая жена Р. О. Якобсона (1935–1962). Познакомилась с Якобсоном в Праге, где они поженились и где она получила докторскую степень в Карловом университете. В Америке преподавала чешский язык и славянский фольклор в Колумбийском (1949), Гарвардском (1949–1967) и Техасском университетах (1967–1978). В сороковых годах публиковалась в чешскоязычной газете в Нью-Йорке *Нов-Йоркске Листы* и была редактором журнала *Америка*. В начале шестидесятых годов, незадолго до заключения брака Якобсона с Кристиной Поморска, Сватава Пиркова-Якобсон развелась с ним. См. о ней в кн.: *Marie Havrankova, Jindrich Toman* (Eds). Quadrilog: Bohuslav Havranek, Zdenka Havrankova, Roman Jakobson, Svatava Pirkova-Jakobsonova: vzajemna korespondence 1930–1978. Praha: Karolinum, 2001.

[43] Федоров Иван (1510–1583) — основатель книгопечатания в России и на Украине. Якобсон выпустил факсимильное издание одной из его книг: Ivan Fedorov's Primer of 1574. Facsimile edition with commentary by *Roman Jacobson* and appendix by *William A. Jackson*. Cambridge, Mass.: Harvard College Library, 1955.

[44] Среди книг Федорова, находящихся в библиотеке Гарвардского университета, имеется редкий экземпляр: *Федоров Иван*. А Б В [Азбука]. Выдруковано во Львовие: Иван Федоров, Року 1574. В конце экземпляра, ранее принадлежавшего Григорию Строганову (1829–1910), Сергею Дягилеву и Борису Кохно, находятся рукописные записи эпохи издания.

[45]Хорологион [Часослов]. Москва: *Иван Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец*, 1565. Микрофильм экземпляра этого издания из собрания Лифаря в библиотеку Гарвардского университета не поступал.

[46]Эта работа не была издана. Прежние хорошие отношения Владимира Набокова с Якобсоном прервались в 1957 г., когда Якобсон саботировал назначение Набокова профессором Гарвардского университета. Первый пробный вариант перевода «Слова о Полку Игореве» был сделан Набоковым для своих студентов в 1952 г., но он не был удовлетворен им и не опубликовал его. Окончательный вариант перевода поэмы Набоковым вышел из печати в 1960 г.: *Vladimir Nabokov*. The Song of Igor's Campaign: an epic of the twelfth century. New York: Vintage Books, 1960; London: Weidenfeld and Nicholson, 1961. Впоследствии Якобсон отрицательно отзывался о попытке Набокова оправдать тех, кто считал «Слово» подделкой. Со своей стороны, Якобсон выпустил английский перевод «Задонщины»: Sofonija's Tale of the Russian Tatar Battle on the Kulikovo Field, ed. *Roman Jakobson and Dean S. Worth*. Slavistic Printings and Reprintings; 51. Hague: Mouton, 1963.

Послесловие к интервью
(Заметки о творчестве Беллы Езерской)

Евсей Цейтлин (Чикаго)

Две даты: в апреле 2009 года Белле Езерской[1] исполнилось восемьдесят; вот уже полвека она берет интервью.

Я думаю об этом сейчас, перечитывая книги Езерской. Невольно замечаю: каждое из ее интервью имеет свою историю. Часто неожиданную, порой — растягивающуюся на годы.

...В начале 1985-го она беседовала с поэтом и бардом Александром Алоном. А через две недели, 8 февраля, он погиб. Езерская напишет после, восстанавливая трагическую хронику: *«Вечером того дня он с женой был приглашен в гости в один эмигрантский дом в тихом и безопасном пригороде. Настолько безопасном, что там даже двери не запирались. Двое бандитов вошли в незапертую дверь, велели всем лечь на пол... Мужчины вскочили и бросились на мерзавцев. Раздалась стрельба. Трое были ранены. Дочь хозяев успела вызвать полицию. Заслышав сирену, грабители бросились наутек. Саша, раненый, погнался за одним из них, настиг его... и был сражен ударом ножа в сердце».*

История гибели тридцатидвухлетнего Александра Алона рассказана Езерской не случайно. Смерть человека часто символически отражает его жизнь. Алон был поэтом и — офицером военно-морского флота Израиля. Мог ли он поступить иначе? До интервью они общались полтора года. Подружились. Конечно, Белла Езерская сразу разглядела талант: «Он был одним из самых блестящих представителей русской авторской песни». А позже поняла и другое: его последнее интервью — своего рода «гражданское и поэтическое завещание Александра Алона».

Прошло больше двадцати лет. Все было как обычно после ухода творца из жизни: разрасталась трава забвения. Нет, Езерская не могла смириться с этим: писала статьи об Алоне, делала радиопрограммы, искала и находила единомышленников, как и она, влюбленных в пронзительные песни барда. Мы и познакомились в ноябре 2003-го, в Чикаго, на вечере памяти Алона. Я увидел обаятельную, но уже немолодую женщину. Хотел спросить: зачем вы проделали этот путь на самолете? Ведь могли же прислать свое выступление записанным на пленку... Однако вовремя удержался от вопроса, понял: это — ее миссия.

Я знаю: сам по себе жанр интервью кажется многим коллегам по литературному цеху легковесным, сиюминутным. Наивное пред-

Б. Езерская

ставление — его легко опровергнуть. Три сборника интервью и эссе Беллы Езерской под общим названием «Мастера» (вып.1–3, 1982, 1989, 1998), ее книга «Почему молчали кариатиды» (2003) стали событием в культуре нашей эмиграции. Но лучше сказать: событием стала она сама, автор.

Чтобы пояснить свою мысль, вернусь (ненадолго, совсем коротко) к старой проблеме: художник в эмиграции. Представим, что он сейчас перед нами: почти всегда одинок; почти всегда не востребован; почти всегда вынужден зарабатывать на хлеб насущный, сменив профессию. И так типично то, что сказал в беседе с Езерской автор известного романа «Желтые короли» Владимир Лобас, десятилетия крутивший баранку нью-йоркского такси:.. *«Об Америке у меня представления были очень наивные... Только здесь можно понять, что эта чудесная, гостеприимная и щедрая страна — выжженная пустыня для человека, избравшего писательскую стезю. И вообще искусство»*. Кто откровенно поговорит с творцом? Кто снова отправится вместе с ним мучительными лабиринтами поиска? Кто, наконец, приоткроет читателю «лабораторию» мастера?.. Тут остановимся. Именно это и делает Белла Езерская. Сейчас у нее

появились последователи. Но долгие годы она шла в литературе эмиграции этой тропой одна.

Однажды Езерская решила объяснить свою настойчивую приверженность жанру интервью. *«В современном литературном процессе факт, документ, свидетельство решительно потеснили художественный вымысел... Жизнь оказалась сложней самых изощренных романических сюжетов; перо драматурга в бессилии опускается перед коллизиями, которые Шекспиру и не снились»*.

Что ж, все верно. Непонятно только одно: почему именно интервью, взятые Езерской, так притягивают нас; почему их хочется перечитывать — даже спустя много лет после того, как состоялась ее беседа с писателем или артистом в каком-нибудь маленьком кафе. Даже если конкретный повод для интервью (появление нового фильма, спектакля, книги) давным-давно потерял актуальность.

Нет, главное все-таки не жанр сам по себе. Главное, как всегда, — талант, личность автора.

Разумеется, беседы Езерской с мастерами культуры не похожи на дежурные журналистские *опросы:* «Ваша любимая диета? А время года? Ну, а теперь давайте о планах...» Если говорить о жанре материалов Езерской, я бы определил его так: эссе-интервью.

Здесь всегда есть портрет творца, набросанный энергичными штрихами. И портрет времени. И — диалог двух людей. Да, именно диалог. Интервьюер вовсе не занимается самовыражением: он, что называется, помнит свое место. Но у Беллы Езерской — собственный голос, который не заглушают голоса героев, какими бы «громкими» они ни были.

Ее отношения с героями интервью — особая и, по-моему, поучительная тема. Эти отношения часто складываются на наших глазах. От вопроса к вопросу мастер все больше доверяет интервьюеру. Так начинается его исповедь.

Вслушаемся в один разговор, важный сейчас для нас. «Вы болезненно относитесь к критике?» — спрашивает Езерская у петербургского балетмейстера Бориса Эйфмана. И тот признается: *«Раньше относился болезненно. Особенно реагировал на русскоязычную прессу. Если бы меня не понимали где-нибудь в Южной Африке... Но мы же в один садик ходили, одни книжки читали»*. Впрочем, дело не в общих воспоминаниях и ассоциациях. Все дело, уточняет Эйфман, в «понимании законов того театра, который я создал». Выдающийся балетмейстер, конечно, имел в виду известное, пушкинское: художника нужно судить по законам, им самим над собой признанным...

Езерская и сама любит повторять эти слова. Тут ее кредо. Самый точный ориентир на пути к творцу.

Впрочем, искусство интервьюера — как всякое искусство — в известной степени иррационально. И таит в себе загадку. Перечитав десятки публикаций Езерской, я по-прежнему гадаю сейчас: каким образом она неизменно выбирает самый точный (часто — «больной») вопрос; как же возникает здесь — всего на нескольких страницах текста — это странное, но несомненное психологическое напряжение... Герои Езерской нередко переживают во время общения с ней «момент истины»: признаются в сокровенном, пересматривают свою жизнь.

Именно ради этого она часто сознательно привносит в беседу конфликт. Филолог и критик Анатолий Либерман как-то заметил о Езерской: «*...Она нелегкий интервьюер, и некоторым ее собеседникам пришлось отбиваться от остро поставленных вопросов*». Это правда. Больше того — она то и дело подходит к рискованной грани. К примеру, так начинает свою беседу с Иосифом Бродским: «О вас говорят как о человеке высокомерном и недоступном, особенно для нашего брата-эмигранта». Другой бы ответил: «На этом интервью закончено». Бродский не обиделся — начал рассуждать вслух о проблеме «поэт в изгнании»: ...«*Эмиграция, знаете, начисто избавляет от нарциссизма. И в одном этом, на мой взгляд, уже ее достоинство. Жизнь в чужой языковой среде, со всеми вытекающими последствиями, — это испытание. Генрих Белль как-то записал в дневнике, что чем дальше письменный стол художника будет стоять от отечества, тем лучше для художника...*». Я с трудом обрываю интереснейшее размышление поэта, которое родилось в диалоге с интервьюером.

Еще одна особенность творческого почерка Беллы Езерской. Она не скрывает от читателя своих пристрастий и симпатий. Но при этом всегда бескомпромиссна в художественых оценках. Вот закономерный финал ее эссе об одном из создателей современной массовой культуры Энди Ворхоле[2] — он, между прочим, сыграл немалую роль в американской судьбе Езерской: «*Я не отношусь к искусству Энди Ворхола серьезно... Но я с восхищением принимаю самого Энди Ворхола, как непревзойденного мастера одного-единственного шедевра: своей собственной жизни*».

Вдруг понимаю: последняя фраза точно говорит и об Езерской. Она тоже никогда не была покорной песчинкой, которую уносил за собой ветер времени.

* * *

...Начинала Езерская дважды. Впервые — в родной Одессе, второй раз — в эмиграции.

«Там» — после окончания университета — она долго, неприкаянно мыкалась со своим «свободным» дипломом; потребовался «блат», чтобы получить жалкие библиотечные полставки; в областной газете *Знамя коммунизма* ее печатали с оглядкой, в штат не брали: ничуть не стесняясь, напоминали про «пятый пункт». (Отдушиной были публикации в московском журнале *Театр*).

В Америку Езерская приехала с мужем и сыном в сорок восемь. Конечно, ее тут никто не ждал, да и «булки на деревьях» не росли. Иногда спрашивала себя: неужели жизнь кончилась? Но отвечала себе так, как ответит ей вскоре молодой эмигрант Василий Аксенов: это важно — «ощущать сопротивление общества», это нужно — уметь «начинать все сначала, проходить весь путь заново».

И ей повезло! Дебют в старейшей эмигрантской газете *Новое русское слово* — очерками о любимом Пушкине (очерки приметили многие, в том числе — Мстислав Ростропович, который станет потом ее другом); учеба в университете, а затем в аспирантуре по русской литературе; сложный, противоречивый, но пьянящий атмосферой свободы мир эмигрантской культуры: Белла Езерская вошла в этот мир, как входят в родной дом.

Особая, интригующая строка ее биографии — долгое сотрудничество с журналом Энди Ворхола *Interview*. «Помешанный на знаменитостях, он и создал его для знаменитостей» — голливудских звезд, королей, законодателей моды. Это было так престижно — попасть на страницы *Interview Magazine*: и в качестве «гостя», и в качестве автора. А Езерскую поражала душевность ее новых коллег: «*...Когда я зимой приезжала из своего Фарраковея, замерзшая, как сосулька, ребята отпаивали меня кофе в столовой, обшитой дубовыми панелями*». Кстати, именно Ворхолу принадлежит идея собрать материалы Езерской в книгу. «*Но ведь это же интервью*», — переспросила она неуверенно, — «*жанр скоропортящийся...*» «*Ну и что*», — пожал плечами Ворхол. Он-то не сомневался в успехе.

...Живой нерв большинства ее работ — судьба русской культуры в эмиграции.

Позиция Езерской резко выражена в эссе «Великое противостояние». Эссе посвящено автору «Покаянных дней», но оно шире — о выборе, который стоял перед каждым творцом. Езерская проци-

тирует речь Бунина, произнесенную в феврале 1924-го в Париже: *«Миссия русской эмиграции, доказавшей своим исходом из России и своей борьбой, своими ледяными походами, что она не только за страх, но и за совесть не приемлет ленинских градов, ленинских заповедей, миссия эта заключается ныне в продолжении этого неприятия»*.

Такой выбор — рано или поздно — совершают многие герои Беллы Езерской. (Всех не вспомнишь, тем более — не перечислишь).

Мстислав Ростропович признается в интервью с ней: «Я обожаю Россию! О-бо-жаю». Но лишенный гражданства СССР, Ростропович после отмены позорного указа гордо отказывается от советского паспорта.

Патриарх и ревнитель свободной русской прессы Андрей Седых. Вместе с ним мы сравниваем разные «волны» эмиграции, погружаемся в ежедневные будни многолетнего редактора *Нового русского слова*.

Хранительница традиций, «живая легенда русского балета» Александра Данилова.

«Российский Карузо», один из последних рыцарей еврейской культуры Эмиль Горовец. *«Он мог не замечать, терпеть и молчать. Как многие. Но он предпочел туманную даль репатриации, а фактически — эмиграции благополучной жизни придворного еврея в антисемитской стране»*.

Поэтесса Наталья Горбаневская. Вместе с друзьями она вышла в августе 1968-го на Красную площадь — в знак протеста против ввода советских войск в Чехословакию. Она сделала свой выбор сознательно, остро ощущая «вкус» свободы: *«Когда ты на свободе, и, кажется, только от тебя зависит, остаться на свободе или не остаться, эта свобода, воздух, которым дышишь, деревья, под которыми идешь, становятся особенно дороги»*.

Юрий Любимов. Он гениально чувствует движение театральных форм, он и пророк — предупреждает в начале перестройки: *«После оттепели всегда бывают заморозки... Природа режима не изменилась»*. Кстати, Любимов напишет позже Белле Езерской: *«Вы делаете очень нужное и благородное дело»*.

***

«Мы не в изгнании — мы в послании». Кто только не цитировал эти знаменитые слова. Теперь перестали. Клятвы поутихли, да и некому их произносить.

«Какое там послание!» — говорит мне Белла Езерская — по телефону, незадолго до своего юбилея. — *«Скажите, ну какую миссию можно разглядеть в деятельности наших газет — разве что сбор рекламы... Многие писатели давно уехали в Россию, другие живут* здесь, *но публикуются исключительно* там... *Эмигрантские издательства не могут конкурировать с московскими, и почти все умерли, несколько журналов едва дышат... Для полноты картины добавлю: на наши концертные площадки хлынули толпы гастролеров-халтурщиков, привозящие программы, которые они постеснялись бы показывать в гарнизонах...»*

Впрочем, мы с ней все это уже обсуждали не раз. Но вот Езерская добавляет: *«Я, кажется, осталась у разбитого корыта».*

Почему не спорю? В глубине души она и сама знает, что не права. *«Всю жизнь занималась тем, чем всегда хотела...»* — разве это не убедительный аргумент при подведении итогов жизни?

Не говорю ей и другие слова — они верны, но слишком уж пафосны: книги Беллы Езерской, ее эссе и взятые ею интервью, обильно рассыпанные на страницах изданий диаспоры, — это живая история культуры нашей эмиграции.

История в лицах и голосах. Не похожая ни на какую другую.

1 Езерская Белла Самойловна — журналист, эссеист, театральный критик. Родилась 14 апреля 1929 г. в Одессе. Окончила филологический факультет Одесского ун-та. Публикуется с 1956 г. (областные и республиканские газеты, *Литературная газета*, журналы *Радуга*, *Театр*, *Театральная жизнь* и др.). С 1969 г. — член Союза журналистов СССР и Всесоюзного театрального общества. Занималась распространением самиздата. В 1956–1970 гг. работала библиотекарем в обл. библиотеке им. Ленина. В 1970–1976 гг. — литсотрудник многотиражной газеты Одесского обувного объединения. В США с 1977 г. С 1978 г. живет в Нью-Йорке. Работала в школе помощником учителя. Окончила аспирантуру при Хантер-колледже (Нью-Йорк) и получила степень магистра. Печаталась в газетах *Новое русское слово*, *Панорама*, *Русская мысль*, в журналах *Вестник*, *Новый журнал*, *Чайка*, *Форум*, *Interview* и многих других.

2 Энди Ворхол (Andy Warhol, 1928–1987) — художник, кинорежиссер, фотограф, издатель, один из основателей движения поп-арт.

Стихи Анатолия Либермана[1]

Русские стихи пишут десятки тысяч людей. Я думаю, что большинство из них задохнулись бы, если бы их принудили молчать. Сам я пишу с детства и с удивлением замечаю, что, чем старше я становлюсь, тем нужнее мне эта часть моей жизни. Для подборки, помещенной ниже, я отобрал то, что мне особенно близко. Почти всем этим стихам много лет, но написаны и напечатаны они были после моего приезда в Америку (1975 г.) и известны единицам. Нет ведь уверенности, что даже и те, с кем соседствуешь в альманахе или журнале (*Встречи*, *Побережье*, *Новый Журнал*, *Мосты*), прочли в них что-нибудь, кроме своих сочинений, а если и прочли, то тут же и забыли, ибо кого тревожат лирические излияния других людей? Перевожу я тоже с детства, но к сонетам я вернулся после почти сорокалетнего перерыва: «вторая серия» датируется 2009 годом (первая помещена в моем сборнике «Врачевание духа»). Переводить сонеты Шекспира — величайшее счастье, и хотелось бы думать, что и чтение их по-русски, хотя у меня длинный ряд предшественников, кому-нибудь доставит радость (я отобрал четыре из имеющихся у меня пятидесяти).

А. Либерман

CURRICULUM VITAE

При тех же родителях (мать и отец)
Лишь менее склонных к увечьям,
Застенчивый овен, любитель овец
И в стаде таком же овечьем,
Я мог бы родиться — но в дальнем краю,
Где в моде воланы и букли,
Я мог бы в Америке выбрать семью,
И стал бы мне родиной Бруклин.
У Лейбница был несравненный парик,
А в Бруклине автомобили.
Мой жребий в отечестве? Тощий старик,
Которого сызмала били.

Германия, Гете, и все там на ге,
Но чувства друг к другу взаимны:
Винтовка на взводе, винтовка к ноге
И радости мощные гимны.

Америка: Франклин и громоотвод,
Вождей краснокожих останки;
По слухам, веселый, смышленный народ,
И слово забавное — янки.

Напрасный, случайный, непрошенный дар
Родиться под небом России.
В пространстве вращается крошечный шар,
Игрушка богов и стихии.

УШКИ НА МАКУШКЕ

У дома 19–13
Стояла гипсовая свинья.
Жила там, должен признаться,
Эстетически глухая семья.
Это еще не свинство —
Хрюшка, страж у дверей
(Есть и похуже бесчинства).
В доме обитал не еврей
И, конечно, не мусульманин:
«Агностик» в кругу семьи.
Не был он в сердце ранен
Искусством с заглавным *И*.
Зоологическая скульптура
Обозначила его предел.
От Праксителя до Генри Мура
Был в его знаниях пробел.
(Ах, Пракситель, мой бог Пракситель,
Кто достигнет твоих высот?
Коленопреклоненный проситель,
Я стою у твоих ворот.)
Не к баранам — вернемся к свинуше.
Шел я как-то знакомым путем —
Вижу: свинка. Но уши, уши!

Кто отбил их? И чем? Долотом,
Топором? Или тяжкий молот
Раздобыл их себе на обед?
Кузнецы ведь мы. Дух наш молод,
А в молодости наделаешь бед!
Много позже одна из соседок
Сшила капор пострадавшей в дар.
(Педиатр она: лечит деток,
А вовсе не ветеринар.)
Годы шли. И со мною рядом
Стал гулять малолетний внук.
Свинка нас провожала взглядом,
Но в глазах у нее испуг.
Внук спросил меня: «Может случиться,
Что ушки отрастут опять?»
(От болезней надо лечиться —
Иначе не сдобровать!)
Мы бываем там раз в неделю
И на прошлой неделе пошли.
Трудно жить ребенку без цели.
Пока что не отросли.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Мы завернули его в одеяло,
Вложили записку (имя, адрес)
И выбросили из окна на шпалы:
Вижу все, как сейчас, точно в кадре.
Вдруг подберут, воспитают, жалея,
Что такая судьба уготовлена и младенцам.
Было ли в нашем веке что-нибудь злее,
Чем Бухенвальд и Освенцим?
Ими евреев не зря пугали.
Но смерть, она многолика.
Хотя мы попали в поскромнее лагерь,
Было там все не менее дико.
Нас, умирающих, спасли англичане,
Недосожженных в немецкой домне.
Мы так и не разыскали Даню:
Никто не видел, никто не помнит.
Второй ребенок, послевоенный? Где там!

Ее ведь... Не могу. Такое горе.
Наши родители погибли в гетто.
Я заболел, да и разошлись мы вскоре.

* * *

— Она так и осталась вдовой?
— Как и многие в те времена.
Молодых мужчин сгубила война;
Отцы не вернулись, как и твой.
Я часто думал: «А вдруг он жив
Среди тучных немецких нив?»

Бывало ж, я знаю, и не раз
Под улюлюканье егерей
«Потерявший паспорт» блондин-еврей
Скрывался среди более чистых рас.
А потом с другими в далекий штат,
Где устроился и снова женат —
Удачней, чем когда был юнцом.
Что ж до первой, он забыл о ней,
И новый сын получился умней
И похож на него лицом;
Любит девочек, белозуб,
Ходит с папой в спортивный клуб.

Но мучил меня и такой вопрос:
Вдруг войдет старичок с клюкой?
Я удивлюсь: «Так ты такой?»
Он усмехнется: «И ты подрос.
Слева уже седина у виска».
И правда: с тех пор ведь прошли века.
Но я думаю, нет у него жены
И зубастого сына нет.
Ни через мало, ни через много лет
Никто не приходит домой с войны.
Мертвецы хоронят своих мертвецов.
Сыновья не хоронят своих отцов.

НА ТЕМЫ ПАСТЕРНАКА

Быть знаменитым так красиво!
Когда ты славу заслужил
И гнал себя и в хвост, и в гриву,
Ни нервов не щадя, ни жил;
Когда твой выход и на сцену
Направлена биноклей ось,
А ты, познавший жизни цену,
Без стекол видишь всё насквозь;
Когда, не убоявшись терний,
Закинув к звездам свой возок,
Ты слышишь ликованье черни,
Что ж, улыбнись ей хоть разок!

Я — сбивший ноги в кровь паломник,
Добредший до священных пальм,
А не тихоня и не скромник,
В пути утративший запал.
Пусть не хотел я жить иначе,
Пусть не заигрывал с толпой,
Не для одной самоотдачи
Прошел я горною тропой.

Нелепо быть стальной пружиной,
Вращая стрелки на часах,
Быть средоточья сердцевиной
И стать — не притчей на устах,
Не пошлым, безглубинным глянцем,
Святым чужого жития,
О нет, не чванным самозванцем,
А тенью собственного я!
Клянусь раздробленным гранитом
И диким воздухом вершин,
Что быть красиво знаменитым.
Шакалов много. Лев один.

ИЗ НОВОГО СВЕТА

Ах, как скрутило Билла Сессинко!
Удар, еще удар — и гол.

Недолго жил, а спета песенка:
Дал полный газ, и вдруг прокол.
Огорчены друзья покойного:
Такой мужик! Бывало, Билл
Не скажет слова непристойного.
А как он Дороти любил!
Пойдет на дело, так помолится,
Со всеми вместе в хоре пел;
Когда не хочется, не колется,
Республиканцев не терпел.

Вдовы нет в мире безутешнее:
Она тоскует, не живет...
Но год прошел, и воды вешние
Сменили снег и смыли лед.
И тут один мужчина с гонором
Вопрос ей задал напрямик.
(Он звался Ричардом О'Коннором,
А для друзей был просто Дик.)
Они слюблялись и подростками,
Но были глупыми тогда,
Самонадеянными, жесткими...
Упрямство юных не беда!
Зато теперь голубка с голубем
Сидят за свадебным столом.
Пойти, как в молодости, в школу б им:
Билл, Дик и Дороти — втроем.
Как быстро вниз сбегает лесенка,
Как слаб резвящийся ручей!
Хотя мне жалко Билла Сессинко,
Себя, любимого, жальчей.

НА ТЕМЫ АННЕНСКОГО

Его звали, как помню, Дафи
За приветливый, кроткий нрав.
Благородней кровей, чем граф, — и
По манерам он был, как граф.
Из-за длинной мохнатой шерсти
Он казался сплошным клубком,
Если б не было двух отверстий,

Двух проколов для глаз рядком.
Каждый день, не поздно, не рано,
Проходил мимо Дафи я
И давал ему полбанана;
Он глотал его, не жуя,
И бежал за мной без оглядки
От родных хозяйских дверей;
Если мы и играли в прятки,
То затем, чтоб найтись скорей.
Джон и Мери не возражали;
Был их Дафи умнейшим псом:
Из любой заповедной дали
Он легко находил свой дом.

Догорало тихонько лето,
Моросили дожди с утра,
Кто-то ждал и звал меня где-то;
Уезжать настала пора.
И однажды, в плащ запеленут,
Я пошел в последний поход.
О, как сосны осенью стонут,
Как безжалостен ветра гнет!

Вот и двор с конурой... Но диво!
Ты ли это, мой верный друг,
На цепи сидишь сиротливо,
И нигде ни души вокруг?
Безнадежным, надрывным лаем
Он ответил на мой вопрос.
Что о муке чужой мы знаем?
Что поведать сумел бы пес?
Но бывает, своя потеря —
Нам для сердца меньший урон,
Чем тоска приблудного зверя,
Чем деревьев предсмертный стон.
Нет осенней тоски нелепей!
Я один сквозь дождик иду.
Чьи-то сзади лязгают цепи,
Чей-то вой пророчит беду.

ПОДРАЖАНИЯ МИННЕЗАНГУ[2]

Скажи ему, что я тоскую,
Что я готова. Да. Но пусть...
Повремени. Нет, речь такую
Возьми с собою в дальний путь:
«Ни запах роз, ни гомон птичий
Не в радость мне. Пусть он возьмет —
Но с соблюденьем всех приличий;
Ведь он все знает, все поймет».
Постой, не торопись! Куда ты?
Я передумала. Не тех,
Кому пристали шлем и латы,
Заманишь призраком утех.
Какая женщина откажет
С ним разделить его венец?
Какая женщина не ляжет
С таким, как он? Ответь, гонец!
Мне жизни нет. И в день весенний,
И в Рождество, при смене вех,
Когда учтива я со всеми
(Но в меру, никогда не сверх),
О нем лишь думаю. Послушай:
Ведь на тебя он кинет взгляд —
Ты сохрани его получше
И принеси его назад.
Во мне он и пребудет вечно.
Он догадается. Скачи.
Не пророни ни полсловечка,
А если спросит, промолчи!

ПО ТУ СТОРОНУ

О, если суждено мне умереть,
Врачами соборованным умело,
И если может что-нибудь согреть
Бессильно остывающее тело,
Мне ни к чему воспоминаний дым
И прошлое, отснятое в кассету;
Я унестись мечтой хотел бы в Рим:
Под языком не градусник — монета.

Меня бы встретил разбитной Харон
И посадил на краешек парома,
А на пароме с четырех сторон
Написано одно лишь слово — «Roma»*.
В Трастевере** освобожденных душ,
Где без леченья заживают раны,
Где грозный ливень — только легкий душ,
Сливающийся с брызгами фонтана!
И был бы мой последний стих не всуе:
О счастье пар, застывших в поцелуе.

ИЗ СОНЕТОВ ШЕКСПИРА

27

Когда усталый я ложусь в постель,
Чтоб сладкий отдых телу дать в пути,
Для новых странствий ум находит цель
И мысли в даль стремится увести.
Толпой паломников они спешат
Туда, к тебе, в земли иной конец.
В ночную тьму, вперяя жадный взгляд,
Я вижу то, что видит и слепец.
Я зреньем внутренним, пронзая мрак,
Незрячим оком вижу призрак твой;
Он, как бриллиант, как утра светлый знак,
Мглу ночи заменяет синевой.

Что дух, что плоть, что темнота, что свет,
Покоя нам не может быть и нет.

28

Как быть могу я весел и здоров?
Покой мое не посещает ложе.
Не лечит мук дневных ночной покров —
Что день, что ночь; что ночь, что день — всё то же.

---

* Рим (*ит.*)
** Trastevere, район Рима за Тибром

Враги друг другу, свет и темнота,
Чтоб истязать меня, сплетают руки:
Страданьем тот и жалобами та
На то, как стражду я, как бьюсь в разлуке.
Дню говорю я: «Пусть придет затменье —
Любую тьму рассеет он собою»;
Шепчу беззвездной ночи в утешенье:
«Когда он рядом, небо голубое».

Но с каждым днем дневная боль сильнее,
А ночью — ночь, и путь к тебе длиннее.

57

Твой раб, я времени веду отсчет
Лишь по твоим часам — что день, что вечер;
Без дел твоих нет у меня забот,
И сутки больше мне заполнить нечем.
Тягуче время. Это не упрек:
Следить за ходом стрелок, негодуя,
Сердиться на тебя какой мне прок?
Хозяин, ты велел мне ждать, и жду я.
И мысль моя ревниво не бежит
Тебе вослед: что делаешь, и где ты?
Печальный раб пространство сторожит
И рад: тобой твои друзья согреты.

Любовь, как шут; всем дураку ты мил:
Закон — лишь то, что ты постановил.

58

Избавь меня продавший в рабство бог*
От мысли направлять твои желанья,
Следить ревниво, где и с кем ты лег:
Вассал лишь исполняет приказанья.
Позволь же мне остаться взаперти,

* Видимо, имеется в виду бог любви Амур.

Блаженствуя (ты избежал неволи!),
Привычно оскорбление снести
И не искать в тебе причину боли.
Не отменить твоих прерогатив,
И не тебе давать другим отчет.
Ты вправе, самого себя простив,
Быть там и с тем, куда тебя влечет.

Суров ты или милостив, я жду,
Хотя, чем ждать, я лучше б жил в аду.

[1] Подробнее об А. Либермане см.: *А. Либерман*. Российский филолог в Америке (Анатолий Либерман о себе) // Русские евреи в Америке, кн. 4. Ред.-сост. *Э. Зальцберг*. Иерусалим-Торонто-Санкт-Петербург, 2010. С. 121–158. В приложении к статье дается подборка стихов А. Либермана, продолжение которой приводится в настоящем выпуске. *Примеч. ред-сост.*

[2] Миннезанг — немецкая поэзия XIII века, в основном любовного характера.

ИСКУССТВО

Александра Прегель

Розина Нежинская
(Иллинойский университет, Спрингфилд, США)

Александра Прегель, урожденная Авксентьева, родилась 15 декабря 1907 г. в Гельсингфорсе, ныне Хельсинки. Ее мать, Мария Самойловна Цетлина (урожденная Тумаркина, 1882–1976), училась в Швейцарии и получила докторскую степень в Берне в начале 1900-х годов. Мария была незаурядной натурой и олицетворяла собой тип новой свободной женщины, который в русских интеллектуальных кругах называли "ибсеновским", в честь героинь ибсеновских пьес, в то время становившихся популярными в России, особенно среди русской интеллигенции. Мария Тумаркина пользовалась успехом в русской артистической и интеллектуальной среде. Так, художник Валентин Серов в 1910 году написал её портрет, который находится ныне в Музее русского искусства в Рамат-Гане, в Израиле[1].

Отец Александры, Николай Дмитриевич Авксентьев (1878–1943), происходил из русской дворянской семьи; был видным членом партии эсеров, министром внутренних дел во Временном правительстве Керенского, сформированном после Февральской революции 1917 года, и председателем Временного Всероссийского правительства (Директории) в сентябре-ноябре 1918 г. Николай Дмитриевич и Мария Самойловна втретились в 1899 г. во время учебы в Германии. Они сочетались браком в 1906 г. в Петропавловской крепости в Петербурге, куда были заключены за политическую деятельность. Когда Авксентьева приговорили к ссылке в Обдорск, за Полярным кругом, его молодая жена последовала за ним. В 1907 г. он бежал из ссылки за границу, Мария вернулась в Москву и оттуда отправилась в Гельсингфорс, где встретилась с мужем и родила дочь Александру. Их брак, однако, оказался недолговечным: в 1909 году они разошлись, и в 1910 году Мария вышла замуж за Михаила Цетлина (псевд. Амари, 1882–1945), писателя, переводчика и издателя, внука, со стороны матери, Вольфа Высоцкого, основателя известной чайной компании[2].

Александра Николаевна в своих воспоминаниях рассказывает о ранних скитаниях и периодических встречах матери с отцом в разных европейских странах до их развода: *«Родилась в Гельсингфорсе 2/15 декабря 1907 года. Оставалась там до марта 1908 г. В марте 1908 уехала с мамой в Москву, где жила до июля 1908 г. В июле 1908 г. уехала с мамой через Берн в Париж, где прожили до октября 1908 г. В октябре 1908 г. папа приехал из России (где был нелегально) в Берн, и мама со мной туда поехала. В Берне мы жили до февраля 1909 г. Затем вернулись в Париж и оставались до июля 1909 г., когда мои родители развелись, и я с мамой поехали в Москву. В Москве жили до марта 1910 г. ... В марте 1910 г. вернулись в Париж. В июле 1910 г. я переехала с няней к папе, и мы провели лето в St. Georges de Didonne ...Мама 19-го октября вышла замуж за Мишу в Биаррице»*.

Зимой 1910 и 1911 годов Александра жила с няней у отца в Париже, на 25, av. Reille. Она вспоминала: *«Мама приходила кормить меня вечером кашей»*. Летом 1911 года девочка переехала к матери на 91, av. Henri Martin, Paris XVI «и уже осталась жить с мамой» во Франции[3].

Цетлины приветствовали Февральскую революцию 1917 года, и в апреле этого года семья направилась в Россию через Испанию, Северную Америку, Японию и Сибирь. Ангелина Цетлин-Доминик (сводная сестра художницы) вспоминает: *«Во время войны морской путь по Северному морю был весьма опасен. Поэтому родители отплыли на пароходе в Америку, пересели там на поезд, потом опять — морским путем — в Японию, где прожили около двух недель... Из Японии семья отправилась в Сибирь и поездом приехала в Петроград, вероятно, в июле 1917 г.; вскоре, наконец, прибыли в Москву»*[4].

В Россию они приехали 11 июня 1917 года. *«Лето провели в Сокольниках (ездили в Петербург к папе). Зиму 1917–18 г. жили в Москве (Трубниковский пер., угол Крестниковского)»*, — пишет Александра Николаевна[5]. Очень скоро семья Цетлиных осознала, что Октябрьская революция 1917 года является «страшным падением России», как писал Бунин, и в июле 1918 года они уехали в Одессу. В апреле 1919 года Цетлины окончательно покинули Россию и поселились в Париже, на 118, rue de la Faisanderie, XVI, где прожили до 1927 года, когда была куплена квартира на 59 rue Nicola.

В Париже семья Цетлиных стала одним из центров интеллектуальной жизни русской эмиграции. Будучи людьми творческими и

состоятельными, они основали литературный журнал *Современные записки.* Их квартира была местом встреч русских политических деятелей, писателей и художников. У них бывали Леон Бакст, Наталья Гончарова, Михаил Ларионов, Маревна (Мария Воробьева-Стебельская); к ним приезжал Максимилиан Волошин. Здесь же собирались И. Бунин, М. Алданов, В. Ходасевич, А. Куприн, И. Шмелев, Н. Тэффи, Д. Мережковский, З. Гиппиус — все сотрудники *Современных записок.* В квартире, прозванной М. Волошиным «райской гостиной», бывали Амадео Модильяни, Диего Ривера, Пабло Пикассо, Бурдель. Её стены украшали акварели Волошина, работы Маревны, Н. Тархова, эскизы театральных костюмов А. Бенуа, Л. Бакста, Д. Стеллецкого, Н. Гончаровой, пейзажи М. Ларионова. Все эти работы, также как и ряд других, являются частью коллекции Цетлиных, собранной в эмиграции, и сегодня находятся в Музее русского искусства Марии и Михаила Цетлиных в Рамат-Гане в Израиле.

В этой творческой атмосфере росла и воспитывалась Александра, или Шурочка, как ее называли дома. Она была обаятельной девушкой и пользовалась успехом у художников, посещавших их дом. С ранней юности ее рисовали Ривера, Бакст, Чехонин, Ларионов. Известный русский фотограф Роман Вишняк создал несколько портретов Александры[6]. После эмиграции в Америку ее рисовал американский художник Леон Кролл, с которым она участвовала в групповой выставке в Нью-Йорке.

Хотя Александра прожила очень незначительную часть жизни в России, она была воспитана в русском духе в семье, ценившей национальные культурные ценности, которые были привиты ей с раннего детства. Недолгое время, проведенное в Москве, она училась в Алферовской гимназии, а в Париже — в русской гимназии на rue du Dr. Blanche. Свое художественное образование Александра начала в студии Dieferleu, на rue Marguerite. Основы живописного мастерства она приобрела в открывшейся в декабре 1921 года на Монпарнасе студии русских художников-неоклассицистов Василия Шухаева и Александра Яковлева, учеников профессора Петербургской Академии художеств Дмитрия Кардовского. Шухаев привил Александре Николаевне академические навыки: понимание пластической формы, умение копировать художников эпохи Возрождения. Александра продолжила свои занятия живописью в Национальной школе декоративных искусств *(Ecole des Arts Decoratifs)*, которую окончила в 1928 году. Через год она начала заниматься у Натальи Гончаровой, с которой познакомилась еще в

1912 году, в доме матери в Париже. Их близость и сотрудничество продолжались до конца жизни художницы, скончавшейся в 1962 году. Гончарова считала, что искусство не является воспроизведением реальности, а создает свою собственную реальность, и что роль творца заключается в воссоздании этой реальности, *«приподнимая вуаль, скрывающую красоту нашего страшного мира»*.

«Она верила в то, что один из даров творца должен заключаться в умении увидеть в искусстве "то, что он ищет подсознательно и то, что сознательно ему недоступно"... Гончарова никогда не навязывала свои художественные взгляды своим ученикам и считала, что "каждый человек должен развить свои собственные таланты" и мировоззрение. В этих взглядах заключалась мудрость и ценность ее учения»[7]. Подобное понимание искусства и поддержка Гончаровой помогли Александре развить собственный художественный метод и творческое мировоззрение.

В 1932 году под псевдонимом Avxente, Александра впервые представила свои работы на групповой выставке молодых парижских художников, а уже в 1934 г. у нее была первая персональная выставка в галерее de l'Elysee.

Между 1935 и 1939 годами она выставлялась в Салоне независимых (Salon des Independants) и в 1938 г. — в Осеннем салоне.

Александра была замужем дважды. Ее первый брак с инженером Болотовым длился два года и распался в 1931 г. Второй раз она вышла замуж за Бориса Юльевича Прегеля (1893–1976). В. Яновский пишет в воспоминаниях, как однажды Б. Прегель *«пришел на наш вечер в пользу молодых литераторов (в доме Цетлиных), увидал дочь М. С. и влюбился...»* и далее, шутя, подытоживает: *«Своей счастливой семейной жизнью он, можно сказать, был обязан парижскому Объединению писателей и поэтов»*[8]. Борис Прегель, физик по образованию, вместе со своим братом Александром и бельгийским инженером Эдгаром Сенгиером, одним из владельцев бельгийской компании *Union Miniere*, в течение двадцати лет, с 1920 по 1940 годы, осуществляли поставку урана и других радиоактивных материалов во многие страны мира. В связи с замужеством, Александра, которая, как и ее отец, была православной, приняла иудаизм и стала подписывать свои картины «Прегель».

В июне 1940 года, в тот день, когда немцы вошли в Париж, Борис Прегель с женой, с помощью брата Александра, бежали из столицы и вскоре покинули Францию. Они поселились в Нью-Йорке в центре города, в доме с видом на Центральный парк. Борис сразу был принят в Американскую Академию наук и в течение многих

лет состоял президентом Нью-Йоркского отделения корпорации *Canadian Radium & Uranium*.

Творческая судьба Александры была намного сложнее судьбы ее мужа. Уезжая из Парижа, Прегели оставили на произвол судьбы роскошный особняк и триста картин Александры. Особняк был конфискован немецкими властями, а картины отправлены в Германию, и их местонахождение до сих пор не известно. Александра должна была начать свою карьеру в Соединенных Штатах заново. На первой американской выставке в New School of Social Research Александра Прегель представила 36 новых работ. В 1946, 1948 и 1952 годах ее полотна экспонировались в галерее Милч в Нью-Йорке, в 1947 году — в Национальной Академии дизайна в Нью-Йорке и в Толедском музее, а в 1956 году — в галерее Уилденстейн в Нью-Йорке. В 1947 году она выставлялась в Париже в галерее de l'Elysee, а после этого в 1948 году вместе с Джорджией О'Киф и Сальвадором Дали — в Институте Карнеги в Питтсбурге.

Помимо масла Прегель работала в технике акварели, занималась книжной графикой. Она иллюстрировала журнал *Новоселье*, который издавался поэтессой и переводчицей Софией Прегель[9], сестрой Бориса Прегеля, оформила первый номер *Нового журнала*[10], который начали выпускать в Нью-Йорке в 1942 года Михаил Осипович и Мария Самойловна Цетлины вместе с М. Алдановым. Она также проиллюстрировала древнерусский эпос «Слово о полку Игореве» в переводе Р. Якобсона, Библию и Пасхальную агаду[11].

Во время Второй мировой войны Борис и Александра Прегель были активными членами организаций *Друзья Французской Республики* и *Французский Красный Крест*, спасших множество людей от нацистов.

Сразу после смерти Бориса Прегеля в 1976 году, Александра прекратила рисовать и не участвовала в выставках, однако за несколько лет до смерти вернулась к любимому занятию. В одном из писем к племяннице, Нине Адмони, она написала, что живопись была смыслом ее жизни. Александра умерла в Нью-Йорке 28 июня 1984 года.

Александра Прегель была художницей, которая обладала способностью имитировать различные стили. К сожалению, из-за того, что почти все ее довоенные полотна пропали, анализ ее работ основан, главным образом, на произведениях американского периода. Исчезновение ее довоенных работ, с одной стороны, является большой потерей для исследователей и для понимания творческого метода художницы, а с другой, вероятно, стало толчком для ее поис-

ков и экспериментирования с новыми стилями и художественными жанрами. Возможно, что переезд в Соединенные Штаты и трудное приспособление к неизвестному миру также сыграли важную роль в ее стремлении найти свой путь в искусстве. Хотя Александра Николаевна пишет, что *«нельзя* захотеть *рисовать в том или ином стиле, надо всегда наиболее честно и правдиво стараться передать то, что видишь»*[12], она находилась в постоянном поиске. Прегель начала свой творческий путь в Соединенных Штатах с фигуративной живописи, затем прошла через период фигуративно-абстрактного искусства, и к концу своего творческого пути вновь обратилась к фигуративной технике. Она экспериментировала также с сюрреализмом, кубизмом и пресижионизмом[13].

Хотя Прегель не создала своего собственного живописного стиля и не принадлежала ни к одной художественной школе, настроение внутренней отчужденности и глубокого одиночества, которые характерны для ее работ, уникальны и придают ее творчеству особый колорит. Эти же мотивы можно найти в картинах современника Прегель, американского художника Эдварда Хоппера (1882–1967), хорошо известного в тридцатые и сороковые годы, однако, между ними есть существенная разница. Одиночество и отчужденность у Хоппера вызваны экономической депрессией, охватившей Америку в тридцатые годы, которая отдалила людей друг от друга, усилила их ощущение потерянности, особенно в больших городах. В творчестве Прегель дух одиночества, неуюта и отчужденности связан с её тройственной потерей культурной среды: родины, России; второй приемной родины, Франции; и, наконец, Европы, разрушенной и ограбленной Второй мировой войной. Будучи глубоко европейской художницей, она должна была жить и творить в чуждом ей мире. Работы Прегель отражают внутреннее состояние и отношение к этому новому миру, к которому она не смогла приспособиться и в котором чувствовала себя чужой и одинокой.

Особенно остро ощущается дух одиночества и отчужденности в таких полотнах, как «Уход», «Комната», «Свет», «Осенние листья», хотя они написаны в разных стилях: два первых — в фигуративной манере, «Осенние листья» напоминают работы сюрреалистов, в особенности, Магритта, а «Свет» является сочетанием абстрактного и фигуративного начал.

Хотя «Комната» и «Уход» — картины фигуративные, но композиционно они совершенно не похожи. В то же время, такие работы, как фигуративный «Уход» и фигуративно-абстрактный «Свет», композиционно очень близки, хотя по смыслу диаметрально про-

тивоположны. В обеих картинах обращает на себя внимание маленькая человеческая фигурка на подавляющем взгляд зрителя фоне. В «Уходе» эта фигурка с тяжелым мешком на спине, символом груза жизни, окружена давящими, готовыми упасть на неё зданиями. Она повернута спиной к зрителю и движется из привычного, но удушающего мира города и цивилизации куда-то в бесплодную даль с голыми мертвыми деревьями, в которой нет места вдохновению и надежде. И дорога, и здания создают ощущение неприкаянности, подавленности и страха перед неизвестностью.

В картине «Свет», так же, как и в «Уходе», человеческая фигурка находится в центре нависших над ней геометрических форм и тоже повернута спиной к зрителю, но она движется не к холодному бесплодному будущему, а к будущему, полному света и надежды.

В «Уходе» преобладает красный цвет, символ крови и борьбы. Несколько пугающий желтый цвет, который также присутствует в картине, является, вероятно, символом предательства, а голубой — душевной чистоты и вечной надежды. Сочетание этих красок создает ощущение опасности. Хотя в «Свете» тоже есть ощущение одиночества, эта картина намного оптимистичнее «Ухода», ибо свет, к которому идет человек, олицетворяет надежду.

Тема картины «Горящий город», написанной в манере пресижионизма, близка «Уходу». Она изображает горящий и тонущий город, в котором не осталось ни одного живого существа. Всепожирающий и поднимающийся в небо огонь подчеркивает апокалиптический характер картины. Однако удивительно гладкая и спокойная вода отражает огонь и символизирует обновление и новое начало, которое должно наступить после всеуничтожающего пожара.

Если в «Уходе» подчеркивается одиночество человека, возможно, единственного, оставшегося в живых после катастрофы, то в «Горящем городе» акцентируется глобальное разрушение мира, апокалипсис. Для художницы, потерявшей свое прошлое, уничтоженное революцией и войной, и для которой как личное, так и коллективное будущее человечества, пережившего уничтожение европейской цивилизации во время Второй мировой войны, обратилось в полную неизвестность, апокалиптический взгляд на мир явился выражением духовного состояния всего её поколения.

Гладкая водная поверхность, отражающая огонь в «Горящем городе», играет также роль зеркала — символа, который Прегель унаследовала из изучения живописи эпохи Возрождения в студии Шухаева. Художники эпохи Возрождения очень часто пользовались им для того, чтобы передать взгляд на жизнь и искусство. Зеркало

А. Прегель. *Горящий город*

не только отражает реальную трехмерную действительность (*veritas*), но и искажает ее, ибо оно двухмерно. В «Горящем городе» гладкая поверхность воды, отражающая бушующее пламя, представляет собой одновременно и истинную, и искаженную реальность.

Зеркало является также символом суетности, временности и хрупкости человеческого существования. Зеркальное отражение в ряде картин Прегель, в частности, в «Натюрморте с зеркалом», «Разбитой яичной скорлупе» и «Сухих листьях», становится знаком быстротечности человеческого существования.

Картина «Натюрморт с зеркалом» выражает сложность внутренней жизни Александры Прегель и ее взаимоотношений с внешним миром. Зеркало, будучи частью натюрморта с атрибутами *vanitas*[14], отражает дверь, внутреннюю часть дома, окно и виднеющийся в нем современный город — мир, чуждый Прегель и далекий от уюта ее жилища.

Тема двери и окна, разделяющих внешний и внутренний миры, постоянно присутствует в работах Прегель. Её студия находилась в их огромной нью-йоркской квартире напротив Центрального парка; здесь она писала все свои работы. Когда художницу спрашивали, почему она не рисует вне студии, она отвечала, что чувствует себя неуютно, работая на улице, ибо постоянно ощущает любопытство, легкую вульгарность и агрессивность гуляющей толпы, и это мешает ей сосредоточиться. Тем не менее, истинную причину настроения одиночества, проявляющегося в работах Прегель, можно видеть в ином. Несмотря на устроенность и хорошие условия работы, она не чувствовала себя комфортно в новом мире, который был ей чужд по общему духу и художественным устремлениям. Она была человеком из другого мира, не вписывающимся в артистические направления новейшей эпохи. Будучи художницей старой школы, она не воспринимала такое течение как абстрактный экспрессионизм, который становился все более и более популярным в сороковые годы в США, когда Александра Николаевна поселилась в Нью-Йорке. Для того чтобы работать, ей надо было находиться в

атмосфере, в которой она чувствовала бы себя естественно, и она создала её внутри своей нью-йоркской квартиры.

В ее картинах мир внутри дома, квартиры всегда обставлен предметами, близкими душе художницы. Например, в картине «Комната» одинокая женщина окружена привычными ей предметами. Мы видим скромную мебель, картину и фотографии, висящие на стене, остатки завтрака. Она вяжет, сидя в кресле, и это создает ощущение дома, уюта и тепла. Женщина кажется защищенной от внешнего мира стенами комнаты. То, что она видит через открытое окно — небоскребы с мертвыми глазницами окон — холодно и враждебно. Героиня предпочитает смотреть на город из своей комнаты, оставаясь под защитой мира, созданного ею для себя.

Такая же композиция в картинах «Город за окном» и «Внутри и снаружи», где мир привычных предметов отделен от внешнего мира, от большого современного индустриального и чужого ей города, окном.

Если в картинах, изображающих американский город, в основном, Нью-Йорк, внутренний мир художницы всегда отделен от окружающего внешнего мира, то в картинах европейских городов (французских или итальянских), такое разделение отсутствует. В «Улице» зритель и художник, погружаясь в атмосферу узкой итальянской улицы, завешанной сушащимся бельем, заполненной солнечным светом, цветами и оживленно играющими детьми, сливаются с этим миром. То же ощущение принадлежности к внешнему миру присутствует и в парижских акварелях Прегель. Так, одна из них изображает Париж, увиденный с террасы кафе. Интересно, что в этой акварели отсутствуют окна и двери, столь характерные для картин, написанных в Нью-Йорке. Художник и зритель, так же как и в картине «Улица», являются частью города, в котором сливаются их внешний и внутренний миры.

А. Прегель. *Комната*

Сюрреалистические «Сухие листья», более мрачная версия картины «Комната», изображает своего рода кошмар. Здесь почти что покинутый привычный мир окутан холодным и неуютным внешним

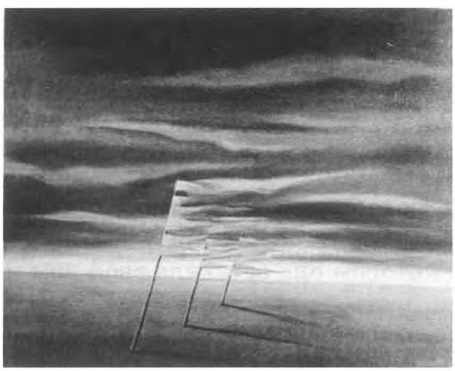
А. Прегель. *Город за окном*

миром. Хотя во внутреннем мире еще остались какие-то знакомые предметы, например, чайник, стоящий на полотенце, но, тем не менее, это распадающийся и погибающий мир. Внешняя среда, проникая через открытую дверь, разрушает уют и тепло дома, принося с собой *momento mori,* напоминание о конце и смерти, воплощенное в сухих листьях, занесенных в комнату холодным зимним ветром. Открытая дверь олицетворяет путь к внутреннему разрушению, а зеркало есть символ заброшенности. Для Прегель ощущение кошмара может быть связано не только с неприятием нового мира, где она оказалась не по выбору, а по воле судьбы. Оно ассоциировалось также с миром прошлого, частично с Россией, где большевистская революция разрушила все и заставила семью навеки покинуть родину, но больше всего с Францией, с Парижем, в котором она оставила свой дом и работы и откуда бежала в неизвестность.

Состояние внутреннего кризиса проявляется также в полуабстрактной картине Прегель «Флаги», в картинах «Тучи над городом» и «Голубой этюд». Во «Флагах» — драматизм темных и светлых красок, сочетание фигуративного (красные, развевающиеся на ветру флаги) и абстрактного (сходящиеся плоскости земли и неба) начал. Все это создает настроение внутреннего беспокойства и душевной бури, готовой вырваться наружу и восстать против мира. В этой картине, как и во многих других работах Прегель, отсутствуют человеческие фигуры, что подчеркивает внутреннее одиночество художницы.

Символическое значение имеют также игральные карты, изображенные на полотнах Прегель. Например, на картине «Цветы», созданной в стиле *vanitas,* карты, лежащие на столе около вазы, создают впечатление чего-то мистического, а неоконченная игра может рассматриваться, как символ одиночества и растраченной жизни. *«В картинах Прегель тема игральных карт вносит нюанс мистицизма в сочетании с ощущением меланхолии и одиночества... Та же тема взаимоотношения между картами, мистицизмом и одиночеством существует и в русской эмигрантской поэзии»*, — пишет А. Войскун[15].

На полотнах А. Прегель часто изображены книги. *«Сосредоточенная натура Александры Прегель любит блеклые тона старинных книг, сверкающих на солнце пергаментной желтизной. Такова ее картина ... под названием "Книги"»*, — указывалось в рецензии на выставку Прегель в галерее Милч в 1952 году[16]. Книги окружали Александру с раннего детства. У ее отчима и матери была громадная библиотека. Ангелина Цетлин-Доминик, описывая строительство квартиры в Париже, в которой Цетлины поселились в конце 20-х годов, пишет: *«Во время строительства квартиры на рю Никола (59 rue Nicola) родители дали два главных указания: они желали иметь в ней возможность разместить 6 тысяч книг... В действительности там разместилось лишь 3 тысячи книг; остальные были розданы или увезены на дачу в Севре»*[17]. Муж Александры Прегель также был большим любителем книг, и в их доме была не только богатая библиотека, но также коллекция редких книг и рукописей. Один из натюрмортов с книгами художница подарила в 1951 г. нью-йоркской Академии наук.



А. Прегель. *Флаги*

Разнообразие стилей Прегель, ее способность использовать классические идеи и придавать им свою оригинальную интерпретацию, ее поиск новых выражений в сюрреализме, кубизме, пресижионизме, в абстрактной и фигуративной живописи, и ее стремление передать через краски и формы состояние души, а также дух и настроение ее поколения, подчеркивают талант художницы и ее принадлежность к большим мастерам XX века.

Александра Николаевна подарила Музею Израиля в Иерусалиме две свои работы — «Портрет женщины» и «Пейзаж». Музею в Тель-Авиве она передала бронзовый бюст М. С. Цетлиной работы А. Бурделя, скульптуру Родена, а также картины Утрилло, Курбе, Модильяни, Гончаровой и Ларионова. Несколько работ А. Прегель и ее портреты, написанные другими художниками, были в составе коллекции, привезенной в Израиль в 1959 г. Марией Самойловной Цетлиной и ставшей основой Музея русского искусства в г. Рамат-Гане в Израиле[18]. Позднее несколько полотен А. Прегель были подарены Музею Юлией Гаухман[19].

ПРИЛОЖЕНИЯ

Групповые выставки с участием А. Прегель[20]

1932 — Первая выставка с группой молодых парижских художников.

1935–1939 — Выставки в Салоне независимых и Осеннем салоне в Париже.

1947 — 21-я ежегодная выставка современной американской живописи и скульптуры, организованная Национальной Академией дизайна в Нью-Йорке.

1947 — 34-я выставка современной американской живописи, организованная Толедским музем в г. Толедо, Огайо, США.

1948 — Выставка «Живопись в Соединенных Штатах» в Институте Карнеги в Питтсбурге, США.

2003 — Выставка в Третьяковской галерее, Москва, Россия.

Персональные выставки А. Прегель

1934— Выставка в галерее de l'Elysee в Париже.

1938— Выставка в галерее Bernheim в Париже.

1943— Выставка 36 новых работ в New School of Social Research в Нью-Йорке.

1946— Выставка в галерее Милч в Нью Йорке.

1947— Выставка в галерее de l'Elysee в Париже.

1948— Выставка в галерее Милч в Нью-Йорке.

1952— Выставка в галерее Милч в Нью-Йорке.

1956— Выставка в галерее Уилденстейн в Нью-Йорке.

1988— Выставки послевоенных работ в Паркланд колледж, Шампэйн, Иллинойс, и в Иллинойском университете в Урбана-Шампэйн, США.

1995 — Выставки послевоенных работ в Паркланд колледж, Шампэйн, Иллинойс, и в Иллинойском университете в Урбана-Шампэйн, США.

2001— Выставка «Одинокая душа. Работы Прегель между 1930 и 1960-ми годами. Париж – Нью-Йорк», Музей русского искусства Марии и Михаила Цетлиных в Рамат-Гане в Израиле.

2002— Выставка в Alliance Francaise, Чикаго, США.

2006— Выставка «Александра Прегель: в поисках себя», Иллинойский университет в Спрингфилде, США.

Библиография

Британ И. «Колода старых карт, знакомая до муки». Антология поэзии русского зарубежья. 1920–1990. В 4 томах. Издание Е. В. Витковского. Москва: Московский рабочий, 1994–1997.

Варшавский С. Незамеченное поколение. Нью Йорк, 1956.

Войскун А. Одинокая душа. Картины 1930–1960 годов, Париж – Нью-Йорк. Музей русского искусства Марии и Михаила Цетлиных (каталог). Рамат-Ган , 2000–2001.

Войскун А. Альбом бытия Александры Прегель, неопубликованная статья. Архив Юлии Гаухман. Урбана, Иллинойс, США.

Гаухман Ю. Судьба Александры Прегель // Наше наследие. 2001. № 57.

Douglas S. «Six and a few more», Russian Women of the Avant-Garde Together. Amazons of the Avant-Garde. Berlin: Deutche Guggenheim, 1999.

Encyclopedia of Comparative Iconography. Themes Depicted in Works of Art, in two volumes. Chicago, London, 1998.

Ларионов М., Гончарова Н. Шедевры из парижского наследия. Живопись. Москва: Третьяковская галерея, 1999.

Neginsky R. Alexandra Pregel: A Search for Self. Visual Arts Gallery, University of Illinois at Springfield, 2006.

Прегель А. Незабываемое прошлое // *Русская мысль*, 22 января, 1976.

Прегель А. О живописи. Архив Юлии Гаухман. Урбана, Иллинойс, США.

Цетлин-Доминик А. Моя семья. Из воспоминаний. *Новый журнал*, №№ 184–185. Нью-Йорк, 1991.

Цетлин-Доминик А. Из воспоминаний // *ЕВКРЗ.* Т.1. Ред.-сост. *М. Пархомовский*, 1992. С.288–309.

Художники русского зарубежья, 1917–1939. Биографический словарь. Изд-во «Нотабене», Санкт-Петербург, 1999. С. 472.

Интернет ресурс http://www.pregel.org

[1] О Музее русского искусства в г. Рамат-Гане см.: *Ш. Шалит.* «С одним я народом скрблю». К открытию Музея русского искусства в Рамат-Гане // Евреи в культуре русского Зарубежья /*ЕВКРЗ*/. Т. 4. Ред.-сост. *М. Пархомовский.* Иерусалим, 1995. С. 385–407, а так же статью Ш. Шалит в настоящем сборнике. *Примеч. ред.-сост.*

[2] О М. С. и М. О. Цетлиных и А. Н. Прегель см.: *А. Цетлин-Доминик.* Из воспоминаний // *ЕВКРЗ.* Вып.1. Ред.-сост. *М. Пархомовский.* Иерусалим, 1992. С. 288–309; *Ю. Гаухман.* Из архива С. Ю. Прегель // *ЕВКРЗ.* Т.4. Ред.-сост. *М. Пархомовский.* Иерусалим, 1995. С. 278–291; *Н. Винокур.* Фотографии из семейного альбома. Там же. С. 426–436. *Примеч. ред.-сост.*

[3] Архив Юлии Гаухман. Урбана, Иллинойс, США.

[4] *А. Цетлин-Доминик.* Моя семья. Из воспоминаний. *Новый журнал,* №№ 184–185, Нью-Йорк, 1991. С. 394–395.

[5] См. примеч. 2.

[6] См. сайт: www.pregel.org

[7] *А. Войскун.* Одинокая душа. Картины 1930–1960 годов, Париж – Нью-Йорк. Музей русского искусства Марии и Михаила Цетлиных (каталог). Рамат-Ган, 2000–2001. С. 1.

[8] *А. Войскун.* Альбом бытия Александры Прегель, неопубликованная статья. Архив Юлии Гаухман. Урбана, Иллинойс, США. С. 3.

[9] О журнале *Новоселье* см.: *Л. Юниверг.* «Скромное, но полезное русское дело» (Из истории журнала *Новоселье*) // *ЕВКРЗ.* Т. 4. Ред.-сост. *М. Пархомовский.* Иерусалим, 1995. С. 229–244. *Примеч. ред.-сост.*

[10] О *Новом журнале* см.: *М. Пархомовский.* К истории *Нового журнала.* По письмам М. А. Алданова к М. С. и М. О. Цетлиным. *ЕКРЗ.* Т. 4. Ред.-сост. *М. Пархомовский.* Иерусалим, 1995. С. 292–325. *Примеч. ред.-сост.*

[11] Пасхальная агада — сборник молитв, благословений, комментариев к Библии и песен, прямо или косвенно связанных с темой исхода евреев из Египта и ритуалом праздника Песах. Пасхальная агада (на иврите и английском) с иллюстрациями А. Прегель была издана в Тель-Авиве в 1965 г. изд-вом Masada. *Примеч. ред.-сост.*

[12] *А. Прегель.* О живописи. Архив Юлии Гаухман. Урбана, Иллинойс,США.

[13] Пресижионизм (precisionism) — направление в 20–30-х годах XX в. преимущественно в американской живописи. Основываясь на достижениях европейского кубизма, сочетало реалистическое изображение предметов с подчеркиванием их геометрических форм. Постепенно трансформировалось в абстрактную живопись и утратило влияние в 1930-е годы. Наиболее значительные представители: Ч. Демут (C. Demuth, 1883–1935), Ч. Шилер (C.Sheeler, 1883–1965) и Д. О'Киф (G. O'Keefe, 1887–1986). *Примеч. ред.-сост.*

[14] Vanitas (*лат.*) — пустота, в переносном смысле — бессмысленность и преходящий характер земного существования. Со времен Возрождения — жанр натюрморта, на котором предметами изображения являются череп, как напоминание о неизбежности смерти; перезрелые фрукты, символизирующие старение; обычные и песочные часы, как символы быстротечности и эфемерности жизни, и т. п. *Примеч. ред.-сост.*

[15] *А. Войскун.* Альбом бытия Александры Прегель, неопубликованная статья. Архив Юлии Гаухман. Урбана, Иллинойс, США.

[16] Там же.

[17] *А. Цетлин-Доминик.* См. примеч. 2.

[18] См. примеч. 1

[19] Сведения о местонахождении работ А. Прегель в Израиле были любезно сообщены г-жой Шуламит Шалит из г. Тель-Авив.

[20] Выставлялась в начале своей творческой карьеры под именами Авксенте и Болотов.

Жизнь и творчество Марка Шагала в Америке

Гирш Райхельсон (Нью-Йорк)

1. Предисловие

Удивительное творчество Марка Шагала заполнило весь XX век и стало классикой ещё при жизни Мастера. 28 марта 1985 года художника не стало, но интерес к его личности, к творчеству, истории его почти столетней жизни не ослабевает.

Уроженец Витебска, Марк Шагал прославил родной город на весь мир и стал его своеобразной визитной карточкой. А вот широкое признание на родине он получил только после смерти — почти 98 лет жизни для этого не хватило... Более того, когда в ознаменование столетия со дня рождения великого художника, 1987 год был объявлен годом Шагала, местные, областные и республиканские партийные и советские органы Белоруссии развязали против него клеветническую компанию. Её целью было не допустить создание в Витебске музея имени Марка Шагала, как того требовала общественность города и республики и такие деятели советской культуры, как поэты А. Вознесенский, Р. Рождественский, Р. Казакова, Е. Евтушенко, писатели В. Быков и А. Адамович, балерина М. Плисецкая и многие другие. Некоторые из них приезжали в Витебск и свои творческие встречи с читателями превращали в открытые дискуссии о творчестве Марка Шагала. Как ответная реакция, в качестве «контрпропаганды», в августе 1987 г. стал издаваться журнал «Политический собеседник», орган ЦК КП Белоруссии, в 1-м номере которого известный антисемит, Вл. Бегун обвинил Андрея Вознесенского в развёртывании *«...крикливой компании шагаломании, избрав для этого город Витебск, когда всем известно, что этот художник-модернист, известный своими ярко выраженными сионистскими наклонностями, родился в г. Лиозно...»*[1]. Из номера в номер антишагаловская истерия набирала обороты, привлекала всё новые «факты» и новых авторов — от безвестных ветеранов «войны и труда» до известных учёных и художников. Так, академик живописи М. Савицкий обвинил М. Шагала во всех смертных грехах — от нанесения огромного материального ущерба городу — согласно акту проверки деятельности народной художественной школы, созданной Шагалом в 1919 г., — до трусости, заключавшейся в том, что художник предпочёл бежать в Америку вместо того, чтобы участвовать в борьбе с захватчиками его родного города. Цель «контрпропаганды» была ясна — «музей Шагала **нам** не нужен!». Позже поэтесса Римма Казакова, выступая перед читателями в кинотеатре «Беларусь», так подвела

итоги этой компании: *«Не будь Марк Шагал евреем, были бы в Вашем городе не только музей, но и памятники, и улица, и другие объекты, носящие имя вашего великого земляка...»*

Тем временем ситуация стремительно менялась — с политической карты мира исчез СССР, компартия из «руководящей и направляющей» превратилась в оппозиционную. Возвращение имени Марка Шагала на родину происходило медленно, но неотвратимо, и проявлялось во многих событиях:

16–18 января 1991 года в Витебске состоялись первые Шагаловские дни.

3–5 июля 1992 года, к 105-й годовщине со дня рождения художника, здесь же прошли Шагаловские чтения, открытие памятника художнику, памятной доски и временной экспозиции в доме, где жила семья Шагалов.

15 июня – 6 июля 1994 г. в Витебске состоялся 1-й международный Шагаловский пленэр и 1-й международный фестиваль «Шагаловская скрипка». Президент США Билл Клинтон послал организаторам фестиваля приветствие: *«Я рад, что нынешний фестиваль проводится в честь творчества Марка Шагала, поскольку он воплощает идеи культурной свободы, объединяющей людей независимо от гражданской и национальной принадлежности. Родившись и получив художественное образование на белорусской земле, в Витебске, Шагал впоследствии творил во Франции и многих других странах, создавая картины, тронувшие сердца людей во всём мире. Творчество Шагала — часть общего наследия человечества»* (от себя добавлю, что лица, готовившие это послание президента, могли бы отметить, что художник жил и творил в США более семи лет и в дальнейшем неоднократно приезжал в Америку, что на этой земле он создал едва ли не самые значительные свои произведения, что только благодаря усилиям американцев художник спасся от смерти в фашистском концлагере).

1996 г. В Витебске при содействии Фонда Сороса издан «Шагаловский сборник», в который вошли выступления участников Шагаловских чтений. Дальнейшее возвращение Мастера на родину продолжается в нарастающем темпе: выставки картин и графики художника с участием внучек Шагала Беллы Майер-Симанс и Мерит Майер-Грабер в Витебске и Минске, публикация книг о М. Шагале местных историка-журналиста Аркадия Подлипского и поэта Давида Симановича, выпуск почтовых марок и открыток и т. д.

5 июля 1997 года, к 110-летию со дня рождения Марка Шагала, открылся его Дом-музей в Витебске, в следующем году установлена скульптурная группа «Скрипка Шагала» во дворе Дома-музея.

Идея создания специального Шагаловского альманаха в Витебске созрела ещё в начале 1990-х. Его редколлегию возглавили Аркадий Подлипский и Александр Лисов — искусствовед, доцент Белорусского государственного университета, автор многих книг по истории белорусского искусства XIX–XX веков. В неё были приглашены представители ряда стран — Израиля, Германии, Великобритании, США. Однако поиски местных спонсоров издания встретило трудности — оказалось, что на них было оказано давление влиятельных кругов, посчитавших нежелательным появление такого альманаха. Для первого номера мне удалось найти спонсора в Нью-Йорке — моего племянника Игоря Райхельсона, успешного бизнесмена, пианиста и композитора. Сборник оказался настолько интересным и содержательным, что спонсором последующих выпусков стало белорусское отделение «Джойнта». А. Подлипский прислал мне перечень вопросов, связанных с пребыванием Марка Шагала в Америке, которые остались не освещенными ни в отечественной печати, ни в переводной литературе, опубликованной в бывшем СССР. Мне, как члену редколлегии нового альманаха и его американскому корреспонденту, предстояло ответить на них, что называется, «на месте». Основная тема, главная интрига поиска — обстоятельства и причина внезапной смерти Беллы Шагал, местонахождение её могилы. Оставались неизвестными подробности трёхлетней жизни художника в окрестностях Нью-Йорка с его гражданской женой Вирджинией Хаггард и рождения их сына Давида. Творческому успеху и материальному благополучию в Америке Шагал во многом был обязан артдилеру Пьеру Матиссу, при этом история их взаимоотношений трактовалась по разному.

В биографической литературе существовало много предположений и версий о причинах отказа художнику во въезде в США после 1948 года, растянувшегося на несколько лет — я хотел найти ему объяснение. Предстояла работа, казавшаяся невыполнимой даже в силу того, что весь мой предыдущий опыт исследований и публикаций был связан с производственной деятельностью в должности главного металлурга завода. Но, как это иногда бывает в повседневной жизни, помог «его величество» случай. Однажды летом, отдыхая на северо-западе штата Нью-Йорк в Катскильских горах, я прочитал в местном журнале *Hudson Valley* небольшую заметку о пребывании французского художника Марка Шагала в середине 40-х годов в местечке Хай Фолсе (High Falls) в графстве Алстер штата Нью-Йорк[2]. Я быстро отыскал на карте этот городок — всего миль 20–25 от места моего пребывания. С этого и начались мои поиски.

2. Бегство из Европы, прибытие в Нью-Йорк, Пьер Матисс

Ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. («Хрустальная ночь») стала грозным предупреждением для евреев Европы, но только немногие из них сделали определённые выводы и своевременно переехали в страны Северной и Южной Америки, переведя туда, частично или полностью, свое состояние. Самонадеянность и «лень», как писал позже Марк Шагал Соломону Гуггенхайму, привели семью Шагалов на грань гибели. Их спасло «чудо» в лице Вариана Фрая, возглавлявшего в Марселе миссию ERC — Чрезвычайного комитета по спасению, созданного в Нью-Йорке 25 июня 1940, через 3 дня после подписания Францией унизительных условий перемирия с Германией. В марте – июне 1941 года семейство Шагалов (Марк, Белла, Ида и её муж Мишель Рапапорт) оказалось в крайне опасной ситуации, когда вероятность очутиться в концентрационном лагере казалась неизбежной, и виной тому был сам Марк Шагал.

Вариан Фрай был одним из немногих журналистов, который документально доказывал, что нацисты готовят геноцид еврейского народа. Они же, писал Фрай в своих репортажах, собираются расправиться с антифашистами других стран и представителями так называемого «дегенеративного искусства», к которым, наряду с Марком Шагалом, были причислены Матисс, Пикассо, Жак Липшиц, Кандинский, Макс Эрнст и многие другие.

В июне 1940 г. пал Париж, и в вишистскую Францию устремились все, кто опасался нацистских преследований, и, в первую очередь, евреи. Незадолго до этих событий, 10 мая 1940 г., Шагал, по совету своего друга, художника Андрэ Лота, купил дом в городке Гордс, в 40 км от Авиньона. Вскоре Марк с Беллой и дочерью Идой переехали туда и перевезли часть работ художника без подрамников. В июле к ним присоединился зять, Мишель Рапапорт, демобилизовавшийся из французской армии. Находясь в глуши, в отрыве от быстро меняющихся событий, Шагал рисовал картины и колебался, стоит ли уезжать из Франции, как это уже сделали многие его друзья. В августе он получил известие, что власти Виши готовят репрессивные меры против евреев, получивших французское гражданство после 1936 г., когда правительство возглавлял лидер социалистов еврей Леон Блюм. Именно тогда, в 1937 году, Шагалы и получили французское подданство. Теперь, наконец, Шагал понял, что его тактика — «пересидеть» смутное время, может оказаться западнёй. 1 сентября 1940 г. он отправил в Нью-Йорк два письма своим друзьям — идишистским литераторам Иосифу Опатошу

и Шмуэлю Нигеру. Они были написаны Идой на английском, чтобы адресаты смогли использовать их как документы для последующего получения въездных виз. Основная идея писем — «Мы хотим видеть Вас!» — что значило — «Помогите нам бежать!» Шагал пишет: *«... Я хочу надеяться, что увижу Вас опять в один прекрасный и не очень отдалённый день, мы же не становимся моложе. Могу я ожидать это? Может быть, можно организовать большую выставку моих работ... Позволь нам услышать очень скоро о вас, о наших друзьях... Ждём с нетерпением ответа и вашей поддержки»*[3]. Это была мольба о помощи.

3 октября того же года правительство Виши по требованию нацистов издало «Законодательный Акт о евреях», отстраняющий французских евреев от работы во всех государственных учреждениях и организациях и запрещающий им преподавательскую деятельность. Многие евреи, иностранцы по рождению, но имевшие французское гражданство, были внесены в специальные дискриминационные списки для лишения гражданства и последующей депортации, что практически означало отправку в концентрационные лагеря, т. е. смерть. Были включены в них и все члены семьи Шагалов. Вызванное этим общественное негодование было столь велико, что Марка и Беллу исключили из списка, однако Ида и Мишель (под другой фамилией) так и остались в нем, и, как записал 16 июня 1941 г. в своем дневнике В. Фрай, были лишены французского гражданства[4].

Друзья Шагала обратились за помощью к Альфреду Барру, директору Музея современного искусства в Нью-Йорке, который не только пригласил Шагала организовать выставку его работ, но и включил в список художников, которых необходимо было спасти от нацистов. С помощью известных деятелей культуры и общественных деятелей Америки, Шагалы получили въездные визы в страну. 8 марта Вариан Фрай и Гарри Бингхам, вице-консул США в Марселе, приехали к М. Шагалу и вручили ему приглашение А. Барра. Из дневника Вариана Фрая: *«Понедельник, 10 марта 1941. Утро. Провёл выходные дни с Шагалами в Гордсе... Городок почти весь в руинах, и только район, где находится дом Шагалов, совершенно целый. Я понял, почему им не хотелось покидать... это очаровательное место. Шагал очень славный малый, тщеславный и самовлюблённый... На нём помятые старые брюки, тёмная синяя куртка — вообще никакого шика, подобного тому, который есть у Матисса... Он уже пакует вещи и предложил свой дом, чтобы я мог укрывать в нем людей. Действительно, надёжное и удалённое место»*[5].

Получив приглашение и заверения В. Фрая в том, что тот поддерживает их желание уехать в Америку, Марк и Белла поехали в Марсель для оформления остальных бумаг — французской выездной визы и транзитных виз через Испанию и Португалию. В Марселе Шагалы попали в облаву и были арестованы французской секретной полицией. В. Фрай немедленно явился в полицейское управление и заявил, что, если Марк и Белла не будут на свободе в течение получаса, разразится крупный международный скандал. Когда он пригрозил, что сейчас же позвонит в *Нью-Йорк Таймс*, Шагалы были освобождены.

М. Шагал и В. Фрай

Напряжение возрастало. Сначала был отозван дружески настроенный к евреям-беженцам вице-консул Гарри Бингхам. Затем Госдепартамент США направил в консульство в Марселе телеграмму: *«Правительство не одобряет д-ра Бона* (Dr. Frank Bohn, один из руководителей Американской федерации труда — *Г. Р.*), *мистера Фрая и других лиц в их усилиях обойти законы страны, с которой США поддерживают дружеские отношения»*[6] (вишистский режим маршала Петена был признан Америкой). В. Фрай записал в дневнике: *«Посольство в Виши содействует французской полиции в оказании давления на меня и даже одобрило приказ министра внутренних дел о моей высылке, потому что я оказываю поддержку евреям и антифашистам»*[7]. Элеонора Рузвельт, которая с сочувствием относилась к деятельности В. Фрая, писала его жене 13 мая 1941 г: *«Я думаю, что он должен вернуться домой, потому что совершает действия, которые правительство не может одобрить»*[8]. В. Фрай не сдавался — в Меморандуме французскому правительству он пишет: *«... В противоположность слухам, распространяемым различными источниками, Американский центр спасения не является еврейской или проеврейской организацией. Он действует в интересах интеллектуалов безотносительно к их национальной или расовой принадлежности. Он помогает гражданам Франции и Австрии, русским и немецким монархистам, полякам и чехам, республиканцам и членам левых организаций, католикам и протестантам — так*

же, как и евреям. Но Центр не несёт ответственности за то, что среди гонимых всех категорий евреи составляют большинство»[9].

7 мая 1941 года Марк и Белла Шагалы поездом пересекли границу Испании. Совершенно несостоятельна информация в ряде русскоязычных изданий о том, что они перешли ее пешком по трассе, проложенной Фраем через Пиринеи. Уже 11 мая супруги приехали в Лиссабон, где стали ждать дочь Иду с зятем Мишелем, которые должны были доставить картины Шагала, оставшиеся в Испании. 1 июня 1941 г. Марк пишет из Лиссабона Соломону Гуггенхайму в Нью-Йорк: *«Дорогой мистер Гуггенхайм. Во-первых, хочу Вас поблагодарить за Вашу заботу, облегчившую мой отъезд... в это печальное и тяжёлое время. Вы, вероятно, знаете, что мистер Барр пригласил меня для организации выставки. Некоторое время я колебался, предпринимать ли столь длительное путешествие. По натуре я достаточно ленив для всего, связанного с неудобствами путешествия. Но теперь я жду с нетерпением того дня, когда ступлю на американскую землю. Я хочу, наконец, начать работать свободно, как привык в прошлом. Я уже в Лиссабоне и жду свои картины, которые на пути ко мне. Я покину Лиссабон, как только они прибудут. По приезде в Нью-Йорк, буду рад увидеть Вас опять и поблагодарить лично. Я счастлив считать Вас, по крайней мере я так думаю, среди почитателей моего творчества. Это вдохновляет меня и придаёт смелость. Примите мои тёплые пожелания. Ваш Марк Шагал»*[10].

Зная, с каким трудом были собраны в Нью-Йорке деньги на их билеты, и будучи информирован, что денег на билеты для Иды и зятя так и не удалось собрать, Шагал представлял трудности, ожидающие его в новой стране. Гуггенхайм, с которым он встречался всего несколько раз, «вдохновлял его и придавал ему смелость», но он рассчитывал и на картины, которые привезёт с собой. Однако вскоре выяснилось, что под давлением гестапо они были задержаны испанской таможней. В публикациях самых известных шагаловедов (Яакоба Бааль-Тшува, Бенжамина Харшава, Франца Майера, второго зятя Шагала), ссылающихся на информацию, полученную от художника, Иды и ее первого мужа Мишеля, приводятся несколько версий того, каким образом и в каком количестве работы Шагала попали в Нью-Йорк. Я долго копался в первоисточниках — письмах, книгах вышеперечисленных и других авторов... и не смог придти к определённом выводу. Согласно Бааль-Тшува[11], 600 кг груза, упакованного в ящики и чемоданы, прибыло на корабле вместе с Шагалами вечером 21 июня 1941 года в Нью-Йорк. Б. Харшав подробно опи-

сывает, как Ида с помощью Франсуа Пиетри, французского посла в Испании (бывшего члена французского парламента и друга Шагала) в течение пяти (!) недель отвоёвывала груз, задержанный испанской таможней по наводке гестапо[12]. Франц Майер утверждает, что этот багаж весил три тысячи пятьсот фунтов — ящики и коробки с картинами, рисунками, папками, этюдами[13]. Все они были погружены в верхний трюм корабля «Navemar», нанятого ХИАСом для перевозки еврейских беженцев и вышедшего в океан из испанского порта Кадис. Основываясь на дневниках, письмах и воспоминаниях Шагала, Иды, Мишеля, В. Фрая, можно с большой вероятностью утверждать, что основную часть картин Шагала Ида и Мишель Рапапорт привезли в Нью-Йорк в середине сентября 1941 г. Их плавание продолжалось шесть недель с вынужденными изменениями курса для того, чтобы избежать встреч с немецкими подводными лодками. На обратном пути из Нью-Йорка в Испанию судно было торпедировано и затонуло вместе с экипажем. Отметим, что некоторые работы Шагала так и остались в Париже и были спасены благодаря усилиям Мишеля Рапапорта, его тёти Леи Бернштейн и её мужа Давида Гурвица. С большим риском полотна были перевезены в дом Андрэ Лота, жившего в городке Рейнси.

Итак, практически без средств и без картин, не имея представления, как их единственная дочь и её муж выберутся из Европы, Марк и Белла Шагалы 21 июня 1941 г. приблизительно в 9 часов вечера ступили на американский материк Нетрудно вообразить, насколько тревожным было их настроение, насколько неопределённым казалось им создавшееся положение. Вечерний сумрак, сквозь который выступали силуэты громадных небоскрёбов, и жаркий влажный воздух — всё это усугубляло тревогу и страх вновь прибывших.

В пассажирском доке морского вокзала города, расположенного на западном берегу Бруклина, их ожидал артдилер Пьер Матисс. Эта встреча очень обрадовала и обнадёжила Марка, который не питал иллюзий относительно своего будущего. Между тем, Пьер сообщил Шагалу ошеломляющую новость — час тому назад германские войска вторглись на территорию СССР. По московскому времени это было 5 часов утра 22 июня...

Через 7 лет, 17 августа 1948 года, Марк Шагал со своей гражданской женой Вирджинией Хаггард и двумя детьми — Джин и Давидом в той же нью-йоркской гавани взошли на палубу парохода, отплывавшего в Европу. Их провожал все тот же Пьер Матисс. 3 сентября 1948 г. Вирджиния напишет ему из Оржеваля, пригорода

Парижа: *«...Мои дорогие Пьер и Тана, как Вы оба? Мы с Марком были так счастливы увидеть Вас на борту корабля за несколько минут до отплытия. Улыбающийся Пьер особенно тронул Марка, он замахал от радости руками и прошептал мне: "Это и есть настоящий друг!" ...Марк и я шлем Вам нашу любовь. Ваша Вирджиния»*[14].

Кто же такой Пьер Матисс, ставший ближайшим другом Марка Шагала и человеком, в огромной степени облегчившим жизнь художника с первых минут его пребывания в Нью-Йорке, этом огромном и незнакомом мегаполисе? Пьер был младшим сыном великого французского художника Анри Матисса. Еще мальчиком, будучи любимцем отца, Пьер познакомился с людьми неординарными — художниками, поэтами, арткритиками и дилерами. Ровесник века, Пьер достаточно рано понял, что ему не быть настоящим художником, и выбрал собственный путь к познанию тайн искусства, глубоко изучая его историю, особенно — зарождение и развитие авангарда, предтечей которого был отец.

Пьер познакомился с Марком Шагалом в 1924 году, работая в галерее Барбазанж-Одебер, где состоялась первая персональная выставка художника в Париже. Матисс вспоминал, что был очарован «буйной неистовостью» картин Шагала. Вскоре, неожиданно для всех, особенно для отца, Пьер уезжает в Америку. Позже он писал, что в те минуты, когда корабль входил в нью-йоркскую гавань (почти через 17 лет в эту же гавань войдёт судно с Шагалами на борту), он ощутил, что этот город и будет его жизненным пристанищем. Так оно и оказалось — почти 65 лет он прожил здесь, занимаясь успешной пропагандой и собиранием искусства авангарда[15].

Нью-Йорку в те годы было ещё далеко до статуса столицы мирового искусства, но в его «высшем свете» уже сложилась «аристократия», было достаточно много очень богатых людей, разбиравшихся в искусстве (Рокфеллер, Морган, Карнеги, Фрик, Альтман и др.). Для Пьера фамилия Матисс стала своего рода паролем для успешного начала карьеры квалифицированного артдилера. Его услугами пользовались нувориши, недавно разбогатевшие на строительстве дорог и мостов и торговле нефтью, которые стремились украсить свои дворцы произведениями искусства. Авторитет и благосостояние Пьера росли, и уже в 1931 году он открыл свою галерею, сначала на Лексингтон авеню, а затем перенёс её в знаменитый дом Фаллера на 57 улице напротив Музея современного искусства. Галерея стала подлинным питомником талантов и заняла в истории американского искусства одно из центральных мест.

Пьер Матисс явился первооткрывателем таких доселе малоизвестных художников и скульпторов, как Бальтус, Миро, Кальтдер, Джакометти, которые благодаря ему обрели имя в мире искусства. Галерея-«долгожительница» просуществовала 58 лет — вплоть до смерти Пьера, последовавшей в 1989 году. Наконец, именно Пьер открыл для Америки практически незнакомого ей художника Марка Шагала.

Пьер Матисс был незаурядным дипломатом, ему удавалось ладить как с художниками, так и с коллекционерами и хранителями музеев. Как коммерсант Матисс работал в рамках системы, называемой французской. Суть её состоит в том, что артдилер покупает работы по заранее фиксированным ценам, при этом художник получал постоянный доход, а артдилеру доставалась так называемая «маржа», которая, если он был расчётлив и не продавал картину как можно дольше, значительно возрастала. Но для этого торговец должен был предугадать очень многое — тенденцию изменения вкусов, скрытый для покупателей потенциал художника и устойчивость его репутации, колебания рынка. Наконец, артдилер должен правильно оценить и покупателя: потенциальный коллекционер мог задержать платежи ввиду финансовых затруднений, мог объявить банкротство. Содержание галереи требовало больших расходов; издание каталогов, предшествующих выставкам, также было дорогостоящим делом. Насколько успешным был Пьер Матисс в преодолении всех этих «подводных рифов», можно судить по тому, что после смерти артдилера нераспроданная часть его собрания ушла за 142,8 миллиона долларов.

Пьер Матисс был женат несколько раз. В 1972 году внезапно умерла его третья жена Патрисия, и его помощницей по галерее вскоре стала Мария-Гаэтана фон Спрети, на которой он женился спустя два года. Несмотря на большую разницу в возрасте, 74-летний Пьер обрёл в Марии верного и преданного друга. Ей был всего 31 год. Их совместная жизнь продолжалась 15 лет, и Тане, как звал её Матисс, удалось скрасить последние годы его жизни. После смерти Пьера в 1989 году, Мария-Гаэтана создала фонд Матисса, целью которого явилось продолжение просветительской и спонсорской деятельности мужа. Фонд помогал молодым художникам, приобретал ценнейшие документы, относящиеся к истории искусства XIX–XX веков — письма, в том числе и переписку с отцом, Анри Матиссом, книги и каталоги, составленные Пьером, с предисловиями Камю, Сартра и Бретона. Тана организовала несколько презентаций семейной коллекции, которая, наконец, обрела свою посто-

янную прописку в залах нью-йоркского музея Метрополитен и называется Коллекцией Пьера и Марии-Гаэтаны Матисс. Тана пережила Пьера всего на 12 лет и умерла в апреле 2001 года. Ей было 58... В коллекции, подарке фонда семьи Матисса, среди более 100 работ выдающихся художников начала XX века представлены и 30 картин Анри Матисса, а также его скульптуры, рисунки, литографии.

Матисс оказал всестороннюю поддержку Марку и Белле — поселил в гостинице, а затем снял квартиру, организовал ознакомительные поездки по городу Нью-Йорку и одноименному штату, познакомил с идишистскими писателями и редакторами газет на идиш, который оставался для Шагалов основным языком общения и чтения в США. Английского языка они не знали и не собирались его учить. Марк шутил: «Мне понадобилось 30 лет, чтобы научиться плохо говорить по-французски...». Впрочем, с Матиссом у них не было никаких трудностей в общении — выручал французский язык. Марк с Беллой сняли квартиру на 74-й улице в Манхэттене, неподалёку от Центрального парка. Незадолго до начала войны Пьер Матисс приехал в Париж и договорился об организации персональной выставки Шагала в Нью-Йорке. В ноябре 1941 года они смогли осуществить этот план — выставка художника открылась в галерее Матисса на 57-й улице Манхэттена. Экспозицию составляли работы Шагала 1910–1914 годов.

1 октября 1941 года Матисс заключил с Шагалом контракт, гарантирующий последнему постоянный доход — $350 долларов в месяц — значительные деньги по тем временам. 1 ноября 1943 года эта сумма выросла до 500 долларов, а с 1 апреля 1944 — до 700 долларов в месяц.

О роли Пьера Матисса в американский период жизни художника и, в частности, в период жизни в Хай Фолсе, Вирджиния Хаггард писала: «*...Марк ощутил здесь покой. Жизнь упростилась, ему не надо было думать о деньгах. Его дилер Пьер Матисс... приезжал сюда каждые несколько месяцев из Нью-Йорка, забирал новые работы и оставлял деньги. В то время, как Ида заботилась о сохранении имиджа знаменитого отца, он отбрасывал всё это, как обременительные одежды, чтобы быть лицом к лицу со своим мольбертом. Никогда больше Марк не был так далёк от жизненных забот*»[16]. Эмилия Стокс, соседка Шагалов, учительница Джин, дочери Вирджинии (интервью с ней показано в документальном фильме «Эпоха Марка Шагала»)[17], рассказывала мне, что основными гостями, часто приезжавшими к художнику, были дочь Ида, торговец Голдвассер и какой-то представительный господин, име-

ни которого она не знала. К следующему приезду в Хай Фолс я взял несколько фотографий Пьера Матисса разных лет. Его опознали и Эмилия, и Лари Линч, который более сорока лет тому назад купил студию Марка, надстроил второй этаж и живёт в ней до сих пор. Линч вспоминал, что «этот господин» бывал здесь почти ежегодно на протяжении многих лет после отъезда Шагала и Вирджинии. *«Обычно он приезжал на авто с водителем, иногда с молодой женщиной. Они неспеша прогуливались по нашей улице, останавливались перед домом, затем медленно шли в сторону озера (Махонк лейк), машина догоняла их, и они уезжали...»*. Я рассказал ему о Пьере Матиссе.

Всего за 7 лет пребывания Шагала в Америке Матисс организовал 11 его персональных выставок, на каждой из которых экспонировались работы разных периодов творчества художника из многих музеев мира и частных коллекций. Матисс продолжал выставлять работы Шагала и после его отъезда во Францию. Так, в 1977 году состоялась выставка в связи с 90-летием Маэстро. Привожу письмо художника Матиссу от 23 апреля 1977 г. (последнее в их переписке):

«Дорогой Пьер, я ценю Ваше внимание, организацию ретроспективной выставки моих работ в честь моего дня рождения... Это вызвало во мне воспоминания 40-х годов, когда началась наша работа, продолжавшаяся много лет. Затем был перерыв, но мы возобновили наше сотрудничество в 1966 году. С тех пор Вы постоянно демонстрируете Вашу дружбу ко мне, выставляя мои работы. Я надеюсь, что показ этого года принесёт Вам удовлетворение, и сожалею, что не могу лично выразить Вам мою признательность»[18].

3. Смерть Беллы

Внезапная кончина Беллы последовала 2 сентября 1944 года и явилась страшным ударом для Шагала. Будучи замужем за художником более 29 лет, она поддерживала его и в хорошие, и в плохие времена их жизни, деля его триумфальные взлёты и неудачи. Она была для Мастера не только женой, но и музой, главной темой и символом любви в его картинах, беспристрастным критиком, существенно влиявшим на его творчество. Белла выросла в том мире, откуда он пришёл в искусство, и прекрасно знала его язык, интонации, жесты. Она была его alter ego и матерью их единственной дочери. Главный редактор Международного Шагаловского ежегодника г-н Подлипский писал мне из Витебска: *«... обстоятельства*

смерти Беллы, причины её кончины, место захоронения никак не отражены в отечественных биографиях художника и даже в переводах с иностранного. Какими фактами, подтверждёнными документами, Вы располагаете?». В капитальном труде профессора Йельского университета Б. Харшава, наиболее авторитетной работе о художнике[19], этот пробел частично восполнен. Я уже несколько лет поддерживаю с ним дружеские контакты и несколько раз встречался с профессором. Б. Харшав лично знал Марка и Беллу Шагалов и их дочь Иду, которая передала ему перед смертью копии некоторых документов из архива художника. Встречался он и с внучками Шагала, его гражданской женой Вирджинией и их сыном Давидом. Однако и он не знал, где похоронена Белла (в его книге есть снимок её могилы и лишь указано, что она находится в штате Нью-Джерси) и подробностей о жизни Марка и Вирджинии в Хай Фолсе.

Познакомился я и с Яакобом Бааль-Тшува, который дружил с Марком Захаровичем на протяжении 33 лет его совместной жизни с Валентиной (Вавой) Бродской, третьей женой художника. Иначе говоря, я имел возможность получить наиболее полную и достоверную информацию о жизни Мастера и его близких, что называется, из первых рук. Но и Бааль-Тшува не мог сказать, где находится могила Беллы, и знал лишь очень немногое о жизни его знаменитого друга в Хай Фолсе. Понимая, что поиск кладбища, где похоронена Белла — в штатах Нью-Йорк или Нью-Джерси, — подобен поиску иголки в стоге сена, я посоветовал Подлипскому расспросить об этом её внучек, которые стали приезжать в Витебск на Шагаловские чтения. «Это был мой первый вопрос к ним... они не знают», - ответил Подлипский. Я начал разыскивать возможные официальные документы, связанные со смертью Беллы. Каково же было моё изумление, когда уже через 10–15 минут после заполнения формуляра-запроса в городской библиотеке Нью-Йорка, что на 5-й авеню на Манхэттене, я получил некролог, опубликованный в газете *New York Times* 4 сентября 1944 года. Вот его содержание: «*Мадам Белла Шагал, жена родившегося в России живописца Марка Шагала, который много лет жил в Париже, умерла в субботу в районе озера Таппер, штат Нью-Йорк, где находилась на отдыхе вместе с мужем. Ей было 48 лет. М-м Шагал, единственная модель мужа, имевшая огромное влияние на его творчество, закончила несколько дней тому назад свои воспоминания, которые вскоре будут опубликованы. Она пользовалась широкой известностью в артистических кругах Парижа в период между двумя войнами и перевела с*

русского на французский книгу мужа "Моя жизнь". Витебск, Россия был местом рождения Шагалов. Они поженились в 1915 г., бежали из Парижа в 1940 г. и, пробыв в южной Франции около года, прибыли в Соединенные Штаты, где их спонсором был Музей современного искусства. Они проживали по адресу 4Е 74-я улица. Кроме мужа, она оставила дочь Иду Рапапорт-Шагал, и сына, Михаила Рапапорт-Шагала». В некрологе была неточность: Михаил приходился Белле зятем. Недоумение вызывал и указанный возраст покойной, 48 лет, но об этом — позже.

Ещё два документа, связанные со смертью Беллы, приведены в упомянутой книге Б. Харшава[20]:

Телеграмма Пьера Матисса, адресованная друзьям и коллегам Шагала: *«Мадам Шагал скончалась в субботу после непродолжительной болезни. Похороны состоятся в среду 6 сентября в 11:30 утра в Молельном доме Риверсайд (76-я улица и Амстердам авеню)»*.

Письмо Председателя Комитета еврейских писателей, художников и учёных Бен-Циона Голдберга писателю Иосифу Опатошу: *«Глубокоуважаемый коллега И. Опатошу, на 30-й день со дня смерти Беллы Шагал мы организуем 6 октября траурный вечер... в Карнеги холле, где ближайшие друзья почтут её память. Как близкий друг покойной и семьи Шагалов, Вы приглашены принять в нем участие и отдать дань Белле (10–15 минут). Пожалуйста, подтвердите присутствие. С уважением, Б.-Ц. Голдберг»*.

Что же в действительности произошло в те трагические для Шагалов дни конца августа — начала сентября 1944 года? В августе 1944 года Марк и Белла отдыхали на северо-западе штата Нью-Йорк в графстве Адирондак, в районе Кранберри лэйк. Из города к ним приезжали друзья, они переписывались с ними. 3 августа Шагал пишет своему ближайшему другу Иосифу Опатошу и благодарит за газетную вырезку о генерале Красной Армии Израиле Бескине[21] (Израиль Соломонович Бескин родился в Витебске в семье маляра. Участник гражданской войны — командир батареи, кавалер ордена Красного Знамени. Участник ВОВ, командующий артиллерией фронта, генерал-лейтенант, Герой Советского Союза). Белла сделала приписку: *«Тёплый привет от меня тоже. Всё вокруг нас — озеро, лес... Мы хотим впитать их силу. Ваша Белла»*. Ничто не предвещало скорой трагической развязки.

Там же им стало известно, что 26 августа Париж освобождён союзниками, и Шагалы решили ускорить возвращение в Нью-Йорк, планируя начать подготовку к отъезду во Францию. Последнее пись-

мо с места отдыха, адресованное П. Матиссу: *«...Мы восхищены Вашим каталогом — это шедевр... Только представь, эти выходные дни мы проведём с Женорами»* (Emily Genauer, художественный критик газеты *Gerald Tribune* и большая поклонница творчества Шагала, всегда публиковала положительные рецензии о выставках художника, а он был далеко не равнодушен к этому). В конце письма Белла делает приписку: *«Я, как идиотка, почувствовала себя неважно, как только мы сюда приехали. Это называется быть счастливой»*[22]. В письме Марка — ни тени тревоги относительно состояния Беллы, это с ней случалось и раньше, ещё в Париже, и «эти выходные дни» — 2 и 3 сентября — они собирались провести с друзьями. Хотя в приписке Беллы звучит беспокойство о своем здоровье, муж, увы, не обратил на это внимания. Позднее, Вирджиния приведет слова Шагала: *«Внезапно у Беллы сильно заболело горло. Она попросила меня дать ей горячий чай. На следующий день её так лихорадило, что я отвёз её в госпиталь. В коридоре она увидела много монашек и занервничала... При приёме стали задавать обычные вопросы — имя, возраст..., но когда её спросили о религиозной принадлежности, она не стала отвечать и попросила меня отвезти её назад, в гостиницу»*[23]. Подобную версию Шагал пересказал и Мееру Шапиро, своему другу, добавив: *«Как еврейке, ей было отказано в приёме, и вскоре она умерла»*. Следует признать, что эта версия — чистой воды неправда. Все факты — и документальные, и воспоминания очевидцев, включая дочь Иду, свидетельствуют о другом. Ида, узнав о состоянии мамы, предприняла поистине героические усилия, чтобы достать пенициллин — единственное, что могло спасти Беллу. В то время это новое чудо-средство в основном использовалось на фронте. Но с помощью друзей пенициллин всё же был получен, и Ида немедленно выехала в город Алтамон, в госпиталь, где — вопреки версии Шагала — находилась Белла. Сейчас на автомобиле из Нью-Йорка можно добраться туда часов за пять, тогда же Иде понадобилось на это целых двенадцать часов. *«Когда я прибыла с пенициллином, было слишком поздно»*, — писала Ида родственникам в Париж 27 марта 1945 года. *«Мама была в коме, и в 6 часов вечера она умерла. У мамы была стрептококковая инфекция в горле»*. Её последние слова, произнесенные в бреду и уловленные Шагалом, были: «Мои... тетради». И Ида, и члены семьи Опатошу считали «антисемитскую» версию Шагала несостоятельной, придуманной им в оправдание той медлительности, с которой он реагировал на ухудшающееся состояние жены. Лилиан, невестка Опатошу, помнит отчаянный звонок художника, когда он понял, что состояние жены

очень серьёзное. Его паника усугублялась незнанием английского. «Что делать?» — кричал он в трубку. «Немедленно найти врача» — был ответ... Белла до последнего старалась не беспокоить мужа и уже с больным горлом ухаживала за ним, продолжая работать и над своей книгой. Через много лет Вирджиния, вспоминая, как часто Шагал возвращался к обстоятельствам смерти жены, пришла к выводу о мучившем его чувстве вины за её потерю. Ида вспоминала, что в последние годы мама чувствовала себя слабой и усталой, но упорно работала над воспоминаниями. Не было ли это её состояние следствием диабета, указанного в свидетельстве, как основная причина смерти? Я обратился за разъяснением к врачам, которые предположили, что столь стремительное развитие горловой инфекции могло протекать на фоне своевременно не диагностированного диабета, подтверждённого свидетельством о смерти.

Белла писала на языке своего детства, на идиш. Две книги её воспоминаний — «Брендике Лихт» («Горящие огни») и «Эрште Бегегниш» («Первая встреча»), иллюстрированные Шагалом, были опубликованы в Нью-Йорке в 1945 и 1947 годах. Художник отмечал в предисловии к воспоминаниям: *«Она писала, как жила, любила, приветствовала друзей. Её слова и фразы были подобны дыханию красок на холсте. Предметы, люди, ландшафты, еврейские праздники были её миром, о котором она любила говорить»*. Позже эти книги были переведены на многие языки и издавались под одним названием «Горящие огни». Согласно Шагалу, последние недели жизни Белла была поглощена работой над воспоминаниями: *«Я спрашивал её со скрытым опасением: "Для чего такая спешка?", и она отвечала со слабой улыбкой: "Ты всё узнаешь в книге"... Внутренне она была спокойна и полна предчувствий»*[24]. Были ли эти строчки продиктованы «мучившим его чувством вины»? Кто знает...

Впервые я увидел, как выглядит памятник на могиле Беллы, в книге Б. Харшава[25] и был изрядно озадачен его, мягко говоря, необычной скромностью — небольшая, чуть возвышающаяся над землей плита. Указанное место захоронения — штат Нью-Джерси. Поди разыщи! Был я удивлён и датами, выбитыми на камне: 15–12–1895 — 2–9–1944. Я рассматривал фотографии Беллы 1907–1909 годов, первые её портреты, выполненные влюблённым художником. Нет, это не подросток 12–14 лет, а уже вполне сложившаяся девушка. Читаю автобиографическую книгу Шагала «Моя жизнь». В ней подробно описана их первая встреча в 1909 году в доме Таи, которая была его моделью и подругой Беллы. Находясь у Таи, он

вдруг услышал *«...её мелодичный, как будто из другого мира, голос, который волнует меня... С ней, не с Таей, а с ней должен я быть — вдруг озаряет меня... И я понял — это моя жена»*[26]. Могла ли 14-летняя девочка вызвать у 22-летнего молодого человека такие эмоции, такие далеко идущие планы? Кстати, и проф. Харшав, и Я. Бааль-Тшува выражали сомнения по поводу дат на памятнике. Мы, однако, «ломились в открытую дверь» — витебские исследователи давно разыскали подлинные документы, в которых указана дата рождения Беллы: 2 декабря (по старому стилю), т. е. 14 декабря 1889 года. Не мог Марк Шагал не знать истинного возраста своей жены. Мне оставалось выяснить точное местоположение кладбища, где похоронена Белла, и как выглядит сегодня её надгробие. Вариантов поиска было много, но все они достаточно трудоёмкие. Внимательно перечитываю корреспонденцию Шагала с друзьями, одновременно пробую различные поисковые программы в Интернете. В конце концов, сосредоточившись на переписке Шагал — Опатошу, наиболее «домашнем» друге художника, я достигаю желаемого: в письме из Ванса, датированном февралём 1952 года, читаю: *«...как мне отблагодарить тебя за фотографию могилы Беллы? Как печально, как горестно... Ты видишь, мой дорогой, я до сих пор повержен и не могу залечить раны от смерти Беллы. Один образ следует за другим. Спасибо тебе, что ты посещаешь её. Я тепло целую тебя и пиши чаще. И шли мне всё о еврейской жизни. Преданный тебе как всегда Шагал»*. Интересна приписка Вирджинии: *«Дражайшие Иосиф и Адель, благодарю за Ваши письма. Вскоре Вы получите моё. Со всей любовью, Вирджиния»*[27]. (Я подчеркнул «моё» — они его получили приблизительно через месяц, с сообщением о решении Вирджинии оставить Шагала). В приложении к письму я нашёл то, что так долго искал — название кладбища. Оставались детали — нахожу телефон, звоню, называю имя, фамилию усопшей и дату смерти. Вскоре получаю адрес кладбища, на следующий день еду в городок White Plants в штате Нью-Йорк и нахожу огромное ухоженное еврейское кладбище, в котором трудно ориентироваться. Наконец, вижу нескольких рабочих в стороне от серпантина, по которому медленно еду. Подхожу и спрашиваю, где контора — оказывается, на соседнем кладбище, что справа от того, на котором нахожусь я. «Чью могилу Вы ищите?» — спрашивает один из рабочих. Называю. «А где Ваша машина?» Показываю. Он улыбнулся: «Прямо напротив Вашей машины, справа, второй ряд». Удивительно — среди сотен погребений, я остановился точно напротив могилы, но с дороги рассмотреть надпись было трудно. Оказывается, памятников два — первый,

Надгробие над могилой Б. Шагал. Фото автора, 2010

ближе к дороге, это тот гранитный прямоугольник, фото которого приведено в книге Харшава; второй — вертикальная мраморная плита с характерным шагаловским оформлением — руки художника обнимают сердце жены. И те же даты, что на первом. Возлагаю цветы, фотографирую. Так вот где эта «неизвестная» могила!

4. Хай Фолс

На северо-западе от Нью-Йорка расположены живописнейшие Катскильские горы. Индейцы, населяющие эти места с незапамятных времён, называли их Онтеори, что означает «земля в небе». Во второй половине XVII века здесь были основаны колонии гугенотов, бежавших из Франции из-за религиозных преследований. Тогда в графстве Алстер возникли небольшие городки Хай Фолс и Нью-Палц, в котором до сих пор сохранилась улица Гугенотов с каменными домами конца XVII – начала XVIII веков, с колодцами, кладбищем и прочими элементами быта переселенцев, составляющими ныне единый туристический комплекс. В XIX в. американс-

кие художники, по достоинству оценив красоты этого края, перенесли на свои полотна на мифологические и библейские сюжеты и величественные силуэты белых гор, и сверкающую гладь многочисленных озёр, живописно вписанных во впадины между ними, и стремительные водопады (Хай Фолс — в переводе с английского: высокие водопады), и панораму широкой долины реки Гудзон. Всё это теперь можно видеть в залах американской живописи крупнейших музеев США. Именно в долинах Катскильских гор основатель национальной «Школы реки Гудзон» Томас Коул поместил рай, откуда Адам и Ева были изгнаны Богом. В середине 50-х годов XIX века эти благодатные места стали осваивать эмигранты-евреи из восточной Европы — природа, чистейший воздух, умеренный климат, особенно летом, напоминали им родные уголки. Они селились в Элленвилле, Монтиселло, Либерти, Кингстоне, первой столице штата Нью-Йорк, где находится одна из старейших синагог (1854 г.). Я проезжал по этим местам много раз и, к своему удивлению, нашёл здесь чисто еврейские городки, ностальгически напомнившие мне местечко Камень в Витебской области, откуда родом мой отец, и где я проводил в довоенные годы летние месяцы. Из летнего Нью-Йорка в эти места стали приезжать на отдых сотни тысяч горожан, в том числе и хасиды, которые основали в этих местах сотни детских лагерей и колоний. Эта традиция продолжается и сегодня. Именно сюда, в Хай Фолс, летом 1945 года Вирджиния Хаггард привезла Марка Шагала.

5. Вирджиния Хаггард, гражданская жена Марка Шагала

Вирджиния Хаггард-МакНил родилась в Англии в аристократической семье в 1915 году. Её отец, сэр Годфри Хаггард (Sir Godfrey Haggard), дипломат, был генеральным консулом в Париже, затем, некоторое время работал в Боливии и на Кубе. С 1939 года он состоял генеральным консулом Англии в Нью-Йорке. В период 2-й Мировой войны Г. Хаггард занимал важный дипломатический пост председателя англо-американского Комитета Министерства иностранных дел Англии. Вирджиния получила блестящее образование, изучала историю искусств в Париже и даже брала уроки живописи. С детства у нее были развиты чувства независимости, самостоятельности и ответственности. Она тяготилась принадлежностью к привилегированному обществу и, видимо, её брак с неизвестным оформителем и художником из Шотландии Джоном МакНилом (McNeil), против которого выступал отец, был вызовом семье и об-

ществу. В 1939 году супруги перебрались в Нью-Йорк, где в следующем году у них родилась дочь Джин. Джон часто оказывался без работы и заработка, впадал в депрессию, семья бедствовала, однако для Вирджинии неприемлемой была даже мысль обратиться за помощью к отцу. К тому же он вскоре был отозван в Лондон и не знал о положении в семье дочери. Вирджиния занималась случайными работами по уходу за детьми, уборкой и т. п. Они переехали в Манхэттен, на 53 улицу. Отныне маленькая квартирка со старой мебелью была их убежищем. Тем временем на Марка Шагала обрушилось внезапное горе — 2 сентября 1944 г умерла его жена Белла. Долгих девять месяцев художник пребывал в состоянии оцепенения, не подходя к мольберту, и дочь Ида взяла на себя все заботы о безутешном отце. Неожиданная смерть матери, депрессивное состояние отца, неизбежно приближающийся развод с мужем, Мишелем Рапапортом — всё это настолько измотало её и духовно и физически, что она решила взять отпуск и уехать. Но как быть с отцом? Оставить его одного было слишком опасно — чувство вины за смерть бесконечно преданной подруги, музы, советчицы было столь глубоким, что иногда Марк думал о самоубийстве. Счастливый случай свел Иду с Вирджинией, оставшейся в очередной раз без столь необходимой ей подработки. Ида полагала, что молодая, яркая, рыжеволосая женщина, знающая французский, сможет отвлечь отца от мрачных мыслей. То обстоятельство, что у Вирджинии есть муж и дочь, были для Иды залогом того, что даже если отец увлечётся своей домработницей, то это будет не более чем терапией от депрессии, заставит его подтянуться и внешне, и внутренне. Так в просторной квартире Иды, куда она забрала Марка, появилась Вирджиния. Произошло это во второй половине июня — начале июля 1945 года. Незадолго до этого композитор Стравинский и балетмейстер Баланчин, которые тоже бежали из захваченной немцами Франции, предложили Шагалу принять участие в подготовке балета «Жар-птица» в новой постановке. Шагалу предстояло создать к ней и декорации, и костюмы. Для успешной работы ему требовалось большое помещение и уход от обстановки, постоянно напоминающей о Белле. Ида поступила достаточно разумно, сняв просторный дом на Лонг-Айленде, в городке Саг Харбор в 170 км от Манхэттена. Шагал, не говоривший по-английски и не водивший автомобиль, стал полностью зависим от Вирджинии. Теперь общение с внешним миром осуществлялось только через неё. Судьба свела их один на один — они подолгу разговаривали, гуляя вдоль берега океана, вместе обедали. К своему удивлению, он нашёл в ней, умной,

образованной и обаятельной женщине, разбирающейся в живописи, чуткого ценителя своего таланта. Так произошла естественная — при сложившихся обстоятельствах — трансформация: Вирджиния стала компаньонкой художника. Два одиночества — он, недавно потерявший свою единственную, и она, разочарованная жизнью с постоянно неустроенным, опустившимся мужем — нашли друг друга. Любовь к этой молодой женщине исцелила его депрессию. Яркий интеллект, обаяние, имя Мастера, наконец, — всё это, в свою очередь, покорило Вирджинию. Добавим, что Шагал был всё ещё внешне привлекателен. Вот как описал мне его знакомый артдилер Александр Рейдон: *«...с раскосыми бледноголубыми глазами, непокорными волосами, выразительным лицом озорного фавна, он оставлял впечатление человека, находящегося в состоянии легкой галлюцинации»*. Прошло чуть больше года после смерти Беллы, когда Вирджиния поняла, что беременна. Художник же, ещё не догадывающийся об этом, чувствовал себя влюблённым и вновь счастливым. Когда Шагал, наконец, узнал о состоянии возлюбленной, *«...то был ужасно раздосадован этим неизбежным свидетельством нашей новой любви»* — писала Вирджиния в своей книге воспоминаний через 40 лет после этих событий. Он чувствовал вину перед Беллой, боялся реакции Иды; его пугало мнение друзей, которые благоговели перед памятью покойной. «Я уехала в деревню, чтобы побыть одной...»[28]. Меж строк ясно, что она отвергла предложение Шагала прервать беременность и решила воздействовать на возлюбленного, оставив его в одиночестве. Вирджиния шла ва-банк. С одной стороны, будь Шагал твёрд, деваться Вирджинии в её теперешнем положении все равно было некуда. С другой стороны, она психологически правильно учла, что длительная разлука явится кошмаром для возлюбленного, не приспособленного к бытовой неустроенности, чья воля была уже сломлена недавней тяжёлой потерей. Вирджиния провела в городке Валкилл графства Алстер, расположенного в Катскильских горах, целых две недели. Здесь Вирджиния основательно обдумала своё положение, приняла определённое решение и подготовилась к последующим действиям. Возвратившись к Шагалу, она предложила ему совершить совместную краткосрочную поездку... во всё тот же городок Валкилл. И Шагал, как она и рассчитывала, немедленно согласился. Приехав туда, они направились к местной гадалке по имени Квест Браун. Та погадала по их ладоням, предсказала рождение сына, а затем предложила Вирджинии развестись с мужем и выйти замуж за отца будущего мальчика. Шагал принял этот вердикт, и они тут же договорились, что назовут сына именем Давид —

так звали младшего брата художника, давно умершего от туберкулёза в Крыму...

Здесь прервём наше повествование и вернёмся в сегодняшний день. Я поехал в Валкилл со старожилом этих мест Василием, заядлым рыбаком, на протяжении многих лет ловившим здесь карпов. Мы выехали рано утром и минут через 20–30 были у цели. Река Валкилл оказалась достаточно широкой и бурной, и утренняя рыбалка была очень удачной. Затем я попросил Василия, хорошо знавшего местных жителей, выяснить все о Квест Браун. Оказалось, что ещё в начале 80-х годов жила здесь такая предсказательница, пользовавшаяся широкой известностью далеко за пределами городка. Можно с уверенностью предположить, что Вирджиния узнала от кого-то об этой ясновидящей, и её приезд сюда не был случайным. Возможно, и сценарий будущей поездки в Валкилл с Шагалом был предварительно срежиссирован ею с Браун. Ну, а что касается рождения мальчика, тут предсказательница не ошиблась.

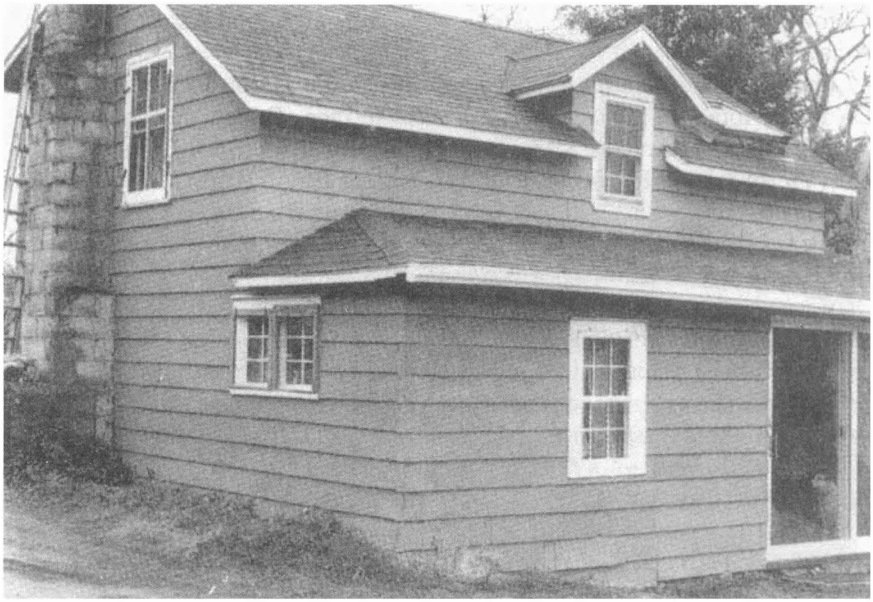
Марку Шагалу городок очень понравился. Идея переехать сюда с любимой представлялась ему привлекательной по многим причинам. Во-первых, он понимал, сколько пересудов вызовет его будущее отцовство в пуританском обществе — его дочь Ида была почти ровесницей замужней Вирджинии, слишком кратким был траур для безутешного вдовца... Словом, следовало прожить этот «переходный» период вдали от всех! Во-вторых, окружающее напомнило ему далёкий и любимый Витебск; тишина, несуетность, красота природы — разве не об этом мечтал он подспудно все эти годы? Как вспоминала Вирджиния, Марк обратился к ней: «Вирджиника, постарайся найти здесь дом, чтобы вокруг было спокойно»[29].

В Валкилле жил единственный агент по недвижимости, и у него в это время был только один дом для продажи или для сдачи в наем, расположенный в 20 милях, в Хай Фолсе, на улице Махонк. На следующий день они отправились туда на такси. Обычный небольшой двухэтажный дом с верандой при входе, выходящей на дорогу. Рядом, во дворе, стоял маленький одноэтажный домик, своим внешним видом скорее напоминавший сарай. Вирджиния вспоминала, что Шагал с восторгом заметил: «Так выглядят белорусские избы, и это будет моя студия!» и тут же решил купить всё это. Вокруг было достаточно живописно: пустынная улица, резко поворачивающая через несколько сот метров вправо и поэтому казавшаяся тупиком, всего несколько домов и ферма на повороте, долина перед домом, поросшая травой и мелким кустарником, лесное ущелье с зубчатой грядой белых скал. Они ещё не знали, что «там, за

Дом М. Шагала в Хай Фолсе. Фото автора, 2010

поворотом», всего в нескольких милях, расположен редкой красоты природный оазис, включающий чистейшее озеро Махонк с крупной форелью причудливых окрасок, «Горный дом» — гостиницу, состоящую из построек разных лет (первое здание возведено в 1869 г.) и архитектурных стилей, оранжерею цветов со всего света, горную цепь с кольцевой туристской тропой, венчаемой так называемой «Sky Top» («Небесной вершиной») с башней, в которой похоронены 2 брата, создатели и владельцы всего комплекса площадью 2200 акров (около 900 га). В списке почётных посетителей «Горного дома» — президенты Америки, знаменитые писатели, художники, миллиардеры со всего света. В нем нет Марка Шагала — он был на протяжении трех лет просто соседом и посещал эти места неоднократно не как постоялец, а как обычный турист.

Когда купчая была оформлена и Марк с Вирджинией возвращались назад, Шагал уже объяснял ей свой ближайший план — снять перегородки внутри домика, и это даст ему удобную и обширную студию. В самом доме была кое-какая мебель и необходимая посуда на первое время, и они решили переезжать не откладывая, тем



Студия М. Шагала в Хай Фолсе (второй этаж надстроен после 1948 г.)
Фото автора, 2010

более, что предстояла новая интересная работа — супруги Курт и Элен Вольф, владельцы издательства «Пантеон книги», заказали художнику иллюстрации к «Тысяча и одной ночи».

В этом месте я хочу прервать повествование и рассказать о фотографии, сделанной во время пребывания художника в Хай Фолсе. Копии этой фотографии и переписки Вирджинии со школой, в которой училась её дочь Джин в 1946–1948 гг., мне подарила её бывшая учительница Эмилия Стокс. Она была ближайшей соседкой художника — её дом и амбар располагались напротив дома, купленного Шагалом. В те годы ей было около двадцати лет, и она отлично помнит семью Шагала — «художника, его молодую супругу и их детей — дочь Джин и родившегося здесь сына Давида...» Я познакомился с Эмилией летом 2004 года, разыскивая дом Шагала, и с тех пор мы ежегодно встречаемся, переписываемся, перезваниваемся. Последний раз я приезжал к ней в августе 2010 года, чтобы уточнить расположение тех мест в Хай Фолсе, где известный бельгийский фотограф Чарльз Лейренс, снимавший Шагала и Беллу ещё перед войной, весной 1948 года сделал серию снимков Марка, Вирджинии и детей. Эмилия рассказала мне подробно о жизни

художника в этих местах с осени 1945 года до середины августа 1948 года.

Любительский групповой снимок сделан Джоном Де Пуй (John De Puy), владельцем таверны в Хай Фолсе. Слева направо стоят: Артур Шилей (Arthur Sheeley), сын и отец Виктор и Дональд Парсел (Victor и Donald Parcel), Марк Шагал и Джон Йипл (John Yeople). Все они — ближайшие соседи, которые вместе с Эмилией Стокс составили «местное» общество Марка и Вирджинии, с ними же они поддерживали отношения и после возвращения во Францию. Дом Эмилии сгорел несколько лет назад, при этом погиб её муж, морской пехотинец времён войны, с которым мы не раз сидели за их гостеприимным столом. Сгорели и все документы той поры — 11 писем Вирджинии, классные журналы, фото, домашние задания и рисунки Джин, выполненные под руководством «отца», как упорно называла Эмилия художника. (Оригинал 12-го письма, подаренного ею мне, сохранился). Марк Шагал выглядит на этом фото молодо для своих лет, шляпа лихо сдвинута набок, во рту трубка, подаренная ему Джоном Йиплом. Соседям представили Шагала, как знаменитого французского художника, и то, что он со своей молодой женой выбрал эти глухие места, представлялось им чудачеством. Следует подчеркнуть, что почти все соседи — потомки гугенотов, и они, включая Эмилию, сохранили некоторое знание французского, что облегчало общение. Безусловно, эти труженики понимали, что здесь востребуются их профессиональные навыки и они смогут заработать. И действительно, вскоре их руками был перепланирован дом, снимались перегородки в будущей студии, красились стены, был вырыт колодец, осуществлялось обслуживание. Когда Шагал купил автомобиль «Олдсмобил», Элла, жена Джона, ставшая подругой Вирджинии, научила её водить машину. Так налаживался быт новосёлов. Часто наезжал Пьер Матисс, реже писатель на идиш Иосиф Опатошу, старый друг художника. Из книги Вирджинии: *«Марк ощутил здесь покой. Жизнь упростилась, ему не нужно думать о деньгах. Его дилер Пьер Матисс... приезжал сюда каждые несколько месяцев из Нью-Йорка, забирал картины и оставлял деньги... В то время, как Ида заботилась о сохранении имиджа отца, он отбрасывал всё это, как обременительные части одежды, чтобы быть лицом к лицу со своей работой. Никогда больше Марк не был так далёк от жизненных забот».*

Здесь мне хочется сделать ещё одно небольшое отступление и рассказать о широко известной фотографии выдающегося мастера психологического портрета Лотты Якоби. Работа демонстрируется

М. Шагал с соседями в Хай Фолсе.
Слева направо: А. Шилей, В. Парсел, Д. Парсел, М. Шагал, Д. Йипл.
Фото Д. Де Пуй

на выставке в Еврейском музее Нью-Йорка, Маэстро изображён со своей дочерью Идой. Да, действительно, это «папина маленькая девочка» — «Daddy's little girl», как когда-то был назван этот шедевр. Ида, прижавшись к отцу, нежно полуобняла его за левое плечо. Она счастлива, что отец, ещё недавно находившийся в глубокой депрессии и неподвижном оцепенении, воспрянул духом, стоит опять в своей обычной позе перед мольбертом, что на его лице улыбка. Ида узнает истинную причину такого преображения лишь через несколько месяцев, когда у неё появится сводный брат Давид. А пока она искренне счастлива и горда собой — ведь это только её усилия вернули ей прежнего отца. Несомненно, в этот период художник был уже влюблён в Вирджинию. Её он имел в виду, когда однажды произнёс: «Я люблю Америку, здесь я обрёл чувства юности». И, ещё не оправившись от потери Беллы, он обращается к Вирджинии: «Белла послала тебя присматривать за мной. У Рембрандта была его Хендрике Стоффелс, а у меня — ты!»[30]

Вспоминает Вирджиния: *«Хай Фолс с его простыми людьми, с домашними животными напоминал окраины Витебска более, чем другие места, окружавшие Марка вот уже более двадцати лет с тех пор, как он покинул Родину. Прямо из окна своей студии он мог видеть коров, слушать перекличку петухов, кудахтанье кур, создававших такую знакомую и ещё не забытую атмосферу»*[31]. Продукты и товары, включая всё необходимое для творчества — кисти, краски, холсты, им поставлял мистер Голдвассер, владелец небольшого магазинчика на колесах. Когда он подъезжал к их дому, художник спускался с веранды, и они разговаривали на идиш. Вирджиния отмечала, что это общение на языке детства доставляло ему огромное удовольствие. Тем временем Ида уже догадалась о характере отношений отца с Вирджинией и о ее беременности. Она отрицательно, как того и опасался Шагал, отнеслась к создавшейся ситуации. Вскоре Ида отправилась в Париж, чтобы подготовить почву для возвращения отца во Францию — для организации выставок, для восстановления довоенных связей.

Приближалось время родов. Три ближайших Шагалу человека уже знали об этом — Ида, Пьер Матисс и Иосиф Опатошу. За несколько месяцев до этого и Матисс, и Опатошу поняли по тому, как резко изменился характер его живописи, что художник влюблен: яркая экспрессия красок с солнечными лучами невольно выдавали его душевное состояние людям, близко его знавшим. «Марк, ты влюблён!» — воскликнули они после очередного просмотра его полотен.

26 мая Шагал сел на пароход и отплыл в Париж. Чтобы понять, насколько трудным был для него этот шаг, следует уяснить следующее: во-первых, мне представляется, он понимал, что оставлять Вирджинию в таком положении одну среди чужих людей непорядочно; во вторых — это был отличный отвлекающий маневр, много говоривший несведущему человеку: ведь у неё есть муж, а здесь она просто на службе. Кстати, эти надежды частично оправдались: за время его отсутствия неясные слухи и сплетни поостыли. Тем не менее, для такого поспешного бегства, он воспользовался формальным предлогом, что не вынесет зрелища предродовых мук. Кстати, подобное он уже проделывал — когда Белла рожала Иду, Шагал тоже сбежал, но только на 4 дня. На этот раз «бегство» продолжалось более трёх месяцев.

Во время отсутствия художника Вирджиния привезла сюда свою дочь Джин. Мальчик появился на свет в субботу 22 июня 1946 года в бруклинском госпитале. Все заботы, связанные с родами, Марк поручил своему другу Опатошу. На восьмой день, 29 июня, в при-

М. Шагал с сыном Давидом. Хай Фолс, 1948. Фото Ч. Лейренса

сутствии Опатошу был совершён обряд брит-мила. Художник был извещён об этом телеграммами. Сына назвали, как было оговорено ранее, Давидом. Правда, Вирджиния хотела дать ему имя своего погибшего брата Стефана, но не решилась на это. Давид получил фамилию официального отца Мак-Нила, т. к. у Вирджинии не было (да и не могло быть) никаких других документов, подтверждающих её статус. Тогда это очень устраивало Марка и «логически» отводило от художника все сплетни и подозрения. Под этой фамилией Давид живёт в Париже и сейчас. Шагал, находясь далеко от Вирджинии, почувствовал, насколько он к ней привязался и полюбил её. Разлука, усугублённая страстным желанием стареющего Мэтра увидеть своего мальчика, наследника, его мечту — всё это дало импульс для интенсивной переписки Париж — Хай Фолс. Привожу фрагменты из писем:

19 июня 1946, Париж: *«...Моя дорогая Вирджиния, ты спрашиваешь, люблю ли я тебя. Конечно! Моя дорогая, неужели ты сомневаешься? Ты прекрасна и ты единственная, я не знаю, как расцеловать тебя и, возможно, уже и дитя...»*[32]. 25 июня 1946, Париж: *«...Я так счастлив за Вас обоих. Ты не знаешь ещё, как я тебя люблю... Ты уже поняла, что я не говорю с лёгкостью такие слова, но ты, я надеюсь, это чувствуешь. Ты для меня — моя любовь, и я не могу больше жить без тебя. Судьбе было угодно, чтобы я встретил тебя после моей дорогой Беллы (которую ты тоже любишь)...»*[33].

Все заботы Вирджинии в это время были связаны с новорождённым Давидом, с подготовкой Джин к учёбе в местной школе, с реконструкцией дома (проведение воздушного отопления и горячей воды) и студии, выполненных отцом и сыном Парсел. Необходимость улучшения бытовых условий была, естественно, связана с появлением детей, с предстоящей зимой. Вирджиния сообщает ху-

дожнику обо всём этом в своих письмах к нему. Шагал отвечает: «... *Я не могу себе вообразить, как давно я не работал в нашем маленьком доме. Пожалуйста, не уделяй ему столько внимания. Единственное, что мне надо — это стены, окна и большие столы... Я знаю, что наш дом — это рай*»[34].

Между тем, Шагалу во Франции пришлось решать много сложных проблем, связанных с восстановлением былых связей, с продажей картин через французских маршанов, с нахождением своих довоенных рисунков, литографий и офортов, оставленных у Амбруаза Воллара. Шагал пытался вернуться ко 2 сентября, второй годовщине со дня смерти Беллы, но корабль запаздывал, и он смог отплыть из Марселя лишь 25 августа. 6 сентября пароход стал на рейде Нью-Йорка, и опять задержка из-за забастовки моряков. Тем не менее, через несколько дней счастливый художник был уже в Хай Фолсе, привезя из Франции ряд неоконченных работ. Эти полотна были сразу же развернуты на больших столах, установленных на козлах. Вирджиния писала: «*Я приготовила ему букеты цветов из нашего сада, и он рисовал их с огромной радостью. Эти букеты стали "заготовками" для многих его работ: великолепные голубые дельфиниумы, флоксы, пионы, арум кукушечный и розы. Всё это будило его фантазию, и они появились на холстах "Зелёная мечта", "Лилии арум", "Букет с летящими влюблёнными". Две другие значительные работы — "Автопортрет с настенными часами" и "Летящий вол" — были также созданы в это время. Несмотря на дневную жару, он работал с исступлением, а вечером мы часто гуляли вдоль становящейся прохладной долины, когда сверчки засыпали и взлетали светлячки. Мы спали в продуваемой студии, где всё пропахло льняным маслом и скипидаром — запахами, которые не забываются*»[35]. Утром они первым делом просматривали работы, выполненные накануне, и обсуждали их. Сентябрь выдался жарким, Марк работал в шортах и, уставая, отправлялся на продуваемую веранду дома, возвышающуюся над дорогой и долиной. Газеты на идиш и кресло-качалка всегда ждали его.

В октябре Шагалу пришлось вернуться на короткое время в Париж. Оттуда он пишет Вирджинии: «*Каждый спрашивает меня — Вы насовсем на этот раз? Но я считаю дни, когда вернусь к вам*»[36]. Приехав, он начал готовиться к персональной выставке в Чикаго, открывшейся 15 ноября 1946 года. Зима 1946–1947 годов была вьюжной, и иногда за ночь снегу наметало до одного метра. Виктор Парсел приходил рано утром и расчищал проход от дома вниз к до-

М. Шагал с Вирджинией, ее дочерью Джин и сыном Давидом. Хай Фолс, 1948. Фото Ч. Лейренса

роге. Печь в студии отапливалась углём, и Вирджиния разогревала её докрасна. Марк объяснял ей, что так в Витебске растапливались бани, но ей трудно было понять, как можно было в них мыться.

В 1947 году творчество Шагала вернулось в Европу. Выставки его картин с триумфальным успехом прошли в Париже (Musee d'Art Moderne), Амстердаме (Stedelijk Museum), Лондоне (Tate Gallery), Цюрихе (Kunsthaus), Берне (Kunsthalle).

6. Марк Шагал и Федеральное Бюро Расследований

Такое сочетание могло бы показаться нонсенсом, следствием бурной фантазии автора, тем более, что в огромной литературы о знаменитом художнике, начиная с журнальных статей и кончая солидными монографиями, нет никаких упоминаний об интересе ФБР к Шагалу. Однако факты, впервые опубликованные Б. Харшавом[37] после рассекречивания (за давностью) архивов бюро, не вызывают сомнений: ФБР «поставило на учёт» художника вскоре после его приезда в Америку.

27 октября 1941 года Марк Шагал обратился в Бюро иммиграции и натурализации INS Госдепартамента США за визой для поездки в Мексику с правом на возвращение (reentry visa). Поездка обосновывалась необходимостью оформления декораций и костюмов для балета «Алеко» в театре Мехико-сити, намеченного к постановке во второй половине 1942 года. INS отметило, что нет никаких препятствий для получения визы, так как М. и Б. Шагалы обладают статусом беженцев, и испрашиваемые документы будут им выданы. Однако ФБР было более осторожным. Его комментарии по поводу этого запроса не касались лично художника, а относились к организации, которая занималась оформлением заявки Шагала (Freedman & Slater, Inc.).

ФБР, Вашингтон, округ Колумбия — Гос. Департаменту США. Кому: Отделу Виз, Госдепартамент, 07–18–1942.

В связи с запросом заявителя на разрешение о возвращении, в распоряжении ФБР имеется следующая информация. Конфиденциально, искренне Ваш Джон Эдгар Гувер, Директор.

Приложение. *Внимание: (секретный код файла). Заглавие: МАРК ШАГАЛ, заявитель на получение паспорта и визы на возвращение. Компрометирующая информация на вышеназванную организацию (*Freedman & Slater Inc. — Г. Р.*) предоставлена отделу виз в связи с заявлением... Штамп: Отдел связи / Отправлено 12 июля 1942 / Министерство юстиции США.*

«Шагаловское» досье ФБР постепенно разрослось в тома в связи с активной общественной и творческой деятельностью художника, но прежде, чем я остановлюсь на этом более подробно, следует рассмотреть ту общественно-политическую обстановку, которая сложилась в Америке в предвоенное время и, особенно в период, когда США стали активным членом антигитлеровской коалиции.

В 1930-е годы американские коммунисты активно поддерживали сталинскую международную и внутреннюю политику. Многие видные представители американской идишистской культуры, входившие в различные левые организации страны, фактически являлись «попутчиками» коммунистов, и это привлекало внимание ФБР. Оно знало о попытках советских спецслужб вербовать агентов не только в среде деятелей культуры, но и в научных кругах, связанных с разработкой атомного оружия. Тем не менее, как показало время, ФБР явно недооценило своего противника. Со временем значительная часть этих «попутчиков» стали непримиримыми врагами коммунизма. Они протестовали против заключения

пакта Молотова-Риббентропа и последующего нападения СССР на Польшу 17 сентября 1939 года, ликвидации советской идишистской культуры в период 1948–1952 гг., «дела врачей», процесса Сланского в Чехословакии в 1952 году. Но многое из этого было позже, а тогда...

Тогда, в начале 2-й мировой войны, Гитлер завоевал большую часть континентальной Европы. И когда у стен Москвы и Сталинграда нацисты понесли сокрушительные поражения, все надежды западных интеллектуалов обратились к СССР. В идишистских культурных кругах большинство писателей и художников, да и их аудитория были выходцами из Восточной Европы, для которых Россия и Польша были их «старым домом» и подлинными центрами еврейской жизни. Многие из них сохраняли до войны семейные связи с европейскими родственниками и очень волновались за их судьбы.

В то время, как в Европе происходило полное уничтожение еврейства, в Советском Союзе сотни тысяч евреев эвакуировались в глубь страны и выжили. Красная Армия продолжала сражаться с фашистской Германией и наносила ей одно поражение за другим. Поэтому в идишистстких кругах Америки, особенно среди немецких и польских беженцев, СССР воспринимался, как единственная сила, способная сокрушить фашизм.

Мне трудно понять мотивы, по которым Марк Шагал заинтересовал ФБР. Возможно, повышенное «внимание» оказывалось лицам, выехавшим из страны Советов не до, а после революции, то есть он потенциально мог рассматриваться советским шпионом из числа интеллектуалов, внедрённых в страны Запада. Кроме того, ходили слухи, что художник был «комиссаром», помогавшим коммунистам создавать революционную культуру. Это было полным недоразумением — ни коммунистом, ни комиссаром, ни шпионом Шагал не был. Всё могло бы оставаться на уровне слухов, но... Таких «но» в период семилетнего пребывания художника в Америке оказалось предостаточно. Во-первых, сотрудничество с коммунистической газетой на идиш *Morgn Frayhayt* (*Утро свободы*), издаваемой Полом (Пейсахом) Новиком[38]. В ней публиковались многие идишистские писатели, среди которых были и коммунисты, и «попутчики». Согласно отчётам ФБР, газета характеризовалась, как «...один из... органов коммунистической пропаганды в этой стране на протяжении почти 25 лет» (Отчёт от 24 марта 1942 г. С. 75)[39]. 7 ноября 1942 года — к 25 годовщине Октябрьской революции, редакция опубликовала письмо Шагала в ответ на положительную рецензию на его картину «Революция», которая демонстрировалась

в галерее Пьера Матисса. Само полотно никак нельзя считать прокоммунистическим, однако, название картины, репутация газеты, годовщина, к которой приурочено письмо и его содержание — эта «гремучая» смесь могла создать определенное мнение о Шагале в ФБР. Между тем, художник писал следующее: *«...Я никогда не отделяю себя от моей родины, земли, где я родился. Моя живопись не может существовать без неё и не может ассимилироваться в любой другой стране. И теперь Париж мёртв. И я часто спрашиваю себя: "Где я?". Я шлю искренние пожелания моим советским друзьям и коллегам — писателям и художникам. И даже ещё более великим художникам — героям Красной Армии на всех фронтах — они рисуют своей кровью лучшую и самую прекрасную картину»*[40].

7 апреля 1942 г. в Москве был создан Еврейский антифашистский комитет (ЕАК) под председательством С. М. Михоэлса. Комитет рассматривался, как единственный законный представитель советского еврейства. Более того, его главный лозунг — сплочённость евреев всего мира против фашистской угрозы уничтожения — подразумевал, что комитет представляет и всемирное еврейство.

Основные задачи ЕАК заключались в том, чтобы активно влиять на международное общественное мнение и организовать политическую и материальную поддержку СССР в войне против Германии. Само собой разумеется, организация комитета и вся его последующая деятельность не могли осуществляться без активного контроля со стороны ведомства Берии.

Сведения о настроениях в либеральной части американского общества накануне и в начале войны были хорошо известны в Москве — ведь не только в Европе, но и Америке находилось значительное число советских разведчиков под различными прикрытиями. Естественно, что ЕАКу предстояло реализовывать поставленные перед ним задачи именно через эту часть европейско-американской общественности, среди которой были выдающиеся ученые и деятели культуры — евреи.

Тесное сотрудничество советского руководства с мощными организациями международного еврейства стало необходимым для СССР. Для этого и был создан Еврейский антифашистский комитет и вскоре — его аналог в Америке — Комитет еврейских писателей, художников и учёных. Его почётным президентом был избран Альберт Эйнштейн, президентом — Шолом Аш, председателем — журналист Б-Ц. Голдберг, зять Шолом Алейхема, вице-председателем — историк-сионист Р. Малер, членами — Лион Фейхтвангер, Марк Шагал и другие. Подобно ЕАК, американский комитет бази-

ровался на двуязычной основе — английский и идиш (ЕАК — русский и идиш). На этом видимое сходство между ними не заканчивалось: ЕАК издавал в Москве газету на идиш *Eynikeyt* (*Единство*), а американский комитет — журнал в Нью-Йорке с таким же названием. Московское издание широко распространялось за рубежом — в Америке, Англии, Канаде, Мексике. Газета сообщала о жизни евреев в Стране Советов, помещала подробные репортажи о положении на фронте, о зверствах нацистов против еврейского населения, оставшегося на оккупированных территориях. Официально велась тщательная подготовка к визиту советской делегации в Англию и Америку. Неофициально, осуществлялась и другая, тайная подготовка, но об этом ниже.

Идею поездки предложил один из руководителей Совинформбюро С. А. Лозовский. Суть её состояла в том, чтобы на волне симпатии к СССР и массовой солидарности с жертвами фашистского геноцида евреев собрать «жатву» с еврейских бизнесменов и финансистов. Замысел поддержал посол в США Максим Литвинов. В 20-х числах апреля 1943 года советская делегация в составе Соломона Михоэлса и Ицика Фефера кружным путем через Ташкент — Тегеран — Африку отправилась в Лондон. Перед представителями ЕАК стояла задача — собрать средства на производство тысячи самолётов и пятисот танков. Продолжительность поездки — семь месяцев, и за это время предстояло посетить Великобританию, Америку, Канаду и Мексику. Пиком поездки явилось собрание в Карнеги холле в Нью-Йорке, где на сцене оказалось столько народу, что пол не выдержал и провалился. В результате Михоэлс сломал ногу и некоторое время передвигался с помощью костылей. За время поездки были собраны следующие суммы (в долларах): в Америке — 16 млн., в Канаде и Великобритании — 15 млн., в Мексике — 1 млн., в Британской Палестине — 750 тысяч. Кроме того, Красной Армии были отправлены грузовики, медицинское оборудование и лекарства, санитарные машины и одежда. 16 июля 1943 года газета *Правда* писала, что *«...Михоэлс и Фефер получили сообщение из Чикаго, что специальная конференция "Джойнт" начала компанию по финансированию 1000 санитарных машин для нужд Красной Армии»* (известно, что эти машины были доставлены в СССР).

Тем не менее, часть еврейских культурных учреждений отнеслась критически и с настороженностью к визиту представителей ЕАК. Они полагали, что в лице этих посланцев Советов сталинские «щупальца» дотянулись до Нью-Йорка — в определённом смысле

их опасения имели основания. Шагал возражал против определения «сталинские агенты» и писал Опатошу (Адирондак, 24 июля 1943 г.) о Михоэлсе и Фефере: *«между нами, они хорошие евреи... я думаю, нет необходимости критиковать их — они евреи нашего сорта. Правда, "комитет" стоит между нами»*[41]. Какой «комитет» стоял между ними, неясно — или комитет, в котором служил Фефер, или тот, членом которого был художник. Шагал активно общался с советскими посланцами — в гостинице, на митингах, банкетах, у себя дома и загородом. Он же передал им две свои картины в качестве дара в Фонд помощи СССР.

Как следует из рассекреченных архивов, ФБР знало, что именно Михоэлсу поручена некая секретная миссия, что подполковник-поэт Фефер «прикомандирован» к Михоэлсу, что последний в разговорах проявляет не свойственные для артиста знания теории структуры ядра и многое другое. Информация от «надёжного источника» поступала в ведомство Гувера постоянно. Из этих донесений становится ясно, что, во-первых, информатор работал в самом комитете, и, во-вторых, Михоэлс и Фефер находились «под колпаком» в течение всего времени пребывания в США (возможно, и всей семимесячной поездки по Америке). Естественно, Марк Шагал, как друг и коллега Михоэлса по работе в Еврейском камерном театре в 1920–1921 годах, рассматривался ФБР как возможный потенциальный помощник советских посланцев. Пройдёт несколько лет, и Комитет еврейских писателей, художников и учёных будет назван ФБР «организаций Коммунистического фронта для расовой агитации» (Отчёт калифорнийского отделения Комиссии об антиамериканской деятельности, 1947 г.)[42].

В 1951–1952 гг. Шагал, живший уже во Франции, подавал прошения о получении визы для въезда в США в отдел виз американского посольства в Париже и неизменно получал отказ. Привожу секретный отчёт ФБР (сводку), на основании которого художник был «отказником» на протяжении почти восьми лет[43].

Сводка ФБР о Марке Шагале.

Контакты с советскими подданными. *Конфиденциальный надёжный информатор уведомил, что Марк Шагал и его дочь Ида Шагал-Рапапорт, также известная как миссис Мишель Рапапорт (4 East 74th Street, NYC) часто общались с проф. Соломоном Михоэлсом и подполковником Ициком Фефером, членами еврейской делегации из СССР, которые совершали тур по Соединенным Штатам с 17 июня 1943 по 20 октября 1943, для якобы укрепления отношений между евреями СССР и Соединенных Штатов... Рас-*

следование показывает, что Михоэлс был заинтересован... в научном отчёте относительно теории структуры атома...

Следующий раздел сводки информирует о встречах Шагала с сотрудниками советских дипломатических служб в Нью-Йорке в связи с его желанием вернуться в СССР для «живого контакта с советской землёй, небом и народом». Более того, согласно донесению того же «надежного конфиденциального информатора», Шагал передал советскому консулу в Нью-Йорке Михайлову письмо на имя И. Сталина, в котором в косвенной форме выразил желание быть приглашённым Советским правительством. Из посольства в Вашингтоне последовал ответ, смысл которого сводился к тому, что хотя Шагал и является прогрессивным и вполне советским человеком, но, как художник, он почти неизвестен в стране и поэтому не может быть удостоен такой чести.

Из личной переписки Шагала и его статьи в газете *Eynikeyt*, озаглавленной «Заря в Польше» (апрель 1945 г)[44], я понял, что у него сложилось весьма оптимистическое мнение об изменении природы коммунистического строя. Трагическая гибель С. Михоэлса развеяла эти иллюзии. Статья Шагала на смерть друга была написана в столь резких (по отношению к СССР) выражениях, что прокоммунистическая газета *Morgn Fryhayt* не решилась её напечатать, вызвав гневную реакцию художника. В последние годы в России опубликовано много литературы, раскрывающей тайны предвоенной и послевоенной истории, в частности, похищение атомных секретов США, позволившее СССР изготовить собственную атомную бомбу. В книге С. Пестова[45] приводятся веские доказательства того, что в 1949 г. в СССР была взорвана фактически американская плутониевая бомба, и академик Ю. Б. Харитон подтвердил это. В книге одного из руководителей заграничной агентуры генерал-лейтенанта П. Судоплатова[46] рассказано о том, что Михоэлса и Фефера перед отъездом в США инструктировал лично Берия. Видимо, не случайно в отчётах ФБР подчёркивалось, что Михоэлс осуществлял некую шпионскую миссию, что он интересовался вопросами теории атомных структур, совершенно не соответствовавшими целям его официальной миссии и роду занятий. Известно, что именно Шагал, как член Американского комитета, представил Михоэлса и Фефера А. Эйнштейну. Возможно, на этом его миссия и заканчивалась. Но есть косвенные свидетельства того, что у ФБР были причины подозревать Шагала в большей вовлечённости в секретную миссию советской делегации.

Находясь в США, художник выезжал из страны много раз — в Мексику в 1942 г., в Канаду— в 1943 г., во Францию — в 1946 и

1947 гг., и никогда не имел трудностей с выездом — возвратом. Более того, когда Шагал в августе 1948 г. уезжал с семьёй в Париж, и у ФБР уже имелось солидное досье о его связях с левыми кругами и тесных контактах с членами ЕАК, он, тем не менее, беспрепятственно получил reentry permit, то есть разрешение на выезд и последующий въезд в страну. Неожиданно, когда художник уже постоянно жил во Франции, ФБР вдруг «проснулось» и начало активно разрабатывать его досье. Сначала были подвергнуты тщательному обыску дом и студия в Хай Фолсе, допрошены соседи — об образе жизни художника и лицах, навещавших его и, наконец, ФБР закрыло границу страны для Шагала на восемь лет. Для таких дискриминационных действий нужны были веские доказательства. Аргументы же ФБР, представленные в посольство США во Франции — «...приезд нежелателен, так как его имя ассоциируется с коммунистами и организациями коммунистического фронта», — явно не отражали истинных причин для отказа во въезде.

Их поиск привел меня к неожиданному, на первый взгляд, выводу, достаточно уязвимому для критики, а именно: интерес ФБР к персоне художника совпал по времени с началом активного поиска каналов утечки атомных секретов (1949–1950 гг.). Возможно, имя Шагала попало в список потенциальных шпионов, причастных к этой утечке, так как ФБР уже было известно о тайной миссии, которую выполнили посланцы ЕАК. А информация о том, что именно Шагал познакомил Михоэлса и Фефера с А. Эйнштейном во время их пребывания в США, уже давно была в архивах бюро.

Некоторые авторы русскоязычной прессы в Нью-Йорке категорически отвергают саму вероятность вовлечённости ЕАК в шпионскую деятельность, также как и ключевую роль супругов Розенбергов в передаче секретов Манхэттенского проекта Советскому Союзу. В частности, такой точки зрения придерживается М. Штейнберг в статье «Кто украл у Америки бомбу»[47]. Однако, мне кажется, что и ЕАК внес в это дело свою лепту: советская разведка действовала неординарно, используя все возможные средства для достижения цели. Да что тут спорить: касаясь оценки миссии представителей ЕАК в Америке, П. А. Судоплатов открыто признал, что роль Михоэлса и Фефера в разведывательной операции по установлению контактов с близкими Эйнштейну кругами учёных-специалистов, занятых разработкой атомного оружия, была существенна. А. Б. Мартиросян, известный военный историк, и, видимо, сам бывший разведчик, пишет: *«В ходе своего визита в США С. Михоэлс и И. Фефер блестяще решили поставленные перед ними экономические*

и политические задачи...»[48]. Правда, он отмечает, что трудно с абсолютной точностью сказать, в какой мере и на каком этапе представители ЕАК оказались причастны к добыванию разведывательной информации по атомной проблеме. Приведу ещё один пример — отказ Шагалу во въезде в США, датированный 10 октября 1968 года.

Посольство США в Париже — Директору ФБР. Кому: Директору ФБР. От: Лега, Париж. Тема: Марк Шагал. *Секция виз посольства США в Париже уведомляет, что вышеупомянутый подданный Франции, уроженец России, хорошо известный художник, запросил визу для посещения Соединенных Штатов в период 5–15 ноября 1968 г. для встреч с друзьями... Секция уведомила просителя, что его приезд нежелателен, т. к. его имя ассоциируется с коммунистами и организациями коммунистического фронта (см. Доказательства от 3–24–66)*[49].

Напомним, что Шагал уже посещал Чикаго 10 лет тому назад, в феврале 1958 г., и прочитал курс лекций в местном университете; что в 1960 г. художник был избран почётным доктором университета города Waltham (штат Массачусетс), куда прибыл 2 мая; что он выполнил в здании ООН в Нью-Йорке витраж для мемориала в честь бывшего Генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда и присутствовал с женой при его открытии в сентябре 1964 г. Однако всем этим приездам Шагала в США предшествовала продолжительная бюрократическая и зачастую унизительная волокита не только на дипломатическом уровне — через департамент отдела виз посольства США, но и интенсивная переписка в поддержку художника с вовлечением видных представителей культурных и научных кругов Америки. История похищения атомных секретов до сих пор таит много загадок. Видимо, не пришло ещё время для рассекречивания информации, которая могла бы внести полную ясность о роли представителей ЕАК Михоэлса и Фефера в специальной операции, завершившейся получением Советским Союзом секретной документации Манхэттенского проекта и созданием в 1949 г. собственной атомной бомбы. Шагал, будучи давним другом Михоэлса, невольно оказался вовлеченным в эту дьявольскую игру советской разведки и расплачивался за это в течение многих лет.

Приложение 1

Основные даты жизни и творчества Марка Шагала в Америке

Впервые имя Шагала в Америке появилось в журнале на идиш *Di Tsukunf* (*Будущее*), издаваемом в Нью-Йорке Авромом Лесиным.

В пяти номерах журнала за 1925 год была опубликована автобиография художника. Первоначально Шагал написал её на русском языке, а литературный перевод на идиш сделал с помощью поэта Переца Маркиша. В 1931 г. книга была опубликована на французском в переводе Беллы Шагал. На немецком, английском и иврите в переводе с французского «Моя биография» вышла вскоре после войны. На русском, опять же в переводе с французского, она вышла только в 1994 г., почти через 70 лет после издания в Нью-Йорке. 8 августа 1925 г. в письме к А. Лесину Шагал сообщает, что прочёл публикации с удовольствием. Одновременно он пишет, что в Нью-Йорке готовится экспозиция его рисунков к этой книге. Экспозиция демонстрировалась в галерее Рейнхарда (730, 5-я авеню) с 9 по 30 января 1926 года. Это была первая выставка работ Шагала в Америке; большого успеха она не имела.

1941 г.

21 июня. Приблизительно в 9 часов вечера Марк и Белла Шагалы приплыли в Нью-Йорк. **Июнь — август.** Семья Шагалов проживает в гостиницах в Нью-Йорке и Нью-Престоне, штат Коннектикут. **Сентябрь.** Марк и Белла снимают небольшую квартиру в Hampton House (28 East 70 Street). Здесь же размещается его студия.

Середина сентября. В Нью-Йорк приплыли их дочь Ида и зять Мишель Рапапорт, которые привезли картины Шагала. **Ноябрь.** Первая выставка ранних работ Шагала (1910–1914) в галерее Пьера Матисса (Manhattan, 57 Street).

1942 г.

По заказу Американского театра балета художник работает над четырьмя декорациями и 64 костюмами к балету «Алеко» (либретто по поэме А. Пушкина «Цыгане», музыка П. Чайковского, постановка Л. Мясина). Премьера состоялась **8 сентября** во дворце изящных искусств в Мехико-сити.

Март. Экспозиция живописи художника периода 1931–1941 гг. на выставке «Художники в изгнании» в галерее П. Матисса. Всего Пьером Матиссом в его галерее за период **1941–1948** гг. были организовано одиннадцать выставок художника.

6 октября. Премьера балета «Алеко» в Метрополитен-опере.

1943 г.

Лето. Шагал неоднократно встречался с членами Еврейского антифашистского комитета С. Михоэлсом и И. Фефером, с которыми работал ещё в 20-е годы в Москве. Через них он передал в Фонд

помощи СССР две своих картины (в настоящее время находятся в Третьяковской галерее) с припиской: «Моей Родине, которой я обязан всем, что сделал за последние 35 лет и сделаю ещё в будущем».

Шагал иллюстрирует книгу поэта И. Фефера «Красноармейская», изданную в Нью-Йорке. В этом же году здесь выходит книга Раисы Маритен «Марк Шагал».

1943–1944 гг.

Несколько раз отдыхал с Беллой на северо-западе штата Нью-Йорк, в районе озера Кранберри.

1944 г., 2 сентября. Смерть Беллы Шагал. Художник пребывает в глубоком оцепенении, не работает почти 9 месяцев. «Я потерял ту, кто была смыслом моей жизни...» (из письма П. Д. Эттингеру, 30 апреля 1945 г.).

1945 г.

В Нью-Йорке на идиш выходит книга воспоминаний Беллы Шагал «Зажжённые огни» с иллюстрациями М. Шагала.

Вторая половина июня — знакомство с Вирджинией Хаггард, ставшей гражданской женой художника.

Живет в городке Саг-Харбор (Лонг-Айлэнд) в доме, снятом Идой, и выполняет эскизы декораций и 80 костюмов к балету «Жар-птица» композитора И. Стравинского и балетмейстера Ж. Баланчина, поставленному в Метрополитен-опере.

1946 г.

5 февраля – 2 марта. Выставка в галерее П. Матисса в Нью-Йорке «Шагал. 1945–1946 годы». **5 марта.** По приглашению недавно созданного Комитета по изучению общественного мнения при Чикагском университете читает лекцию на тему «Искусство и разум».

4 апреля — 23 июня. Ретроспективная выставка из 144 работ в Музее современного искусства в Нью-Йорке. Позже эта же выставка демонстрировалась в Чикагском институте искусств (**15 ноября 1946 – 12 января 1947 гг.**); Шагал присутствовал на её открытии.

Май — сентябрь. 23 мая на пароходе «Бразилия» уезжает во Францию. В Париже выполняет наброски к нескольким картинам, позже оформленные как «Парижская сессия». **22 июня.** Вирджинии Хаггард родила сына, названного Давидом. Шагал в это время находится в Париже. По возвращении выполняет 13 цветных литографий для книги арабских сказок «Тысяча и одна ночь».

В Нью-Йорке издан каталог — альбом двух последних выставок художника.

1947 г.

8–26 апреля. Выставка «Марк Шагал: Последние полотна и гуаши цикла “Тысяча и одна ночь”» в галерее П. Матисса. **Октябрь — ноябрь.** Шагал приехал в Париж на открытие ретроспективной выставки своих картин за 40 лет (1908–1947) во вновь открытом Национальном музее современного искусства. В письме П. Д. Эттингеру (22 ноября, с борта корабля, плывущего в Америку) пишет, что это первая в музее выставка ныне здравствующего художника, и добавляет: «Для меня был бы большой праздник, если бы такая выставка была на моей родине».

1948 г.

Январь — февраль. Принял активное участие в протестах против убийства 16 января в Минске председателя ЕАК Соломона Михоэлса.

Май. В Хай Фолс приезжает известный бельгийский фотограф Чарльз Лейренс и проводит с Шагалом несколько дней, создав серию фоторабот, отражающих жизнь художника и Вирджинии с детьми. Шагал работает над иллюстациями к «Мёртвым душам» Гоголя, которые, вместе с иллюстрациями к Библии (всего 47 картин и рисунков) экспонировались во французском павильоне на 24-й международной Биеннале в Вене (июнь – сентябрь). **12 августа.** Шагал с семьёй остановились в гостинице Commander в Нью-Йорке.

16 августа. Художник посетил могилу Беллы и прочитал посвященный ей сонет, написанный в последний день пребывания в Хай Фолсе. **17 августа.** Пароходом «Le Grasse» отплывает во Францию вместе с Вирджинией, её дочерью Джин и их сыном Давидом. **26 августа.** Пароход прибыл в порт Гавр, где их встретила дочь Ида. Затем Марк и Вирджиния отправились в Вену, где Шагалу вручили первую премию 24-й международной Биеннале.

Издательство «Пантеон книги» в Нью-Йорке выпустило книгу «Тысяча и одна ночь» с 13 цветными иллюстрациями Шагала. Уехав из Америки, художник планирует приезжать сюда «... в эти очищающие зимы», и не продает дом и студию в Хай Фолсе, надеясь периодически работать здесь.

1949 г.

Живя в пригороде Парижа Оржеваль, создает заново декорации и костюмы к балету «Жар-птица» для предстоящей постановки в Американском театре балета в Нью-Йорке. Дочь художника Ида Рапапорт-Шагал приехала в Нью-Йорк и организовала отправку во Францию всех оставшихся работ отца (всего 46 ящиков).

1951–1952 гг.

Шагал предпринял несколько попыток возобновить свою эмиграционную визу для поездок в Соединенные Штаты, но они оказались тщетными — отдел виз посольства США во Франции отказал Шагалу в связи с тем, что его имя «...ассоциируется с организациями коммунистического толка». Ни художник, ни Вирджиния не предпринимали никаких активных действий, чтобы решения об отказе были пересмотрены, и это «коммунистическое» клише так и осталось в его эфбеэровском файле.

1958 г.

12 февраля. Марк и Валентина (Вава) Шагалы отплыли из Гавра в Нью-Йорк на пароходе Liberte.

17 февраля. Торжественная встреча Шагалов в порту Нью-Йорка. Н. О. Рокфеллер с супругой дали обед в их честь, на котором присутствовали 20 человек.

Прочитал курс лекций в Чикагском университете.

1960 г.

2 мая. Шагал прибыл в Нью-Йорк пароходом Liberte для посещения Брандейского университета (Brandeis University, Waltham, Massachusetts), который удостоил его звания почётного доктора.

Издательство «Орион-Пресс» (Нью-Йорк) выпустило на английском языке книгу М. Шагала «Моя жизнь».

1963 г.

Решением Службы иммиграции и натурализации (INS) от 18 апреля Шагал получает разрешение на въезд в США по приглашению Чикагского университета для чтения лекций как «приглашённый профессор». Одновременно указывается, что в период 2–4 мая 1963 г он примет участие во встрече в Meridian House (1630 Crescent Place, N. W., Washington, D. C.). Виза выдана на один месяц, и, видимо, во время этого визита, он работал и над витражом для ООН.

1964 г.

Сентябрь. Марк и Валентина Шагалы присутствуют в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке на открытии витража «Мир», посвященного памяти бывшего Генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда.

Директор Метрополитен-оперы Рудольф Бинг заказывает Шагалу две стенные росписи для здания оперы и декорации и костюмы для оперы Моцарта «Волшебная флейта». В этот же приезд в Нью-Йорк он знакомится с мастерицей Иветтой Коуквилл-Принс, которая согласилась переносить картины Шагала на гобелены.

1965 г.

Шагал удостоен звания почетного доктора университета Notre Dame (штат Индиана).

1966 г.

В Нью-Йорке Леон Амьель издаёт цикл «История исхода», объединяющий 24 оригинальных литографии Шагала, отпечатанных в типографии Мурло.

Работает над стенными росписями для Метрополитен-оперы.

Ноябрь 1966 г. — январь 1967 г.

Работает в Метрополитен-опере над стенной росписью на торцевой стене здания, обращённой к площади.

Выполняет ансамбль из девяти витражей на тему пророков, посвящённый Джону Д., Майклу К. и Нельсону О. Рокфеллерам. Установлен в Union Church в Покантико Хилсе в Тарритауне (штат Нью-Йорк).

1967 г.

Февраль. В Метрополитен-опере состоялась премьера оперы Моцарта «Волшебная флейта» с декорациями и костюмами, выполненными Марком Шагалом.

В связи с 80-летием со дня рождения художника, почта ООН выпустила марку и почтовый блок, воспроизводящие витраж в здании ООН, а также конверты с портретом Шагала.

17 октября Шагал восстановил договор с Пьером Матиссом, который снова стал его агентом в США. В период **1968–1985** гг. Пьер Матисс организовал ещё 5 выставок художника — всего 16 за всё время их содружества.

1968 г.

Выставка в галерее П. Матисса.

5–15 ноября. Шагал с Вавой посещают США и встречаются с друзьями в Вашингтоне (отель «Плаза») и Нью-Йорке.

1971 г.

1 сентября. В присутствии М. и В. Шагалов состоялось торжественное открытие мозаики в саду дома профессора Джона Нефа в вашингтонском пригороде Джорджтауне.

1972 г.

Шагал начинает работать над мозаикой «Четыре времени года», которая была установлена в Чикаго **27 сентября 1974** г. на центральной площади перед Первым национальным банком и стала своеобразной визитной карточкой города.

1973 г.

29 апреля. В г. Милуоки, в вестибюле здания Еврейской Федерации был торжественно открыт гобелен «Пророк Иеремия» (размер 14x19 футов), вытканный французской мастерицей Иветтой Коуквил-Принс по картине Шагала, написанной в 1972 году по заказу спонсоров строительства здания, Эвана и Марион Хейфаеров. Это была первая выполненная в технике гобелена работа Шагала, установленная для постоянной экспозиции в Соединённых Штатах. Шагал посвятил её премьер-министру Израиля Голде Меир, которая провела несколько школьных лет в г. Милуоки. Всего творческим содружеством Шагал — Коуквил-Принс были созданы десять гобеленов большого формата. Три из них экспонируются в Кнессете, а последняя — гобелен «Иов», находится в здании Чикагского реабилитационного института. Открытие «Иова» состоялось **20 июня 1986 г.**, когда художника уже не было в живых.

1975 г.

Октябрь. Выставка в Еврейском музее в Нью-Йорке «The Jewish Experience in the Art of the Twentieth Century», на которой представлены работы Шагала из музеев и частных коллекций.

1977 г.

В связи с 90-летием со дня рождения художника П. Матисс организовал выставку произведений Шагала (1960–1977 гг.) в своей галерее.

Президент Франции Жискар Д'Эстен наградил Марка Шагала орденом Почётного легиона.

1979 г.

К 200-летию Соединенных Штатов Америки в Чикагском институте искусств открываются три витража, созданных Шагалом к этой дате. В галерее Матисса — выставка картин Шагала периода 1975–1978 годов.

1982 г.

Выставка произведений Шагала (1960–1977 гг.) в галерее П. Матисса в связи с 90-летием со дня рождения художника.

1985 г.

28 марта — смерть художника. После его кончины в разных городах США состоялись выставки произведений Шагала, а также были опубликованы наиболее значительные исследования и каталоги, посвящённые его памяти и памяти его дочери Иды.

В Художественном институте г. Филадельфия (США) демонстрировалась большая выставка творчества М. Шагала, перевезённая туда из Лондона, где она экспонировалась в Королевской художественной академии.

Выставка Шагала в Музее изобразительных искусств в Монреале.

1996.

В Еврейском музее (Нью-Йорк) экспонируются произведения Шагала.

2001.

29 апреля. В Еврейском музее открывается выставка ранних работ Шагала из русских коллекций.

Летом в г. Атланта в Музее еврейского наследия Вильяма Бримана состоялась выставка произведений Шагала.

Приложение 2

Дополнительная литература.

В. Никифорович. Он рисовал облик столетий // *Международный Шагаловский Ежегодник (МШЕ).* Витебский краеведческий фонд им. А. Сапунова. Витебск, 2002. С. 35–54.

Г. Райхельсон. Его приютила Америка // *МШЕ*, 2003. С. 102–107.

Г. Райхельсон. Марк Шагал и ФБР//*МШЕ*, 2005. С. 60–65.

Г. Райхельсон. Американские годы художника // *МШЕ*, 2005. С. 104–119.

Г. Райхельсон. Вечный дом Беллы // *МШЕ*, 2005. С. 120–125

Г. Райхельсон. История одного фотопортрета // *МШЕ*, 2006. С. 160–163.

Г. Райхельсон. Пьер Матисс и Марк Шагал // *МШЕ*, 2009. С. 33–45.

Feklisov A., Kostin S. The Man Behind the Rosenbergs. Enigma Books, 2002.

Fry Varian. Assignment: Rescue. Scholastic Inc., New York, 1968.

Harris Joseph A. The Elusive Marc Chagall // *Smithsonian magazine*, Dec. 2003. P. 88–96.

McFadden Robert D. Khrushchev on Rosenbergs. Stoking Old Embers // *The New York Times*, Sept. 25, 1990.

McNeil David. Quelques pas dans les pas d'un ange. Gallimard, Paris, 2003.

[1] *Райхельсон Г.* Марк Шагал и Витебск. *Русский базар.* № 361. Нью-Йорк, 2003.

[2] *Smart Paul, Cusa Tina.* Chagall's Days in High Falls. *Hudson Valley.* March, 1995. P. 44–49.

[3] *Harshav Benjamin.* Mark Chagall and his Times: A Documentary Narrative. Stanford University Press, 2004. P. 481–483. Здесь и далее перевод с английского — автора статьи.

[4] *Ibid.* P. 502.

[5] *Ibid.* P. 495.

[6] *Ibid.* P. 496

[7] *Ibid.*

[8] *Ibid.*

[9] *Ibid.* P. 497–498.

[10] *Ibid.* P. 499–500.

[11] *Baal-Teshuva Jacob.* Chagall.Taschen, Cologne, London, Los Angeles, Madrid, Paris, Tokio, 2003. P. 150.

[12] *Harshav Benjamin...* P. 503.

[13] *Ibid.* P. 504.

[14] *Ibid.* P. 654.

[15] *Шкляревская М.* Матисс, сын Матисса, и его коллекция. *Русский базар.* № 427. Нью-Йорк, 2004.

[16] *Haggard Virginia.* My Life with Chagall. Seven Years of Plenty with the Master as Told by the Woman Who Shared Them. Donald I. Fine. New York, 1986. P. 64–65.

[17] Эпоха Марка Шагала. Фильм киностудии «Беларусьфильм», режиссер *О. Лукашевич.* Минск, 2006.

[18] *Harshav Benjamin...* P. 948.

[19] См. примеч. 3.

[20] *Harshav Benjamin...* P. 541–545.

[21] *Ibid.* P. 536–537.

[22] *Ibid.* P. 541.

[23] *Haggard Virginia...* P. 27.

[24] *Harshav Benjamin...* P. 544.

[25] *Ibid.* P. 542.

[26] *Шагал Марк.* Моя жизнь. Санкт-Петербург: Азбука, 2000. С. 173.

[27] *Harshav Benjamin...* P. 772.

[28] *Haggard Virginia...* P. 54.

[29] *Ibid.* P. 59.

[30] *Ibid.* P. 67.

[31] См. примеч. 2.

[32] *Harshav Benjamin...* P. 587.

[33] *Ibid.* P. 588.

[34] *Haggard Virginia...* P. 76.

[35] *Ibid.* P. 79.

[36] *Ibid.* P. 81

[37] *Harshav Benjamin...* P. 518.

[38] О П. Новике см.: Советские заботы нью-йоркского редактора Пола Новика // Русские евреи в Америке. Кн. 4. Ред.-сост. *Э. Зальцберг.* Иерусалим–Торонто–Санкт-Петербург, 2010. С. 54–68. *Примеч. ред.-сост.*

[39] *Harshav Benjamin...* P. 521.

[40] *Ibid.* P.522.

[41] *Ibid.* P. 534.

[42] *Ibid.* P. 529.

[43] *Ibid.* P. 530–532.

[44] *Ibid.* P. 555–556.

[45] *С. Пестов.* Бомба. Три ада XX века. М.: Терра, 2001.

[46] *П. Судоплатов.* Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М.: Олима-пресс, 1997.

[47] *М. Штейнберг.* Кто украл у Америки бомбу. *Форум.* № № 265,266. Нью-Йорк, 2009.

[48] *А. Б. Мартиросян.* Сталин после войны.1945–1953 годы. (Серия 200 мифов о Сталине). М.: Вече, 2007.

[49] *Harshav Benjamin...* P. 924.

Марк Шагал в Америке

Наталья Апчинская (Москва)

В 1941 году, благодаря поддержке американского консула в Марселе, Шагалу удалось ускользнуть от петеновской полиции. Спасаясь от нацистов, он бежит с семьей в Лиссабон, откуда отплывает в США. Начинается семилетний период жизни и творчества художника на американской земле[1]. Спустя три года после приезда его постигает большое несчастье: неожиданно умирает Белла, любимая жена, муза, помощница, в полном смысле слова «второе я» Мастера. В день, «когда Белла покинула этот свет, — скажет он в послесловии к книге, написанной его женой, — разразился гром, хлынул ливень. Все покрылось тьмой». С большим трудом, прежде всего, благодаря неустанной творческой работе и прирожденному жизнелюбию, Шагал выбирается из тьмы. Немалую роль в его возвращении к жизни сыграла встреча с молодой аристократкой англо-французского происхождения Вирджинией Хаггард-МакНил. В своей книге «Моя жизнь с Шагалом. Семь лет изобилия», вышедшей в 1980-е гг. во французском издательстве Галлимар[2], Вирджиния подробно рассказывает о том, как развивались их отношения с Шагалом, о жизни в Нью-Йорке и Хай Фолсе, деревушке под Нью-Йорком, где родился их сын, названный Шагалом в честь его единственного рано умершего брата и любимого библейского героя Давидом, — а также после возвращения в 1948 г. во Францию в Вансе, расположенном на Средиземноморском побережье. Никогда не покидающая Шагала память о Белле найдет отражение во многих работах американского периода, но в них будет запечатлен и образ высокой и светловолосой Вирджинии. В Америке Шагал оказался в среде творческой интеллигенции, бежавшей от нацистов из Франции, Германии и других стран Европы. Здесь были, в частности, Ф. Леже, А. Массон, Ж. Маритен, А. Бретон, Томас и Генрих Манны, Л. Фейхтвангер, Л. Вентури, написавший вскоре монографию о Шагале. Главным маршаном художника в США стал сын Анри Матисса — Пьер Матисс, владевший в Нью-Йорке галереей, в которой Шагал выставлял свои работы. В 1943 году он встретился с приехавшим из Москвы С. Михоэлсом и поэтом И. Фефером, вскоре ставших жертвой сталинского террора, и передал с ними «Письмо моему родному Витебску», опубликованное в России только в конце 1980-х. О своем американском периоде художник скажет впоследствии: «Я жил и работал в Америке во время всемирной трагедии, затронувшей всех людей. Годы шли, и я не моло-

дел. Но я мог черпать силы из окружавшей меня атмосферы, полной благожелательности, и сохранять все источники моего искусства».

В США были закончены холсты, начатые в 1930-е и даже 1920-е годы, и создано немало новых произведений, отразивших американские впечатления, а также переживания военных лет. Война, шедшая на территории России, и, прежде всего, ужасы Холокоста, причиняли Шагалу глубокие страдания. Свою боль он претворял в образы, полные драматизма и в то же время представлявшие собой философское осмысление событий. Характерно в этом плане полотно «Наваждение» (1943), насыщенное мотивами разрушения: горящий дом, напоминающий дом художника в Витебске, брошенное на землю распятие, охваченная отчаяньем и пытающаяся спастись бегством женщина с ребенком, старик с подсвечником, одна из трех ветвей которого разрушена, обозначая гибель трети мирового еврейства. В колорите доминируют красные и оранжево-желтые краски мирового пожара. При всем том, в картине сохраняется ощущение некоего высшего порядка вещей, которое символизирует и «иконная» фигура парящего надо всем «предка», и прорастающее зелеными побегами распятие. В том же году был выполнен рисунок тушью для нью-йоркского журнала *Вог* с изображением кричащей женщины, которая убегает с ребенком на руках и с ужасом смотрит назад — на то, что оставлено и пережито. С неба все это созерцает полный глубокого участия ангел. Божественные силы, как полагал Шагал, являвшийся духовным наследником Каббалы и хасидизма, не управляют миром, но представляют собой высшие сферы, которые пронизывают искрами добра и духовности все сущее. К 1943 году относится не менее впечатляющий рисунок под названием «Война» с языками пламени, охватившем домики Витебска, женщиной с младенцем, закрывшей лицо рукой, процессией беженцев и мордой потрясенного животного. В военные годы Шагал пишет (или заканчивает) изображения живописца у мольберта, превращенные, говоря словами Маяковского, в поэмы «о времени и о себе». Таковы картины «Меж волком и собакой», где в погруженном в ночь, охваченном деструктивными силами мире продолжают существовать жизнь, любовь и творчество, или «Явление семьи художника», в котором собираются излюбленные персонажи Мастера. Особенно выразителен в художественном отношении «Автопортрет с летящими часами». Главный его персонаж кажется вобравшим в себя весь лиризм шагаловского искусства и составляет одно целое с животным, в котором Шагал явил другой свой дар — создавать подлинно волшебные образы. Художник изображен

пишущим распятого Христа, которого утешает еврейская невеста в белом. Христос при этом отождествляется с самим Шагалом, ощущавшим себя, по собственным словам, «распятым на мольберте», а еврейская невеста — с Беллой. Надо всем парят окрыленные часы — знак вырывающегося из собственного плена времени. В Америке Шагал создавал нередко еще более фантасмагоричные, чем прежде, композиции. Этому способствовала, возможно, изоляция от круга привычных впечатлений, а также знакомство с экзотическим миром Мексики, с ее природой и фольклором. Петухи и лошади, всегда населявшие полотна и графические листы Шагала, теперь вырастают до гигантских размеров и становятся еще более чудесными. Таков холст 1944 года «Слушая петуха», в котором петух, как в фольклоре многих народов мира, является олицетворением времени, огня, солнца и активного творческого и мужского начала. Главного персонажа дополняет корова с человеческой головой, рожденное в ночи дерево тянется к солнцу, и все в целом создает образ, полный глубины и радости. В картине «Жонглер» (1945) предстает гибрид циркового артиста с петухом. Крылья готовы вознести его в небо, но при этом он словно вырастает из витебской земли, что подчеркнуто растительным узором на его теле. Цирк становится знаком метаморфоз и круговращения бытия, цирковая арена отождествляется с жизненной, стенные часы уплощены и переброшены через руку героя (прием, вероятно, заимствованный у С. Дали), и хотя на их циферблате обозначен конкретный час, подчеркивается цикличность времени. В Америке Шагал закончил полотно «Падение ангела», над которым работал с 1920-х годов и в котором катастрофические события, происходящие на земле, предопределены надмирной катастрофой — отпадением от Бога Люцифера, несущим гибель в земной мир. В 40-е годы был также переписан холст «Революция», выполненный в 30-е годы. Вместо него возник триптих из картин под названием «Сопротивление», «Освобождение» и «Возрождение». Место Ленина в них занял распятый Христос, ибо, по мысли художника, подлинный переворот осуществляется духовным усилием, жертвенной любовью и страданием. Христос показан в этой, как и в других работах Шагала (например, в знаменитом «Белом распятии» 1938 года) — не Мессией, а одним из еврейских пророков и мучеников, заставляющим вспоминать строчки ранней Цветаевой:

По всей земле — от края и до края —
Распятие и снятие с креста.
С последним из твоих сынов, Израиль,
Воистину, мы погребем Христа[3].

Во время пребывания в США Шагал продолжал работать в области книжной графики, в частности, создал замечательные иллюстрации к книге стихов И. Фефера. Среди них особенно впечатляет лист с изображением огромного крылатого коня, несущего сани над русской деревней. Но главное событие в графическом творчестве Шагала в американский период — освоение техники цветной литографии, которая займет огромное место в искусстве художника после возвращения в Европу. В 1946–1948 гг. он выполнил 13 ослепительных по красоте цвета литографий (которым предшествовали не менее прекрасные гуаши, обычно предварявшие выполненные в разной технике произведения Шагала) к арабским «Сказкам 1001 ночи» В этих литографиях зрителю предстает мир поистине сказочных превращений, сочетающий в себе вдохновенный порыв, чувственность и мистицизм. В США Шагал возвращается после двадцатилетнего перерыва к работе для театра. Отныне это уже не еврейский по тематике и не драматический театр, а театр балетный (позже — также оперный), не требующий сложных мизансцен и в меньшей степени подчиненный диктату режиссера, позволяющий создавать эскизы костюмов и декорации в виде живописных панно в свободно-ассоциативном стиле. Вскоре после прибытия Шагала в США Американский театр балета в Нью-Йорке при поддержке известного импресарио Сола Юрока заказывает художнику оформление балета «Алеко», который был поставлен балетмейстером и танцором Л. Мясиным на либретто по поэме А. С. Пушкина «Цыгане» и на музыку «Фортепьянного трио» П. И. Чайковского, посвященного Н. Рубинштейну («Памяти великого артиста»). По свидетельству французского искусствоведа Жака Лассэня, автора книги «Марк Шагал. Рисунки и акварели для балета», Шагал в течение нескольких месяцев лихорадочно работал с Мясиным в своей мастерской на Риверсайд Драйв, 42[4]. Мясин приходил каждый день и ставил пластинки с музыкой Чайковского, а Белла читала вслух «Цыган». Как пишет Лассэнь, «Мясин с самого начала отдался видению Шагала, который этап за этапом воссоздавал на кальке образы балета»[5]. Однако из-за высокой стоимости декораций в Нью-Йорке пришлось ехать в Мексику, где труппа была с энтузиазмом встречена местной художественной и театральной общественностью. Мексиканцы и европейцы, беженцы из Испании и Франции, с нетерпением ожидали премьеры спектакля, состоявшейся 10 сентября 1942 года[6]. Семья Шагала, обосновавшаяся на окраине Мехико, была вынуждена каждый день проделывать длинный путь к театру, во время которого художник погружался в мир тропичес-

кой растительности и экзотическую жизнь мексиканской столицы. К четырем актам «Алеко» Шагал выполнил серию эскизов костюмов, свободно варьирующих цыганские мотивы, и четыре больших панно — «Любовь в лунном свете», «Карнавал», «Два солнца» (или «Пшеничное поле после полудня») и «Видение Петербурга». Особенно впечатляет последнее, служившее задником к четвертому акту. Беседуя с Лассэнем о постановке «Алеко» и последующей «Жар-птицы» И. Стравинского, Шагал подчеркивал, что хотел проникнуть в суть обоих балетов «без копирования чего-либо». «Я не хотел представлять что-то. Я хотел, чтобы цвет говорил и играл сам по себе. Есть ведь разница между миром, в котором мы живем, и тем, в который мы входим в театре»[7]. При всем том, художник не создавал абстрактных композиций. В частности, в панно последнего акта представлено именно видение пушкинского Петербурга — города, откуда пришел Алеко и где провел немало лет сам Шагал. Он окрашен в цвет крови, пролитой героем поэмы, и соседствует с кладбищем в зеленом пятне краски, напоминающем об убитых Земфире и ее возлюбленном. Однако, если вспомнить, что декорации создавались в страшном для Ленинграда 1942 году, унесшем сотни тысяч жизней жителей города, во всем этом нельзя не увидеть и впечатляющего образа блокады, независимо от того, сделал ли это художник сознательно или интуитивно. И все же изображение гибнущего Петербурга лишь часть композиции. Надо всем, в клубящейся оливково-жемчужной бездне неба возносится белый конь с повозкой, предназначенной для пророка Илии. В панно последний отсутствует, но сам конь очеловечен, одухотворен и мистичен. Он движется к солнцу, в котором вдобавок сияет синагогальная люстра, олицетворяющая духовную природу излучаемого света. Страшные события, происходящие на земле, показаны как этап мировой мистерии, побеждающей саму смерть. Спустя несколько лет Американский театр балета осуществил еще одну постановку — «Жар-птицу» Стравинского. Впервые балет был показан в Париже в 1910 году во время «дягилевских сезонов». Хореографом был тогда Фокин, декорации написаны Головиным и Бакстом. Новые образы, найденные Шагалом, не имели ничего общего с утонченной стилизацией под народное искусство, созданной сценографами начала XX века. Шагал как бы вывел из глубины веков подлинную стихию фольклора и проник в глубины мифа, оставаясь художником своего столетия, обладающим ярко выраженным индивидуальным видением. Среди замечательных эскизов костюмов и декораций к «Жар-птице» особенно впечатляет занавес, служивший «фоном» к

увертюре к балету. На темно-синем небе возникает странное видение — женщина-птица в переливчатых зеленовато-белых и голубых тонах, с ярким букетом в руке, с крыльями, загадочной птичьей головой, увенчанной короной, и женским лицом, перевернутым по отношению к туловищу и обращенным к небу — лицом Беллы. Завершением театральной деятельности Шагала явилось оформление оперы Моцарта «Волшебная флейта», выполненное для нью-йоркской Метрополитен-оперы, когда художник давно уже жил во Франции. Шагал не раз признавался в любви к Моцарту, считая его музыку «гармоничной, духовной и религиозной». «Волшебная флейта» была особенно близка ему соединением серьезной и «комической» (народной) оперы, любовной истории с гротеском и буффонадой, религиозно-философской (масонской) проблематики с волшебной сказкой. К постановке в Метрополитен-опере, состоявшейся в феврале 1967 года, художник создал 12 больших панно (включая те, которые украшают сейчас фасад здания), 26 холстов меньшего масштаба, свыше 120 эскизов костюмов и масок. В послевоенный период Шагал стремится к более широкому распространению своего «послания» и к акцентированию с помощью новых художественных техник разных аспектов образного содержания своего искусства. Он становится мастером витража, керамики, скульптуры, мозаики и гобелена. Витраж по праву занимает в этом ряду первое место. Именно в нем нашло завершение неуклонное стремление художника ко все большей светоносности цвета и наиболее полно выразилась сущность Шагала как одного из самых религиозных и мистичных в своих образах мастеров XX века. Сам художник называл витраж «стеклянной перегородкой между своим сердцем и сердцевиной мироздания». Освоив в конце 1950-х годов современную технику изготовления цветных стекол, Шагал внес в нее творческие коррективы и на протяжении 1960-х и 1970-х гг. выполнил в знаменитой мастерской Ж. Симона в Реймсе все свои грандиозные витражные циклы — для синагоги медицинского центра Хадасса в Иерусалиме, храмов в Меце, Майнце и других местах Европы и Америки, а также для ряда общественных зданий. По словам витражного мастера Ш. Марка, в Шагале ощущалось сознание избравшей его высшей силы, к которой оказывались приобщенными работавшие с ним люди. В США о витражном творчестве мастера можно судить по композиции «Мир» для здания ООН в Нью-Йорке, посвященной памяти Д. Хаммаршельда (Генерального секретаря ООН) и еще 15 погибших с ним в авиакатастрофе человек. Витраж, установленный в 1964 году, представляет пророчество

Исайи о грядущем содружестве всех земных существ. Но самое значительное витражное творение Шагала в США, выполненное в те же годы, — ансамбль для «Единой Церкви» (Union Church) в бывшем имении Рокфеллеров (ныне превращенном в музей), в местечке Pocanticco Hills, расположенном недалеко от Нью-Йорка. В торцовой части нефа храма, принадлежащего к либерально-экуменической ветви протестантской церкви, в 1956 году был установлен витраж А. Матисса — последнее монументальное творение мастера, умершего в 1954 году. Композиция представляет собой совершенную по пропорциям, гармоничную по цвету и полную пластической мощи розетку, являющуюся как бы современной версией «розы» порталов готических соборов и отдаленно напоминающую также буддийскую «мандалу». На другом торце нефа можно видеть большой шагаловский витраж «Добрый самаритянин». Темой этого произведения явилась притча из Евангелия от Луки, в которой рассказывается о простом жителе Самарии, спасшем раненого разбойниками человека. Установленный в 1964 году, витраж был посвящен памяти Д. Рокфеллера, который стал не только американским и мировым символом богатства, но также прославился как филантроп. В отличие от Матисса, Шагал создал фигуративную и повествовательную композицию, экспрессивную, наполненную движением и проникнутую мистическим чувством. В нижней части витража изображен «крупным планом» самаритянин, к которому приникает спасенный им человек — все в целом являет образ сокровенного, трудно передаваемого в словах чувства. Вверху среди многих мотивов выделяются распятие и Мария, оплакивающая Христа. С неба спускаются ангелы, происходит коловращение миров. Бесчисленные стеклянные плакетки разных конфигураций, из которых составлен витраж, создают впечатление многомерного пространства. Сияют синие всех оттенков, зеленые, красные, оранжевые, желтые и белые тона. Объединенная в одно целое на каком-то высшем уровне пластическая и цветовая композиция являет, говоря словами О. Мандельштама, «хаос иудейский», восходящий, в конечном счете, к содержащемуся в Каббале учению о сотворении мира и разбиении «сосудов света» на тысячи осколков. Рядом с описанным в боковом окне размещен витраж «Распятие», посвященный памяти безвременного погибшего правнука Рокфеллера. «Программой» этой работы явились слова из Евангелия от Матфея: «Просите, и дано будет вам». К преклоненному молящемуся слетает ангел, в то время как от распятия льются потоки света. Семь других боковых стекол представляют пророков Иоиля, Даниила,

Исайю, Иезекииля, Иеремию и Илию. Как обычно, Шагал соединяет в образах мистику и психологию. Кроткий и углубленный Иоиль погружен в религиозную медитацию. К устам Исайи, очищая их, приникает ангел. Иезекииль готовится съесть свиток, который ему протягивает посланец неба. Даниил почти отрывается от земли в своем порыве к Богу. В слепящем золотом свете Илия возносится в небо на огненной колеснице, запряженной преображенными лошадьми. Иеремия погружен в глубокую скорбь. Еще один витраж представляет херувима, страшного своей «неотмирностью». В то время, как в витражах Шагала краски просвечивались светом, в его керамике происходило очищение цвета огнем — стихии, глубоко родственной художнику. В составленной из кусочков керамики мозаике его привлекала одновременно дискретность структуры и возможность создавать протяженные в пространстве композиции, демонстрирующие не только богатство цвета и света, но также единство макро- и микрокосма, характерное для всего творчества Мастера из Витебска. Такова, в частности, замечательная мозаичная композиция, установленная в 1974 году перед банком в Чикаго, последнее произведение Шагала, созданное в США. Шагал отплыл во Францию 17 августа 1948 г. вместе с Вирджинией, их сыном Давидом и дочерью Вирджинии Джин, но Америка прочно вошла в его жизнь и творчество.

[1] *См также*: Г. Райхельсон. Жизнь и творчество Марка Шагала в Америке в наст. издании. *Примеч. ред-сост.*

[2] Книга переведена на русский. См.: В. Хаггард. Моя жизнь с Шагалом. Семь лет изобилия. М.: Текст, 2007. *Примеч. ред.-сост.*

[3] *Цветаева М.* Евреям (1916) // Собр. соч. в 7-и тт. Т. 1. М., 1994. С. 322.

[4] В период работы над декорациями к балету Шагал с женой Беллой жил в Hampton House, 28E 70 Str., Manhattan, а на Риверсайд Драйв 42 он переселился в конце 1944 г. после смерти жены и жил там с семьей дочери. *Примеч. ред.-сост.*

[5] *Lassaigne J.* Marc Chagall. Dessine et aquarelles pour le Ballet. Paris(?), 1969. P. 25.

[6] Г. Райхельсон (см. его публикацию о М. Шагале в наст. сборнике) приводит другую дату премьеры — 8 сентября 1942 г. *Примеч. ред-сост.*

[7] *Lassaigne J.* P. 15.

Изабелла Венгерова, пианист и педагог

Кит Триббл (Оклахомский гос. университет, Стилвотер, США)

«Она — гений. Самый выдающийся педагог своей эпохи. Венгерова умела выковать из неотесанного таланта что-то живое и глубокое. Словом, в ней было вдохновение, и она заражала им своих учеников»[1]. Так пишет автор некролога. Её студент вспоминает: *«Мы научились никогда с ней не спорить. <...> Ученик, подготовленный Венгеровой к концерту, никогда не играл плохо. Обращая внимание на все музыкальные и внемузыкальные подробности, она так тщательно готовила студентов к выступлению, что успех был гарантирован»*[2].

Изабелла Афанасьевна Венгерова родилась 1 марта 1877 г. в Минске[3]. Она была четвертой дочерью и седьмым (младшим) ребенком в семье Афанасия (Хонона) Леонтьевича Венгерова (?–1892, Минск) и Полины (Песселе) Юльевны Венгеровой (урожденной Эпштейн; 1833, Бобруйск, – 1916, Минск). Отец был виноторговцем в Конотопе на Украине, потом переехал с семьей в Свеаборг и затем — в Гельсингфорс (ныне — Хельсинки). В 1871 г., когда Афанасия Венгерова пригласили стать заместителем директора Коммерческого банка, семья переехала в Минск. Вскоре после этого он стал директором банка. Венгеровы купили большой дом, который Полина обставила модной мебелью, привезенной из Европы. В этой благоприятной обстановке выросла будущая пианистка Изабелла Афанасьевна. Сестры Зинаида и Изабелла учились в минской гимназии. В 1892 г. умер их отец. Вскоре после смерти мужа Полина стала писать свои мемуары, опубликованные на немецком языке в Берлине («Воспоминания бабушки. Очерки культурной истории евреев России в XIX веке»[4]). Когда Изабелла иронизировала «насчет мамашиной “мемуарной мании”», ее старшая сестра Зинаида отвечала, что ирония и насмешки тут неуместны: «книга имеет громадный успех»[5]. В последние годы жизни Изабелла рассказывала одному из своих студентов, что в детстве мечтала стать актрисой[6], хотя нет никаких свидетельств, что она пыталась воплотить эту мечту в жизнь.

«И вот пришло третье поколение, которое не боялось ни Бога, ни черта»[7]. Этими словами начинается последняя глава мемуаров матери Венгеровой. Имеются в виду ее собственные дети Семен, Фаина, Зинаида и Изабелла, которые для получения право жить и

учиться в столице отказались от еврейского вероисповедания и перешли в православие. Изабелла приняла имя Ирина, как значится в её паспорте, но все равно продолжала пользоваться старым именем; родные звали её Белла или Беллочка.

Пожалуй, то обстоятельство, что у Изабеллы был абсолютный слух, во многом определило ее будущую карьеру[8]. По окончании минской гимназии в 1893 г. Изабелла уехала в Вену и поступила в консерваторию, где ее учителем фортепиано был Иосиф Дахс[9]. По воспоминаниям ее племянника Николая Слонимского[10], услышав игру Венгеровой, И. Брамс поцеловал ее в лоб[11]. В 1895 г. она окончила Венскую консерваторию, но осталась еще на два года в Вене, где брала частные уроки у знаменитого пианиста-педагога Теодора Лешетицкого[12].

В Вене Изабелла влюбилась в своего троюродного брата Льва ван Юнга[13], пианиста, композитора и учителя пения. Его мать, Клара ван Юнг (урожденная Венгерова) переселилась с Украины в Вену. Лео ван Юнг, как его звали в Австрии, был дружен с молодыми поэтами и писателями-модернистами, представителями школы «молодой Вены», Артуром Шницлером, Рихардом Бер-Гофманом, Феликсом Салтеном[14]. Изабелла Венгерова пользовалась у них успехом. Она была «давно связана тесной дружбой со А. Шницлером»[15], дневник которого пестрит упоминаниями о встречах с ней. Много лет спустя Пауль Бер-Гофман (сын Рихарда) писал: «*Между моими родителями и Беллой сохранялась прочная дружба даже после того, как она охладела к ван Юнгу. <...> Она дружила со всем венским кружком и приезжала почти каждый год, чтобы навещать моих родителей*»[16].

Влюбленный в привлекательную пианистку Салтен (автор детской сказки «Бэмби») несколько лет ездил следом за ней по всей Европе[17]. Согласно Н. Слонимскому, Венгерова в совершенстве владела немецким языком[18]. У нее были широкие читательские интересы, и в венской литературной среде она славилась своим остроумием. Изабелла перевела на немецкий язык несколько рассказов Чехова; эти переводы были опубликованы в Вене. Известностью в литературных кругах Вены пользовалась и сестра Изабеллы Зинаида. В 1882–1883 гг. она жила в австрийской столице, занималась английской и мировой литературой, дружила с писателями из группы «Молодая Вена», была хорошо знакома с Шницлером, который часто ссылается на нее в дневнике, а потом написала статью о нем[19]; позже его пьесы частоставились в России в переводах Зинаиды Венгеровой.

Изабелла привлекала молодых и уже не молодых поклонников, но она никогда не вышла замуж. Ван Юнг был её первой большой любовью, которая наложила отпечаток на всю её жизнь. В архиве Николая Слонимского сохранилась фотография Венгеровой с надписью, посвященной ван Юнгу: «*моему учителю в жизни, от его безуспешной ученицы*»; ей было тогда 17 лет, а ему 23 года[20]. Ван Юнг изменял ей направо и налево. Николай Слонимский считал его отношение к Венгеровой «возмутительным»[21]. В возрасте 16-и лет Изабелла забеременела от ван Юнга и сделала аборт[22], в то время как её избранник продолжал вести рассеянный образ жизни и ухаживать за хорошенькими девицами. Позже, в письме к старшей сестре она подвела итоги отношений с ван Юнгом: «*Не говорила с Л<ьвом>, письма ему не показала. Мне кажется, разговоры между нами ни к чему не поведут. Я все-таки пойду своей дорогой, и мы никогда не будем жить общей жизнью. А теперь мне это безразлично, останусь ли я здесь или уеду сейчас или через 2 месяца. Я боюсь говорить об этом, я слишком суеверна, но мне кажется, это мое отношение совершенно изменилось, я не мучаюсь этим как раньше, я не жду ничего от него, не требую и даже не принимаю его любви. Самое важное то, что я уже не <одно слово вычеркнуто> включаю его в мою жизнь, и потому не испытываю разочарования*»[23].

28 июня 1898 г. Изабелла писала Зинаиде из Вены: «*Хочу употребить все мои усилия, чтобы остаться в Петербурге, для этого первым делом даю тебе слово весною будущего года держать экзамен при консерватории*»[24]. После возвращения из Австрии в Санкт-Петербург Изабелла Афанасьевна жила вместе со старшей сестрой Зинаидой и братом Семеном в его квартире на Разъезжей, 39[25]. Она поступила в Петербургскую консерваторию, где с 1898 г. занималась у ученицы Лешетицкого и его бывшей жены Анны Есиповой[26]. Зинаида Венгерова так описывает тогдашнюю жизнь сестры: «*Наша Белка — молодец! Ее музыка приобретает все больше друзей и ценителей — но она ...не довольна собой. Работает много, занимается уроками, которых теперь порядочно, возится со своими музыкантами. Мне очень хочется выдать ее замуж — она из тех, кот<орым> это нужно. Но имеющиеся кандидаты ей не по душе — не знаю как быть*»[27]. Трудность сочетания счастливой семейной жизни с успешной карьерой — постоянная тема в переписке двух сестер. 2 августа 1899 г. Изабелла пишет сестре из Пинска (?): «*Самым серьезным делом в моей личной жизни я считаю музыку; но что значит твой совет не делать вставок в другие области; не*

считаешь же ты возможным ограничить для меня мир одной только специальностью?»[28]. Со своей стороны, Зинаида Венгерова старалась найти для младшей сестры подходящего жениха. В 1906 г. она писала Изабелле Афанасьевне: «*Я считаю (серьезно) глупостью <...> то, что ты не выходишь за Кауфмана. Твоим психоболиям с Л<евой> этот брак не мешал бы, а тебе нужна атмосфера, отсутствие забот, близость людей, занятых тобой, устройство жизни; ты без этого гибнешь и киснешь. <...> Не сравнивай себя со мной. Для меня все эксперименты возможны. Во мне есть божественное легкомыслие и легкость в отношении к себе. Я не буду сидеть у камина и размышлять, что моя жизнь прошла. Я не чувствую прошлого. Ты должна выйти замуж за К<ауфмана> и делаешь непоправимую ошибку, устраняя этот брак. Говорю полно и ясно свое мнение. Перспектива совместной жизни в Пет<ербурге> мне большая отрада. Но правда остается правдой и глупость глупостью»*[29]. Здесь речь шла об австрийском философе и друге Шницлера Артуре Кауфмане[30], дружеские отношения с которым Изабелла Афанасьевна сохраняла до его смерти.

В 1904 г. Изабелла Венгерова закончила Петербургскую консерваторию и сдала экзамен на звание свободного художника. Давние друзья Венгеровых — семья сахарозаводчика Григория Балаховского — жили в Киеве. После окончания консерватории Изабелла присоединилась к их компании. Какое то время она занималась педагогической деятельностью в Киеве и концертировала на Украине. Около 1904 г. Изабелла пишет старшей сестре: «*Уехала на 12 дней из Петербурга с Фигнерами, аккомпанирую (не удивляйся) и как бы играю соло; были в Любаве, Митаве (играла соло)»*[31].

В 1905 г. Изабелла Афанасьевна преподавала в Смольном институте благородных девиц в Санкт-Петербурге. Венгерова так описывала свою работу: «*Девушки очень симпатичные, но у них нет никакого таланта. Моя зарплата достаточна, но надо делать огромную работу. Я встаю в семь утра; добраться до Смольного занимает час. Занятия начинаются в девять, а заканчиваются в пол второго. Потом у меня частные уроки дома и я сама упражняюсь три часа. Я должна ходить на вечеринки и принимать гостей. Так, моя жизнь полна»*[32].

В 1905 г., в разгар революционных событий в Петербурге, врачи посоветовали Есиповой уехать для поправки здоровья в деревню. Она обратилась с просьбой к своей бывшей студентке И. А. Венгеровой, талант которой высоко ценила, заменить её в консерватории. После возвращения Есиповой в Петербург Венгерова осталась её

помощницей[33]. В 1907 г. Изабелла заняла место младшего преподавателя Петербургской консерватории, через год (вместо обычных трех) получила место старшего преподавателя, а с 1913 г. по 1921 г. была ее профессором.

С 1906 г. Изабелла жила вместе с сестрой Зинаидой и Людмилой Вилькиной[34]. 11 августа 1906 г. Зинаида Венгерова писала Изабелле из Сан-Себастьяна (Испания): *«Н<иколай> М<инский> очевидно не может вернуться и будет жить в Париже <...> мы тебе предлагаем поселиться с нами на Англ<ийской> наб<ережной>. Тебе предоставляется одна из спален, <...> а столовая общая у нас. Отсожительства трех баб никакого ведь урона ничьей репутации не будет, а экономия всем будет значительная. Ты будешь жить царицей за 40 р<ублей> в месяц, а общее хозяйство будет дешевое»*[35].

Кроме педагогической деятельности, Венгерова много концертировала: она выступала с симфоническим оркестром графа Шереметьева, квартетом герцога Мекленбургского и в ансамбле со скрипачом И. Налбандяном. Вместе с виолончелистом И. Прессом[36] и скрипачом П. Коханьским дала цикл концертов из камерных произведений Й. Брамса[37].

В 1913 г. Изабелла Афанасьевна ездила в Вену на похороны Клары ван Юнг, матери Льва[38]. В начале Первой мировой войны пианистка находилась в Швейцарии (в Селерине). 15 сентября 1914 г. она уехала в Венецию и оттуда, на пароходе «Константинополь» отплыла в Россию[39]. Как пишет сестра, Изабелла Венгерова *«в очень подавленном настроении — есть с чего! Для нее еще большее горе смерть Есиповой»*[40].

Во времена военного коммунизма Изабелле нередко платили за выступления продуктами. Так, после концерта в Кронштадте, моряки снабдили её картошкой, хлебом, маслом, молоком и даже свежим мясом[41]. Иногда она использовала связи с новыми властями. Так, ее бывший студент (и будущий голливудский композитор) Дмитрий Темкин[42], служивший в политуправлении Петроградского военного округа, не только достал лекарство для больной сестры Изабеллы — Зинаиды Афанасьевны, но и лошадь с санями, чтобы отвезти её в больницу[43]. В эти годы Изабелла Афанасьевна сблизилась с композитором Глазуновым, произведения которого часто включала в программы своих концертов. В трудные годы военного коммунизма она помогала студентам Глазунова устроиться на работу, чтобы те могли как-то существовать[44].

Получив разрешение вывезти из России свой бехштейновский рояль, Изабелла в 1920 г. уехала в Вену к Лео ван Юнгу. Обнару-

жив, что тот живет со своей ученицей, она в октябре 1921 г. переехала к сестре Зинаиде в Берлин. Год спустя третья сестра, Фаина Афанасьевна Слонимская, присоединилась к ним. В Берлине Венгеровы жили у переводчицы Луизы Флакс[45], большого друга их семьи. Зинаида Венгерова так описывает семейную обстановку Флаксов в Берлине: «*У Луизы большая квартира. Есть хорошая отдельная комната для меня. Ввиду ожидаемого приезда Н<иколая> М<инского> мы думали отдать ему эту комнату, и я поселилась бы в гостиной, тоже вполне подходящей. Но Н<иколаю> М<инскому> лучше и тише жить отдельно где-нибудь поблизости, и комната у Луизы будет пока моей — до приезда Белки. Луиза заботится обо мне более чем трогательно, и жизнь у нее благотворительна не только для физического благосостояния, но и для души. Сама Луиза, однако, и ее муж очень меня огорчают: он совсем больной, едва передвигается из-за сильно развившейся сахарной болезни. Нуждается в усиленном питании — представляешь себе, как это весело. Луиза прежняя, с ее совершенно особым обаянием, но вся вздутая и бледная: болезнь сердца и повышенное давление крови. <...> Во время войны они очень процветали, благодаря его хорошему знанию Балкан и восточным связям. Отсюда прекрасная квартира и совсем хорошая обстановка. Но теперь оно ушло. Балканы уже не кормят, а — главное — Флакс почти не работоспособен, т. е. может иметь работу только у себя на дому (интеллектуально он не ослабел), а для журнализма нужны ноги. Они, по-моему, держаться только "гением" Луизы — и нужно будет постараться помочь ее гению каким-нибудь конкретным образом. Я уж буду выискивать пути*»[46].

И. Венгерова, 1929 (собрание ин-та Кертиса)

Ранней осенью 1923 г. Зинаида Венгерова переехала из Берлина в Лондон, а вслед за ней и ее младшая сестра Изабелла . К этому времени у нее уже было приглашение преподавать в новом учебном заведении — Музыкальном институте Кертиса в Филадельфии. 26 сентября 1923 г. Зинаида ездила в Саутхэмптон, чтобы проводить сестру, уплывавшую в Америку. Изабелла писала Рихарду Бер-Гофману: *«Мой адрес в ближайшее время следующий: Studio Anna Meitshik*[47]*, 58 West 68 Street, New York, U. S. America for Isabella Vengerova. <...> Это письмо отправляется из Southhampton'а, куда Зина приехала на корабль на несколько часов»*[48].

В Америке Изабелла сразу окунулась в музыкальную культуру новой для нее страны. Осенью 1923 г. она выступала четыре раза в концертах с виолончелистом Евсеем Белоусовым и как солистка.

В 1924 г. вместе с Иосифом Гофманом[49] Изабелла Венгерова организовала фортепианный факультет в Музыкальном институте Кертиса в Филадельфии. Институт был основан Мэри Люиз Кертис Бок (1877–1970) и назван в честь ее отца, Сайруса Кертиса, редактора двух популярнейших американских журналов. Мэри Бок приобрела три особняка на Риттенхаузской площади в Филадельфии, где 13 октября 1925 г. открылся этот институт, вскоре ставший одним из ведущих музыкальных учебных заведений в США.

8 февраля 1925 Венгерова выступила с Детройтским симфоническим оркестром. Пианистка исполнила концерт Роберта Шумана, оркестром дирижировал ее давний друг Осип Габрилович[50]. В игре пианистки рецензент отметил «удивительную техническую легкость» и «подкупающей красоты звук»[51]. Позже Венгерова выступала в Карнеги холле в Нью-Йорке. Она дала два сольных концерта в Институте Кертиса 8 и 12 апреля 1926 г.; в программах были произведения Баха, Бехтовена, Шопена, Брамса, Шумана, Листа, Глазунова, Скрябина, Лядова и Ляпунова. В 1930–1931 годах она концертировала в Филадельфии в трио со скрипачкой Л. Любошиц[52] и виолончелистом Ф. Салмондом; в программах звучала музыка Чайковского и Рахманинова. В 1932 и 1935 гг. трио исполняло музыку Бехтовена, Брамса и Мендельсона. 14 апреля 1944 г. Венгерова выступила вместе со скрипачом Ефремом Цимбалистом и виолончелистом Григорием Пятигорским — исполнялись произведения Мендельсона и Чайковского.

В Рочестере преподавал давний друг Венгеровой (они работали вместе в петербургской консерватории) виолончелист Иосиф Пресс. Он неожиданно скончался от воспаления легких в 1924 г. Его брат Михаил с 1924 г. руководил классом скрипки в институте Кертиса

и выступал солистом с Филадельфийским оркестром под руководством Леопольда Стоковского[53]. До этого Михаил Пресс прославился в качестве организатора «Русского трио»[54], в котором с 1906 г. играл вместе с братом. С 1925 г. Изабелла стала выступать с Михаилом Прессом. Их первый концерт состоялся 16 февраля 1925 г. в Институте Кертиса; в программе — музыка Дакина, Моцарта, Куперена, Шумана, Брамса и Вагнера в аранжировках Михаила[55]. В эти годы Пресс был женат на певице Геоде Пресс-Моретти; у них были две дочери.

Венгерова и Пресс ездили почти ежегодно в Европу на летние каникулы; часто давали концерты на борту корабля, чтобы окупить стоимость билетов. Как вспоминает ученик Венгеровой Абрам Часинс: Изабелла Венгерова «*была в течение многих лет влюблена в Михаила Пресса. <...> Он жаловался на Изабеллу, потому что она очень многое требовала от него, и, мне кажется, это было <...> потому, что на самом деле, она была отчаянно влюблена в этого человека <...> Она подвергала сомнению все, что он делал, но отдавалась ему полностью. Он же господствовал над ней*»[56].

Михаил Пресс получил место профессора в университете штата Мичиган; Венгерова часто ездила к нему в Ист-Лансинг. Когда он лежал в больнице, умирая, она звонила каждый день, часто спорила с медсестрами и врачами. Пресс скончался 28 декабря 1938 г. По словам Абрама Часинса, «*когда он умер, я часто видел Изабеллу; он оставил пустоту в ее сердце, которую никто и ничто не могло заполнить. <...> Она потеряла голову, ей не хотелось жить; ничего ее больше не интересовало. <...> Настолько она была зависима от него*»[57].

В 1933 г. Венгерова стала профессором Маннес-колледжа в Нью-Йорке и совмещала работу в нем с преподаванием в Институте Кертиса. Во время Великой депрессии Изабелла Афанасьевна на год отказалась от зарплаты и преподавала бесплатно. В 1938 г. она привезла свою сестру Фаину из Парижа в Нью-Йорк, откуда та переехала к сыну Николаю Слонимскому в Бостон[58].

В 1938 г. Лео ван Юнг бежал от нацистов из Вены в Ригу. Оттуда он писал Изабелле с просьбой помочь ему перебраться в Америку, но она не решилась на этот шаг. Он умер в 1939 г.; его последняя любовница, пианистка Ольга де Струмилло, уехала в Нью-Йорк, где поначалу жила в квартире Изабеллы и затем стала её ассистенткой в преподавательской работе[59].

В 1941 г., когда Николай Слонимский уезжал в турне по Южной Америке, он привез свою мать в Нью-Йорк к сестрам, где они сфо-

тографировались в квартире Изабеллы. Это была последняя фотография, запечатлевшая трех сестер вместе[60].

7 мая 1949 г., по случаю 25-летия работы И. Венгеровой в Институте Кертиса, директор Института Ефрем Цимбалист вручил ей почетный диплом доктора музыки.

Летом 1955 г., во время путешествия по Европе, Изабелле пришлось сделать срочную операцию на желчном протоке. Хирург произнес зловещий диагноз — рак поджелудочной железы. Вернувшись в Нью-Йорк, она стала быстро худеть, но продолжала давать уроки, сидя в кресле. Ее навещали бывшие студенты Леонард Бернстайн, Самуэл Барбер, Лукас Фосс. 7 февраля 1956 года она умерла дома, в квартире на Вест Энд Авеню, где прожила много лет и давала частные уроки. 11 февраля 1956 г. триста человек собрались в Риверсайд Мемориал Чепел в Нью-Йорке отдать последний долг Изабелле Венгеровой[61]. На прощальной церемонии квартет из Института Кертиса сыграл «Адажио» Самуэла Барбера[62]; её ученик Гари Граффман, впоследствии директор Института Кертиса, исполнил Интермеццо Брамса — последнюю вещь, которую он разучивал с Венгеровой всего за три недели до её смерти.

Живая память о ней оставалась в исполнительском творчестве ее учеников, список которых включает такие имена как Л. Бернстайн, С. Барбер, Л. Фосс, Г. Граффман, Л. Пеннарио, Р. Берковиц, А. ди Бонавентура, В. Рейнеке, Г. Калиш, Д. Резитц, С. Бабин, Д. Латейнер, Л. Каллир, А. Саймон, Сильвия Заремба. «*Музыкальные критики легко узнавали учеников Венгеровой (без подсказки) на концертах. Они всегда появились перед публикой хорошо подготовленными. Венгерова не только давала им солидную техническую, но также и общемузыкальную подготовку . Она внушала им уважение к композитору и его намерениям*»[63].

[1] *Jay S. Harrison*. Piano Teacher, Genius. Isabelle Vengerova Died and Music Lost a 'Great' // Вырезка из: *New York Herald Tribune*. 1956, March, 4. P. 5. / Архив Института Кертиса (Филадельфия).

[2] *Joseph Rezits*. Lessons with Vengerova // Вырезка из: *The Piano Teacher*. 1965. Nov. – Dec. P. 6. / Архив Института Кертиса.

[3] *Nicolas Slonimsky* (Editor Emeritus). Baker's Biographical Dictionary of Musicians. Centennial Edition. New York: Schirmer Books, 2001. Vol. 6. P. 3768.

[4] *Pauline Wengeroff*. Memoiren einer Grossmutter. Bilder aus der Kulturgeschichte der Juden Russlands im 19. Jahrhundert. Mit einem Geleitwort von Dr. Gustav Karpeles. Dritte, durchgesehene Auflage. Berlin: Verlag von M. Poppelauer, 1922 (первое издание: Berlin: M. Poppelauer, 1908–1910; в 2-х тт; издание 2-е. Berlin: M. Poppelauer, 1913–1918; в 2-х тт.). В недавнее время появились два сокращенных перевода: *Полина Венгерова*. Воспоминания бабушки. Иерусалим: Гешарим, 5764; Москва: Мосты культуры, 2003; и *Pauline Wengeroff*. Rememberings. The World of a Russian-Jewish

Woman in the Nineteenth Century. Translated by *Henny Wenkart*. Edited with an Afterword by *Bernard D. Cooperman*. Bethesda: University of Maryland Press, 2000.

[5] Письма Зинаиды Афанасьевны Венгеровой к Софье Григорьевне Балаховской-Пети. Publication, commentaries et notes de *Rosina Neginsky* // *Revue des etudes slaves*. 1995. T. 67. Fasc. 1. C. 189.

[6] *Nicholas Slonimsky* [on Vengerova's early years] // *Joseph Rezits*. Beloved Tyranna. The Legend and Legacy of Isabelle Vengerova. Bloomington, Indiana: David Daniel Music Publications, 1995. P. 44.

[7] *Полина Венгерова*. Воспоминания бабушки. С. 277.

[8] Абсолютный слух не был редкостью в семье Венгеровых-Слонимских. Им обладала не только Изабелла, но и ее племянники Николай и Владимир Слонимские. См. машинопись автобиографии Николая Слонимского из архива его дочери Электры Йорк, проживающей в Нью-Йорке. С. 83 (разные пагинации).

[9] Иосиф Дахс (Josef Dachs; 1825, Регензбург, – 1896, Вена) — пианист, ученик Карла Черни.

[10] См. о нем: *Белла Бергинер*-Тавгер. Вечно юный Николас (Николай) Слонимский // Евреи в культуре русского зарубежья. Ред.-сост. *М. Пархомовский*. Т. 4. Иерусалим, 1995. С. 469–487.

[11] *Nicholas Slonimsky* [on Vengerova's ...]. P. 47.

[12] Теодор Лешетицкий (1830, Ланьцут, Польша – 1915, Дрезден) — композитор, пианист, выдающийся педагог. Профессор фортепиано Петербургской консерватории (1862–1878). В 1878 г. уехал в Вену, где продолжил педагогическую деятельность. Среди его учеников были Есипова, Падеревский, Шнабель, Браиловский, Сафонов, Фридман, Габрилович, Моисеевичи, Хоршовский.

[13] Лео ван Юнг (Leo van Jung; 1866, Одесса – 1939, Рига) — пианист, учитель пения, композитор. В 1890 г. в городе Pörtschach ван Юнг познакомился с Артуром Шницлером, дружбу с которым сохранил на всю жизнь. В мае 1898 г. Щницлер и ван Юнг были шаферами на свадьбе Рихарда и Паулы Вер-Гофман. Между мировыми войнами ван Юнг принял австрийское подданство. См. письма ван Юнга к Шницлеру: *Gerhard Neumann, Jutta Müller*. Der Nachlass Arthur Schnitzlers. München: Wilhelm Fink, 1969. S. 131, 152, 167. Шницлер был также знаком с братом Льва, врачом Борисом ван Юнгом (1872–1898). См.: *Arthur Schnitzler*. Tagebuch. 1913–1916. Wien: Verlag der Oesterreichische Akademie der Wissenschaften, 1983. S. 427.

[14] Феликс Салтен (1869–1945) — писатель и критик, родился в Будапеште, но семья переехала в Вену через четыре недели после его рождения. В 1902 г. женился на актрисе Оттили Метцль; у них родились сын Пауль (1903) и дочь Анна-Катерина (1904). Ухаживал за Венгеровой в начале и середине 1890-х гг.

[15] *Федор Фидлер*. Из мира литераторов: характеры и суждения. Вступ. ст., сост., перевод с нем., примеч., указатели и подбор илл. *К. Азадовкого*. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 666.

[16] Не датированная машинописная заметка на немецком языке в конце последней папки писем Изабеллы Венгеровой к Вер-Гофману // Houghton Library. Harvard University. Folder 7 of 7. *68M-151 bMS Ger 183 (600).

[17] *Nicholas Slonimsky*. Perfect Pitch. A Life Story. Oxford – New York: Oxford University Press, 1988. P. 68.

[18] *Nicholas Slonimsky* [on Vengerova's ...]. P. 44.

[19] *Зинаида Венгерова*. А. Шницлер // Литературные характеристики. Т. 3. Санкт-Петербург: А. Е. Винеке, 1910.

[20] *Nicholas Slonimsky* [on Vengerova's ...]. P. 45. См. также машинопись автобиографии Николая Слонимского в архиве его дочери Электры Йорк. С. 38 (разные пагинации).

[21] *Nicholas Slonimsky*. Perfect Pitch. P. 68.

[22] Там же. P. 15. Слонимский цитирует слова своей матери (Фаины Афанасьевны Венгеровой), обращенные к ее сестре Изабелле. См. также машинопись автобиографии Н. Слонимского в архиве его дочери Электры Йорк: «She dispatched an indignant letter to Isabelle accusing her of interfering with the education of her children. 'You destroyed your own child when you became pregnant at sixteen'». («Она отправила возмущенное письмо Изабелле, обвиняя сестру во вмешательстве в образование своих детей. "Ты уничтожила своего ребенка, когда забеременела в шестнадцать лет"». С. 39–40 (разные пагинации).

[23] Письма Избеллы Венгеровой к Зинаиде Венгеровой // Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом). Ф. 39. Ед. хр. 517. Л. 74. Письмо датировано 28 июня без указания года (вероятно, 1898).

[24] Письма Избеллы Венгеровой к Зинаиде Венгеровой. Л. 74.

[25] *Федор Фидлер*... С. 322.

[26] Анна Николаевна Есипова (1851–1914) — пианистка, ученица и вторая жена Лешетицкого (1880–1892 гг.), с 1893 по 1914 гг. — профессор Петербургской консерватории.

[27] Письма Зинаиды Афанасьевны Венгеровой к Софье Григорьевне Балаховской-Пети. Publication, commentaries et notes de *Rosina Neginsky* // *Revue des études slaves*. 1995. T. 67. Fasc. 2–3. C. 499. Письмо от 22 ноября 1901.

[28] Письма Избеллы Венгеровой к Зинаиде Венгеровой. Л. 47.

[29] Письма Зинаиды Венгеровой к Изабелле Венгеровой... Ф. 39. Ед. хр. 1049. Л. 118, 118об.

[30] Артур Кауфман (Arthur Kaufmann; 1872–1938) — австрийский философ, друг Шницлера.

[31] Письма Изабеллы Венгеровой к Зинаиде Венгеровой // Там же. Фонд 39. Ед. хр. 517. Л. 60. Дата стерта.

[32] *Nicholas Slonimsky* [on Vengerova's ...]. P. 39.

[33] [Без указания автора]. Mme. Vengerova successor of Mme. Essipoff // *Musical Leader*. 1924. 7 Aug. Из архива Ин-та Кертиса (Филадельфия).

[34] Людмила Николаевна Вилькина (1873–1920) — поэтесса, литературный критик, переводчица. Дочь сестры Зинаиды и Изабеллы Венгеровых — Елизаветы Афанасьевны Вилькиной (урожденной Венгеровой). С 1896 г. Вилькина — гражданская жена поэта Н. Минского (1855–1937), с 1905 г. — его официальная жена. После революции 1905 г. Минский покинул Россию и жил за границей до конца жизни.

[35] Письма Зинаиды Венгеровой к Изабелле Венгеровой // Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Фонд 39. Ед.хр. 1049. Л. 111.

[36] Иосиф Исаакович Пресс (1881, Вильна – 1924, Рочестер) — виолончелист. Окончил Моск. консерваторию по классу А. фон Гленна. Участник «Русского трио», созданного его братом Михаилом. В США — с 1922 г. Профессор Рочестерской консерватории и участник The Killbourn Quartet.

[37] A Noted Russian Pianist. Mme. Isabelle Vengerova, Professor at the Petrograd Conservatory, Now in America // Архив Института Кертиса. Вырезка из: *Musical Courier*. 1925. April, 30.

[38] Письма Зинаиды Афанасьевны Венгеровой к Софье Григорьевне Балаховской-Пети... С. 721. Письмо от 18 декабря 1913 г.

[39] Там же. С. 727. Письмо от 22 сентября 1914 г. 23 августа 1914 г. Лео ван Юнг сообщил Рихарду Вер-Гофману из Селерины о морской поездке Изабеллы из Италии в Одессу. (Van Jung Leo letters to Richard Beer-Hofmann // Houghton Library. Harvard University. Folder 2 of 3 *67–151 bMS Ger 183 (598). Архив Вер-Гофмана в Гарварде включает 26 писем от ван-Юнга.

[40] Письма Зинаиды Афанасьевны Венгеровой к Софье Григорьевне Балаховской-Пети... С. 726. Письмо от 22 сентября 1914 г.

[41] *Nicholas Slonimsky.* Perfect Pitch. P. 67.

[42] О Д. Темкине см.: *И. Обухова-Зелиньска.* «Ты не представляешь, как мне тебя здесь не хватает...»: Дмитрий Темкин и Юрий Анненков-несколько эпизодов 60-летней дружбы. // Русские евреи в Америке, кн. 4. Ред.-сост.: *Э. Зальцберг.* Иерусалим-Торонто-Санкт-Петербург, 2010. С. 232–256.

[43] *Nicholas Slonimsky.* Perfect Pitch. P. 68.

[44] *Nicholas Slonimsky* [on Vengerova's...]. P. 44.

[45] Луиза Флакс (Luise Fokschaneanu Flachs; 17 декабря 1863, Bottuschan – ?) — переводчица, родилась в Румынии, долго жила у родителей в Вене, с 1892 г. замужем за немецким писателем Адольфом Флаксом. Изучила русский язык во время многолетнего пребывания в России, переводила с русского произведения С. Ковалевской, Н. Минского, А. Чехова, Л. Толстого и др. Ее берлинская квартира находилась по адресу: Lutherstrasse, 47, Berlin, W62.

[46] Письма Зинаиды Афанасьевны Венгеровой к Софье Григорьевне Балаховской-Пети... С. 733–734. Письмо от 22 сентября 1921 г.

[47] Мейчик Александра Давыдовна (псевд. Анна Мейчик; 1875–1934) — певица, контральто.

[48] *Vengerova Isabelle.* 40 letters to Richard Beer-Hofmann. 1913–1944. Folder 1 of 7. Houghton Library. Harvard University. *68M–151 bMS Ger 183 (600).

[49] Иосиф Гофман (Josef Kazimierz Hofman; 1876–1957) — крупнейший пианист XX в., композитор, писатель, изобретатель. Учился у М. Мошковского и А. Рубинштейна. В США — с 1914 г. В 1924 г. возглавил Ин-т Кертиса и руководил им до 1938 г. Гофману принадлежат патенты на различные усовершенствования в механизме фортепиано, а также на изобретение «дворника» для автомобилей. См. о нем: *Nell S. Graydon; Margaret D. Sizemore.* The Amazing Marriage of Marie Eustis and Josef Hofmann. Columbia: University of South Carolina Press, 1965. В архиве Венгеровой в Библиотеке Конгресса США (Вашингтон) находятся 28 писем Иосифа Гофмана к ней (1926–1953; ML94.V45).

[50] Осип Соломонович Габрилович (1878; Санкт-Петербург – 1936, Детройт; похоронен в Элмире, штат Нью-Йорк). Учился в Петербургской консерватории у А. Рубинштейна, А. Лядова и А. Глазунова. Совершенствовался в Вене у Т. Лешетицкого (1894–1896). В 1909 г. женился на дочери М. Твена амер. певице К. Клеменс. С 1914 г. постоянно жил в США. Основал в 1918 г. Детройтский симф. оркестр, которым руководил до 1935 г. Одновременно с 1928 г. дирижировал Филадельфийским симф. оркестром. В архиве Изабеллы Венгеровой в Библиотеке Конгресса США (Вашингтон) сохранились четыре письма Габриловича к ней (1925–1928; ML94.V45).

[51] Detroit Symphony Gains New Success // Вырезка из: *Musical America.* 1925. 21 Feb. Архив Института Кертиса.

[52] Лия (Лея) Любошиц (1885, Одесса – 1965, Филадельфия) — скрипачка, педагог. В 1898 г. окончила Одесское муз. училище по классу скрипки у Э. Млынарского, в 1903 г. — Моск. консерваторию у И. Гржимали. Совершенствовалась за границей; общалась с крупнейшими музыкантами — Э. Изаи, П. Казальсом и др. В США — с 1925 г. С 1927 г. преподавала в Ин-те Кертиса в Филадельфии.

[53] Михаил Исаакович Пресс (1871, Вильна, – 1938, штат Мичиган, США) — скрипач. См. о нем в: Незабытые могилы. Сост. *В. Н. Чуваков.* М.: РГБ, 2005. Т. 6. Кн. 1. С. 38.

[54] О «Русском трио» см.: *Алиса Лоран (Пресс), Петр Гуревич.* Русское трио (В. И. Маурина-Пресс, М. И. Пресс, И. И. Пресс) // Русское еврейство в зарубежье. Т. I (VI). 1998. Иерусалим. Ред.-сост. *М. Пархомовский,* 1998. С. 329–349.

[55] См. программку в архиве Института Кертиса.

[56] *Joseph Rezits.* Beloved Tyranna. The Legend and Legacy of Isabelle Vengerova. Bloomington: David Daniel Music Publications, 1995. P. 54.

[57] Там же.

[58] *Nicholas Slonimsky.* Perfect Pitch. P. 159.

[59] Там же. P. 68.

[60] Там же. P. 160.

[61] Похороны И. А. Венгеровой // *Новое русское слово.* 1956. Vol. XLVI. № 15568. 11 февраля. С. 1.

[62] *Nicholas Slonimsky.* Perfect Pitch. P. 191.

[63] Mme Vengerova, piano teacher, 78 // Вырезка из: *New York Times.* 1956. February, 8. Архив Института Кертиса.

Я — пианист, тем и интересен

Яков Гельфанд (Сент-Пол, США)

Представляя на суд читателей свою краткую автобиографию, Владимир Маяковский начинает её так: «Я — поэт. Тем и интересен». Позвольте и мне начать с той же формулы: «Моё имя Яков Гельфанд. Я — пианист, тем и интересен».

Выбор профессии не был случайным и объясняется семейной традицией. Дядя моей матери, известный в своей родной Белоруссии композитор Товий Шнитман, в 1920-е — 1930-е годы преподавал в Минской консерватории, а её старшая сестра, пианистка Елена Жуховицкая, училась перед 1-й Мировой войной в Санкт-Петербургской консерватории. Её игра удостоилась похвального отзыва директора консерватории, выдающегося русского композитора А. К. Глазунова. Однако начавшаяся война и последовавшая за ней революция не позволили ей получить высшее образование. Переселившись в родной Минск, она нашла своё призвание в сфере детской музыкальной педагогики. Жизни их обоих трагически оборвались в 1942-м году во время проведённой нацистскими оккупантами акции по ликвидации Минского гетто.

Происходя из семьи, связанной с музыкой, моя мать Анна Минц (впоследствии принявшая фамилию мужа Гельфанд), с детства начала играть на рояле и к 18-и годам стала отличной пианисткой. Гастролировавший в конце 20-х годов в СССР известный немецкий пианист Эгон Петри, ученик знаменитого Ферруччио Бузони, по приезде в Минск дал мастер-класс для местной музыкальной молодёжи. Прослушав юную Аню Минц, он посоветовал продолжить образование в одной из известных консерваторий и предсказал ей в будущем успешную исполнительскую карьеру. К сожалению, предсказанию Петри не суждено было сбыться. Поступив в Ленинградскую консерваторию, она в первый же год угодила под проводившуюся местными коммунистами социальную чистку и была исключена под тем предлогом, что происходила, по их понятиям, из буржуазной семьи. Пришлось искать применение своего таланта на ниве детского музыкального образования.

Неудивительно, что меня с шести лет начали обучать игре на рояле. Успехи были столь очевидны, что в 1940 году я был принят в Центральную музыкальную школу при Ленинградской консерватории. Начавшаяся война на три года прервала моё музыкальное образование, и по возвращении из эвакуации пришлось начинать

Я. Гельфанд

всё с самого начала. Меня приняли сразу в пятый класс той же школы, хотя по уровню игры я сильно отставал от своих сверстников. Сравняться с ними мне удалось лишь через два года. Тем не менее, меня сразу принял в свой класс известный педагог, профессор консерватории Самарий Ильич Савшинский. Очевидно, он рассчитывал на быстрый прогресс, и его расчёт оказался верным. Моими одноклассниками были известные впоследствии музыканты: композитор С. Слонимский, дирижеры Ю. Аранович и М. Эрмлер, пианисты А. Ихарев и А. Скавронский и др.

Закончив школу, я поступил в Ленинградскую консерваторию, где занимался под руководством известного пианиста, замечательного музыканта Владимира Владимировича Нильсена. В 1957 году я был принят в аспирантуру, по окончании которой стал преподавать в консерватории. В эти годы началась и моя исполнительская деятельность. Не сделав выдающейся карьеры, я, тем не менее, к моменту эмиграции из Советского Союза (1979) достиг должности доцента Консерватории, а также имел возможность выступать с ежегодными сольными концертами в Ленинградской Филармонии и гастролировать во многих крупных городах страны.

Читателю хорошо известна нелёгкая процедура выезда из бывшего Советского Союза. Всё же моей семье удалось избежать мытарств, выпавших на долю тех, кто попал в отказ. Более того, хотя я и моя жена, музыковед Л. Г. Раппопорт, сразу же после подачи заявления в ОВИР лишились своих постов, мы смогли избавиться от унизительной «обработки» на собраниях с обвинениями в измене родине и т. п. К тому времени, на пике эмиграционной волны, всё это было отменено. И сам процесс эмиграции прошел у нас гладко, поскольку наша дочь, выехавшая из СССР за пару месяцев до нас, обосновалась в Сент-Поле, столице штата Миннесота. Поэтому мы сразу же получили разрешение поселиться в том же городе. По

прибытии нас уже ждала квартира, снятая и оплаченная на несколько месяцев вперёд местным еврейским агентством.

Однако после краткого периода эйфории, наступившие будни принесли обычные для эмигрантов проблемы. Главной из них было незнание английского. В преддверии эмиграции мы начали его изучать и нахватали некоторый запас слов, но это были лишь крохи. До настоящего владения языком, столь необходимого в нашей профессии, было очень далеко. Конечно, играть на рояле можно и не зная языка. На первых порах я так и делал, используя каждую возможность. Иногда выступал по радио, иногда играл в местных залах. Однако скоро понял, что на эти нерегулярные заработки прожить невозможно, а пользоваться услугами велфера (социального пособия) не хотелось, чтобы не садиться «на шею» американским налогоплательщикам. Лишь уроки музыки могли принести кое-какой приличный доход.

К счастью, вскоре появилось несколько частных учеников, а улучшившийся английский увеличил шанс получить постоянную работу. Действительно, через некоторое время мне удалось найти в Миннеаполисе место преподавателя в музыкальной школе широкого профиля, где могли обучаться все, кто пожелает, от начинающих до хорошо играющих. Среди учащихся были и дети, и уже кое-как подготовленные подростки, и взрослые, в своё время учившиеся, но по различным причинам прервавшие занятия музыкой, и даже молодые люди, уже имеющие диплом музыкального факультета университета или колледжа, но желавшие улучшить свою игру и продолжить обучение.

Начав работать, я сразу понял, что мне придётся приспособиться к разнообразному уровню моих учеников. Проработав более 20 лет в консерватории, я был далёк от детской педагогики. Хотя знаний репертуара у меня хватало, однако методику преподавания пришлось вырабатывать на ходу. Со взрослыми учениками у меня было мало проблем. Они же оказались полезными помощниками в дальнейшем освоении английского языка. Не смущал меня и их дилетантский уровень. Что греха таить, в прошлом в мой консерваторский класс иной раз попадало какое-то количество одарённых, но недостаточно профессионально подготовленных молодых людей из провинции, которым надо было прививать музыкальную культуру в процессе обучения. Судя по их экзаменационным оценкам, у меня неплохо получалось, и этот опыт мне очень пригодился.

Иное дело — дети. Их музыкальный уровень оказался заметно ниже их русских сверстников из-за разницы в системе детского об-

разовапия. В Советском Союзе оно было поставлено на более высоком профессиональном уровне благодаря наличию музыкальных школ (ДМШ), где учащиеся не только обучались игре на музыкальных инструментах, но проходили хорошо организованный курс теоретических дисциплин. В Америке всё это оказалось в руках методически довольно плохо подготовленного педагога фортепиано, у которого к тому же не было возможности дать своему ученику настоящий курс теории. Тут вполне уместно применить известную формулу «время — деньги». Родители, отнюдь не желая дополнительно оплачивать урок теории музыки, обычно советуют учителю: «выкручивайся, как можешь». Он и уделяет теории минут 5–10 от получасового фортепианного урока.

Нельзя сказать, чтобы американская музыкальная общественность не осознавала недостатков частного образования. Здесь существует разветвлённая сеть организаций, объединяющих педагогов музыки каждого штата. Каждая такая организация проводит ежегодные тесты на знание теории, но эти письменные тесты по уровню очень далеки от уроков сольфеджио, теории и музыкальной литературы, принятых в советских ДМШ. Поэтому знание и понимание музыки среди детей, так же как и их слуховой опыт, оставляют желать лучшего. Помимо тестов по теории музыки, в каждом штате проводятся ежегодные детские конкурсы, заменяющие экзамены, принятые в ДМШ. К сожалению, и здесь царит та же формула «время — деньги», поскольку приходится оплачивать из кармана родителей каждый час работы членов жюри. Поэтому репертуарные требования строго ограничены, а время исполнения сведено к минимуму. Со всем этим мне пришлось считаться. Столкнулся я также с проблемой детского языка, значительно отличающегося от языка взрослых. Нередко я и мои маленькие ученики просто плохо понимали друг друга. К счастью, руководство школы пошло навстречу моим трудностям, перестав пополнять мой класс детьми моложе 10 лет. В результате я стал учить в основном подростков и взрослых, что не только облегчило процесс преподавания, но и повысило профессиональный уровень моего класса.

Ко всему этому мне пришлось ещё решать проблему учебных концертов. В России на любом уровне, от ДМШ до консерватории, в них играют ученики разных педагогов, а те, в свою очередь, участвуют в последующем гласном обсуждении, составлении отзыва и оценке исполнения. В своё время, будучи молодым педагогом, я многому научился, слушая выступления более опытных коллег во время обсуждения игры студентов. Не то здесь. Каждый учитель как

бы варится в собственном соку. Своих учеников, как правило, слушает только он сам. Не с кем поделиться впечатлениями, узнать мнение коллег. Но и на экзаменах и местных конкурсах, где присутствуют и судят исполнение несколько педагогов, устное обсуждение не проводится, всё ограничивается кратким письменным отзывом. Так делается на любом уровне образования, включая колледжи и университеты. Конечно, в результате сохраняется немало нервной энергии, да и отношения между педагогами остаются более ровными. Однако страдает профессиональное общение и оценка администрацией работы педагога. Единственное исключение — мастер-класс, проводимый приглашённым знаменитым музыкантом. Тот может, не стесняясь, высказывать своё мнение, сообразуясь, впрочем, с общепринятыми этическими нормами. Открыто критиковать работу педагога и тут не принято. Однако, критикуя игру ученика, мастер негласно имеет в виду учителя, и все присутствующие это понимают. Поэтому, охраняя свою репутацию, далеко не каждый педагог решается представить своего ученика на всеобщее обозрение.

Школа, в которой я начал преподавать, имела определённые преимущества по сравнению с другими подобными организациями. В частности, там проводятся ежегодные конкурсы учащихся на право исполнения концерта с оркестром, состоящим из педагогов-инструменталистов. Обычно руководит оркестром известный в городе дирижёр. В конкурсе принимают участие учащиеся, играющие на разных инструментах; поэтому жюри приходится, иной раз, как говорят американцы, сравнивать яблоки с апельсинами. Но результат всё-таки, как правило, получается вполне объективный, поскольку принимается во внимание в первую очередь талант исполнителя. За долгие годы мои ученики переиграли с оркестром немало фортепианных концертов от Моцарта до Прокофьева, включая, разумеется, и концерты композиторов-романтиков. Кульминацией стала победа моей лучшей ученицы, игравшей фортепианный Концерт Равеля, в штатном конкурсе на право выступить с главным оркестром Миннесоты. Моё педагогическое имя становилось более популярным и начало привлекать в мой класс всё больше одарённых юношей и девушек.

Продолжалась и моя исполнительская деятельность, в которой мне очень помог пожилой местный музыкант, афро-американец Джон Мосс. Он стал большим поклонником моей игры и взялся организовать мои выступления за пределами Миннесоты. В частности, он оплатил мою концертную поездку по ряду штатов, итогом которой стало моё выступление с программой из произведений Шопена

в Камерном зале знаменитого нью-йоркского Карнеги холла. Концерт собрал такое количество публики (в основном эмигрантов из России) и имел столь большой успех, в том числе и материальный, что мой самозваный импресарио решил повторить концерт на следующий год. На сей раз я избрал программу из произведений русских композиторов, включив в неё знаменитые «Картинки с выставки» Мусоргского. Однако, то ли программа не заинтересовала любителей музыки, то ли день концерта был избран неудачно, да к тому же и погода подкачала, но такого аншлага, как в первый раз, не получилось. Поэтому, несмотря на хороший успех у публики, я попросил мистера Мосса в целях экономии средств больше таких поездок не устраивать. Зато, по рекомендации друзей, живших в Европе, я получил приглашение дать ряд концертов в Германии. Гастроли прошли успешно, и я даже удостоился хвалебных рецензий в прессе. Продолжались и мои выступления в Миннесоте. В разные годы я сыграл две сольных программы в концертах местного Шопеновского общества. А в 1991 году, к столетней годовщине со дня рождения Прокофьева, исполнил в Обществе современного искусства в двух концертных программах все девять фортепианных сонат великого русского композитора.

Со временем появились и новые возможности в педагогике. Помимо музыкальной школы, о которой шла речь выше, я был приглашен преподавать в колледже Св. Олафа, расположенном в 40 милях от Сент-Пола. Этот колледж славится своим великолепным студенческим хором, известным не только в Миннесоте, но и во всей Америке и даже в Европе. Помимо хора, там существует хороший симфонический оркестр, а также несколько постоянных коллективов камерной музыки. Надо сказать, мои новые коллеги приняли меня очень хорошо, отнеслись ко мне как к равному, и я их, в свою очередь, тоже полюбил. Из уважения к моим прежним музыкальным заслугам администрация колледжа присвоила мне титул ассистент-профессора, хотя это и не было принято в отношении почасовиков. Можно сказать, что моя карьера в Америке развивалась достаточно успешно.

Сложнее обстояли дела у моей жены. Будучи в прошлом известным музыковедом, кандидатом искусствоведения и доцентом Ленинградской консерватории, а также членом Союза советских композиторов и автором ряда статей и книг, посвящённых музыке известных европейских композиторов (Брукнер, Онеггер, Лютославский), она сразу поняла, что ей не удастся найти место преподавателя теории и истории музыки в университете из-за недостаточ-

ного знания английского языка. Одно дело давать, как я, уроки фортепиано наедине с учеником, и совсем другое дело — читать лекции перед коллективом студентов. Пришлось менять профессию, но к счастью, всё-таки остаться в музыке. Поменяв свою девичью фамилию Раппопорт, под которой она была известна в СССР, на мою, и став Лидией Гельфанд, она превратилась в аккомпаниатора высокого класса, работая в известной балетной школе Миннеаполиса (городе-близнеце Сент-Пола).

Впрочем, её достижения в области музыковедения даром не пропали. Ко времени нашей эмиграции в советском издательстве находилась её большая книга о современной польской музыке. В тех условиях выйти в свет она, конечно, не могла, но нам удалось, несмотря на суровый таможенный контроль, с помощью друга, известного польского композитора Криштофа Мейера, вывести в США рукопись. Здесь мы нашли принадлежавшую к первой волне российской эмиграции пожилую интеллигентную даму, теперь уже покойную, которая в совершенстве владела обоими языками. Она взялась за весьма умеренную плату перевести рукопись на английский язык. В результате книга была издана международным музыкальным издательством Гордон и Брич[1] и имела большой успех в кругу музыкантов, интересующихся современной музыкой. Оказалось она полезной и студентам, изучающим историю музыки.

Постарался не отстать от супруги и я. Ещё в СССР я подготовил диссертацию, посвящённую вопросам темпа на основе анализа музыки Бетховена. До эмиграции я её защитить не успел, однако уже упомянутый Криштоф Мейер вывез машинописную рукопись большой статьи, содержавшей основные идеи и выводы диссертации. Статью эту ещё в Ленинграде перевёл для меня мой коллега И. В. Розанов, хорошо знавший английский язык в его британском варианте. Слегка переработав текст сообразно американским стандартам, я попробовал опубликовать статью в каком-нибудь музыкальном издательстве. После нескольких неудачных попыток мне в конце концов удалось найти редактора популярного музыкального журнала, издаваемого Сообществом американских колледжей, который заинтересовался темой и содержанием исследования. В результате статья была напечатана в выпуске журнала за 1985 год[2].

Тем временем произошли коренные изменения в политической жизни нашей родины, и появилась возможность наладить связи с соотечественниками. Войдя во вкус писательства, я принял предложение, поступившее из новой, демократической России написать воспоминания для сборника, посвящённого жизни и деятельности

моего к тому времени уже скончавшегося учителя, замечательного музыканта Владимира Владимировича Нильсена. Моя большая статья была принята и опубликована[3]. Вскоре после этого я совершил поездку на родину с целью сыграть концертную программу в своей альма-матер. Концерт не только прошёл с успехом, но и собрал большую аудиторию, включавшую бывших коллег и многочисленных моих учеников. Было очень приятно осознать, что через много лет моё имя не забыто. В настоящее время я как раз готовлюсь к ещё одной поездке на родину, чтобы принять участие в концерте, посвящённом 100-летию со дня рождения Нильсена. Концерт, в котором будут выступать наиболее известные ученики нашего покойного учителя, состоится в Малом зале Санкт-Петербургской Филармонии в самом конце октября 2010 года.

Несколько лет назад я предпринял ещё один выход в печать. На основе своего уже немалого педагогического опыта я написал (первоначально на английском языке) большую книгу, посвящённую проблемам нотации фортепианной музыки. Книга, напечатанная компьютерным способом под названием «Диалоги», состоит из многочисленных вопросов, задаваемых анонимным оппонентом, на которые я даю ответы сообразно моему пониманию обсуждаемых проблем. Она включает 10 глав, каждая из которых посвящена одному из главных аспектов музыки (динамике, темпу, ритму, артикуляции, технике, выбору аппликатуры). В конце помещена обширная глава об интерпретации. Сделав перевод на русский язык, я переслал книгу в таком виде в Санкт-Петербург для ознакомления русских музыкантов с её содержанием. Очевидно, она вызвала интерес читателя и оказалась на столе главного редактора издательства «Композитор» С. Э. Таировой, которая предложила мне издать её под тем же названием, но с правом внести кое-какие несущественные изменения. Я, разумеется, дал согласие. В позапрошлом году книга вышла в продажу, приобретя благодаря превосходной работе издательства отличный внешний вид, в особенности в области гравировки многочисленных нотных примеров[4]. Дальше — больше. В этом году тем же издательством выпущена моя брошюра о двадцати четырех Прелюдиях Шопена под редакцией инициатора серии «Мастер-класс на дому», моей бывшей коллеги, профессора Н. П. Корыхаловой[5]. Я полагал, что моя писательская деятельность на этом закончится. Не тут-то было! Последовало предложение описать мою жизнь и деятельность в Америке, и уж теперь уважаемый читатель данной статьи будет судить, насколько опыт удался.

На этом можно было бы и закончить моё жизнеописание, но ведь человек живёт не только работой. Очевидно, для полноты картины

нужно рассказать несколько подробнее о том, как складывалась наша частная жизнь в новой стране. Начав работать, мы довольно скоро приспособились к американскому образу жизни. Поднакопив денег и воспользовавшись удачной экономической ситуацией, уже через три года по приезде мы недорого купили дом, в котором живём и поныне. Со временем расширив его, я устроил себе домашнюю студию, купил один за другим два хороших рояля. Живя в американской провинции, невозможно обойтись без личных средств передвижения. Поначалу это были подержанные машины. Затем мы приобрели две сравнительно недорогие новые «тойоты». Об этом можно было бы не упоминать, но иначе были бы упущены некоторые типичные особенности американского образа жизни.

Конечно, живя в стране, мы не могли не оценить преимуществ американской демократии и вскоре смогли воспользоваться теми свободами, которых были лишены в Советском Союзе. В частности, мы с женой совершили несколько длительных поездок в Европу, путешествуя по Испании, Италии, Германии, странам Скандинавии, побывали в Лондоне, Париже, Стокгольме.

Произошли изменения и в нашей семье. Наша дочь ещё 30 лет назад вышла замуж за интеллигентного молодого киевлянина, вместе с которым переселилась в Калифорнию и подарила нам одного за другим троих внуков, младшему из которых теперь 14 лет. Зато двое старших в этом году сделали нас прадедушкой и прабабушкой. Наша дочь уже давно успешно закончила обучение и работает в области компьютерного программирования. Разумеется, не всё шло так гладко: были неудачи, были и разочарования, а в 1996-м году произошла трагедия. Моя престарелая мать, переходя улицу, попала под машину пьяного водителя и погибла.

Но жизнь берёт своё. За эти годы произошли громадные изменения в политической жизни нашей далёкой Родины. С напряженным вниманием мы следили отсюда за событиями конца прошлого века, приведшие к краху прогнившего советского режима, постепенному становлению новых демократических институтов и распаду искусственно созданного Советского Союза. Живя в Америке, мы счастливо избежали тягот, принесённых развалом советской экономики. Но всё это в прошлом. А в настоящем, выйдя на пенсию, я не бросил своего любимого дела: продолжаю давать фортепианные уроки в своей домашней студии. Жизнь продолжается!

[1] *Lidia Rappoport-Gelfand.* Musical life in Poland. The post-war years 1945–1977. Gordon and Breach, New York-Philadelphia-London-Paris-Tokio-Mielburn, 1991.

[2] *Y. Gelfand.* On tempo indication based on Beethoven's music. *Journal of the College Music Society.* Vol. 25. 1985. P. 92–130.

[3] *Я. Гельфанд.* Рядом с Нильсеном // Владимир Нильсен, артист и учитель. Ред.-сост.: *С. Г. Денисов, Н. П. Цивинская, В. А. Шекалов.* КультИнформПресс, Санкт-Петербург, 2004. С. 99–121.

[4] *Я. Гельфанд.* Диалоги. О фортепианной нотации и ее интерпретации. Санкт-Петербург: Композитор, 2008.

[5] *Я. Гельфанд.* Шопен. 24 Прелюдии для фортепиано. Ред. *Н. П. Корыхалова*: Санкт-Петербург: Композитор, 2010.

Питерский архитектор Михаил Раковский, оказавшийся в Нью-Йорке

Неля Белая (Нью-Йорк)

Михаил Раковский, как и полагается питерскому архитектору, до мозга костей пропитан петербургскими пропорциями зданий, света и пространства. Оказавшись в Нью-Йорке, он был удручён массой однообразных казарменных домиков, особенно за пределами Манхэттена, которые, — помимо утилитарной крыши над головой, — являли собой уродливые строения из бросовых материалов и пластиков, имитирующих камень, дерево или кирпич.

И вот приехал в гости к Михаилу ленинградский скульптор Лев Сморгон. Шёл по 81-й улице в Манхэттене и в недоумении остановился.

— На что жалуетесь, господа? Вот же отличный дом. И по цвету хорош, прямо Петербург.

— Так это ж я строил, — усмехнулся Раковский.

ЛИСИ — Ленинградский инженерно-строительный институт, когда-то Училище гражданских инженеров, основанное ещё при Николае I, давал не только отличное строительное образование. Там, под вывеской технического вуза, укрылись от неумолимой действительности блестящие архитекторы и художественные мэтры.

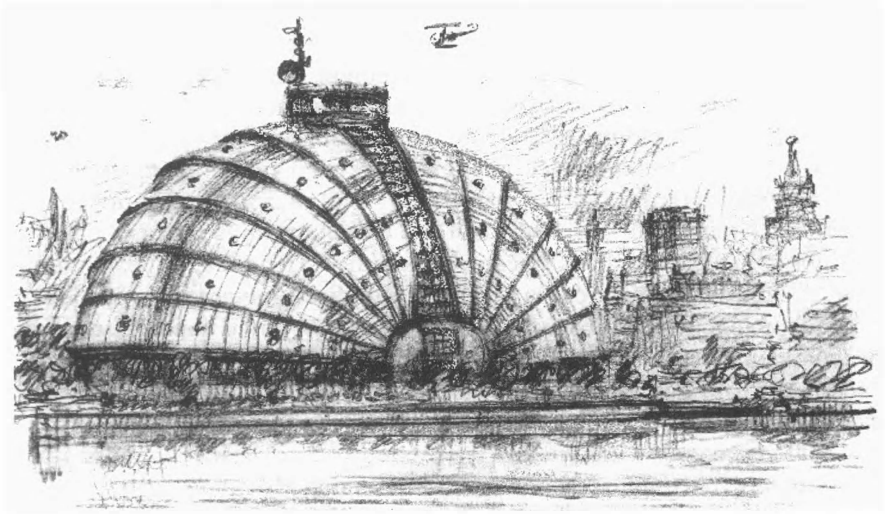
Лазарь Хидеккель. Супрематист из когорты Малевича, непререкаемый архитектурный ментор — основной руководитель М. Раковского. Знаменитый скульптор Борис Каплянский. В его мастерской Миша долго работал, учась ощущать кончиками пальцев объёмность и плотность созидаемого объекта. Художники Ведерников, Ушаков, Чарнецкая — учителя и судьи на серьёзных конкурсах рисунка, живописи и скульптуры — не раз присуждали Раковскому первые места. А. М. Соколов — зоркий хранитель петербургских традиций. Он вел классическую архитектуру, архитектурную графику, каллиграфию и шрифты — «ставил» руку, как это делалось столетиями, вырабатывал навык черчения без линейки и циркуля, умение «подать» проект. Он требовал от будущих архитекторов понимания не просто декоративного, а конструктивного смысла классики. М. Р. никогда не думал, что классическая муштра Соколова так пригодится в Америке.

Сразу же после вступительного конкурса (20 человек на место), прежде чем целиком окунуться в мир архитектуры, вчерашних школьников отправили на два года на строительные площадки. На

этом «производстве» семь студентов погибли в авариях. Мать Раковского сказала тогда: «Мы были молодыми — началась война, а вас — послали на стройку». 12-ти часовой рабоче-учебный день, ситуация немыслимая в Америке: онемевшими от тяжёлой работы руками и со слипающимися от недосыпания глазами штудировать в зале рисунка обнажённую женскую натуру (на зависть мальчишек с технических факультетов). М. Раковский приобщился к «гильдии» каменщиков, получил 5-й разряд и право выкладывать «наружную версту», т. е. фасадную кладку. Позднее, перед выпуском, все опять оказались на стройке, но уже в качестве прорабов.

Распределение в промышленную архитектуру в первый момент разочаровало. Однако тотчас была осознана перспектива творчества, свободного от идеологического давления, столь сильного в гражданской архитектуре. В «Промстройпроекте» Раковский принял участие во Всесоюзном конкурсе на сооружение покрытия главного зала высоковольтного испытательного центра под Москвой. 260 м в диаметре и высотой 130 м, оно могло бы спрятать внутри Исаакиевский собор. В конкурсе участвовало 10 ленинградских и московских институтов. Михаил Раковский и его партнёр, инженер Владимир Левитан, работая в свободное от основных обязанностей время, не могли конкурировать с крупными организациями, для которых этот проект был плановым. С самого начала М. Р. отверг идеи, в буквальном смысле, неподъёмные. Он искал нетрадиционную, простую, соответствующую гигантскому сооружению концепцию: без строительных лесов, без подъёма материалов и работы на значительной высоте, где всё сметает постоянный ветер, без громоздких расчётов конструкции из небольших элементов-стержней (как в куполе по системе Фулера в Сокольниках).

Вдохновлённый похожим на гармошку тентом детской коляски для новорождённого сына, М. Р. придумал составить купол из трёх таких тентов, превратив формы несущих рёбер из П-образных рамок в арочные стальные решётчатые мосты пролётом 210 м. Они собираются на боку, на земле, и по мере сборки, один за другим поворачиваются в проектное положение. Арки соединяются гибкими вантовыми фермами. У каждой из них — своя высота, но формула вычисления одна и та же — тетраэдальная парабола. Её быстро нашёл В. Левитан, как только Миша на глаз нарисовал на миллиметровке искомую линию. В результате внутри получилось сферическое пространство, освещённое через застеклённый треножник, возникший на стыке верхних арок. В одной из его ног двигается стеклянный лифт-фуникулёр. На макете конструкция смотрится чере-



Главный зал высоковольтного опытного центра.
Рис. М. Раковского

пахой на трёх ногах, а мне возникшие формы напоминают лютню, на которой играет «Лютнист» Караваджо из эрмитажного собрания. Пространство между наружной и внутренней оболочками купола — полое, здесь все коммуникации, вентиляционные трубопроводы, измерительные приборы, подъёмники и другое оборудование. М. Р. очень гордился, что логика архитектуры привела его к решению, сходному с тем, которое любимый им Филиппо Брунеллески нашел для собора Св. Марии во Флоренции: его купол тоже состоит из двух оболочек, пространство между которыми использовалось как леса. В Ленинграде проект завоевал первое место. Соперники в Москве признали его лучшим, о нём писали газеты и журнал *Строительство*, однако, к строительству был принят проект, вообще никак не отмеченный, — гигантский железобетонный цилиндр. Как и предполагал М. Р., его осуществление оказалось невозможным, и испытательный стенд до сих пор стоит на открытом воздухе.

История повторилась с конкурсом на здание самого «Промстройпроекта» в Ленинграде — М. Р. получил первую премию, а строить стали по вообще не премированному проекту. Михаил ушёл в «Гипроникель». Там — совершенно другая атмосфера. Начальник строительного отдела — потомок графского рода В. Б. Чарторижский, собрал под своё крыло талантливых ребят, иженеров-строителей (Л.

Тентлер, Д. Стрижевский, М. Иоффе, А. Турецкий, А. Фингруд и др. Почти все сейчас в Израиле и США.) Михаил Раковский стал органической частью этого «мозгового треста», ведущим архитектором отдела, главным объектом которого был Надеждинский завод Норильского комбината. Масштабы «Надежды» — космические. Парадный красно-кирпичный двор комплекса заводоуправления, средний корпус которого прорезает монументальная аркада въезда. На главной улице длиной в 20 км — эстакада трубопроводов большого диаметра из нержавеющей стали. По ним горячая жидкая взвесь измельченной руды, «пульпа», идёт в цеха. Эстакада завершается триплексом дымовых труб высотой 700 м. По сторонам эстакады — километровые цеха. На уровне третьего этажа они соединяются воздушными переходами из кирпича и стекла. Начиналось же всё со скетчей: наброски генерального плана, архитектурные предложения по цехам и другим зданиям. На предварительной стадии М. Р. — один, но по мере разработки под его началом — целая архитектурная группа. Объём документации был тоже космическим, о компьютерном черчении ещё не ведали. Завод до сих пор необычайно продуктивен — Норильский комбинат приобрёл недавно контрольный пакет акций американской металлургической компании.

Проектные отделы «Гипроникеля» — на Невском, 30, там же — Малый Зал Филармонии. Этот дом считается местом действия лермонтовского «Маскарада». Каждый день Михаил шёл на работу вдоль Мойки, минуя комплекс классических зданий Педагогического института и колоннаду Казанского собора. Каждый день глаз получал «классическую» зарядку. Но поводом для приглашения М. Р. в этот институт был проект нового здания на Гражданке, где ещё с 30-х годов находились лаборатории, модельный и экспериментальный цеха. Идея была заслонить их угловым низкоэтажным корпусом, над которым, несколько отступая, возвышался 12-этажный массив проектных отделов — вполне в традициях петербургских ансамблей центра, где низкая застройка окружена невысокой стеной — контраст с вертикальной доминантой, — как в Петропавловке или Смольном. Проект прошёл сквозь все препоны Главного архитектурного управления и был воплощен в жизнь. Среди «хрущоб» Гражданки — петербургский анклав. Но работать здесь Михаилу уже не пришлось — в 1980 г. он эмигрировал в США.

Первая работа в Америке — на металлической фабрике в двух часах езды от Нью-Йорка: разработка деталей интерьерных чертежей, доведение их до производства. Хозяин настороженно встретил русского специалиста, но уже через месяц Мише был снят офис

в центре Нью-Йорка, аренда которого превышала его зарплату. Зато у него появилась возможность контролировать монтаж металлических элементов на строящемся поблизости Центральном автобусном вокзале на 42-й улице.

Через 1,5 года — Milari, довольно крупная подрядная компания, которая занималась загородными домами, особняками и квартирами в Нью-Йорке. Кроме того, здесь было налажено производство мебели. Поступив чертёжником, М. Р. через три года — главный дизайнер. Генерирует архитектурные идеи, решения, планировку, следит за ходом работ на площадке, в чертёжной и цехе. Хозяин Milari, Морис Рубенфельд, бывший сотрудник NACA, тщательно нанимал людей. В мебельном цехе трудились, в основном, итальянцы, краснодеревщики-виртуозы. Старик Франциско был особенным знатоком дерева. Он показал М. Р. множество приёмов и секретов в работе с ним. На фешенебельной 57-й улице, в выставочном зале фирмы, который прозвали «Мишин музей», красовались современные или с оттенком ретроспективы стулья, столы, стенные панели и др. Здесь велись переговоры, заключались контракты — например, на перестройку особняка ближневосточного шейха. Коллекционер, знающий толк в искусстве, шейх хотел, чтобы у него была «комната Фауста», библиотека в готическом стиле с резными средневековыми шкафами, один из которых был в его собрании мебели. Я заметила, что Раковского хлебом не корми, а дай библиотеку построить. Когда возмущённый шейх посетовал, что рабочий уродует драгоценные капители колонок в углу — для них, видите ли, не хватает места, он, как метеор, помчался на стройку. Была прихвачена с собой единственная запасная капитель. Одна из капителей была ещё цела, когда М. ворвался в комнату.

— В чём дело? — спросил он рабочего.

— Я установил колонки по отвесу, а капители столкнулись. — Так ты отклони их на пол-дюйма назад и в стороны, как на чертеже.

— Они же будут не по вертикали!

— Угловые колонки и должны быть не по вертикали — только тогда они будут смотреться прямо...

Так воплощался античный закон визуальной коррекции.

Заказчики — именитые дизайнеры по интерьерам, понимая, что имеют дело с классными профессионалами, не всегда утруждали себя разработкой концепций. Как-то М. де С. принёс заказ на библиотеку с панелями из махогани[1] с бронзовыми вставками.

— Хоть какие-нибудь рисунки, профили он оставил? — спросил Миша.

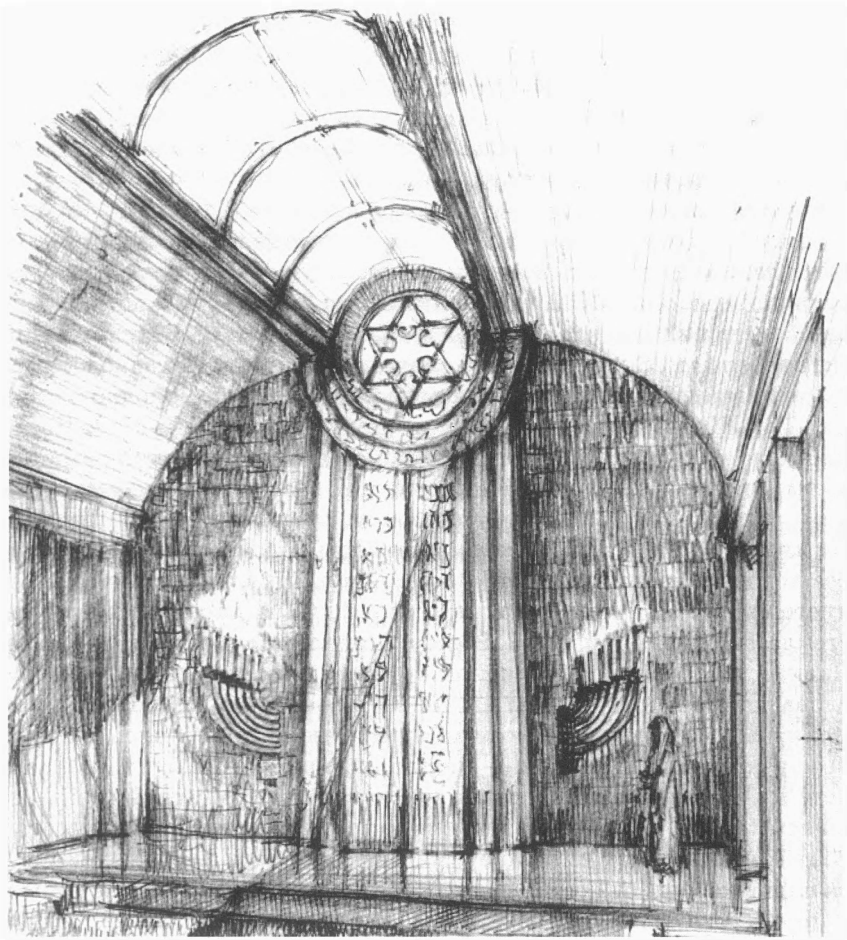
Хозяин стал искать наброски, но нашёл лишь салфетку с невнятной линией, как показалось, типового профиля. М. Р., который сам часто делает эскизы на салфетках и на всём, что попадет под руку, невозмутимо исправил линию на свой манер. Заказчик, более чем довольный готовыми чертежами, спросил, откуда идея. Удивлённый Р. показал разглаженную салфетку.

— Я не знаю, что это, — отреагировал М. де С.

Дизайнер Эрик Бернард предложил партнёрство в своей компании. Одним из проектов фирмы была «Кухня будущего» для престижной нью-йоркской выставки «Кипс Бей». К несчастью, Эрик был болен спидом и вскоре умер, и «Кухню будущего» Михаил спроектировал сам. О ней ниже, но сначала Эрик попросил сделать давно ожидаемый от него благотворительный проект молельного зала для The Hineni Heritage Center на Вест 71-й улице в Нью-Йорке. Это было квадратное двухсветное помещение с приподнятым подиумом, за ним — серо-голубая гранитная стена. В сводчатом потолке — продольная прорезь другого свода, стеклянного, и видно небо. Не хватало хранилища-шкафа для Торы — «Арон ха Кодеш», образ которого был продиктован этим полуциркульным фонарем верхнего света. М. Р. завершил его светящимся диском из матового стекла в деревянной раме. В него вписал «Могендовид» — звезду Давида из профилей золочёной бронзы; по кругу рамы — первые слова молитвы. Ступенчатый «воротник» круга, с продолжением молитвы, становился верхом монументального портала. На почти четырёхметровых дверях — письмена, начальные буквы 10 заповедей. Вся композиция словно вырастает из гранитной стены, сужаясь кверху, тем самым зрительно усиливая ощущение высоты и торжественности. Когда во время службы двери распахиваются — за парчёвой завесой открывается святая святых — свитки Торы на каннелированном[2] пьедестале. Всё сооружение выполнено из драгоценного африканского дерева, белого анигре, текстурой напоминающего полотно скинии Завета. Снизу — полоса золочёных вертикальных насечек. Два семисвечных канделябра золоченой бронзы — с обеих сторон от «Арон-ха-Кодеш».

На церемонии открытия в какой-то момент луч солнца проник через потолочный фонарь и зажёг позолоту резьбы и белизну дерева. Кто-то сказал: «Как рука Бога».

Что касается «Кухни», её построили для шоу в особняке на 76-й улице, где 15 дизайнеров — декораторов по интерьеру показывали свои «комнатные фантазии». Было безмерно жаль, что, как только выставка завершится, декорации уберут. Общей участи избежала лишь «Кухня будущего», немедленно купленная владельцем дома.



The Hineni Heritage Center. Рис. М. Раковского

Анфилада арочных проёмов ведёт вглубь, к сияющему стеклом и сталью «алтарю» — холодильнику. «Замковый камень» — радиодинамик — завершает каждую арку. А вначале, слева, как предвестье темы, арочный триптих — чёрные пульты электроники и высокое окно. В просторном переходе чёрная сверкающая плитка свода книзу превращается в тёмное стекло. На одной стене за ним таится нутро двойного духового шкафа, а напротив — винный погреб, где в ячейках горизонтально, по всем правилам, покоятся бутыли. Детали этого

комфорта не успеваешь разглядеть: внезапный разворот центрального пространства властно вовлекает в свой ритмичный мир. Полукруг белых поверхностей верхних и нижних шкафов, между ними чёрным гранитным серпом — плоскость столешня и бронзовое стекло подъёмных панелей задней стенки, скрывающих всевозможные, послушные голосу агрегаты. Им противостоит пласт стальной кухонной плиты, над которой органом из серебристой стали царит особая вытяжная труба: она не только очищает воздух, но овевает повара свежим потоком. На полу, из чёрной с синими швами плитки — белый мозаичный венок, увитый синими лентами. Ему вторит купол потолка, где мягко, как на жемчуге, играют свет и тень. Под сводом последнего отсека — «алтарное пространство». Эхом звучат там остальные арки. Под ними — вертикальная карусель белых полок шкафа для сухих продуктов и круп и многостворчатый (для сортировки) мусоропровод. Интерьер оставляет ощущение прохлады и пропорций европейских городов. Раковский объясняет это тем, что незадолго до начала проекта он насмотрелся Каналетто. В музее Метрополитен была большая выставка его картин — «Венеция», «Собор св. Марка», где так много арок. И вот мотивы эти невольно проявились в дизайне кухни.

Кухня будущего. Рис. М. Раковского

«Кухня» получила широкий отклик в журналах и газетах в США (в том числе в *New York Times*) и за рубежом. Её назвали одним из 100 лучших проектов года.

Арка — любимый приём Раковского, лейтмотив многих его строений. Она снимает жёсткость пропорций, она — знак пространственного сфумато, т. е. мягкости переходов, когда линия не обрублена, а продолжает движение. Панегирик арке.

— А как же в доме на 75-й улице — ведь там нет арок?

— Как нет? А тройная аркада лоджии фасада? Весь смысл в ней...

Несмотря на три стеклянные с полукруглым верхом двери, ведущие в лоджию, парадный второй этаж дома смотрелся довольно тёмным и тесным — лестница в середине отделялась от гостиной стеной. Никому не приходило в голову её убрать. М. Р. рискнул.

— Коли клиенту не понравится, мы восстановим её в два счёта.

Стена разобрана — свет хлынул в дом, словно плотину прорвало. Клиенту не просто понравилось — он был ослеплён. Как нигде, здесь проявилась разработанная ещё в Питере тема «перспективной планировки». Каждый поворот при движении по дому открывает новую перспективу: на анфиладу комнат, камин, выход в сад, окно с городской панорамой, видом на море или далёкие холмы. В результате здание перестаёт быть мрачным, становится сквозным и прозрачным. Прорывы в загромождённом пространстве, освобождение перспектив на все стороны света, введение ярких цветов в интерьер — весь этот праздник для каждодневной жизни возник с рождением триумвирата Билла, Тони и Миши, когда Раковский стал работать в «Diamond Baratta Design».

Билл Даймонд, эксперт рынка интерьерной архитектуры, ученик Де Кунинга, обладает феноменальным чувством цвета и его поведения в зависимости от угла падения света и цветового окружения. Тони Баратта, искусствовед, своеобразный рисовальщик, вносящий в свои дизайнерские эскапады ноту пародии. Эти два человека отлично поняли «раковский» петербургский вкус, «раковские» безошибочные пропорции, знание конструкций и инженерной оснастки здания. Теперь можно было спокойно выражать себя, делать, что хочешь, не боясь ошибиться. Сила и профессионализм каждого были залогом. Однако...

Они пригласили М. Р., когда получили заказ на новый дом. Билл думал о «chataux» с «cour d'honeur», т. е. здании, П-образном в плане. Миша возражал, что в относительно небольшом доме, подобная концепция приведёт к преобладанию больших коридоров и тесному жилью. Билл и слушать не желал. Но М. Р. знал — представить П-образную планировку клиенту — значит потерять единственный заказ, бывший в тот момент у фирмы, она может закрыться, и он лишится работы.

Придя в офис раньше всех, Раковский сделал набросок простого прямоугольного плана, который удовлетворял всем требованиям клиента. Появился Тони, понял эскиз, быстро согласился с решением. Билл вошёл незамеченным, тут же вспылил.

— Если ты не согласишься с Мишей, я выхожу из фирмы, — сказал Тони.

— А я, — сказал Раковский, — пошёл пить кофе.

Когда вернулся, видит: Билл с Тони деловито обсуждают детали новой планировки. В тот же день заказчице отправили эскизы, и она их приняла с полным одобрением. Появились новые заказы.

Огромная и напряжённая работа велась одновременно над дюжиной городских и загородных резиденций. Ежемесячный итог — публикации в разных журналах.

Время перестройки коттеджа около Лондона для звезды гольфа похоже на фильмы про заграничную жизнь, которые мы смотрели в России. Каждые три недели наш герой, разодетый, с дипломатом в руке, летел на 7 дней в Лондон. Ему снимали номер с комнатой для конференций в старинном респектабельном отеле. Там окна ресторана открыты в настоящий английский парк, четыре официанта подают утренний кофе, и роллс-ройс ждёт, чтоб мчать М. Р. на стройку.

Традиционная конструкция английских загородных домов — толстые кирпичные стены и деревянные перекрытия — резко отличается от американских, где внутренние перегородки, как правило, не несущие, их можно легко передвинуть или убрать. Поэтому предложение коренной перепланировки коттеджа, которое Билл и Тони обсуждали с клиентом на первой встрече, М. Р. отверг. Разборка и возведение новых тяжёлых внутренних стен не только дорого стоит. Английские лёссовые почвы капризны. Новые фундаменты внутри существующего абриса здания могут вызвать оседания, трещины, обрушения. Но клиент, мощный спортсмен двухметрового роста, требовал увеличения площади, большой гостиной и такой же спальни. Р. предложил, сохраняя стиль, попросту пристроить для этих помещений новый корпус, соединив его со старым зданием осадочным швом. Новая гостиная оказывалась продолжением нынешней, но с полом, пониженным на три ступеньки. В парадную спальню над ней из холла второго этажа вели три ступеньки вверх, делая новую гостиную в полтора раза больше старой. Спальня была задумана тоже высокой — с трапециевидным потолком за счёт чердака. Гостиная завершалась застеклённой верандой. На её крыше — балкон новой спальни. Оттуда открывается идиллический вид, как на полотнах Клода Лоррена, которым ландшафтные архитекторы Англии любили подражать. Заказчик сиял, почтил М. Р. пожатием руки.

Сохранить стиль — легко сказать. Старому коттеджу почти сто лет. Его конструкция — фахверк — остов из брусьев чёрного морё-

Дом в Англии. Рис. М. Раковского

ного дуба с заполнением красным кирпичом из Кента или штукатуркой — традиция со времён средневековья. Примерно так был застроен Лондон до пожара 1666 года. Но где достать эти старинные материалы? Особенно плоскую черепицу на крышу с замшелостью чудесного зелёного цвета. В газетах были размещены объявления. Агенты подрядной фирмы колесили по всей Англии: искали дома, пошедшие на слом, или компании, торгующие материалами после разборки. Образцы доставлялись на стройку, М. Р. отбирал.

В связи с этим, несколько раз звонил некий джентльмен, приглашал посетить его фабрику под Лондоном, обещая редкое дерево для интерьеров. М. Р. отнекивался: внутренняя отделка утверждена, перемены могут повлечь срыв графика. Тот настоял. Бородатый, на лесовика похожий, он ходил по бывшему самолётному ангару, показывая штабеля старинных досок, паркетов и балок. Никелированными щипчиками рабочие вытаскивали ржавые гвозди, заделывали следы, простругивали рубанком. Напоследок протирали воском. Дерево начинало янтарно светиться.

— Что за порода? — спросил Раковский

— Ты должен знать лучше меня, — сказал «лесовик» — балтийская сосна, её Пётр Великий для своего флота сажал. Тут сверкнуло: «... всё, чем для прихоти обильной торгует Лондон щепетильный и по балтическим волнам за лес и сало возит нам...» Условия жизни этих деревьев необычны: «лес, неведомый лучам», рос «в тумане спрятанного солнца». О петровских посадках забыли на сто лет, потом этот лес, проданный в Англию, выстоял уже в качестве

«грубых» конструкций ещё двести. Та сосна, которую М. Р. знал по России, быстрорастущая в питомниках, смолистая, с крупным рисунком, хороша только под покраску. А это дерево — как драгоценность: годовые кольца настолько плотны, что недоступны насекомым; за долгое время смола пропитала все волокна и затвердела. Если отшлифовать поверхность, то пропитка и лакировка не нужны. Конечно, полы и мебель в доме нашего гольфера выполнили из балтийской сосны. С тех пор дерево для своих проектов Раковский выписывает из Англии.

Дом для состоятельных людей в Америке и Европе не только жильё, но и место для неофициальных деловых встреч. Именно на них устанавливаются связи, решаются миллиардные сделки. Такие встречи готовятся, как спектакль, с режиссурой, текстом «роли» для каждого участника и репетициями. Только «актёры» играют самих себя. Декорациями же становится реальная архитектура дома и его интерьеров. Получается, что стиль здания — жизненная необходимость, а не ответ на прихоть клиента.

Для «Diamond Baratta Design» ведущим направлением была американа, т. е. традиционная американская архитектура, начиная с «пионеров». В широком спектре американы лучший, первозданный момент, конечно, стиль «Шейкер» («Shaker»), связанный с религиозной сектой трясунов. Пуританский уклад жизни сказался на архитектуре их домов и до сих пор популярной мебели, которую они производили на продажу. Только такой — чистый, строгий — минималистский, но чрезвычайно элегантный стиль был приемлем для Mrs. G., жены крупнейшего нью-йоркского дельца, связанного с правительством США.

Для архитектурного дизайна загородного дома на берегу океана, планировки и декорирования она наняла «Diamond Baratta Design» и местную архитектурную фирму для выполнения рабочих чертежей и строительного надзора. Иначе не обойтись: дом огромный, сложный, с сотней помещений.

Обмер — первая и важнейшая часть проектирования, неофиту вообще непонятная, трудоёмкая и нудная. Но М. Р. не ропщет — ему необходимо всё прочувствовать самому. Со своей всё достигающей рулеткой он летает по дому, присматривается, простукивает конструкции, прослушивает его как пациента. И не скажешь, из подсознания архитектора или из недр постройки возникает новый образ.

Существующий одноэтажный дом с чердаком и, отдельно, гаражом вытянут между дорогой на океан и садом. Гараж и дом — со-

единить вестибюлем с видом и проходом в сад. С помощью вереницы мансардных окон сделать жилым чердак, создав серию спален и ванн. Парадную же спальню, чердачную изгнанницу с потолком на голове, увеличить за счёт большой мансарды, выходящей на океан. Со стороны пляжа пристроить обширный павильон, сквозной, двусветный, с огромными полукруглыми окнами-дверями в сад и на воду. Пропилеи к океану. Возникший угол «разрубается» большой циркульной лестницей.

Как в любой концепции, здесь, как в эмбрионе, все моменты будущей постройки: экстерьеры и интерьеры, конструкции и декорации, инженерные системы дома. Десятки эскизов и вариантов, согласования сметы с заказчиком. Наконец, предварительные чертежи. Материал так подготовлен, что не боишься передать его в другие руки.

Но здесь загвоздка. Архитекторы нанятой в помощь фирмы не дали себе труда вникнуть в концепцию, что-то произвольно изменили, и тотчас нарушились пропорции и геометрия планировки. Перегородки оказались не там, где надо. Путаница, и, в конце концов, остановка строительства. Когда М. Р. прибыл спасать положение, подрядчик (его звали Ричард) был вконец расстроен: Mrs. G. фирму-то уволила, но сроков не изменила. Дата окончания была приурочена к большому официальному приёму. М. Р. утешал Ричарда, но тот безнадёжно махнул рукой: как же, мол, без чертежей.

Раковский сходу перемерил пострадавшую часть дома, чтобы определить ущерб. Затем верные позиции внутренних стен, встроенной мебели и циркульную лестницу — вычертил прямо на полу, точней — на фанерном настиле, ибо времени было в обрез. (Так Ф. Брунеллески чертил планы своего купола прямо на прибрежном песке реки Арно).

Работа закипела. Через неделю стены возведены на законных местах. Подрядчик возрадовался, что вошёл в график, немедля пригласил паркетчиков и позвонил М. Р. в Нью-Йорк:

— Полы готовы.

— Как, а чертежи?

«Напольные» чертежи исчезли. Горевать — опять некогда, опять на коленях, на полу, до рассвета. Полноразмерные чертежи восстановлены, но, слава Богу, теперь — на рулонной кальке. Сэкономлено время на возвращение в офис, выпуске нового комплекта чертежей, проверке их правильности подрядчиком и, наконец, на изготовление шаблонов. С встроенной мебелью, книжными и платяными шкафами, кухонными шкафчиками, проблем не предвиделось.

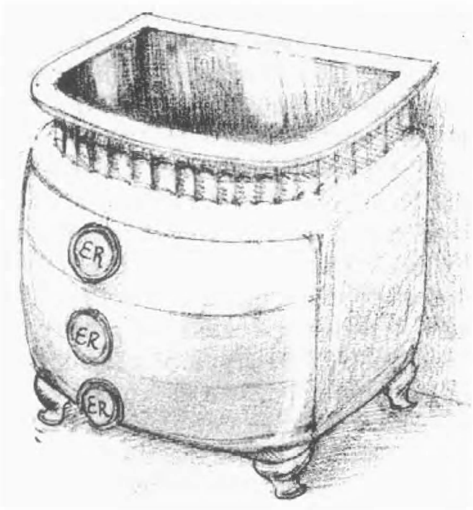
Но фирма, предложенная подрядчиком для изготовления главной лестницы, была незнакома, и М. Р. попросил личной встречи. «Тогда самое быстрое — отреагировал Ричард — частный самолёт, — я плачу». Они рванули на местный аэродром. М. Р. со своими темплетами втиснулся позади пилота двухместного биплана стародавней конструкции. Пилот был невозмутим и важен и, несмотря на тряску и грохот, через 25 минут благополучно приземлил музейную редкость с Раковским в штате Род-Айленд. Уже через 10 минут шло выяснение отношений с изготовителем, не согласным с деталями лестницы. В разгар спора из каптёрки прибежала взволнованная секретарша: «Мистера Раковского срочно к телефону». Звонил Билл Даймонд. М. Р. хотел вовлечь его в переговоры, но того интересовало только, жив ли Миша после такой «авантюры».

В 1994 году «Даймонд Баратта» пригласили обновить знаменитый отель «Eden Rock» («Райская скала») во Флориде, построенный в 1956 году по проекту популярного тогда Мориса Лапидуса (семья его из Одессы, бежала от погромов в 1902 году). Он был настоящим шоуменом и всю свою архитектуру стремился превратить в пышное театральное зрелище. Его девиз — «to much is never enough» («и слишком много — недостаточно»), тогда как лозунг архитектора М. ван дер Роэ был совсем иным — « less is more» («чем меньше тем лучше»). М. Р. с детства боготворит ван дер Роэ, но в связи с нашим эпизодом замечает, что «less» — меньше, стоило гораздо «more» — больше, чем рядовая архитектура. Выдающийся американец компенсировал минимализм дорогими материалами — на его шедевр, небоскрёб «Seagram» в Нью-Йорке (1954), только литой бронзы для фасадов ушло 150 тонн. Лапидус же допускал излишества с использованием даже красок и штукатурки. Его отели в Майами стали готовой декорацией для голливудских фильмов и местом отдыха актёров и режиссёров.

К 60-м годам избыточная архитектура стала неприемлема. Президент Американского Института архитекторов высмеял Лапидуса в отеле, построенном по его проекту. В 80-х — переоценка. Приз за оригинальность. Статьи в защиту в научных журналах. Эпоха постмодернизма.

«Diamond Baratta Design» застала архитектора в живых. Он прислал полный комплект чертежей с дарственной надписью — «...от Мориса Лапидуса, с большим уважением». М. Р. досконально изучил чертежи. Ещё раз убедился, что позиция фирмы — декоративность, театральность — лишь одна из функций архитектуры наряду с другими, никак не противоречит, скорее родственна концепции

Лапидуса (почему «D. B. D.» и была приглашена). Оставить старую планировку и, соответственно декор — невозможно — всё предельно обветшало и технически устарело. В проекте реконструкции — новые системы кондиционирования, компьютерное обеспечение и замена санитарного оборудования. Что касается оформления, то решили освежить интерьеры бирюзовым цветом и развить театральную стилистику «Miami Style» в интерпретации Лапидуса. В качестве объединяющей темы М. Р. предложил мотивы итальянской комедии. Он рисовал, остальные критиковали, добавляли, прерывали работу взрывами хохота. Штатив торшера превратился из традиционной колонны в каннелированную морковку с крошечным шутовским беретом. Ручки комода ухмылялись лихими кавалерийскими усами. Ночной столик — Пьеро в жабо, с большими пуговицами-ручками (на каждой ER, знак отеля) на пухлом животе из ящиков, нависающем над ножками поросячьих пропорций. Это, конечно, были карикатуры на мебель, на классические стили — постмодернистский стеб. Руководство отеля утвердило эскизы.



Ночной столик для гостиницы «Eden Rock».
Рис. М. Раковского

«Eden Rock» продолжал напоминать о себе «Д. Б. Д». и после завершения проекта. Вышел новый альбом песен Мадонны, снятой на бирюзовом фоне одной из спален «Eden Rock». Журнал *Vogue* поместил серию фотографий манекенщиц в тех же интерьерах. В обоих случаях это было сделано без ведома авторов. Финал «Eden Rock»— настоящие слёзы клоуна. В 2005 году «Marriott International» скупил весь «Миллионерский ряд» отелей в Майами, большая часть которых связана с именем Лапидуса. Как и все они, «Eden Rock» был полностью перестроен на минималистско-коммерческий лад. Мебель из номеров была поставлена на аукцион и продана молниеносно. Глава «D. B. D.», примчавшийся в Майями, едва успел выкупить два торшера по цене, во много раз превы-

шавшей их себестоимость. В свою очередь, он разместил их в особняке одного из клиентов с изрядной прибылью.

На благотворительный проект оформления гостиницы при Еврейском госпитале на Лонг-Айленде м-р Даймонд не поскупился, выложив 250 тыс. долларов на проектирование и строительство. Госпиталь предложил России помощь в лечении детей, пострадавших в чернобыльской катастрофе. Через три месяца прилетали 200 больных с родителями. Предстояла бездна работы. Здание гостиницы выглядело настолько тоскливо, что и у здорового вызывало депрессию. Однако после своей «инспекции» Раковский нашел интересное решение: двусветный холл за вестибюлем был стеклянным и пустым. Коллега Тони тут же предложил поставить в центре игрушечный дом. М. Р. немедленно развил: боковые стены холла использовать для кукольных домов, а в центре — игрушечная пожарная команда с каланчой, воротами и телевизором внутри. Через 3 месяца «лилипутская площадь» покрылась ковром цвета травы с рисунком жёлтых дорожек; на нём зелёные бархатные диваны и кресла — как купы кустов и деревьев. Стояли деревянные кукольные дома в викторианском стиле. Красные черепичные крыши, мансарды и башенки с флюгерами — всё как настоящее, только меньше, потому что для детей от 3-х до 6-и. Зато даже в самые шикарные кукольные дома можно только заглянуть, а в этих дети могут играть. На торжественном открытии фирма была в полном составе. Нарядная девочка из первого ряда вскарабкалась на сцену, прервав ход событий — и растерялась, приготовилась плакать. Ведущий спросил зал, кто может переводить. М. Р. — на сцене, девочка у него на руках.

— Как тебя зовут? — (то же в микрофон по-английски).

— Оксана. А где моя мама?

— Мама здесь. А тебе нравится играть в наших кукольных домах?

— Да, — прошептал ребёнок.

Бурные аплодисменты.

Работать в «Diamond Baratta Design» было интересно. Взаимопонимание профессионалов давало чувство комфорта. Каждый проект — повод для рабочего изучения эпохи, вживания в её стиль. Недостатки: сам себе не хозяин; собственное кредо — чистое формообразование — было стеснено. Горечь от нереализованной привычки создавать свой образ, палитру настроений без подспорья, без ссылок на какой-либо исторический стиль, будь то Шейкер или даже Мис ван дер Роэ. «Сам себе хозяин» взялся за реконструкцию

Гарлема. Район, когда-то один из лучших, до последнего времени был в таком запустении, что мало кто знал о наличии там превосходной архитектуры. Люди, хорошо знакомые с работами М. Р. в «Diamond Baratta Design», надеялись на его участие в возрождении 139-й Западной улицы — редкого для Нью-Йорка ансамбля, созданного известными нью-йоркскими архитекторами конца XIX века McKean, Mead and White. Северная сторона — из красно-охристого кирпича, южная — из жёлто-охристого, с серыми штукатурными вставками. Старые деревья с густыми кронами превращают улицу в тенистую аллею. В перспективе, на холме, готические башни City College сгущают романтическое настроение. Череда владельцев десятилетиями делала внутри зданий, что хотела. Приходилось обрушивать все прогнившие полы и перегородки, тщательно реставрировать фасады и создавать современные интерьеры. Планировочный талант Михаила Раковского нашёл самую благодатную почву: маленькие пространства он превращает в большие, максимально использует площадь, прорубает свои сквозные перспективы. При этом — бережное отношение к любой сохранившейся детали. Чуткий настрой на сохранение духа архитектуры, которую призван возродить. Дань уважения к прежним архитекторам, в соответствии с врачебным принципом — «не навреди». И это, между прочим, принцип петербургской школы: ансамбль города на Неве смотрится творением единомышленников.

Архитектура — как стихи, которые «растут из неведомо какого сора». Детская ли коляска даёт толчок, рыхлая ли земля склона или журнал мод. А может — созерцание картин, опыт прежних проектов, или память о лекциях по сопротивлению материалов легендарного профессора Гастева. Как фотография в тёмной комнате, первый импульс начинает проявляться, когда он соприкасается с жизнью: умелостью рабочих и прорабов, ограничениями местных строительных законов, вкусом заказчика и всегда недостаточной сметой. Художник пользуется палитрой красок. Палитра архитектора — сама реальность.

[1] Махогани — тропическое дерево, относится к твердолиственным породам, встречается в Центр. и Южн. Америке, Африке, Австралии, Юго-Вост. Азии. *Примеч. ред.-сост.*

[2] Каннелюра (*фр.* cannelure) — вертикальный желобок в колонне. *Примеч. ред.-сост.*

НАУКА

Чарльз Спивак, один из пионеров борьбы с туберкулезом в США[1]

Джиэн Абрамс (Денвер, США)

«Каким то образом ему удавалось получать все необходимое для своих пациентов. Он был кудесник — это все, что я могу о нем сказать». Так отзывалась о своем отце 93-х летняя дочь доктора Чарльза Дэвида Спивака в интервью, данном в 1988 г. Похоже, что ее оценка была недалека от действительности. После смерти Спивака в 1927 г. его называли *«одним из наиболее популярных деятелей американской медицины и видным представителем американской еврейской общины»*.

Врач, гуманист, писатель, публицист, лингвист, администратор, борец за общественную систему здравоохранения и решение других социальных проблем, доктор Спивак был человеком Возрождения своего времени. В первые два десятилетия XX века, будучи директором одного из крупнейших в США туберкулезных санаториев, он стал одной из ведущих фигур в деле борьбы с этим заболеванием. В то время туберкулез был одной из главных причин смерти в Америке, и штат Колорадо с его сухой и солнечной погодой, получил название «всемирного санатория», куда съезжались тысячи туберкулезных больных в надежде исцелиться от недуга.

Когда Спивак родился в России в 1861 г. в ортодоксальной еврейской семье очень скромного достатка, не было никаких оснований предположить, что он станет столь знаменит в Америке. Хаим был единственным выжившим из 11 детей Деворы Спиваковской. Его детство и юность прошли в России, где он получил традиционное еврейское образование. Будучи способным к языкам, Хаим свободно владел русским, идиш и ивритом. В тайне от родителей он читал газеты и классическую литературу, включая произведения писателей еврейского Просвещения. Благодаря интенсивному самообразованию, юноша сдал экзамены и поступил в старший класс русской гимназии.

Подобно многим молодым еврейским интеллектуалам того времени, он был против репрессивного царского правительства и существующих социальных порядков, в особенности калечащих жизнь ограничений, которым подвергались евреи. В то же время, он глубоко почитал русский язык и русскую культуру. Спивака привлекала идея утопического будущего своей страны, в котором все сословия и национальности будут жить в достатке и согласии.

В юношеском возрасте он стал членом радикального социалистического кружка. Хаим принадлежал к сравнительно небольшой группе молодых российских евреев, которые восприняли идеи социализма еще до приезда в США. На собраниях кружка Хаим и его друзья горячо обсуждали злободневные проблемы и читали радикальную литературу, включая американскую Декларацию независимости. Один из них вспоминал, что Спивак «был ироничным и обладал чувством юмора. К тому же, он хорошо владел пером». Хаим писал яркие сатирические статьи для местного бюллетеня, которые предопределили его будущий успех в качестве публициста. Они же привлекли к нему внимание властей, которые установили за ним слежку.

Под угрозой ареста за политическую деятельность, Спивак в 1882 г. покинул Россию. Он и его приятель были тайно перевезены в поезде через границу, затем достигли Гамбурга и отплыли в Нью-Йорк, куда и прибыли в мае 1882 г. На этом же пароходе был Абрахам Каган, в будущем известный писатель и редактор крупнейшей газеты на идиш *Jewish Daily Forward*, дружбу с которым Хаим сохранил на долгие годы.

Ч. Спивак, 1920-е годы

Поначалу жизнь в Америке, на этой «золотой земле», как ее называли иммигранты, не была легкой для Спивака. Он думал вступить в еврейскую сельскохозяйственную колонию[2], но этот план не осуществился. Подобно другим еврейским иммигрантам из Восточной Европы, Спивак быстро обнаружил, что дороги в Америке не только не вымощены золотом, но, что повергло его в шок, он сам же

должен был их мостить, и отнюдь не этим драгоценным металлом. Именно такой была его первая работа на 5-ой Авеню в Нью-Йорке; потом наш герой разгружал вагоны и этим зарабатывал на жизнь.

Как и многих иммигрантов, временами его одолевали чувства одиночества и отчаяния. Спустя 20 лет он вспоминал: «*После насыщенной политикой жизни в России и разочарований в наших идеях, мы, первые российские иммигранты, чувствовали себя в Америке потерянными — без цели, без будущего...*»

Поворотный момент в судьбе Спивака наступил в 1883 г., когда он стал рабочим суконной фабрики в Лисбон Фолсе в штате Мэйн. Работа была изнурительной, часто по 12 часов в ночную смену, с мизерной оплатой в полтора доллара в день, но его согревало дружеское отношение местных жителей. Здесь Хаим превратился в Чарльза, и его новые друзья настоятельно советовали ему научиться, по их выражению, «говорить по-американски». В Лизбон Фолсе 22-х летний еврейский иммигрант усиленно занимается английским. Впоследствии он стал ярким оратором и отличным англоязычным публицистом, но сохранил любовь к родному идиш на всю жизнь, и доказательством тому было его соавторство в создании популярного идиш-английского словаря в 1911 г. Именно в Мэйне зародилась любовь Спивака к Америке. Он писал редактору местной газеты, что жизнь в Лизбон Фолсе была «*начальной школой американской демократии, в которой я изучил язык и нравы людей этой величайшей в мире республики. Каждый ваш житель внес вклад в то хорошее, что есть во мне*».

Политические взгляды Спивака существенно изменились уже после первого года пребывания в Америке. Радикальный революционер стал превращаться в умеренного социал-демократа и пылкого американского гражданина.

В 1884 г. Спивак на короткое время вернулся в Нью-Йорк, затем уехал в Нью-Джерси, где недолго работал сельскохозяйственным рабочим и учителем в еврейской колонии. Отсюда его путь лежал в Филадельфию, где началась новая глава жизни Чарльза.

На собственном опыте Спивак убедился, что быть рабочим в США, даже на тяжелых работах, это далеко не то, что быть рабочим в России, и что политические взгляды, усвоенные им в России, зачастую неприменимы на его новой родине. Как заметил один остроумец, «*все социалистические утопии улетучиваются в соприкосновении с американским ростбифом и яблочным пирогом*». По словам одного из друзей Спивака, в Америке «*он открыл новый мир. Здесь революции были не нужны. Возможности для успеха были открыты для всех*».

Эти новые возможности предстали перед Чарльзом в Филадельфии, где он работал библиотекарем, учителем и иногда красильщиком шкур — все для того, чтобы содержать приехавшую мать и платить за учебу в медицинском колледже. Спивак решил, что, когда он станет врачом, перед ним откроются новые пути служения людям. На протяжении всей жизни он рассматривал медицину скорее как призвание, чем профессию, дающую средства к существованию. Если на улицах Нью-Йорка, на текстильной фабрике в Мэйне и в сельскохозяйственной колонии в Нью-Джерси он получил начальное представление о том, что такое Америка, то десять лет жизни в Филадельфии завершили его «высшее образование» в этой области. Здесь развились его задатки лидера, выкристаллизовались политические взгляды, и началась успешная медицинская карьера.

Спивак закончил с отличием медицинский колледж Jefferson в 1890 г. Он стал любимцем местной общины евреев-выходцев из Германии, для которых молодой доктор был моделью русского иммигранта, «добившегося этого» в Америке. Он также становится популярным оратором и видным деятелем общины восточно-европейских евреев, с которыми он никогда не порывал связей. Несмотря на религиозный агностицизм, в числе его близких друзей и союзников был Сабато Мораис, духовный лидер старейшей ортодоксальной синагоги в Филадельфии. Имея обширную частную практику и будучи руководителем отдела гастроэнторологии в филадельфийской Политехнической клинике, Спивак вместе с двумя коллегами-евреями открыл бесплатную амбулаторию для бедных иммигрантов. Три доктора принимали еженедельно около 50 больных и выдавали им рецепты лекарств всего за 25 центов.

В Филадельфии Спивак встретил и полюбил Дженни Чарски, яркую и привлекательную еврейку-иммигрантку из России, которая была младше его на 10 лет и исповедовала радикальные анархистские идеи. Они поженились в 1883 г. в соответствии с ортодоксальными еврейскими традициями, хотя оба относились к религии весьма сдержанно. Когда вскоре у них родился сын, он прошел традиционный обряд обрезания. Через два года, в 1895 г., у супругов появилась дочь, они переехали в более просторный дом и стали типичными представителями американского среднего класса.

В Филадельфии продолжалась дальнейшая эволюция политических взглядов Спивака. В начале 1890-х годов он лечил русского радикала и будущего идишистского писателя Леонида Кобрина, который работал в «свитшопе» и получил травму руки. Вылечив пациента, доктор дал ему твердый совет относительно радикальной

политики и взглядов. Он предупредил друга-писателя, что анархизм непрактичен и слишком сосредоточен на туманных идеалах, что лучше заняться улучшением сегодняшней жизни и отойти от радикальных идей, как это сделал он сам. Хотя идеализм и приверженность к реформам никогда не покидали Спивака, он все чаще подчеркивал важность того, что может улучшить жизнь людей здесь и теперь по сравнению с далекой утопией.

С годами Дженни и, в особенности, Чарльз, проявляли все больший интерес к своим еврейским корням, и в этом тоже проявился противоречивый характер Спивака. Будучи ассимилированным евреем и «стопроцентным американцем», он поначалу отвергал многие еврейские традиции, однако постепенно вернулся к некоторым из них. Говорят, что доктор всегда покупал новый набор посуды на Пасху и платил взносы в денверские синагоги. Его дочь Дина вспоминала, что «папа был религиозен на собственный лад». Ей вторила внучка: « Дедушка был глубоко религиозным человеком, но не во всем следовал книжным законам». Что мы знаем наверняка — это то, что Спивак искренне верил в идеалы иудаизма, основанные на справедливости и милосердии.

Ключом к пониманию его возросшей религиозности была свобода, обретенная им в Америке. В России отрицание религии было связано с неприятием государственного устройства. Как заметил один из современников Спивака, «*молодежь в России восставала против власти церкви и государства. Мы отстранялись от веры отцов... и отвергали все — и ценное, и не столь важное, что было в старых учениях*». Однако в США, где граждане пользовались свободой религиозных отправлений, и религия была отделена от государства, многие нашли привлекательным соблюдение религиозных традиций хотя бы в качестве элемента культурной идентификации.

В 1896 г. начинается новый и наиболее важный период в жизни доктора Спивака. В этом году у Дженни обнаруживают начальную стадию туберкулеза, и Чарльз принял нелегкое решение переехать в Денвер, штат Колорадо, в надежде на то, что она здесь поправится. Отъезд Спивака из Филадельфии расценивался, как большая потеря для города, где он снискал репутацию прекрасного клинициста, исследователя, практикующего врача и видного деятеля местной еврейской общины.

Спивак был в числе многих других врачей, приехавших в Колорадо на рубеже веков. К этому времени в штате проживало около трети всех американских врачей. Их привело сюда не только стремление улучшить материальное положение, но зачастую состояние

собственного здоровья или здоровья близких, как это было в случае Спивака.

Радушный прием, оказанный Спивакам в Денвере, отражал благожелательное отношение к евреям, приехавшим жить и работать на американском Западе, где они рассматривались как носители морали, культуры и порядка в этих мало обжитых и населенных местах.

Вскоре по приезде в Денвер, Спивак приобретает известность, как диагност и завоевывает уважение коллег как доктор, использующий в своей практике новейшие достижения медицины и глубоко понимающий нужды пациентов.

Уже в первый год он становится помощником профессора на факультете медицины денверского университета, а также профессором анатомии и главой отделения гастроэнторологии.

Спивак был первым профессором-евреем местного университета. Его лекции по такому скучному предмету как анатомия, пользовались большой популярностью у студентов. Как говорил один из них, *«мертвые кости, мускулы, нервы и кровеносные сосуды обретали в его лекциях новую жизнь и как бы начинали функционировать заново»*.

Ч. Спивака избрали секретарем медицинского колледжа в Денвере и Арапахо в 1897 г. и президентом Колорадского медицинского общества в 1902 г. Его статьи публиковались в респектабельных научных журналах. Некоторые из них носили интригующие названия, как например, «Желудок сигнализирует. Почему? С чего начинать исследования?», которая появилась в обычно серьезном *Журнале Американского медицинского общества* в 1905 г.

Он был инициатором создания единого медицинского каталога, в который поступали все научные публикации из местных медицинских библиотек. Эта новаторская инициатива получила повсеместно высокую оценку. Он же редактировал издававшийся в Колорадо журнал *Медицинские библиотеки* и популяризировал достижения медицины и гигиены. Для своего старого приятеля Абы Кагана и его газеты *Jewish Daily Forward* он пишет серию статей о личной гигиене, одна из которых называлась «Не ложись в чистую постель с грязными ногами».

В 1880-е годы поток больных устремился в Колорадо, хотя здесь не было ни одного туберкулезного госпиталя, и все заботы о них ложились на местные религиозные и этнические общины. Туберкулезники буквально умирали на улицах города, когда Френсис Джейкобс, немецкая еврейка, занялась организацией Националь-

ного еврейского госпиталя. Ее называли «матерью благотворительности» за неустанную и обширную филантропическую деятельность, но она не дожила до открытия госпиталя. Когда Спивак прибыл в Денвер, госпитальное здание было уже возведено, но оставалось бездействующим, так как для его оборудования требовались дополнительные средства. Благодаря усилиям немногочисленной еврейской общины Денвера, госпиталь был все же открыт в 1899 г. Хотя официально это медицинское учреждение не отдавало предпочтения никаким этническим группам, большинство его пациентов были малоимущие евреи-эмигранты из Восточной Европы, которые заболели туберкулезом в крупных густо населенных городах восточного побережья США. Деятельность Спивака была тесно связана с этой группой больных.

Лечение в Национальном еврейском госпитале было бесплатным и соответствовало лучшим медицинским стандартам своего времени. Однако его деятельность регулировалась строгими правилами, основанными на новейших понятиях об эффективности, которые применялись ко всему без разбора, включая благотворительность. Следуя этим новомодным идеям, в госпиталь принимали только больных с начальной формой туберкулеза, у которых были хорошие шансы на выздоровление, и на срок не более 6 месяцев. Пациенты должны были иметь при себе 50 долларов, на которые они могли бы вернуться домой без помощи местной еврейской общины. До 1923 г. госпиталь не обеспечивал больных кошерной пищей, утверждая, что блюда, включающие яйца, мясо и молоко, наиболее полезны для больных туберкулезом. Это было прямым нарушением законов кашрута и оскорбляло религиозные чувства евреев-эмигрантов из России, многие из которых были ортодоксами. Более того, восточно-европейские евреи чувствовали, что руководство госпиталя относится к ним, как к бедным родственникам.

Спивак приложил много усилий, чтобы изменить госпитальные правила. Он настаивал на том, что нельзя бросать на произвол судьбы больных с поздними стадиями туберкулеза, что это противоречит еврейской традиции милосердия, и установленные правила являются выражением благотворительности, основанной «на рассудке, а не на велении сердца». Потерпев неудачу в попытках изменить политику госпиталя, Спивак установил контакт с организацией малоимущих еврейских иммигрантов, многие из которых были больны туберкулезом. Когда обнаружилось, что они собрали всего один доллар и десять центов на строительство нового еврейского санатория, Спивак и несколько его коллег обещали поддержку этому проекту.

На первом собрании учредителей в 1903 г. Спивак был избран секретарем или, по современной терминологии, исполнительным директором вновь созданного санатория Еврейского общества помощи больным туберкулезом.

Вплоть до своей смерти в 1927 г., Чарльз оставался во главе санатория[3], и взгляды руководителя отчетливо проявились во всем, начиная с решения любой медицинской проблемы до установления правил общения персонала с пациентами и сбора пожертвований. Его социалистическое прошлое и обостренное, свойственное евреям, чувство ответственности перед больными и неимущими выразились в совете, данном участнику компании по сбору средств для санатория: *«Не трать много сил на то, чтобы встретиться с нашими богатыми собратьями. Если мы хотим, чтобы санаторий был народным, он должен полностью содержаться на деньги народа. Давайте собирать с миру по нитке»*.

Относительно лечения пациентов, Спивак, по словам современника, был «пионером в применении новых методов лечения больных и бедных». Это нашло отражение в девизе санатория, взятом из Талмуда: «Тот, кто спасает одну жизнь, спасает весь мир». С самого начала Спивак провозгласил, что санаторий намерен *«проводить политику, в корне отличную от политики родственных организаций, и полностью исключить из его деятельности все, что напоминало бы пациентам, что они — нахлебники общества»*. Санаторий не только предоставлял бесплатное лечение, но, по настоянию Спивака, провозгласил принцип, что независимо от финансового положения больного, он обязан внести свой посильный вклад в лечение менее состоятельного собрата по несчастью. Иными словами, план Спивака по охране здоровья основывался на скромных пожертвованиях тысяч людей, в основном представителей трудящихся классов, а не на государственных субсидиях.

Спивак был одним из первых врачей в США, который понял важность создания для пациентов условий, учитывающих их этническую и религиозную принадлежность. В санатории они продолжали соблюдать традиционные религиозные обряды, и, в то же время, получали знания о правах и обычаях новой страны. При его участии многие пациенты проходили культурную адаптацию, в ходе которой старые традиции мирно уживались с современностью — этому принципу следовал и сам Спивак.

Взгляды Спивака на жизнь были уникальной смесью идишкайт[4], социализма и общечеловеческих ценностей. Он чувствовал себя в своей тарелке, проводя традиционный пасхальный ужин для па-

циентов, разъясняя Шекспира или празднуя с большим энтузиазмом национальный американский праздник День 4 июля.

Путь Чарльза от российского радикала до уважаемого американского врача был не совсем обычным и представлял альтернативную модель аккультуризации иммигранта, достойную изучения. Она предполагает взаимовлияние иммигранта и окружающей его культурной среды. На примере Спивака можно проследить, как эмигранты, которые покинули свои страны в поисках свободы и обрели ее в США, формировали американскую историю. Спивак полностью воспринял американскую культуру, но сделал это весьма своеобразно — ему удалось совместить русскую, еврейскую и американскую идентичности. Не в пример многим другим представителям первого поколения еврейских иммигрантов, полностью отказавшимся от своих национальных корней, Спивак сохранил связи и с иудаизмом, и со своими собратьями-евреями.

Когда он умер в 1927 г., его оплакивала вся американская еврейская община, в жизни которой он сыграл столь важную роль; отмечались также его выдающиеся заслуги в борьбе с туберкулезом.

Противоречивый дух Спивака проявился и в завещании, согласно которому его внутренние органы должны были быть захоронены на еврейском кладбище Golden Hill в Денвере, а скелет отправлен в анатомический театр Еврейского университета Палестины. Похороны прошли в соответствии с волей покойного. Его старый приятель и коллега, доктор Хиллковиц[5], мрачно шутил, что Спивак продолжает преподавать анатомию студентам Еврейского университета в Иерусалиме и после своей смерти.

Изучая жизнь Спивака, я оценила остроту его интеллекта, впечатляющий список достижений и публикаций и, в особенности, глубину сочувствия ко всем, кто в нем нуждался. Один из коллег Спивака сказал о нем: «*Доктор Спивак был редким человеком, излучавшим с самого начала знакомства доверие и дружелюбие. Его лучезарная улыбка, теплое рукопожатие вызывали у вас желание приветствовать его словами: "Шалом алейхем[6], Хаим. Где ты был все эти годы? Как много я потерял, не зная тебя раньше!"*»

Мне жаль, что я не встретила доктора Спивака, но я рада возможности познакомить вас с его жизнью.

Приложения[7]

1. Выборочный список публикаций д-ра Ч. Спивака.

C. D. Spivak. The Union Catalogue of Medical Books and Some of the Private Medical Libraries in the City of Denver (Единый каталог

медицинской литературы и некоторые частные медицинские библиотеки в г. Денвере). *The Colodado Medical Journal* 3 (1897): 214.

Dr. Charles Spivak. Rest — a Neglected Factor in the Treatment of Gastro-Intestinal Disorder (Отдых — забытый фактор в лечении гастроинтестинальных нарушений). *Journal of the American Medical Association* 21 (July 30, 1898): 216.

Spivak, Dr. Charles. The Medical Libraries of the United States (Медицинские библиотеки в США). *Medical Libraries Supplement* (January 1899): 1.

Spivak, Dr. Charles. Medical Reprints (Оттиски медицинских статей). *Journal of American Medical Association* 39 (1902): 1018.

Dr. C. D. Spivak. Pulmonary Tuberculosis, the Care of Advanced Cases — a Plea for Scientific, Practical and Humane Methods of Eradicating the White Plague (Туберкулез легких. Лечение тяжелых случаев — призыв к научным, практическим и гуманным методам искоренения этой болезни).*The Sanotorium* 1 (May 1907): 65–66.

C. D. Spivak. The Genesis and Growth of the Jewish Consumptive Relief Society (Возникновение и рост Еврейского общества помощи больным туберкулезом). *The Sanatorium* 1 (January 1907): 5; (September 1907): 139.

Dr. Charles Spivak. Past Mortem Examination Among the Jews — A Historical Sketch and a Plea to Jewish Physicians (Посмертное освидетельствование евреев — исторический очерк и призыв к врачам-евреям). *New York Jornal of Medicine* (June 13, 1914): 1185.

C.D.Spivak. The Jews of West Colfax (Евреи с улицы West Colfax). *The Denver Jewish News*, March 12, 1915, 10.

C.D.Spivak. Why Jews are not Prohibitionists (Почему евреи против запрещения продажи спиртных напитков). *The Denver Jewish News*, January 7, 1916, 1–2.

C. D. Spivak. Rabbi Hirshberg He Does Not Like Yiddish (Рабби Хиршберг, который не любит идиш). *The Denver Jewish News*, May 5, 1916, 140.

Dr. C.D. Spivak. Meeting the Problem of the Indigent Tuberculosis Among the Jews (Проблема неимущих больных туберкулезом среди евреев). *The Sanatorium* 13 (January–March, 1919): 3.

Dr. C. D. Spivak. Sholom Aleihem and When the Editor Is Away (Шолом Алейхем, и Когда редактор в отъезде). *The Sanotorium* 14 (October–December, 1920): 34

C. D. Spivak. The Federated Jewish Charities Movement in the United States (Централизованная еврейская благотворительность в США). *The Sanatorium* 15 (October–December, 1921): 41–45.

C. D. Spivak. The Mortality of the Jews in Denver (Смертность среди евреев Денвера). *The Sanatorium* 18 (January–March 1924):6.

Dr . C. D. Spivak. Contribution of Colorado Jewish Physicians to Medical Literature (Вклад врачей-евреев Колорадо в медицинскую литературу). *The Denver Jewish News*, July 24, 1924, 10.

Dr.C.D.Spivak. The JCRS Launches a New Enterprise, a Home for All Ex-Patients Who Are Working (Еврейское общество помощи больным туберкулезом начинает новый проект, дом для работающих бывших пациентов). *The Sanatorium* 18 (October–December, 1924): 91.

Spivak, Dr. Charles. A Bio-Ethnological Study of the Organized Medical Profession of the State of Colorado (Био-этнологическое исследование лиц медицинской профессии в штате Колорадо). *Colorado Medicine* 23 (1926): 188–194.

Часто упоминаемый в списке *The Sanatorium* — журнал, издававшийся в Денвере Еврейским обществом помощи больным туберкулезом. Ч. Спивак был его редактором с 1911 г. и постоянным автором. Он был также одним из основателей и первым редактором еврейской газеты *The Denver Jewish News*.

2. В лекции проф. Абрамс не нашло отражения интересное событие в жизни Ч. Спивака, описанное в ее книге о нем — шестимесячная поездка доктора в 1920 г. в послевоенную Польшу в качестве эмиссара «Джойнта» по вопросам здравоохранения еврейского населения страны. Спивак посетил не только Польшу, но и оккупированные ею территории; он побывал в Варшаве, Вильно, Минске, Бобруйске, Киеве и других местах, посетил множество частных домов, приютов и медицинских учреждений, встречался с простыми людьми, видными еврейскими общественными и религиозными деятелями, врачами. По результатам поездки он составил отчет, в котором описал бедственное положение медицинского обслуживания еврейского населения Польши и прилегающих территорий и указывал меры по его улучшению, среди которых особенно подчеркивал необходимость внедрения широких образовательных программ по вопросам личной гигиены и санитарии.

3. В качестве приложения мы публикуем некролог Ч. Спиваку, написанный его коллегой и другом доктором Ф. Хиллковицем и напечатанный в журнале *The American Review of Tuberculosis. National Tuberculosis Association, American Trudeau Society*, № 16, 1927. Сокращенный авторизованный перевод с английского *Э. Зальцберга*

Чарльз Дэвид Спивак (1861–1927)

Со смертью доктора Спивака в Денвере 17 октября 1927 г. движение за создание туберкулезных санаториев потеряло одного из своих пионеров и бескомпромиссного борца. Он поселился в Денвере в 1896 г. и жил здесь до самой смерти. Вскоре по приезде в Колорадо Чарльз активно включился в общинную и профессиональную жизнь. Он читал лекции по анатомии на медицинском факультете Денверского университета и позднее возглавил отдел гастроэнторологии этого же факультета. Как специалист в области лечения желудочно-кишечных заболеваний, он заслужил репутацию отличного лечащего врача и пытливого исследователя, часто публиковавшегося в медицинских журналах.

Доктор Спивак был плодовитым автором. Согласно данным, опубликованным в 1921 г. в юбилейном (по случаю 50-тилетия) номере журнала Колорадского медицинского общества, список его работ включал 75 публикаций. Следует отметить, что сам этот номер вышел благодаря настойчивости и энергии доктора Спивака. Статьи Чарльза не ограничивались медицинской тематикой. Он был человеком разносторонних интересов, и ничто человеческое было ему не чуждо. Хорошее знание иврита и талмудических текстов и знакомство Спивака с известным идишистским поэтом Ехоашем привели к публикации ими совместной работы, посвященной употреблению ивритских выражений в языке идиш.

Спивак часто печатал популярные статьи на медицинские темы в газетах на идиш. Его энергия находила применение и в области литературы. Так, он рецензировал исследования по теме «Образ врача в литературе», в которых рассматривались представители медицинских профессий в произведениях Шекспира, Мольера и других видных драматургов и писателей.

Его главные достижения связаны, однако, с борьбой с туберкулезом, которой он посвятил более двух десятилетий своей жизни. Чарльз был одним из учредителей Еврейского общества помощи больным туберкулезом и, со времени его основания в 1903 г. и до своей смерти, состоял его бессменным секретарем и определял его политику. Санаторий общества был основан в 1904 г., когда распространенным было мнение, что лечить следует только больных с начальной стадией туберкулеза. В те времена считалась ересью сама мысль о том, что в медицинских стационарах можно лечить больных и с начальной, и с развитой формами заболевания. Доктор Спивак, движимый сочувствием, которое было неотъемлемой частью

его натуры, проповедовал среди членов еврейской общины именно эту идею, и она нашла поддержку. Впечатляющее развитие санатория от шести палаток в 1904 г. до оборудованного современной техникой медицинского учреждения, рост числа коек с восьми до трехсот, обеспечение работой в санатории 75 бывших пациентов — все это свидетельства гуманности и проницательности доктора Спивака.

Его любили все, кто соприкасался с ним. Мягкость характера, сочувствие к больным и нуждающимся делали Чарльза движущей силой в сфере социального обеспечения , и его боготворила вся еврейская община, особенно ее малоимущая часть.

Вместе с учеными, боровшимися с туберкулезом медикаментозными средствами, доктор Спивак был организатором системы медицинских учреждений для планомерного лечения больных, пораженных этим недугом. Когда будет написана история борьбы с туберкулезом, Чарльз Дэвид Спивак займет в ней достойное место как создатель современных туберкулезных санаториев.

[1] Лекция, прочитанная проф. Д. Абрамс на одиннадцатых Мемориальных чтениях по еврейской истории в университете г. Денвер в феврале 2010 г. Авторизованный перевод с английского *Э. Зальцберга.*

[2] О еврейских сельскохозяйственных колониях в США и Америке см: *А. Менес.* Ам-олам — вечный народ // Русские евреи в Америке (РЕВА). Кн. 2. Ред.-сост.*Э. Зальцберг.* Иерусалим-Торонто-Санкт-Петербург, 2007. С. 9–27; *Э. Путятина.* Эмиграция евреев из России в Южную Америку в конце XIX – начале XX вв. // РЕВА. Кн. 3. Ред.-сост. *Э. Зальцберг.* Иерусалим-Торонто-Санкт-Петербург, 2009. С. 9–23. *Примеч. ред.-сост.*

[3] Руководимый д-ром Спиваком санаторий был, по существу, целым комплексом, включавшим больничные корпуса, садово-парковые участки, водонапорную башню и ферму, которая снабжала больных свежей птицей, яйцами, молоком и овощами. На ферме на добровольных началах работали легко больные пациенты санатория. *Примеч. ред.-сост.*

[4] Идишкайт (*идиш*) — вековой уклад жизни, язык идиш, культура восточноевропейского еврейства. *Примеч. ред.-сост.*

[5] Филип Хиллковиц (ум. 1948) родился в России, ребенком вместе с родителями иммигрировал в США. В 1897 г. окончил медицинский колледж в г. Цинциннати и в том же году начал практиковать в Денвере. С 1904 г. по 1948 г. был президентом Еврейского о-ва помощи больным туберкулезом и в течение многих лет руководил вместе с д-ром Спиваком санаторием об-ва. В качестве доктора участвовал в Первой мировой войне. Владел 14 языками. *Примеч. ред.-сост.*

[6] Шолом алейхем (*идиш*) — мир вам. *Примеч. ред.-сост.*

[7] Приложения 1 и 2 составлены *Э. Зальцбергом* по материалам монографии: *Jeanne E. Abrams.* Dr. Charles David Spivak. A Jewish Immigrant and the American Tuberculosis Movement. UP of Colorado, 2009.

Элла Фридман

Алина Иохвидова (Торонто)

На интернетовских сайтах Толидского университета, Огайо, США, до сих пор существуют странички Эллы Фридман, профессора этого университета, специалиста в области термодинамики — одной из сложнейших областей механики, требующей глубоких знаний математики и физики.

Женщина — специалист столь высокого уровня в этой области науки, — явление достаточно редкое. Чаще всего женщины избирают либо гуманитарное направление знаний, либо биологию или медицину.

Э. Фридман

На одном из сайтов можно также прочитать сообщение об ее трагической гибели в автомобильной аварии летом 2008 года. Авария произошла в пяти минутах от дома Эллы и Изи Фридманов в Салине, пригороде университетского города Энн Арбор, штат Мичиган.

В некрологе в университетской газете *UT News* от 7 июля 2008 г. было написано: *Доктор Элла Фридман (г. Салин, Мичиган), сотрудник технического факультета (College of Engineering), погибла в результате автомобильной аварии 19 июня, в возрасте 57 лет. Она поступила на работу в качестве ассистента на отделение инженерных технологий в 1993 году. В 2003 году стала старшим преподавателем этого отделения, а в 2006 г. — профессором.*

С того момента, когда Элла впервые приехала на работу в Толидский университет зимой 1992 года и до этой трагедии, прошло 16 лет. Впрочем, работой назвать это было бы натяжкой: ей предложили место в так называемом пост-доке, т. е. место стажера, защитившего докторскую диссертацию и «нарабатывающего» научный и педагогический стаж для продолжения академической карьеры. Место это обычно временное, всего на один учебный год, и нет никакой гарантии, что такого стажера оставят на этом месте на следующий год. И зарплата выплачивается им минимальная. Как хорошо сказал один наш знакомый стажер, как раз хватает на поддержание штанов.

Во всяком случае, в банке, где до этого устроилась работать Элла Фридман, недавно иммигрировавшая с семьей из Киева, она получала зарплату повыше.

Пошла же она работать в банк вскоре после приезда в США, проучившись на курсах английского всего месяцев шесть. Конечно, необходимо было зарабатывать на жизнь. Но ее муж Изя Фридман, по образованию математик, уже устроился по своей основной специальности — программистом. Их единственный сын Алик был студентом университета. И, в целом, можно было бы не торопиться с трудоустройством, немного, так сказать, «отдохнуть», оглядеться по сторонам... Но такое отношение к жизни было совершенно не в характере Эллы, она не могла себе позволить «плыть по течению». Элла сразу поняла, что и новый язык, и умение общаться с новыми людьми придут лишь в процессе работы.

Конечно, в своем резюме, составленном для банка, она не указала, что у нее полное университетское образование, защищенная кандидатская диссертация, несколько опубликованных статей и глубокие научные знания. Как многие эмигранты из Советского Союза, она была «сверхквалифицированным» работником, а таковым, как правило, отказывают в приеме на работу на позиции, требующие более низкого уровня образования. Какое-то время ей удавалось «не выскакивать», не выделяться на общем уровне. С работой кассира в банке она успешно справлялась, баланс в конце рабочего дня у нее всегда был в порядке, и все шло благополучно. Но однажды ее «разоблачили». Один из сослуживцев спросил у нее: «Сколько будет 3 процента от 100 долларов?», и Элла немедленно ответила: «3 доллара». Он посмотрел на нее с недоверием и сказал, что если 100 разделить на 3, то получится 33, а не 3 и пошел спрашивать у своего менеджера. Менеджер сказал, что это понять тяжело, но ей можно верить. И тогда она осознала, что не сможет так дальше жить — притворяться невеждой, чтобы быть «такой, как все» и выполнять работу ниже своего потенциала.

Вот что рассказывает муж Эллы:

«Не знаю, как это пришло Эллочке в голову, это было какое-то вдохновение. Она пошла в научную библиотеку и стала искать коллег-механиков по спискам литературы. Однажды ей удалось набрести на список лауреатов каких-то академических наград в своей области механики, с указанием университетов, где они работали. Она послала каждому лауреату поздравительное письмо и заодно попросила о содействии найти работу по специальности. И свершилось чудо! Как и следовало ожидать, в большинстве

случаев адресаты ничего не ответили, но нашлись два человека, которые ответили ободряющими письмами, хотя ничего конкретного в тот момент не могли предложить, и один человек, который предложил ей позицию пост-дока в Толидском университете. Этим человеком оказался декан инженерного факультета, на котором она впоследствии проработала столько лет».

Это было трудное решение — ехать одной в совершенно чужой город, на временную работу с мизерной зарплатой. Тяжелей всего было расставаться с семьей: хоть сын уже учился в университете, но это было недалеко от Стамфорда, где они первоначально поселились. Изя же не мог ехать, бросив работу, — ведь неизвестно было, оставят Эллу на следующий учебный год или нет.

Но и это было не самым суровым испытанием. Элле предстояло не просто заниматься научными исследованиями, но и преподавать студентам. Разумеется, на английском, который к тому моменту был еще не очень хорошо освоен.

Те, кому приходилось впервые выступать перед аудиторией юных слушателей (пусть не сорванцов-школьников, но и отнюдь не взрослых людей), хорошо поймут, как это тяжело и страшно! Даже если тебе нужно говорить на родном или хорошо усвоенном языке. Но на иностранном, который ты учил всего лишь год — это далеко не всем по силам.

Элла решила, что честность будет лучшей политикой. На первом же занятии она сказала студентам, что приносит извинения за возможные ошибки в английском и надеется на их снисходительное отношение и сотрудничество. И этим сразу же расположила к себе аудиторию. Но это был, как говорится, кредит доверия. Главное же заключалось в том, чтобы суметь показать слушателям свои знания предмета и передать эти знания им. Вот этот последний момент часто служит камнем преткновения для многих, даже выдающихся, ученых. Обладая глубокими знаниями и генерируя научные идеи, они часто оказываются не способными донести их до учеников. Конечно, многим приемам преподавания, методике, можно научиться (этому и впрямь следует учиться всю жизнь). Но если человек не наделен педагогическим талантом, то этот труд превращается для него и для слушателей в пытку.

У Эллы до этого момента не было возможности узнать, есть у нее педагогический дар или нет, поскольку в Киеве она была научным сотрудником в академическом Институте технической теплофизики (она не порвала научные связи с ним и после эмиграции[1]). И вот, к счастью, выяснилось, что этот дар есть, просто он был до сей поры не

востребован. За те годы, что она проработала в университете, пройдя путь от стажера до профессора, этот талант раскрылся в полной мере.

Элла не просто стала любимым профессором для многих студентов, она внесла много нового в методику преподавания теоретической механики. Она быстро поняла богатые возможности компьютеризованного обучения и начала разрабатывать компьютерные курсы по прикладной термодинамике с использованием сложной компьютерной анимации и моделей. Не будучи сама профессиональным программистом, она разрабатывала дизайн программ, а выполняли его коллеги по университету, заинтересовавшиеся этими разработками.

Но это все будет поздней, когда Эллу, наконец, возьмут в штат университета. Пока же она овладевала новой терминологией и азами преподавания. И вот первый учебный год позади. И — вот успех — в отделении Инженерной технологии открылась позиция ассистента-профессора. Элла прошла многочисленные интервью и победила в конкурсе на эту позицию. Это была настоящая победа, хотя предстоял еще очень долгий путь и упорная борьба. И не только со своими проблемами, но и с теми, которые возникли неожиданно после многих лет успешной работы в Толидо.

Здесь следует пояснить некоторую специфику работы в университетах США. Формально, все профессорские должности в университетах считаются «постоянными», но при этом первый контракт о найме, который новоиспеченный ассистент-профессор заключает с университетом, имеет срок действия в 5 или 6 лет, т. е. не является бессрочным (т. н. «tenure-track»). По истечении 5–6 лет специальная комиссия изучает результаты работы соискателя за эти годы: сколько статей и в каких журналах опубликовано, сколько грантов удалось получить, как много студентов защитилось под его руководством, хорошо или плохо читает он лекции и т. п. Если комиссия остается удовлетворена результатами работы, то соискателя повышают до associate и одновременно подписывают с ним бессрочный контракт, т. е. дают ему «full tenure».

У Эллы после шести лет работы в Толидском университете были самые блестящие данные. И научная работа была на высоте, и преподавателем она стала превосходным, и коллеги к ней относились исключительно хорошо. Все рекомендации и документы были готовы для того, чтобы принять ее в штат. И вдруг... Неожиданно декан, который принял Эллу на работу, покинул свой пост. На его место пришел другой человек, из другого университета. И понял так, что его назначили на должность «новой метлы». Действовал он весьма энергично и агрессивно: решив, что теперь самое время

перевести к себе под крыло своих друзей и близких, он начал «мести» территорию, дабы освободить вакансии для этих людей. Конечно, он не мог трогать постоянных сотрудников (постоянные имеют «tenure»), всю свою энергию новый декан обрушил на тех, кто должен был получать «tenure» в том году. Увы, Элла тоже попала под удар, несмотря на единогласное решение администрации о том, чтобы взять ее в штат. Если бы ее уволили из университета, пришлось бы все начинать почти с нуля. Элла не отчаивалась, она готова была бороться, но ей было в это время очень тяжело.

И вновь случилась неожиданность, на сей раз хорошая. В Толидо есть городская газета *The Toledo Blade*, т. е. *Лезвие* — газета серьезная, она стала лауреатом Пулитцеровской премии в 2004 году. В соответствии со своим названием, она отличалась крутым сатирическим правом. Почему-то университет часто находился в буквальном смысле на ножах с этим печатным органом. И вот одна из журналисток узнала о том, что в университете уже несколько лет работает иммигрантка из Советского Союза. Женщина преподает студентам теоретическую механику! Это был оригинальный сюжет. Журналистка сначала собрала материалы, а потом встретилась с Эллой для интервью, причем для Эллы это было неожиданностью.

И вот статья появилась в газете. Разумеется, в университетских кругах ее тут же прочитали, и Элла получила поздравления. А декан понял, что будет выглядеть очень некрасиво, если после этого вдруг возьмет да уволит ее.

Впрочем, сам он недолго пробыл на этом посту, через некоторое время он уже подал на пост ректора, где и продолжал свою кадровую политику. Но вскоре терпение у всех лопнуло, и ректор вынужден был покинуть и этот пост, на этот раз окончательно.

Справедливость восторжествовала, и Элла до самого конца работала в своем родном университете. Там она прошла все ступени от доцента (associate professor — соответствие должностей лишь частичное) до профессора (full professor).

При этом она всегда занималась общественной работой, и очень ответственной. Например, университет осуществляет связь со школой. Толидский университет проводил занятия с учителями школ, причем делал упор на неблагополучные районы. Многие преподаватели этих школ стремились к улучшению и своих знаний, и к повышению качества обучения. Элла много времени уделяла этим курсам, проводила встречи со школьниками даже во время летних каникул. Если говорить честно, она очень уставала, но не бросала этой работы, хотя денег за это не платили. Но однажды ее руково-

дитель сумел «выбить» деньги для оплаты этой сверхурочной работы. И только тогда Элла решилась от нее отказаться. Она это объяснила таким образом: раньше она не могла бросить это дело, так как подвела бы своего коллегу. А теперь, когда за труд будут платить деньги, можно будет легко найти кого-то на замену. Здесь ярко выразился характер Эллы Фридман, ее повышенное чувство ответственности за любую выполняемую работу.

Это была не единственная общественная работа, Эллу регулярно выбирали в различные общественные комитеты, призванные следить за соблюдением прав преподавателей. И она относилась к этому отнюдь не формально, всегда делала все, чтобы защитить несправедливо обиженных сотрудников.

Для более эффективного обучения студентов Элла предложила проект по созданию интерактивного курса[2] по прикладной термодинамике. Разработанный ею веб-сервис дал возможность студентам активно заниматься самообучением и оценивать достигнутый ими уровень знаний[3].

Вообще, это необычайно развитое стремление прийти на помощь, поддержать выделяло ее среди многих. Среди нас немало добрых людей, но многие ли из них будут добиваться защиты чьих-то прав, особенно когда речь идет о не очень близких знакомых?

А вот она не отворачивалась от чужой беды, всегда бросалась на помощь. Даже тогда, когда для этого требовалось добиться личной поддержки сенатора. Такой конкретный случай произошел однажды, когда одному киевскому знакомому не давали въездной визы в США. Ситуация была сложной, и мало было надежды на успех. Но Элла не пожалела сил и времени, она сама переводила многие юридические документы, составляла письма и прошения, добилась помощи сенатора Либермана и, в итоге, положительного решения иммиграционных властей.

Она старалась опекать и всех своих домашних. Сын Алик уже работал в Нью-Йорке, только иногда навещая родителей и бабушку с дедушкой. Вскоре он женился, и через некоторое время Элла и Изя получили в подарок внука. Элла просто не могла нарадоваться на малыша, действительно очаровательного. Она сказала, конечно, в шутку, что бросит все — и университет, и науку, и будет сидеть с внуком. Но ей в какой-то мере удалось осуществить и эту мечту и пожить рядом с внуком, сыном и невесткой Ширли, когда на седьмой год работы она получила традиционный «саббатикл» — т. е. год, когда преподаватели университета могут выбрать любой другой университет, чтобы заниматься там только наукой.

У нее были большие планы, связанные не только с университетской наукой, но и с написанием учебника совместно с отцом, профессором физики Абрамом Дорфманом. Элла была душой всей семьи, и ее родители не только любили дочь и гордились ею, но и были с ней связаны очень крепкими духовными и профессиональными узами. Как мы видим, она пошла по стопам своего отца в науке (мама Эллы — преподавательница английского). Переехав в США, А. Дорфман не бросил занятий наукой, посещал семинары в университете и начал писать учебник по физике. Элла охотно помогала отцу, и работа была близка к завершению. Но книга вышла в свет через год после гибели Эллы[4]. К счастью, их другие совместные работы были опубликованы еще при жизни Эллы[5]. Не довелось ей увидеть и младшую свою внучку Эмили — та родилась несколько месяцев спустя после смерти бабушки.

Все, кто знал Эллу Фридман, были потрясены ее смертью. Запомнилось несколько слов среди множества, произнесенных в день ее похорон. Один из студентов, бывший в числе большой делегации от университета, провожавшей Эллу в последний путь, сказал, что она был лучшим профессором из всех, кого он знал в университете.

Одним из последних взял тогда слово раввин — Эллу хоронили по еврейской традиции. Он сказал, что ему очень трудно найти слова утешения, что он понимает, насколько несправедлива и недоступна нашему разумению совершившаяся трагедия. Но какой-то смысл, скрытый пока от нас, во всем должен быть.

«Если бы знать, если бы знать...»

[1] *Eugen Duban, Ella Fridman.* Relaxation process modeling in a turbulent boundary layer with nonzero free stream turbulence. *Mathematical Problems in Engineering.* 3 (1997), (3): 255–265.

[2] *Ella Fridman, Maruthi Devarakonda.* Thermal-Fluid Sciences Laboratory Course. ASME 2003 International Mechanical Engineering Congress and Exposition (IMECE2003) November, 15–21, 2003. Washington DC, USA. Paper no. IMECE2003–42382. P. 75–79.

[3] *Ella Fridman, Susan Shelangoskie.* Utilizing Multimedia Tools in Undergraduate Thermodynamics. ASME 2005 International Mechanical Engineering Congress and Exposition (IMECE2005) November, 5–11, 2005. Orlando, Florida, USA. Paper no. IMECE2005–81612. P.487–494.

[4] *Abram S. Dorfman.* Conjugate Problems in Convective Heat Transfer. CRC Press, Taylor & Francis Group, 2009.

[5] *Abram Dorfman, Ella Fridman.* Unsteady Discharging of Wet Vapor From a Vessel. ASME 2005 Summer Heat Transfer Conference collocated with the ASME 2005 Pacific Rim Technical Conference and Exhibition on Integration and Packaging of MEMS, NEMS, and Electronic Systems (HT2005). July 17–22, 2005, San Francisco, California, USA.

Abram Dorfman, Ella Fridman. Vapor quality measurement by a discharging calorimeter. Fluid Phase Equilibria — Elsevier. Volume 244, Issue 1, 5 June 2006. P. 46–51.

ОБ АВТОРАХ И РЕДАКТОРАХ

Джиэн Лихтман Абрамс защитила докторскую диссертацию в 1983 г. в ун-те Колорадо (г. Денвер) на тему «В поисках лечения: ранняя история Еврейского о-ва больных туберкулезом в Денвере». В наст. время-профессор Центра еврейских.исследований ун-та Колорадо. Автор многочисленных статей и монографий по истории евреев в Денвере и на американском Западе. Ее последняя монография посвящена жизни д-ра Чарльза Спивака (Dr. Charles David Spivak. A Jewish Immigrant and the American Tuberculosis Movement. UP of Colorado, Boulder, Colorado, 2009).

Наталия Вячеславовна Апчинская окончили Ленинградский ин-т им. И. Е. Репина в 1967 г. Кандидат искусствоведения, Засл. деятель искусств РФ, вед. научн. сотрудн. Музея народов Востока в Москве. Автор свыше 200 публикаций, посвященных французскому искусству XVIII–XX вв., российским художникам XX в. и изобр. искусству Кавказа, Закавказья и Ср. Азии XX в.

Неля Белая — искусствовед, до эмиграции жила в Ленинграде. После окончания ун-та работала в Эрмитаже, сейчас — в музее Метрополитен в Нью-Йорке. Автор критических статей и ритмизованной прозы.

Яков Гельфанд — см. его автобиографический очерк в наст. издании.

Эрнст Абрамович Зальцберг родился в 1937 г. в Ленинграде. Окончил Ленинградский Горный ит-т в 1960 г. и Ленинградскую консерваторию в 1967 г. Кандидат геол.-минералог. наук (1971). Автор многочисленных публикаций в области гидрогеологии. Интересуясь проблемами музыкально-исполнительского искусства, опубликовал ряд статей и рецензий о выдающихся исполнителях в газетах *Новое русское слово* (Нью-Йорк), *Эксодус* (Торонто) и журналах *Clavier*, *Journal of the Conductor Guild*, *East European Jewish Affairs*, *Strad*. 10 статей Эрнста Абрамовича были напечатаны в сериях «Евреи в культуре русского Зарубежья» и «Русские евреи в Зарубежье». Автор книги «Great Russian Musicians: From Rubinstein to Richter» (Mosaic Press, 2002). Ред.-сост. пяти книг серии «Русские евреи в Америке».

Алина Иохвидова родилась в Одессе. В 1967 г. вместе с семьей переехала в Воронеж, где поступила в ун-т на французское отделениефак-таромано-германскойфилологии. В 1982 г., после окончания аспирантуры Московского ин-та иностранных языков им.

М. Тореза, защитила кандидатскую диссертацию. С 1973 по 1983 г. работала в Ин-те земного магнетизма АН СССР переводчицей, с 1983 по 1992 г. — доцентом в Воронежском Пед. ин-те. В 1992 г. эмигрировала в Израиль и затем в Канаду (1995). Автор статей, рецензий, переводов французской поэзии, а также книги стихов и прозы «Время уносится прочь» (Торонто, 2009).

Илья Куксин, по специальности инженер-гидролог, канд. техн. наук.

Работал в НИИ Арктики и Антарктики и в Ин-те водных проблем АН БССР. Автор около 300 научн. публикаций по инж. гидрологии, использованию и охране водных ресурсов. Публиковался также в исторических и энциклопедических изданиях Белоруссии. В Америке с 1990 года. Принимал участие в ряде научных проектов. Со второй половины 90-х годов публикуется в русскоязычных журналах и газетах США. Автор статей о выходцах из России, принесших мировую славу Америке — Ипатьеве, Сикорском, Зворыкине, Тимошенко, Леонтьеве. Опубликовал материалы о единственном русском генерале, герое Гражданской войны в США, бывшем полковнике Ген. штаба российской армии И. В. Турчанинове (в Америке его называли Джон Базил Турчин), о пребывании адмирала Макарова и его сына в Америке.

Анатолий Либерман родился в 1937 г. в Ленинграде. Доктор филолог. наук. В США с 1975 г., профессор Миннесотского ун-та. Основные области исследования: языкознание, средневековая германская и русская лит-ра, фольклор, поэтический перевод. Автор около 500 публикаций, в том числе 16 книг.

Розина Нежинская преподает европейскую литературу и историю искусств в Иллинойском ун-те в Урбан-Шампэнь (США). Окончила Сорбоннский ун-т и защитила докторскую диссертацию в Иллинойском ун-те. Автор трех сборников стихов на русском и английском языках и книги «Зинаида Венгерова: в поисках прекрасного. Литературный посол между Западом и Востоком». Организатор и куратор двух выставок в Иллинойском ун-те и автор каталогов, выпущенных в связи с выставками. Первая выставка, «Александра Прегель: в поисках себя», была организована в 2006 г., вторая — «Сергей Чепик: между Западом и Востоком», состоялась в 2009 г. В настоящее время работает над книгой о создании мифов и над сборником докладов, прочитанных на Международной конференции «Символизм, его корни и его последствия», которую она организовала в Иллинойском ун-те в апреле 2009 г.

Ирина Владимировна Обухова-Зелиньска родилась в Москве. Основные специальности: переводчица и искусствовед. Член Междунар. Ассоциации искусствоведов (AIS); участница междунар. конф. и семинаров. Выйдя замуж за польского журналиста, стала гражданкой Польши и переехала в Варшаву. Автор статей по искусству и культурологии конца XIX — первой половины XX вв. Председатель Общества друзей Анненкова (www.annenkoff.narod.ru) и организатор мероприятий, связанных с этим О-вом; публикатор и переводчик Анненкова, автор статей о нем, издатель бюллетеня Вопросы анненковедения. Автор многочисленных статей и писем, опубликованных в ЕВКРЗ, РЕВЗ и РЕВА.

Михаил (Аронович) Пархомовский родился в 1928 г. в Одессе. Окончил Саратовский мед. ин-т. Работал врачом на Дальнем Востоке, с 1954 г. — в Москве. После защиты канд. диссертации был старшим научн. сотрудником в Ин-те железнодорожной гигиены. Последние годы жизни в Москве работал в консультативных поликлиниках. Автор 50 научн. работ. 35 лет реферировал научн. лит-ру для биологического и медицинских журналов. Автор книги о З. Пешкове «Сын России, генерал Франции» (1989, 1999). С 1990 г. живет в Израиле. В 1992–1996 гг. — сост., гл. ред. и издатель серии «Евреи в культуре Русского Зарубежья» (5 томов). На базе этого издания организовал НИ центр «Русское еврейство в Зарубежье». В 1998–2003 г.г. — сост., гл. ред. и издатель серии книг «Русское еврейство в Зарубежье», тома 1(6)–5(10).

Автор-состав. и гл. ред. книги «Евреи России в Зарубежье» (очерки истории). Иерусалим, 2008. Удостоен званий *Человек года*-1998 в США и *Человек года*-1997/98 в Англии, лауреат премий Анны Хавинсон (США) и Розы Эттингер (Израиль).

Гирш Райхельсон родился в Витебске в 1933 г. Окончил Ленинградский Политехнический ин-т (1957) . Работал на станкостроительном заводе в Витебске (конструктор, начальник цеха, главный металлург). В 1973 г. защитил кандидатскую диссертацию. С 1975 г — доцент Витебского Технологического ин-та . Автор 32 научных публикаций, 29 изобретений, награждён пятью медалями ВДНХ СССР и удостоен звания «Заслуженный изобретатель БССР». С 1990 г. живёт в Нью-Йорке, регулярно печатается в русскоязычной прессе в США и Беларуси.

Кит Триббл защитил докторскую диссертацию в ун-те Вашингтона (Сиэттл); в настоящее время — профессор русского языка и литературы в Оклахомском гос. ун-те. Автор книги «Marionette

Theater of the Symbolist Era». Edwin Mellen Press (Lewiston, New York), 2002 и многочисленных статей о Гиппиус, Мандельштаме, Клоделе, Сазоновой, Евреинове, опубликованных в журналах и сборниках статей в США, Франции и России.

Евсей Цейтлин — культуролог, литературовед, критик, прозаик. Родился 24 сентября 1948 г. в Омске. Окончил факультет журналистики Уральского ун-та им. Горького (1969), Высшие литературные курсы при Литературном ин-те им. Горького (1989); канд. филолог. наук (1978).

Автор книг: «Долгие беседы в ожидании счастливой смерти» (1996; 2001, 2009; на немецком — из-во «Rowohlt», 2000; на литовском — 1997), «Писатель в провинции» (М., «Советский писатель»,1990), «Голос и эхо» (1989), «Вехи памяти» (1987; совместно с Львом Аннинским), «На пути к человеку» (1986), «О том, что остается» (1985), «Долгое эхо» (1985; на литовском — 1989), «Свет не гаснет» (1984), «Жить и верить...» (1983), «Всеволод Иванов» (1983), «Сколько дорог у "Бронепоезда №14-69"» (1982), «Так что же завтра?..» (1982), «Всегда и сегодня...» (1980), «Беседы в дороге» (1977).

Был гл. редактором альманаха ***Еврейский музей*** (Вильнюс). С 1996 г. — в США, редактирует чикагский ежемесячник ***Шалом***. Член Союзов писателей Москвы, Литвы, российских писателей, междунар. Пен-клуба (Writers in Exile).

Шуламит Шалит окончила Литературный ин-т им. Горького в Москве, работала журналистом, редактором, переводчиком. Автор более 250 эссе и статей по литературе и искусству. В Израиле — с 1980 года. С 1987 г. — зав. отделом библиографии Центральной библиотеки г. Рамат-Гана. С 1991 г. — автор и ведущая популярной программы «Литературные страницы» радиостанции «РЭКА». Ш. Шалит принадлежит огромная заслуга в открытии в г. Рамат-Гане Музея русского искусства имени Марии и Михаила Цетлиных и атрибутировании многих полотен художников из коллекции Цетлиных. Ее монография «С одним я народом скорблю...», опубликованная к открытию Музея, выдержала два издания и перепечатывалась во многих журналах и газетах. Её новое исследование-эссе «Россия далекая, образ твой помню...» — о семье Цетлиных, их окружении, об истории коллекции и о создании Музея русского искусства в Израиле, опубликовано в каталоге, выпущенном к открытию 7 июня 2003 г. в Третьяковской галерее выставки «Коллекция Марии и Михаила Цетлиных». В

2005 году в изд-ве Филобиблон (Иерусалим) вышла её книга «На круги свои...» о выдающихся деятелях еврейской культуры и о еврейской теме в творчестве представителей других культур.

Дан Харув родился в Бобруйске (Белоруссия) в 1948 г. В 1973 г. окончил исторический факультет Московского Педагогического ин-та. С 1977 г. в Израиле. В 1982 г. окончил факультет истории еврейского народа Иерусалимского ун-та. В 1979–1990 гг. работал в Ин-те современного еврейства, музее Яд ва-Шем и Краткой еврейской энциклопедии. С 1977 г. — зам. редактора ежегодника «*Евреи на перепутье / Евреи бывшего СССР в Израиле и диаспоре*». Специализируется в областях еврейской историографии, демографии, истории восточных общин евреев бывш. Советского Союза и истории иудаистики. Опубликовал более 70 статей. С 1998 г. автор, редактор и консультант по истории еврейского народа НИ центра «Русское еврейство в Зарубежье».

Геннадий Эстрайх вырос в идиш-говорящей семье, жившей до 1941 г. в одном из пяти еврейских национальных районов, существовавших на территории нынешней Украины. С 1986 г.печатал рассказы и статьи в московском еврейском (идиш) литературном журнале *Советиш геймланд*. В 1988–1991 гг. был ответственным секретарем журнала. В 1991 г. переехал в Оксфорд, где совмещал академическую и литературную деятельность, работал в Оксфордском ин-те идиш и в Лондонском ун-те, редактировал литературный журнал *Ди пен*. С 2003 г. — профессор языка идиш в Нью-Йоркском ун-те. С 1998 г. — постоянный автор нью-йоркской евр. газеты *Форвертс*, с 2000 г. — со-редактор журнала *East European Jewish Affairs*, с 2006 г. — редактор нью-йоркской газеты для студентов, изучающих идиш, *Вайтер*, с 2007 г. — со-редактор нью-йоркского журнала *Цукунфт*. Автор и редактор книг, включая учебник Intensive Yiddish (1996) и монографий Soviet Yiddish: Language Planning and Linguistic Development (1999, на базе докторской диссертации, защищенной в Оксфордском ун-те в 1996 г.); In Harness: Yiddish Writers' Romance with Communism (2005); Yiddish in the Cold War (2008).

Errata

В 4-й книге «Русские евреи в Америке» (2010) в разделе **«Об авторах и редакторах»** вкралась досадная ошибка. Последний параграф (***Дан Харув*** и далее) следует читать так, как он приведен выше. За биографией ***Дана Харува*** должна следовать биография ***Геннадия Эйстрайха*** (см. выше); за ней — биография ***Елены Ясногородской***:

Елена Ясногородская окончила Академию Художеств в 1972 г. После защиты диплома работала в Гос. Эрмитаже, параллельно сотрудничая с московским журналом *Детская литература*. В 1980 г. эмигрировала в Соединенные Штаты (Нью Йорк). Работала в Бруклинском музее, сотрудничала с изд-вом «Гнозис»; в течение нескольких семестров читала обзорный курс по русскому искусству в Нью-Йоркском ун-те. Ее рукопись, «Good Fortune of Russian Children or Another Chapter in the History of Russian Avant-garde», принята на хранение Ин-том современной русской культуры при ун-те Лос-Анджелеса. С 1992 г. преподает в одном из нью- йоркских колледжей. Автор детских рассказов на английском языке, неоконченной книги «Экскурсия по Эрмитажу» и более двадцати статей, опубликованных в русско- и англоязычной прессе.

Изд-во выражают глубокое сожаление по поводу допущенной ошибки.

Именной указатель

А
Абрамович Бесси 25, 36
Абрамович (Рейн) Рафаил 42, 45, 46, 50
Абрамс Джизэн 261, 271, 273, 281
Авксентьев Николай Дмитриевич 152
Авксентьева 152
Агнон Йосеф Шмуэль 57
Адамович А. 166
Адибеков Г. М. 52
Адмони Нина 156
Азадовский К. М. 230
Айзман Д. 76
Аксенов Василий 138
Алданов М. 59, 61, 69, 71, 128, 154, 156, 165
Алейхем Шолом 198
Александр II 9, 21, 81, 91
Александр III 9
Александрова Вера 130
Алон Александр 134
Аллилуева Светлана 132
Альтенберг П. 99, 100
Альтман 174
Альтман Н. 68
Амьель Леон 208
Андреев Леонид 58, 61
Андропов Юрий 29, 31,
Анненков Юрий 232, 283
Ан-ский С. 76
Апчинская Наталия 213, 281
Арабажин К. И. 85, 95
Аранович Ю. 235
Аронсон Г. 90
Арцыбашев М. П. 110
Ахматова А. 90
Аш Шолом 48, 76, 95, 103–105, 198

Б
Бааль-Тшува Яакоб 172, 178, 182
Бабин С. 229
Бакст Леон 154, 217
Баланчин Ж. 185, 205
Балаховская-Пети Софья Григорьевна 230–232
Балаховский Григорий 224
Бальтус — см. Клоссовский.
Банг Г. 99, 100, 104
Бар Г. 99, 100
Баран Х. 117
Баратт Тони 252, 257
Бараш Соломон 11
Барбер Самуэл 229
Бар-Даян Х. 71
Барр Альфред 170, 172
Бархан П. А. 101, 104, 106
Бах 227
Бегун Вл. 166
Белая Неля 244, 281
Белль Генрих 137
Белов 30
Белоусов Евсей 227
Бельская Э. 90, 92
Бенуа А. 154
Бергельсон Давид 47, 53
Бергинер-Тавгер Белла 230
Бер-Гофман Пауль 222
Бер-Гофман Рихард 222
Берия 201
Берковиц Р. 229
Бернар Сара 105
Бернард Эрик 249
Бернстайн Леонард 229
Бернштейн Лея 173
Бернштейн Роза 81, 91
Бескин Израиль Соломонович 79
Бетховен 240
Бешарова (Джапаридзе) Жустиния 125, 131
Бил Фред 51
Бинг Рудольф 207
Бингхам Гарри 170, 171
Бланк 15
Блок А. 78, 86, 90, 92
Блюм Леон 169
Блюмберг Оскар Осипович 95
Болотов Петр 155
Бон 171
Бонавентура А. ди 229
Борах Уильям Эдгар 51
Боровко Николай Африканович 82
Боскович А. У. 65, 69
Браиловский 230
Брамс Й. 222, 225, 227–229
Браудер Эрл 30–33
Браун Квест 186, 187

Брежнев 34
Бретон А. 175, 213
Бриман Вильям 210
Британ И. 164
Бродская Валентина (Вава) 178, 207, 208
Бродский Иосиф 137
Бронфман Екиел 11, 20
Бронфман Миндел 20
Бронфман Самуил 20
Бротман Эдел 11
Брукнер 239
Брунеллески Филишо 246, 256
Брусилов 41, 42
Бузони Ферруччио 234
Бунин И. А. 128, 139, 153, 154
Бургин Герц 43, 53
Бурдель 154, 162
Бурдес Б. П. 96–98, 100, 102, 104–107
Буров А. 79, 87, 91
Бухарин Николай 28, 31
Быков В. 166
Бялик Хаим Нахман 57, 64

В

Вагнер 228
Вайсконф Михаил 53
Валах Мойше 81
Варшавский С. 164
Вахель Иехудит (Юдит) 63
Вахтангов 68
Ведекинд Ф. 99, 101, 103
Ведерников 244
Вейнбаум Марк Ефимович 123, 129
Вейцман Хаим 64
Венгеров Афанасий (Хонон) Леонтьевич 221
Венгерова (Эпштейн) Полина (Песселе) Юльевна 221, 229, 230
Венгерова Зинаида Афанасьевна 222–227, 230–232
Венгерова Изабелла Афанасьевна 5, 221–233, 282
Венгерова Фаина Афанасьевна 231
Вендров Залман (Вендровский Давид) 44, 45, 50, 54
Вентури Л. 213
Вертов Дзига 81
Вильбушевич Маня (Шахат Мария Вульфовна) 81, 91
Вилькина Елизавета Афанасьевна 231
Вилькина (Виленкина) Людмила Николаевна 95, 97, 225, 231
Винокур Н. 164
Витковский В. Е. 164
Вишняк Роман 154
Вишняки 56
Владек Борух 39–41, 50, 54
Вознесенский А. 166
Войскун А. 161, 164, 165
Воллар Амбруаз 194
Волошин Максимилиан 154
Волынский А. 95
Вольф Курт и Элен 189
Ворхол Энди 137, 138, 140
Вреден Николай Романович 128
Высоцкий Вольф 152

Г

Габрилович Осип 227, 230, 232,
Гавронские 56
Газданов 128
Гайдебуров В. П. 97, 98
Галич (Габрилович) Леонид 85
Галт Александр 9, 10
Гастев 260
Гауптман Г. 99, 101, 103
Гаухман Юлия 162, 164, 165
Гельфанд Яков 5, 234, 235, 243, 281
Гендель 65
Герцль Т. 20
Гессе Г. 101
Гиндин С. И. 117
Гиппиус З. 154, 284
Гирш Морис де 11–13, 16–18, 20
Гитлер 31, 197
Глазунов А. К. 225, 227, 232, 234
Гленн А. фон 231
Глинка 65
Гнесины 67
Гоголь 206
Голд Бен 48
Голдберг Бен-Цион 179, 198
Голдвассер 176, 192
Голдстон Сим Альфред 12
Головин 217
Гольдфарб Макс 40–42
Гончарова Наталия 61, 154, 155, 162, 164
Горбаневская Наталия 139
Гордин Я. М. 76, 112, 113
Гордон И. 14
Горный С. 110
Горовец Эмиль 139

Горький 68
Гофман Иосиф 222, 227, 230–232
Гофмансталь Гуго фон 99, 100
Гоцы 56
Градус Иехуда
Грановский 67, 68
Граффманн Гари 229
Грегуар 130
Гржимали И. 232
Гринберг Ури Цви 57
Гринберг Юлия 67
Гриневицкий И. И. 81, 91
Гувер Джон Эдгар 29, 196, 200
Гуггенхайм Соломон 169, 172
Гузевич Д. 70
Гузиков Михаил 66
Гурвиц Давид 173
Гуревич Петр 232
Гуревич С. Л. 61, 93
Гуревичи 56, 61
Гуревичи-Тумаркины 58

Д
Д'Эстен Жискар 209
Даймонд Билл 252, 257, 259
Дакин 228
Дали Сальвадор 156, 215
Даллес 29
Данилова Александра 139
Дахс Иосиф 222, 230
Демут Ч. 165
Денисов С. Г. 243
Деннис Юджин 34
Джакометти 175
Джанаридзе Давид 131
Джейкоб Френсис 266
Джонс Лоуренс 125, 128, 130, 132
Дзержинский 53
Добровейн (Барабейчик) Исайя 69, 71
Добролюбов А. 97
Добролюбова М. М. 96, 97
Дорфман Абрам 280
Друкер Ирма 54
Дымов Осип (Иосиф) 5, 72–99, 101–103, 105–111, 113, 114, 247
Дэвис Ричард 61
Дюранти Вальтер 45
Дягилев С. П. 130, 132

Е
Евреинов Н. Н. 128, 284
Еврипид 101
Евтушенко Е. 166
Езерская Белла 5, 134–140
Елагин 128
Есипова Анна 223–225, 230, 231

Ж
Жаботинский Владимир 77
Жданов 32
Женор 180
Жуковский Станислав Юлианович 81, 83, 91
Жуховицкая Елена 234

З
Зайцев 104, 106
Зальцберг Э. А. 5, 6, 9, 52, 53, 70, 71, 117, 151, 211, 232, 271, 273, 281
Заменгоф Людвик (Лейзер) Маркович 81–83, 92
Заменгоф Розалия 82
Заремба Сильвия 229
Зиновьев Григорий 31, 43, 45
Зисман Питер 27

И
Иванов Вячеслав Иванович 74, 85
Иванов Георгий 86
Иванов Е. П. 92
Изаи Э. 232
Измаилова Нина 95, 97
Илиодор (Труфанов С. М.) 114
Иовлева Л. И.
Иоффе М. 247
Иохвидова Алина 274, 281
Ихарев А. 235

Й
Йейтс У. Б. 129
Йипл Джон 190, 191
Йорк Электра 230

К
Каган Абрам (Эйб) 37–49, 51–53, 54, 103, 105, 106, 262, 266
Кагане А. 103, 105, 106
Казакова Р. 166
Казальс П. 232
Калиш Г. 229
Каллир Л. 229
Кальдерон 101
Кальтдер 175
Каменев Лев 31
Каменский А. П. 112, 113
Камю 175

Каналетто 251
Кандинский 169
Канивецкий Р. 6
Каплянский Борис 244
Караваджо 246
Кара-Мурза Алексей 53
Кардовский Дмитрий 154
Карнеги 156, 163, 174, 199, 227, 239
Карузо 139
Кауфман Артур 224, 231
Кауфман Борис 81
Кауфман Михаил 81
Кауфман Розалия Львовна 64
Кац Мойше 40
Качалов 68
Керенский 152
Кертис Бок (Мэри Люиз) 227
Кертис Сайрус 116, 227–229, 231–233
Киевер А. 44
Клеменс К. 232
Кленман Абрахам 11
Клинтон Билл 167
Клоссовский (Бальтус) Бальтазар 175
Ковалевская С. 232
Корыхалова Н. П. 241, 243
Котошихин Григорий Карлович 123, 130
Коуквил-Принс Иветта 207, 209
Коул Томас 184
Коханьский П. 225
Кохно Борис 132
Красинская (Матильда Кшесинская) 131
Кратц Г. 93, 106
Кривицкий Аллен 56
Кридл Манфред 127
Крижанич 123, 130
Крижанович Юрий
Крокер Ричард 48
Кролл Леон 154
Крупская 53
Кугель 79
Куксин Илья 21, 282
Кунинг де 252
Куперен 228
Куприн А. 154
Курбе 162
Куусинен Отто 30, 31

Л

Ланг Гарри (Герц) 51
Ланг Люси Робинс 51
Ландау Герман 11
Лапидус Морис 257, 258
Ларионов Михаил 154, 162, 164
Лассэнь Жак 216
Латейнер Д. 229
Левинсон-Левин Л. О. 114
Левитан Владимир 71, 245
Левитина В. 91
Лега 203
Леже Ф. 213
Лейренс Чарльз 189, 193, 195, 206
Ленин 43, 45, 46, 53, 215
Леонов 127
Лернер М и Ю. 30
Лесин Авром 203, 204
Лешетицкий Т. 222, 223, 230–232
Лещинский Яков 44–46, 50, 53
Либерман Анатолий 5, 117, 137, 141, 151, 279, 282
Либштейн Яков 27, 28
Линч Лари 177
Липец Давид 40, 41
Липшиц Жак 169
Лисов Александр 168
Лист 227
Литвинов М. 53, 81, 199
Лифари С. М. и Л. М. 115, 131
Лифарь Сергей 115, 116, 124, 126, 128, 130–132
Лобас Владимир 135
Ловстон Джей 28, 29
Лозовский С. А. 199
Лоран (Пресс) Алиса 232
Лоран Жан 130, 131
Лот Андрэ 169, 173
Лукашевич О. 211
Лукстейн Хаскелл (Иехезкель) 70
Луначарский А. 68, 74, 90
Любимов Юрий 139
Любошиц Л. 227, 232
Лютославский 239
Лядов 227, 232
Ляпунов 227

М

Магритт 157
Мадонна 258
Мазон Андре 116, 131
Майер Франц 172, 173
Майер-Грабер Мерит 167
Майер-Симанс Белла 167
Маклин Хью 130

МакНил Джон 184, 193, 213
Макдональд Джон 9
Маковский Сергей 97, 98
Малевич 244
Малер Р. 198
Манн Томас 213
Манн Генрих 101, 213
Манцветов Владимир Федорович 128
Манцветова Юлия 128
Мао Цзэдун 34
Маревна (Мария Воробьева-Стибельская) 154
Маритен Ж. 205, 213
Марк Ш. 218
Маркиш Перец 204
Мартиросян А. Б. 202, 212
Мартов Юлий 46, 52
Масловский В. И. 90
Матисс Анри 169, 173–176
Матисс Пьер 168, 169, 173–177, 179, 180, 190, 192, 198, 204, 206, 208–211, 213, 219
Маурина-Пресс В. И. 232
Маяковский Владимир 214, 234
Медведев Сильвестр 123, 130
Меир Голда 209
Мейер Криштоф 240
Мейерхольд 68, 100, 103
Мейчик Александра Давыдовна (Анна Мейчик) 232
Менделеев Д. 99
Мендельсон 227
Менес А. 273
Менжинский 53
Мережин Абрам 44, 53
Мережковский Д. 154
Метерлинк 105
Милош Чеслав 127
Мини Джордж 28
Минский Николай 95, 97, 231, 232
Минц Анна 234
Миро 175
Михоэлс С. 68, 198–204, 206, 213
Мицкевич 115, 127
Млынарский Э. 232
Мнухин Лев Абрамович 64, 70
Модильяни А. 154, 162
Моисеевичи 230
Моисси А. 102
Молодяков Василий 56, 57
Молотов 197
Мольер 101, 272
Мораис Сабато 264
Морган 174
Морозов Н. А. 98, 99
Мосс Джон 238, 239
Моцарт 65, 207, 208, 218, 228, 238
Моцкин Леон 64
Мошковский М. 232
Мукдойни А. 77, 91
Мусоргский 239
Мясин Л. 204, 216

Н

Набелина Алиса Маврикиевна 128
Набоков Владимир 66, 79, 126, 132, 133
Набоков Николай 128
Налбандян И. 225
Нежинская Розина 152, 282
Незлобин 103
Неф Джон 208
Нигер Шмуэль 39, 41, 170
Никифорович В. 210
Николай I 244
Нильсен Владимир Владимирович 235, 241, 243
Новик Пол (Пейсах) 42, 53, 197, 211
Нувель В. 98
Нурок А. 98

О

О'Киф Джорджия 156
Обухова-Зелиньска И. 72, 232, 283
Ольгин (Новомисский) Моисей (Мойше) 41, 42, 52
Онеггер 239
Опатошу Иосиф 169, 179, 180, 182, 190, 192, 193, 200
Орлик Э. 98
Островский Иехуда-Лейб 63
Оцуп Н. 110
Ошерович Мендл 51

П

Падеревский 230
Пайн Макс 15, 40
Парсел Виктор и Дональд 191, 193, 194
Парсонс Альберт 23
Пархомовская Рена 70
Пархомовский М. 5, 6, 53, 57, 61, 63, 70, 71, 164, 165, 230, 232, 283
Пастернак Леонид 64, 70, 145
Пейсахович 197
Пеннарио Л. 229

Перельман Иосиф 80, 81, 83
Перселл 65
Пестов С. 201, 212
Петен 171
Петр Великий 123, 254
Петри Эгон 234
Петров Аввакум 130
Петров Г. С. 99, 100
Петровский Давид 41, 42
Пиетри Франсуа 173
Пикассо П. 154, 169
Пиксанов Н. К. 122, 129
Пильский П. М. 102, 103
Пиркова-Якобсон Сватава 132
Плисецкая М. 166
Подгорный 109
Подлипский Аркадий 167, 168, 177, 178
Покровский И. В. 97, 98,
Полнер 128
Полоцкий Симеон 123, 130
Померанцев К. 92
Поморска-Якобсон Кристина (Поморска Кристина) 127, 129, 132
Португейс Семен 47, 53, 171
Прегель Александра 5, 59, 127, 152, 156–165, 282
Прегель Борис Юльевич 118, 127, 155, 156
Прегель С. Ю. 61, 127, 128, 156
Пресс Иосиф 225, 231
Пресс Михаил 228, 232
Пресс-Моретти Геода 228
Прокофьев 238, 239
Проппер С. М. 106
Пуй де Джон 190, 191
Путятина Эмма 273
Пушкин А. С. 116, 119, 127, 138, 204, 216
Пшибышевский 101, 103, 104
Пынин 127
Пяст В. 292
Пятигорский Григорий 227

Р

Рабинович И. 68
Равель 65, 238
Равницкий Иехошуа 64
Раевский Г. 110
Райан 30
Райхельсон Гирш 166, 210, 211, 283
Райхельсон Игорь 168
Раковский Михаил 5, 244–260
Рапапорт (Рапапорт-Шагал) Мишель (Михаил) 169, 173, 179, 185, 200, 204, 206
Рапапорт-Шагал Ида 173, 179
Рапнопорт Л. Г. 235, 240
Рафалович Сергей 85, 97
Рахманинов 227
Резитц Д. 229
Рейдон Александр 186
Рейнеке В. 229
Рейнхардт Макс 73, 78, 79, 83, 98, 101, 102, 105, 106, 204
Рембрандт 191
Рерих Николай 58, 85
Риббентроп 197
Ривера Д. 154
Рид Джон 41
Римский-Корсаков 65
Ровина Хана 68
Рождественский Р. 166
Розанов И. В. 240
Розенберги 202
Розовский Соломон 111
Рокфеллер Д. Д. 174, 208, 219
Рокфеллер М. К. 208
Рокфеллер Н. О. 207, 208
Рокфеллеры 219
Ромм Г. М. 97, 98
Ростропович Мстислав 138, 139
Рощина-Инсарова Екатерина 86, 94–97
Роэ Мис ван дер 257, 259
Рубенфельд Морис 248
Рубинштейн А. 67, 232
Рубинштейн Н. 67, 216
Руди Уильям 120, 121, 127, 128, 130
Руди Майкл 129
Руди Стивен 117, 129
Рудович 27
Рузвельт Франклин Делано 25
Рузвельт Элеонора 171
Руманов А. В. 5, 72, 77, 83–87, 92–95, 97–99, 101, 103, 106–111, 113, 114
Рутенберг Чарльз 28
Рябушинский П. П. 106

С

Савицкий М. 166
Савшинский Самарий Ильич 235
Сазонов Д. П. 128
Сазонова Ю. 5, 115–125, 127–131, 284
Саймон А. 229

Салмонд Ф. 227
Салтен Феликс 222, 230
Сартр 175
Сафонов 230
Свет Гершон (Герман) 63–71
Свирский А. 76, 91
Сегал Мириам 65
Седых Андрей 139
Семенов-Тян-Шанский Леонид 84, 85, 95, 97
Сенгиер Эдгар 155
Сен-Санс 65
Серов Валентин 152
Симанович Давид 167
Симмонс Эрнест 115–119, 127
Сингаловский А. 64, 70
Скавронский А. 235
Скрябин 227
Сланский 197
Слонимская Фаина Афанасьевна 226
Слонимский Александр 127
Слонимский Владимир 230
Слонимский Николай 222, 223, 228, 230, 231
Слонимский Сергей 235
Сморгон Лев 244
Соколов А. М. 244
Соколов Нахум 64
Сократ 132
Сологуб Федор 74
Сорин Николай (Иенкусиель) Вениаминович 100, 101
Сорос 167
Сосинский В. 90
Спивак Чарльз 261–269, 271–273, 281
Спиваковская Девора 261
Спрети Мария-Гаэтана фон (Матисс Мария Гаэтано) 175
Сталин Иосиф 28, 31, 32, 45, 48, 49, 51, 53, 201
Станиславский 68
Стеллецкий Д. 154
Сенгауз Элиа-Лейб 17
Стоковский Леопольд 228
Стокс Эмилия 176, 189, 190
Стоффелс Хендрике 191
Стравинский Игорь 185, 205, 217
Стрижевский Д. 247
Стриндберг А. 85, 103
Строганов Григорий 132
Струмилло Ольга де 228
Стучевский Иоахим 65
Суворин 73
Судоплатов П. 201, 202, 212
Сумароков 115
Суслов Михаил 30, 31, 34
Сутугин С. 97, 98
Сытин И. Д. 85

Т

Таиров А. 100
Таирова С. Э. 241
Тан-Богораз Владимир 48
Тартак Илья Львович 123, 129, 130
Тархов Н. 154
Твен М. 232
Тёмкин Дмитрий 225, 232
Тентлер Л. 247
Тидхар Д. 70
Толстой 128, 232
Томашевский Борис 77, 109, 110
Тредиаковский Василий Кириллович 115, 118, 122, 129
Триббл Кит 115, 117, 221, 283
Троцкий Илья 66, 68, 71
Троцкий Л. 39, 43, 45, 48, 49, 52
Трумен 33
Тумаркин Александр Моисеевич 58, 61,
Тумаркин Павел 60
Тумаркин Роман 61
Тумаркина Анна Самойловна 61
Тумаркина Ида 61, 62
Тумаркина Нина 60
Тумаркины 56, 58–61
Тургенев 96, 106
Турецкий А. 247
Тухольский К. 101
Тэер Чарльз 128
Тэффи Н. 154

У

Уау Линда 127
Усыскин М. 14
Усыскины 14
Утрилло 162
Ушаков 244

Ф

Фальк Р. 68
Фахтенхал Франк Д. 129
Федин 127
Федоров Иван 116, 126, 132
Фейхтвангер Л. 198, 213
Фефер И. 199–215, 213, 216

Фигнер Вера 48
Фигнеры 224
Фидлер Федор 230, 231
Фингруд А. 247
Флакс Адольф 232
Флакс Луиза 226, 232
Фокин 217
Фосс Лукас 229
Фостер 30
Фрай Вариан 169–171
Франк Цезарь 65
Фрейман Марк 34
Френкли Александр Яковлевич 58, 61, 128
Френкли Елена 62
Френкли Наталия Александровна 57, 58, 61, 62
Фридман 230
Фридман Изя 274, 275
Фридман Элла 5, 274–280
Фрик 174
Фриш 103–105
Фулер 245

Х

Хаггард Годфри 184
Хаггард-МакНил (Хаггард) Вирджиния 168, 173, 176–178, 180–182, 184–195, 205–207, 213, 220
Хазан В. 75, 90
Хазанович Йосеф (Иосиф Аронович) 81, 92
Хакман Жак 16
Халфины 56
Хаммаршельд Д. 203, 207, 218
Ханин Нохем 49
Харитон Ю. Б. 201
Харув Дан 70, 285, 286
Харшав Бенжамин 172, 178, 179, 181–183, 195
Хеллман Бен 61
Херсштейн Лилиан 25
Хидеккель Лазарь 244
Хиллковиц Филипп 269, 271, 273
Хилман Сидней 25, 36
Хиндемит 65
Ходасевич В. 154
Ходотов Н. Н. 94, 95
Хоппер Эдвард 157
Хоршовский 230
Хрущев 34, 69

Ц

Цвейг А. 101
Цветаева М. 215, 220
Цедербаум Сергей 52
Цейтлин Евсей 134, 284
Цейтлины 56
Цемах Н. 68, 76, 78, 110
Цетлин Валентин (Вольф) 56
Цетлин Леонид 56
Цетлин Михаил Георгиевич 55
Цетлин (Амари) Михаил Осипович 55, 61, 152, 156
Цетлина Валентина Самуиловна 56
Цетлина (урожд. Тумаркина) Мария Самойловна 55, 61, 152, 162
Цетлина Минда 56
Цетлин-Доменик Ангелина 62, 153, 162, 164, 165
Цетлины 5, 55, 61, 153, 154, 163–165, 284
Цивинская Н. П. 243
Цимбалист Ефрем 227, 229

Ч

Чайковский П. И. 204, 216, 227
Чайлдс Джек 33, 35
Чайлдс Моррис 30, 33, 35
Чайлдсы 30, 33, 35
Чаловский Иосиф 29
Чаловский Мойше 29
Чанцев А. В. 90
Чарнецкая 244
Чарный Даниэль 41
Чарски Дженни 264
Чарторижский В. Б. 246
Часинс Абрам 228
Черни Карл 230
Черниховский Шауль 64
Чехов А. П. 90, 96, 99, 104, 115, 127, 222, 232
Чехов Михаил 58
Чехонин 154
Чижевская Таня 129, 130
Чижевский Дмитрий Иванович 122, 124, 125, 129, 131
Чириков Е. 95
Чуваков В. Н. 232
Чуковский К. И. 73, 88–90, 92, 102, 103

Ш

Шагал Белла 168–173, 176–182, 185,

186, 189, 191–194, 204–206, 210, 213, 215, 216, 218, 220
Шагал Марк 5, 66, 68, 71, 166–198, 200–211, 213–220
Шагал-Рапапорт Ида 178, 179, 200
Шайкевич А. 95
Шалит Ш. 55, 57, 61, 164, 165, 284
Шапиро Меер 180
Шахназарова Э. Н. 52
Шварц 97
Шварц Морис 79
Шварц Соломон 66, 70, 71
Шекалов В. А. 243
Шекспир 98, 136, 141, 149, 269, 272
Шёнберг 65
Шереметьев 225
Шилей Артур 190
Шиллер Ч.
Шильдкраут Рудольф 78, 79
Шириня К. К. 52
Шкляревская М. 211
Шлосберг Соня 33
Шмелев И. 154
Шмидт Йосеф 64
Шнабель 230
Шнеур Залман 64
Шнитман Товий 234
Шницлер А. 99–101, 103, 222, 224, 230, 231
Шолохов 127
Шопен 227, 238, 239, 241, 243
Шпис Август 23
Штейнберг М. 202, 212
Штембер Женни (Евгения) Лазаревна (Львовна) 84, 85, 94
Штембер Эмма 84
Шуб Давид 43, 44, 51, 53, 71
Шуман Роберт 227, 228
Шухаев Василий 154, 158

Щ
Щедрин В. 78, 90, 91, 105, 106

Э
Эйзенхауэр Дуайт Д. 127
Эйнштейн А. 64, 198, 201, 202
Эйстрайх Геннадий 37, 286
Эйфман Борис 136
Элиасберг Г. 93
Энгель Йоэль 65
Энглтон Джеймс 29
Эрлих Яков 84
Эрмлер М. 235
Эрнст Макс 169
Эттингер П. Д. 205, 206, 283
Эфрос Н. Е. 104, 106
Эшкол Леви 69

Ю
Юнг Борис ван 230
Юнг Клара ван 222, 225
Юнг Лев (Лео) ван 222, 223, 225, 228, 230, 231
Юниверг Л. 165
Юрок Сол 216
Юшкевич С. 76

Я
Якоби Лотта 190
Якобсон Роман 5, 115–133, 156
Якобсон Соломон 11
Яковлев Александр 154
Яковлева Е. 92–95
Янгфельдт 129
Яновский В. 155
Яхнович Лейб 43, 44

A
Abella I. 19
Abramovitch Raphael 53
Abrams Jeanne 273
Altenberg Peter 100
Armstrong A. 20, 132
Arnold A. J. 19, 20
Avxente 155

B
Baal-Teshuva Jacob 211
Bahr Hermann 100
Bang Hermann 100
Beer-Hofmann Richard 231, 232
Belkin S. 20
Bergelson David 53
Besharov Justinia 131
Blejwas Stanislaus A. 127
Bohn Franc 171
Bolotin V. V.

C
Cahan Abraham 52–54
Chagall Marc 210, 211, 220
Chanin Nohem 54
Charney Daniel 52, 54
Connolly Michael 116
Coopermann Bernard D.
Cusa Tina 211

Cutler Irwing 35

D

Dachs Josef 230
Dawidowicz Lucy S. 52
Demuth C. 165
Devarakonda Maruthi 280
Djaparidze Julia 116
Dorfman Abram 280
Duban Eugen 280
Duranty Walter 53
Dymov (Dymow) 90, 101

E

Estraikh Gennady 53, 54

F

Fedorov Ivan 125, 131, 132
Feigenbaum William M. 53
Feklisov Alexander 210
Firsov F. 35
Flachs Luisa Fokschaneanu 232
Fridman Ella 280
Fry Varian 201, 210

G

Gachette Michael 116
Gelfand Y. 243
Genauer Emily 180
Graydon Nell S. 232
Gregoire Henry 117, 131

H

Haggard Godfrey 184
Haggard Virginia 211
Harris Joseph A. 210
Harrison Jay S. 229
Harshav Benjamin 211, 212
Hauptmann Gerhardt 101
Havrankova Marie 132
Haynes J. 35
Heil Alan Jr. 128
Hirshberg J. 70, 270
Hofman Josef Kazimierz 231, 232
Hofmannsthal Hugo von 100

J

Jakobson Roman 121, 125–129, 131–133
Jones Lawrence Gaylord 116
Jung Leo van (Van-Jung Leo) 230, 231

K

Kahane Arthur 105
Kats Moyshe 52
Kaufmann Arthur 231
Kellman Ellen D. 52
Klehr H. 35
Kornblatt Judith 116
Kostin Sergei 210
Krasko R. 92
Kriddle 116
Krutikov M. 53, 54

L

Lassaigne J. 220
Laurent Jean 131
Leonoff C. 19
Lohr Eric 52
Loveston Jay 35

M

McFadden Robert D. 210
McKean 260
McLean Hugh 116
McNeil David 184, 210
Mead 260
Meites H. I. 35
Mickiewicz Adam 127
Migunov Dmitry and Irina 116
Morgan Ted 35
Murphy Kathi 129
Murphy Nora 116

N

Nabokov Vladimir 126, 133
Neginsky Rosina 164, 230, 231
Neumann Gerald 230
Novick Paul 52

O

O'Keefe G. O. 165
Orlik Emil 98

P

Parcel Victor and Donald 190
Przybyszewski Stanislaw 101
Puy John de 190

R

Rappoport-Gelfand Lidia 243
Rezits Joseph 229, 230, 233
Robinson L. 20
Romaniuk Z. 92
Rudy Michael 116
Rudy William 128

S

Sanders Ronald 19, 35
Sazonoff Dmitry 116
Sazonova Julie 121, 131
Schnitzler Arthur 100, 230
Service Robert 52
Sheeler C. 165

Sheeley Arthur 190
Shelangoski Susan 280
Sherman J. 53
Shub David 52–54
Simmons Ernest 120, 127
Sizemore Margaret D. 232
Slonimsky Nicolas 229–233
Smart Paul 211
Soltes Mordecai 52
Soyer Daniel 54
Spivak C. D. 269–271, 273, 281
Stein A. 19
Szczygiel-Rogowska I. 92
Szeftel Marc 117, 129, 131

T

Thayer Charls 128
Toman Jindrich 132
Tschizewskij Dimitrij 129, 131

U

Ulrich Jennifer 116
Usiskin M. 20

V

Valkenier Elizabeth 116
Vengerova Isabella 227, 229–233

W

Warber Sam Bass 54
Waugh Linda 116, 127
Weber Simon 54
Wengeroff Pauline 229
Wenkart Henny 230
White 260
Wicks Herbert M. 53
Wisniewski T. 92
Worth Dean S. 116, 133
Wreden Nicolas de 128

Y

Yeople John 190

Z

Zetlin Marie E. 56, 57

СОДЕРЖАНИЕ

Э. Зальцберг. Предисловие 5

ИСТОРИЯ

Э. Зальцберг. Сельскохозяйственные колонии евреев из России в Канаде 9
И. Куксин. Рабочее движение в русско-еврейском Чикаго 21
Г. Эйстрайх. От любви до ненависти: отношение нью-йоркского *Форвертса* к большевистской революции и советской власти 37
Ш. Шалит. Цетлины в США 55
М. Пархомовский. Светлое имя: Гершон Свет 63

ЛИТЕРАТУРА И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

И. Обухова-Зелиньска. Забытые классики: случай О. Дымова (переписка О. Дымова и А. Руманова, 1902–1914) 72
К. Триббл. Переписка Юлии Сазоновой (Слонимской) с Романом Якобсоном (1948–1955) 115
Евсей Цейтлин. Послесловие к интервью (Заметки о творчестве Беллы Езерской) 134
А. Либерман. Стихи 141

ИСКУССТВО

Р. Нежинская. Александра Прегель 152
Г. Райхельсон. Жизнь и творчество Марка Шагала в Америке 166
Н. Апчинская. Марк Шагал в Америке 213
К. Триббл. Изабелла Венгерова, пианист и педагог 221
Я. Гельфанд. Я — пианист, тем и интересен 234
Н. Белая. Питерский архитектор Михаил Раковский, оказавшийся в Нью-Йорке 244

НАУКА

Д. Абрамс. Чарльз Спивак, один из пионеров борьбы с туберкулезом в США 261
А. Иохвидова. Элла Фридман 274

Об авторах и редакторах 281

Именной указатель 287

Научно-исследовательский центр «Русское еврейство в Зарубежье»

Центр собирает, изучает и распространяет сведения о деятельности русских евреев-эмигранов в различных странах мира и о роли евреев-выходцев из России в создании и становлении Государства Израиль.

Труды Центра открыли новое направление в иудаике и являются одним из основных источников знаний о русском зарубежье. Центром изданы две серии книг: «Евреи в культуре русского зарубежья» (тома 1–5. Иерусалим, 1992–1996) и «Русское еврейство в зарубежье» (тома 1/6–5/10. Иерусалим, 1998–2003). Некоторые материалы 10-томника представлены в интернете (www.oranim.ac.il/echo). Рецензии на издания Центра (их более 100) см: http://litcatalog.al.ru/periodics/evkrz.html.

В 2005–2010 гг. Центром выпущены следующие книги:

«Идемте же отстроим стены Йерушалаима» (Евреи из России, СССР и СНГ в Эрец-Исраэль и Государстве Израиль). Кн. 1. Т. 11. Ред.-сост.: *Юлия Систер, Михаил Пархомовский*. Иерусалим, 2005.

«Русские евреи в Америке». Кн. 1. Т. 12. Ред.-сост.: *Эрнст Зальцберг, Михаил Пархомовский*. Иерусалим – Торонто, 2005.

«Памяти ушедших» (Катастрофа и Сопротивление). Т. 13. Сост.: *Михаил Пархомовский, Николай (Ариэль) Борщевский, Юлия Систер*. Иерусалим, 2005.

«Идемте же отстроим стены Йерушалаима» (Евреи из России в Эрец-Исраэль и Государстве Израиль). Кн. 2. Т. 14. Ред.-сост.: *Рена Пархомовская*. Иерусалим, 2006.

«Русские евреи в Америке». Кн. 2. Т. 15. Ред-сост.: *Эрнст Зальцберг*. Иерусалим - Торонто - Санкт-Петербург, 2007.

«Русские евреи в Германии и Австрии». Ред.-сост.: *Константин Кикоин, Михаил Пархомовский*. Т. 16. Иерусалим, 2008.

«Евреи России в Зарубежье. Очерки истории». Автор-сост. и гл. ред.: *Михаил Пархомовский*. Иерусалим, 2008.

«Идемте же отстроим стены Йерушалаима» (Евреи из Российской империи, СССР/СНГ в Эрец-Исраэль и Государстве Израиль). Кн. 3. Т. 17. Ред.-сост.: *Юлия Систер*. Иерусалим, 2008.

«Русские евреи в Америке». Кн. 3. Т. 18. Ред-сост.: *Эрнст Зальцберг*. Иерусалим - Торонто - Санкт-Петербург, 2009.

«Через Дальний Восток — на Ближний». Т.19. Ред.-сост.: *Рена Пархомовская, Исаак Резник*. Иерусалим, 2009.

«Русские евреи в Америке». Кн. 4, т. 20. Ред-сост.: *Эрнст Зальцберг.* Иерусалим – Торонто – Санкт-Петербург, 2010.

Научный руководитель Центра:
Dr. Mikhail Parkhomovsky. 648/4 Mishlat Str., Bet-Shemesh 99013, Israel. Tel.: 972-2-9917039; e-mail: mipar@013.net

Генеральный директор: Dr. Yulia Sister. P.O.B.6464, 9/14 Narkis Str., Kiryat Ekron 70500. Israel. Tel: 972-8-9350332; e-mail: ysister914@gmail.com

Представитель в Америке:
Dr. Ernst Zaltsberg, 131-1101 Torresdale Ave., Toronto, Ontario M2R 3T1, Canada. Tel. 416-739-7963; e-mail: ezaltsberg@rogers.com

РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ
Том 21

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ

Книга 5

Редактор-составитель
Эрнст Зальцберг

Ответственный редактор
С. В. Смоляков
Художник
П. П. Лосев
Корректор
Е. А. Яркиева
Оригинал-макет
С. В. Смоляков

Издательство «Гиперион»
191171, Санкт-Петербург
Фонтанка, 78.
E-mail: hyp55@yandex.ru
www.hyperion.spb.ru

ISBN 978-5-89332-175-3

Сдано в набор 22.12.2010. Подписано в печать 27.02.2011.
Усл. печ. л. 22,12. Формат 60×88 1/16. Печать офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ № 68.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, Обводный канал, 40.
Тел./факс: (812)766-0566.

Более 20 лет назад историк Виктор Леонидов создал первую в СССР архив-библиотеку русской эмиграции, доступ к которой был открыт любому исследователю, а его песни, посвященные эмигрантским судьбам неоднократно звучали в эфире радиостанций «Эхо Москвы», «Свобода», «Юность», «Маяк», «Радио России» и в телефильмах. Он же — автор-составитель шести книг поэтов русского зарубежья и более 500 статей и рецензий: «Встречи — наверное, главное, что дарит судьба. Я никогда не забуду общения с Мариной Грей-Деникиной в Версале, с великой певицей русского Парижа Людмилой Лопато, с Ириной Туроверовой, сохранившей наследие гениального казачьего поэта Николая Туроверова...»

ИНФОРМАЦИЯ О НОВЫХ ДИСКАХ ЛЕОНИДОВА —
НА САЙТЕ WWW.BARDLEONIDOV.SITECITY.RU